ISSN 2542-2421

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2025 № 2(36)

ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 2 (36). 2025

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2025. № 2 (36)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2025. – № 2 (36). – 400 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Редакция

Главный редактор
Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лощилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

© 2025, ИМЛИ РАН

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 2 (36). 2025. 400.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schruba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

© 2025. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2025. № 2 (36)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

И.Н. Коржова. «Так не бывает». Глава из раннего варианта повести К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.В. Кошелев. К истории Дома писателей имени В.Ф. Голубева (из писем к С.Г. Бередникову) 28

С.В. Федотова. «Зевес Благоволитель» и «прирожденный gamin»: переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским (1907–1914) 55

Э.К. Александрова. «Думая о Вас, о нашей случайной “письменной встрече”…»: Письма П.А. Радимова А.А. Измайлову (1915–1917) 92

БИОГРАФИКА

Н.Л. Виноградская. Друг Гоголя Н.Я. Прокопович и его служба актером Санкт-Петербургских Императорских театров 110

Е.Н. Строганова. «Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н.Д. Хвощинской 130

М.А. Перепёлкин, *К.С. Курдакова*. «Сытинские» книги А.Л. Толстой (Бостром): автор – издатель – читатель 172

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Е.И. Гончарова. Александр Блок: опыт историографии Февраля (по материалам архивных разысканий) 191

А.Д. Савина. Александр Блок об эмигрантской печати: А.Ф. Даманская vs А.С. Ященко 214

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

М.А. Ариас-Вихиль. Советские корреспонденты Р. Роллана: случай А.Я. Аросева (по материалам переписка и дневников) 231

А.В. Добряшкина. «Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей 253

А.С. Пахомова. Поэтический сборник «Звукоподобие» и рецепция творчества К.К. Вагинова во второй половине XX в. 274

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Л.А. Трахтенберг. Д.И. Фонвизин в журнальных полемиках 1805–1806 гг. 298

А.А. Полякова. А.Ф. Смирдин и Цензурный комитет: об одном эпизоде редакционной истории «Библиотеки для чтения» 314

А.В. Геворкян, *М.В. Строганов*. О «теоретичности» и «оригинальности»: Евгений Чириков и журнал «Русское богатство» 326

Д.С. Московская. Москва против Ленинграда: конкуренция в поле культуры эпохи нэпа (на материале архивных разысканий в фондах Госиздата) 358

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

А.И. Рейтблат. Из дополнений к словарю «Русские писатели». Два автора «малой прессы» 380

Contents

Literary Fact. 2025, no. 2 (36)

FROM CREATIVE HERITAGE

Inessa Korzhova.“There’s no Such Thing!”: A Chapter from an Early Version of K. Paustovsky’s Story *The Book of Wanderings. (On Low Heat)* 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

Anatoly Koshelev. On the History of the House of Writers Named after V.F. Golubev. (From Letters to S.G. Berednikov) 28

Svetlana Fedotova. “Zeus the Benefactor” and “the Born Gamin”: S.A. Vengerov’s Correspondence with K.I. Chukovsky (1907–1914) 55

Elmira Alexandrova. “Thinking About You, About Our Accidental ʻWritten Meeting’...”: Letters from P.A. Radimov to A.A. Izmailov (1915–1917) 92

BIOGRAPHICA

Nataliya Vinogradskaya. Gogol’s Friend N.Ya. Prokopovich and His Service as an Actor in the St. Petersburg Imperial Theaters 110

Evgeniya Stroganova. “I Need Loved Ones, the Closest”: To the Biography of N.D. Khvoshchinskaya 130

Mikhail Perepelkin, *Kseniya Kurdakova*. “Sytin’s” Books by A.L. Tolstaya (Bostrom): Author — Publisher — Reader 172

TEXTOLOGY AND COMMENT PROBLEMS

Elena Goncharova. Alexander Blok: An Essay on the Historiography of the February 1917 Revolution in Russia 191

Anfisa Savina. Alexander Blok on the Émigré Press: A.F. Damanskaya vs A.S. Yashchenko 214

LITERARY CONNECTIONS AND RECEPTION

Marina Arias-Vikhil. Soviet Correspondents of R. Rolland: The Case of A.Ya. Arosev (Based on Letters and Diaries) 231

Anna Dobryashkina. “You Are My Best Friends in the Whole World”: Anna Seghers and the Soviet Writers’ Union 253

Aleksandra Pakhomova. The Poetry Collection *Zvukopodobie* and the Reception of Konstanitn Vaginov’s Work in the Second Half of the 20th century 274

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Lev Trakhtenberg. D.I. Fonvizin in the Journal Polemics of 1805–1806 298

Anna Poliakova. A.F. Smirdin, and The Censorship Committee: About Some Episode in the Editorial History of *The Library for Reading* 314

Armen Gevorkyan, *Mikhail Stroganov*. On “Theoreticality” and “Originality”. Evgeny Chirikov and the Journal *Russian Wealth* *326*

Daria Moskovskaya. Moscow Versus Leningrad: The Rivalry in the Cultural Field of the NEP Era (Based on the Archival Research in the State Publishing House Collections) 358

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Abram Reitblat. From Additions to the Dictionary *Russian Writers*. Two Authors of “Minor Press” 380

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27
https://elibrary.ru/IVLPUS

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Так не бывает». Глава из раннего варианта повести К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)»

© 2025, И.Н. Коржова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: “Повесть о жизни”» (https://rscf.ru/project/24-28-01479/)

Аннотация: В научный оборот вводится глава «Так не бывает» из раннего варианта повести К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)». Текст публикуется по единственному машинописному источнику, который хранится в фонде писателя в РГАЛИ (Ф. 2119), там же находится и рукопись главы, данная под другим названием — «Северное свидание». Глава сюжетно связана с другой, вошедшей в основной текст, — «Проводы учебного корабля». Публикуемая глава посвящена новой любви героя, которая настигает его в Петрограде. Внезапность и исключительность чувства подчеркнуты в названии главы. Во вступительной статье рассматривается более широкий вопрос — раскрытие в шестой части автобиографического цикла Паустовского любовной темы. Установлено, что помимо нового сюжета, исключенного на раннем этапе работы, до момента подготовки к публикации в журнале «Новый мир» сохранялись фрагменты, связанные с прошлыми увлечениями героя. Исключение этих эпизодов является волей К.Г. Паустовского. В статье рассматривается вопрос о прототипах героинь цикла, выдвигается предположение о собирательном характере образа героини, появившейся в публикуемой главе, подчеркивается литературный генезис образа.

Ключевые слова: К. Паустовский, «Повесть о жизни», текстология, творческая история, вариант произведения, художественная автобиография.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — доктор филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6368-6888
E-mail: clean24@yandex.ru
Для цитирования: *Коржова И.Н.* «Так не бывает». Глава из раннего варианта повести К.Г. Паустовского. «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 8–27. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27

Исследователи не раз пытались определить специфику автобиографизма в цикле К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». Л.П. Кременцов высказывал мнение, что отдельные части книги обладают разной степенью обобщения: «Право первых трех частей <…> называться “Повестью о жизни” не вызывает сомнений. За фигурой мальчика, а затем юноши Паустовского встает вся та сфера русской жизни, в которой он вырос. Обобщающее, типизирующее начало в этих произведениях очевидно. Иное впечатление производят три следующие книги <…>. Им больше подошло бы название не “Повесть о жизни”, а “Повесть о жизни Паустовского”» [3, с. 171]. Подобный взгляд оспаривает И.В. Кондаков: «Речь в романе идет не только и не столько о жизни “писателя Паустовского”, но, скорее, о жизни его “лирического героя”, в образе которого обобщены черты русского интеллигента, прошедшего через революцию и Гражданскую войну (нечто вроде Юрия Андреевича Живаго из романа Б.Л. Пастернака)» [2, с. 283]. В то же время исследователи отмечают мемуарно-автобиографическую природу книги, где в шестой части усиливается «мемуарный» компонент: «мысль, спеша, но зорко и памятливо, обращается к разновременным событиям, к людям, о которых надо непременно успеть рассказать, к тем мыслям о творчестве, о литературе, которые представляются ему главными и поэтому требуют многократного повторения и развития» [1, с. 6]. Паустовский рисует портреты писателей-современников, воссоздает атмосферу 1920-х – начала 1930-х гг.

Однако есть в этом все усиливающемся стремлении запечатлеть время, рассказать о реальных судьбах существенное и очевидное исключение — отказ от изображения собственной частной судьбы. Герой Паустовского остается безбытным скитальцем, лишенным взаимной любви и прочной семьи. По мнению В.К. Паустовского, сына писателя, со страниц романа не может исчезнуть только один герой: «сменяются и исчезают все, кроме главного действующего лица. Писатель не делает исключения даже для своих жен, на протяжении многих лет игравших немалую роль в его жизни» [7, с. 10].

В опубликованном варианте «Книги скитаний» любовная проблематика по существу отсутствует. Лишь в главе «Стужа» возникает тема

одиночества и звучит характерное для цикла в целом самообвинение героя в неумении жить, неумении воплотить свою восторженность перед жизнью в действенную любовь к людям: «Человек не может быть один. Если он один, то только по собственной вине. Только поэтому» [9, с. 434].

Работа с серией машинописей, хранящихся в личном фонде К.Г. Паустовского в РГАЛИ (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130–132), и с машинописью, переданной писателем в редакцию журнала «Новый мир» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860, 870), показывает, что Паустовский отказывался от любовного сюжета в последней части цикла постепенно. Первоначально в шестой части не только не обрывались воспоминания о пережитых личных драмах, но и вводился новый сюжет, представленный в рукописи и самой ранней из хранящихся в РГАЛИ машинописей.

Напомним, что в предшествующих книгах «Повести о жизни» шла речь о двух женщинах, оставивших след в жизни героя. В книге «Беспокойная юность» это Леля, с которой герой знакомится в военном поезде; она покончила с собой, заболев оспой. В книге «Бросок на юг» герой испытывает новое чувство — к художнице-авангардистке, сестре крупного польского художника Марии Валишевской (с ней герой знакомится у Зданевичей). Но и эту женщину герой теряет из-за робости и неуверенности. В этих отношениях все яснее проступает мотив романтической недосягаемости счастья.

Первоначально в шестой части тема утраченной любви не обрывалась. Глава «Последнее прощание», которой сейчас открывается эта книга[1], сюжетно была прямо связана с завершением пятой части. Глава начиналась с рассказа о внезапной для самого героя попытке самоубийства: добираясь к матери и сестре в Киев, герой в пути все острее тоскует по Марии и на одной из станций внезапно медлит, не сходя с рельсов перед идущим поездом. Этот фрагмент полностью сохранился в одном из ранних машинописных вариантов (ед. хр. 132), завершающие его абзацы — в самой поздней машинописи (ед. хр. 131)[2].

> То она, эта же любовь, грубо отбирает у тебя все до последней шерстинки, снятой с платья любимой. Эта потеря такая мучительная,

[1] В машинописи ей предшествует глава «Приближение зари», имеющая характер предисловия и исключенная, вероятно, по цензурным соображениям.

[2] Указанный документ характеризуется неполнотой: из него изъяты те фрагменты и главы, которые отсутствуют в «новомирской» машинописи. Авторская пагинация и наличие последних строк изъятых глав или, наоборот, отсутствие начала следующих подтверждают, что текст готовился к журнальной публикации полностью и купирование производились уже по беловой машинописи.

что лишает смысла дальнейшее существование и ты начинаешь думать о смерти, как о единственном конце этой неразберихи.

Я поднял голову. Навстречу мне по тому же пути мчался, гневно расшвыривая клубы пара, высокий зеленый паровоз.

Я остановился. Он уже свистел мне пронзительно, как бы ужасаясь того, что сейчас случится. У него, должно быть, уже скрежетали, дымясь, тормоза.

В последнюю секунду я бросился в сторону и упал от крепкого воздушного удара. На мгновение я увидел перекошенное лицо машиниста и его черный маслянистый кулак. Он мне грозил им[3].

В машинописях из фонда Паустовского (ед. хр. 131, 132) и фонда «Нового мира» (ед. хр. 860) в той же главе сохранялось еще одно упоминание о Марии: «Я прожил в Киеве всего четыре дня. Я хотел рассказать маме о Марии, но понял, что это вызовет только лишние тревоги и огорчения, и ничего не рассказал»[4]. В «новомирской» машинописи фраза вычеркнута синим — этим цветом вносил правку сам автор.

Воспоминания о Марии настигали героя в трагический момент, описанный в главе «Стужа» (раннее название «Январская стужа»). Фрагмент присутствует во всех трех машинописях из фонда Паустовского. Рассказ о похоронах В.И. Ленина соединяется с описанием невиданной стужи, из-за которой создается ощущение застывания жизни. Болезнь героя, у которого начинается, очевидно, воспаление легких, делает эти дни еще более тяжелыми. Вступающие в резонанс друг с другом переживания создают ощущение неправильного хода времени. Поэтическая цитата из Е.А. Боратынского «Век шествует путем своим железным…», воспоминание о беспризорнике Шурке Балашове, умершем под той же медвежьей шкурой, под которой мечется в жару герой, ощущение упущенной любви, растраченного тепла соединяются в одном фрагменте. После процитированной ранее фразы, единственной сохраненной при публикации: «Человек не может быть один...» — следовал большой фрагмент:

Как же так случилось? Леля умерла, — тут ничего не поделаешь. А потом я как-то вскользь проходил мимо хороших людей и любящих женщин, потерял Марию.

В глазах у любящих я часто замечал тревогу. Как будто они незаметно следили за мной, боясь довериться мне до конца.

[3] РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1.

[4] Там же. Л. 7.

Я любил людей бурно и непрочно. Мне страстно хотелось совсем другого, — ясности, силы, глубины любви, берущей все мое существо, — любви преданной, жертвенной, нежной до боли.

Но незаметно от каких-то мелочей (теперь я знаю, что они только казались мне мелочами), от каких-то перемен голоса, слов, сказанных мимоходом, от моей застенчивости, похожей на бесчувствие, от углубленности в свои мысли совсем не вовремя, когда чьи-то руки тянулись ко мне, а я их не замечал — от всего этого иссякала любовь. И вскоре она умирала и уходила от меня надломленная и оскорбленная[5].

В машинописи, переданной в «Новый мир», после абзаца «Человек не может быть один…» заклеена половина страницы текста, на чистом листе стоит знак элиминации («z»), поставленный синими чернилами, которыми осуществлял правку сам Паустовский, под вклейкой помещен процитированный выше текст, также перечеркнутый синим.

Следующее упоминания возлюбленной — в той же главе, в сцене пробуждения. Герой просыпается в пустом доме: «Мария! — неожиданно позвал я и прислушался»[6]. Текст есть во всех редакциях, в «новомирской» машинописи фраза вычеркнута синим.

В последний раз фрагмент, посвященный Марии, встречается в главе «Проводы учебного корабля». Герою, впервые увидевшему Ленинград, не с кем разделить свою очарованность. Он сетует: «Почему здесь со мною нет Марии? Когда она радовалась или волновалась, голос у нее становился гортанным и певучим. Таким он был бы здесь»[7]. В машинописи «Нового мира» фраза вычеркнута красным после подчеркивания карандашом[8]. На полях также карандашом написано: «Во всех других случаях Мария вычеркнута»[9]. Простым карандашом с машинописью работал редактор, чаще всего ограничиваясь простыми отчеркиваниями на полях, но здесь редактор отметил непоследовательность автора, изъявшего другие упоминания Марии.

Таким образом, линия Марии прослеживается во всех машинописях, первоначально сохранялась она и в варианте, предложенном «Новому миру», но была изъята по воле автора.

Причины, побудившие писателя отказаться от любовной линии в последней книге автобиографического цикла, неизвестны. Возможно, Паустовский счел эстетически неоправданным соединение

[5] Там же. Л. 40.

[6] РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 41.

[7] Там же. Л. 56.

[8] Красным внесена правка редактора.

[9] РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10ф. Ед. хр. 860. Л. 72.

политической и любовной тем, особенно в главе «Стужа». Тема личных невзгод могла казаться несоразмерной с трагической судьбой страны. Отметим также, что исключенные фрагменты не развивали любовную линию, напротив, они породили бы впечатление самоповтора, поскольку в той же тональности ранее (до знакомства героя с Марией) были даны воспоминания о Леле.

Важным представляется факт, что с темой утраты любви соединялись покаянные мотивы — мучительное осознание, что жизнь прожита неправильно. Эти мысли — одни из самых сокровенных у Паустовского. Горькая исповедь героя, сходная с размышлениями, исключенными из главы «Стужа», звучала во фрагменте «Последняя глава», который должен был завершить собой книгу «Далекие годы», но тоже был изъят, вероятно, самим писателем, и опубликован только после его смерти.

> Я не умел жить, любить, даже работать. Я растратил свой талант на бесплодных выдумках, пытался втиснуть их в жизнь, но из этого ничего не получилось, кроме мучений и обмана. Этим я оттолкнул от себя прекрасных людей, которые могли бы дать мне много счастья.
>
> Сознание вины перед другими легло на меня всей своей страшной тяжестью[10].

В изъятии сходных фрагментов при одновременном возвращении к мысли об отсутствии контакта с жизнью, легкости ухода в свой мир видится нечто глубоко симптоматичное и важное для эстетики и этики писателя.

В первоначальный замысел шестой книги входило и развитие личной линии героя — появление в его жизни нового чувства, еще более сложного, чем предыдущие, изначально не предполагавшего счастливого исхода. Сюжет этот сохранился в рукописи (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 127) и самой ранней из хранящихся в РГАЛИ машинописей (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130)[11].

Перед нами рассказ о первой поездке героя в Петроград в 1923 г., связанной с посещением корабля «Товарищ», чему в опубликованном варианте повести посвящена глава «Проводы учебного корабля» (действие отнесено к 1924 г.). Но эта глава отсутствует в машинописи.

В рукописи приведен частичный план книги (9 глав), в котором значатся обе главы: сначала «Проводы учебного корабля», потом

[10] Незавершенные рукописи К.Г. Паустовского // Литературная Россия. 1968. 20 сентября. С. 15.

[11] Машинопись представляет собой несколько разрозненных глав повести, набранных, судя по особенностям печати и характеру авторской пагинации, «блоками», по несколько глав. Поэтому машинопись не позволяет судить о композиции книги на этом этапе работы.

«Так не бывает»[12], однако в этой же тетради сама часть о поездке в Петроград объединяет материал к обеим будущим главам и носит название «Северное свидание»[13].

В машинописи главы «“Так не бывает”» отсутствует начало, а название вписано сверху от руки. В центре фрагмента третья любовь героя, внезапное чувство к женщине, носящей знаковое для него имя Мария. Хотя повествователь в этой главе не осмысляет совпадения имени своей второй и третьей возлюбленной, но говорит об имени Мария как о символе женственности в веках. Среди исключенных фраз — характерное прославление, напоминающее обращение к Богородице: «Да будет благословенно имя твое, Мария, и улыбка твоя, рождающая светлую печаль и слезы смущенья и любви!»[14]. В ранней машинописи есть еще один след изъятого любовного сюжета. В главе «История с географией» в перечисление событий последнего года включены «океанский барк “Товарищ”, полевые цветы и флаги на его палубе, белая ночь, призрачная и мучительная встреча со Второй Марией»[15].

Существующий в машинописи текст содержит следы значительной правки, многие напечатанные фрагменты зачеркнуты. Очевидно «отодвигание» финального объяснения в конец главы. В зачеркнутых машинописных фрагментах Мария уже признается, что связана с Левой, другом Костика, но текст исключается, и «прозрение» героя происходит чуть позже. Очевидно, что перед нами не просто стилистическая правка, а работа над композицией, выдвижение и сокрытие литературных кодов, доработка психологии персонажей. В частности, в убранных строках Паустовский вкладывал в уста своей героини сравнение с пушкинской Татьяной: «Да, я не одна. Вы любите, конечно, пушкинскую Татьяну. Так я и есть та самая Татьяна, которая другому отдана». Фраза порождает вопрос о влиянии на этот эпизод петербургского текста. Тем более что в главе «Проводы учебного корабля» литературоцентричность восприятия города артикулирована прямо (фраза появилась уже в рукописи):

> В глубине души я верил, что Евгений Онегин, Настасья Филипповна, Незнакомка и Анна Каренина жили здесь на самом деле и этим обогатили мое познание Петербурга. Нельзя себе представить Петербург без этого сонма сложных и привлекательных лиц.

[12] РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 2.
[13] Там же. Л. 10.
[14] РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 33.
[15] Там же. Л. 44.

> Я был уверен, что в Петербурге жизнь реальная и жизнь, рожденная воображением, сливаются неразрывно [9, с. 444].

Наибольшую сложность представляет вопрос о возможных прототипах. О прототипах двух героинь «Повести о жизни», Лели и Марии, писал В.К. Паустовский. Рассказав о знакомстве отца с Екатериной Загорской[16], сестрой милосердия, и ее сестрой Еленой, Лелей, В.К. Паустовский тем не менее заключает: «Однако героиня “Повести о жизни” — неожиданно умирающая на фронте от оспы сестра милосердия Леля, — несмотря на некоторые черты Екатерины Загорской, имеет другой прототип. Точнее, это образ собирательный» [6, с. 13]. В другой работе, комментируя ранний роман отца «Романтики», также построенный на автобиографическом материале, В.К. Паустовский указал на еще одно лицо: «Среди сестер — Екатерина Загорская (Хатидже). Но в данном случае нас уже интересует и прототип Наташи. Это Елена Крашенинникова, или попросту Леля. Ее имя затем использовано в “Повести о жизни”, где героиня, заболев, умирает на фронте, как и Наташа в “Романтиках”» [7, с. 238].

Героиня «Повести о жизни» Мария Валишевская ассоциируется с Валерией Владимировной Валишевской-Навашиной[17].

Информация о Марии в главе «Так не бывает» довольно скудна и недостаточна для того, чтобы можно было обосновано говорить о прототипах героини. Так, мы узнаем, что мужем Марии является Лева — одноклассник героя, бывший его неизменным соседом по парте. В зрелые годы Лева пробует себя в качестве художника и обучается живописи. Эти факты указывают на Эммануила Исааковича Шмуклера (1892–1957), который действительно жил в Ленинграде, занимался живописью и умер за несколько лет до написания «Книги скитаний» (1963). Необходимо отметить, что в первой части цикла, «Далекие годы», действует персонаж, сохраняющий имя прототипа — Эмма Шмуклер. Он является товарищем героя по гимназии. И если допустить, что у Левы был прототип, необходимо признать: реальный Э.И. Шмуклер «раздваивается» в повести, порождая двух персонажей и вместе с тем вызывая вопрос, с кем же сидел за одной партой главный герой.

---

[16] Екатерина Степановна Загорская (1889–1968) — первая жена К.Г Паустовского. Мать В.К. Паустовского.

[17] В.В. Валишевская-Навашина (1896–1975) — вторая жена К.Г. Паустовского. Художница, сестра живописца Сигизмунда Валишевского. В первом браке замужем за Кириллом Зданевичем.

Возможно, вторая Мария, как и Леля, является образом собирательным. Психологическую основу создания подобного образа помогают понять размышления В.К. Паустовского: «Уже после смерти отца мне довелось познакомиться с письмами к женщине, относящимися к периоду работы над новой книгой. Местами я узнавал тот же стиль, те же выражения, что и в письмах к невесте. Именно тогда мне и пришло в голову, что, по существу, он был однолюбом, что все браки и увлечения только дополняли и развивали друг друга, что состояние влюбленности было необходимым условием успешной творческой работы. Он им очень дорожил и, может быть, даже провоцировал его» [5, с. 461]. Эти слова, как и мысль В.К. Паустовского о том, что переживаемое в личной сфере годами, концентрировалось в произведениях его отца в одном художественном эпизоде, позволяют говорить о возможности соединения в комментируемой главе разновременных событий. Как было отмечено, именно в отношении приватной жизни героя Паустовский допускал наиболее значительные отступления от собственной биографии.

В публикуемом тексте исправлены опечатки и внесена пунктуационная правка. Приведен окончательный вариант текста.

«Так не бывает»

<…> Заключается оно в том, что существует довольно много неясных человеческих состояний. Развиваются они последовательно и закономерно, но все же мы не можем назвать их законами.

К таким состояниям относится, между прочим, предчувствие чего-то необычайного. Предчувствие того, что мы в просторечии называем чудом. Оно знакомо всем. Оно возникает независимо от полноты или скудости нашей жизни. Оно овладевает одинаково шофером и великим ученым, девочкой, скачущей через веревочку, и нищим, умирающим на больничной койке.

Уверенность, что произойдет необычайное, возникает сразу. Проследить, как она родилась, трудно. Но все же, по-моему, можно. Уверенность в необычайном <?> рождается как внутренний душевный резонанс. Вот и сейчас, когда я пишу эти слова, у меня в комнате тихонько запела вода в стакане, где стоят ветки крымского остролистника с колючими листьями и ягодами цвета крови.

Откуда появился этот неслышимый звон?

За окном, как разглаженная свинцовая бумага, лежит утреннее море. Может быть, о дальний мыс (он тоже виден из окна) ударила

первая после ночного штиля волна, и звук ее, недоступный моему слуху, услышала и по-своему повторила, резонируя, вода в стакане.

Так бывает и с нами. Так неведомо откуда, из каких глубин сознания приходит предчувствие <?> необычайного <?>, предчувствие <?> чуда <?>.

Есть еще тайны на земле, и эта тайна — одна из самых волнующих наше наивное сердце.

Такое предчувствие появилось у меня в Петрограде в первый же вечер, когда я сошел с «Товарища»[1] на пустынную набережную Васильевского острова.

Я попробую сейчас разобраться в своем сознании, чтобы узнать, почему это предчувствие овладело именно мной и именно в этот вечер.

Прежде всего, вся обстановка была для меня в тот день совершенно новой и необычной.

Сознание необычайности, как это ни покажется странным, носило некий географический характер. Я впервые попал в бледные широты. Существование на севере величавого и <*нрзб*.> вместе с тем живописного города, как бы наполовину растворенного в испарениях унылых болот и озер, больше всего удивило меня.

Это мое удивление и подготовило приход того ожидания чуда (может быть, короткого и горького, но все-таки чуда), которое я тогда испытал.

Так вот, — в киевской гимназии я все восемь лет просидел на одной парте с тоненьким и насмешливым гимназистом. Имени его я не называю. Он умер несколько лет назад, не добившись ничего, к чему стремился. С большим опозданием <?> я узнал, что <*нрзб*.>

В 1923 году[2], когда я впервые приехал в Петроград, этот мой товарищ — буду называть его Левой — давно уже обосновался здесь и не совсем еще потерял надежду стать художником. Он продолжал учиться у старого профессора Академии Художеств.

У этого профессора <?> я и разыскал Леву.

В Москве любые дела меня тяготили, даже поиски гимназического товарища, особенно по самым недостоверным сведениям и слухам. Здесь же в Петрограде эти поиски показались мне легкими и даже увлекательными. Должно быть потому, что они усиливали мое общение с этим городом. Каждый выход на улицу обещал большие и маленькие неожиданности, — будь то старинная калитка или плеск волн о ступени каменных лестниц, спускавшихся прямо с набережной в глубокую невскую воду.

Поэтому я долго и охотно искал старого профессора (я узнал еще в Москве, что Лева у него учился). На второй день к вечеру я нашел

его. Он жил в здании Академии Художеств. Надо было пройти лабиринт пыльных и высоких коридоров, чтобы попасть к нему в комнату.

На стене около двери виднелись стертые имена художников, написанные углем: Коро, Делакруа, Рокотов, Венецианов и Пикассо. Почему Пикассо попал в эту компанию, было неясно.

Меня встретил, как принято писать, плотный старик с орлиным профилем, в большом испанском берете.

Конечно, он меня не встретил. Он даже не оглянулся, когда я вошел. Старик стоял у окна за мольбертом и писал вид Невы.

Я спросил его о Леве.

— Скоро придет, — ответил он неохотно. — Садитесь! Если хотите поговорить, то обратитесь к моей ученице. Она лежит на тахте за ширмой и читает Ремарка «На Западном фронте без перемен»[3]. Я, как видите <?>, занят.

За ширмой никто не шелохнулся.

— Маша! — позвал старик. — Тут к Леве пришел неизвестный молодой человек. Со скульптурным лицом.

Я удивился, — старик ни разу не взглянул на меня, и потому слова о скульптурном моем лице показались мне шуткой.

— Идите сюда! — сказал из-за ширмы молодой женский голос. — Не мешайте Борису Петровичу.

Я встал. Мне показалось, что такого голоса я еще не слышал в жизни. Он был одновременно низкий и певучий, немного утомленный и насмешливый.

Услышав этот голос, я тут же понял, что сразу сорвался в житейский водоворот, сулящий рой неожиданностей. Понял, что из этого водоворота мне, пожалуй, не вырваться и что лучше всего отдаться течению событий и ждать их конца. Какой будет конец — счастливый или трагический — это не имело тогда для меня большого значения.

— Или сидите там, но молчите, — сказала из-за ширмы женщина. — Я сейчас дочитаю и выйду <?>.

— Хорошо, — покорно ответил я и осторожно закурил. Я смотрел, как старик счищал с холста тонким ножом тусклый мазок. Вместо него он наложил лимонный и отливающий серебром.

Он как бы играл красками. Эта игра мне нравилась. Во всяком случае, она делала пейзаж более прозрачным и легким. «Легковейным»[4], — подумал я, сам еще не понимая, почему пришло мне в голову это слово.

— Вот послушайте, Борис Петрович, — сказала из-за ширмы Маша и прочла:

«Любовь — это вдохновение неизменно божественного свойства <?>, независимо от того <?>, влечет ли она за собой безумие или мудрые поступки»[5].

— Угу! — <*нрзб*.> хмыкнул старик, — Слишком <*нрзб*.>.

Я помолчал <?> и сказал:

— Что-то не помню у Ремарка этих слов.

— Это не Ремарк, — ответила женщина. — Это Гейне.

Он постоянно <*нрзб*.> своим мыслям.

Она о чем-то подумала и спросила:

— Вы друг Левы?

— Да.

— Как вас зовут?

Я назвал себя.

— Борис Петрович, — воскликнула женщина радостным голосом, — так это же Костик. Лева нам столько рассказывал о вас, что мы уже и не верили, что Костик действительно живет на свете.

Она назвала меня так, как звали давным-давно в детстве. От него меня теперь отделяли, казалось, сотни лет. Никто с тех пор не называл меня этим именем. И я давно уже потерял веру в то, что могу быть кому-нибудь дорог.

На протяжении жизни я не мог отделаться от уверенности, что человека всегда любят за что-нибудь, а не так, — просто, без всяких причин. Вот этого «что-нибудь», за что любят, я в себе не находил.

Мое поведение часто шло вразрез с тем, что я чувствовал в глубине души.

Я бывал полон нежности к людям, к женщинам, к детям, особенно почему-то к плачущим мальчикам, но никогда не решался показать эту нежность. Этим я только усугублял свое одиночество.

После смерти Лели я думал, что любви уже никогда не будет. Просто ее не может быть. Но она снова пришла ко мне в Тифлисе, но все же <*нрзб*.> была как бы отражением настоящей любви. Пришла, мелькнула на миг, как блеск солнца во внезапно распахнутом окне, и исчезла. От нее остался только горьковатый привкус на губах и ощущение нежной и сильной шеи с тяжелым ожерельем из старых аметистов[6]. Вот и все.

«Неужели опять?» — подумал я и поднял голову.

Художник, отложив кисти, недовольно смотрел на меня. Передо мной стояла высокая молодая женщина. Ее полуобнаженные бледные руки были опущены вдоль тела. Она смотрела на меня, недоуменно улыбаясь и как бы стараясь что-то разгадать.

Внезапный ужас, страх перед тем, что сейчас может войти Лева — насмешливый и проницательный, всегда гордившийся мной

и любивший меня самоотверженно и молчаливо — смятение и ужас перед этой неизбежной встречей охватили меня, и я встал. Я <*нрзб*.> знал теперь, что эта женщина близка ему. Может быть, это его жена, может быть, любимая.

Мне казалось, что на моем лице отражается мое смятение и страшный мой порыв к этой женщине. Поэтому лучше уйти, пока не поздно и пока, как любил говорить Женя Иванов[7], меня «не сорвало с якорей».

Я пробормотал, что еще зайду, и быстро вышел. Я сбежал по стертым ступеням каменной лестницы, боясь столкнуться с Левой. Через огромный, заваленный дровами двор я торопливо прошел к Неве, не соображая, что именно здесь я больше всего рискую столкнуться с Левой.

— Я не буду предателем! — говорил я себе.

— Лучше смерть <?>.

Но в чем же предательство? Ничего еще не случилось. Почему я уверен, что сейчас родилась у нас обоих настоящая любовь. Сумасшедший и самоуверенный фантазер!

Я понимал, что мне надо бежать, бежать от себя, от того, что вот сейчас, пять минут назад, свалилось, как обвал. Но вместе с тем я замедлял шаги, я хотел, я ждал, что она бросится вслед за мной и остановит меня.

«Это подло!» — говорил я себе, но все же замедлял шаги.

Я остановился у сфинкса против Академии Художеств, спустился по широкой каменной лестнице к Неве, сел на ступеньку <?> и сидел, боясь оглянуться. Я уверял себя, что меня с набережной не видно, но ни разу не оглянулся, боясь убедиться в том, что это действительно так.

Солнце опускалось. Лиловатая мгла покрыла берега, дворцы, плавные мосты над Невой.

Мне показалось, что прошло много времени, прежде чем я услышал шаги за спиной и почувствовал, как, обдав меня теплым воздухом своего тела, своего легкого платья, своих тяжелых волос, она села рядом со мной и взяла мою руку.

— Костик, — сказала она, чуть задыхаясь. — Я вас не отпущу одного. Иначе вы наделаете глупостей.

Я молчал уничтоженный, не зная, что говорить, что ответить.

Она взяла меня за подбородок узкими сильными пальцами, повернула мое лицо к себе, и я зажмурился, — я не мог выдержать свет ее широко открытых лаз.

— Так не бывает! — сказала она. — Говорят, что так не бывает. Пойдемте!

Мы встали, взялись за руки и молча пошли по набережной вдоль Невы, как одинокие дети. Ее рука чуть вздрагивала в моей,

и я чувствовал теплый и слабый ток крови под упругой кожей ее ладоней.

Мы спустились на маленькую пристань, сели на катер. Обдувая нас холодноватым ветром, он помчался, разрезая воду, неизвестно куда.

Я ни о чем не спрашивал Марию, — она запретила мне говорить.

— Вы милый, — сказала она и больше не прибавила ни слова.

Я не помню, когда мы сошли с катера, и внезапно почувствовали гнилостную прохладу старых замшелых садов. Судя по этой прохладе, было уже за полночь.

Мы очутились где-то на речной окраине города. Ночь стояла над землей, как догорающая заря. Она находила <?> от самого зенита, и при ее свете я впервые посмотрел, не отрываясь, в глаза Маше. Дрожание ее ресниц, срывающийся шепот, боль приоткрытых губ — все это наполнило меня такой безумной нежностью, какую я еще не испытывал ни к одному человеку.

Как это случилось? Почему эти брови — я осторожно провел по ним пальцем — эти щекочущие ресницы, эти покатые плечи стали такими любимыми, когда еще несколько часов назад я не подозревал о ее существовании.

Мария! В ее имени было заключено тысячелетнее преклонение перед благоухающей женственностью, перед светлым девичеством. Оно было окружено неувядаемыми легендами.

Предчувствие не обмануло. Все выглядело сном, и вместе с тем я видел ее, Марию, слышал ее, я прикасался к ее тяжелым волосам, оттягивавшим голову.

— Пойдемте! — сказала она, и мы вошли в глухие переходы, а может быть, это были <*нрзб*.> среди спящих садов. Тускло светилась вода залива.

— Где мы?

— Это остров, — ответила Мария. — Я здесь живу.

Она остановилась и замолчала, глядя куда-то в глубину садов. Я проследил за ее взглядом, но ничего не увидел, кроме неясного сумрака листвы.

— Дальше идти не надо, — с трудом сказала она, взяла меня за локоть, но тотчас отняла свою руку. — Не стоит… Боже мой, какая это мука! Зачем?

Она положила мне руки на плечи и медленно поцеловала меня в глаза.

— Зачем? — повторила она.

Я не понял ее. Мне показалось, что она бредит.

— Лучше уж сразу… Уходите! Сейчас же! И навсегда!

— Маша!

— Так нужно. Для вас. И для него.

— Мне нет дела.

— А если он ваш старый и преданный друг, — спросила она, отвернувшись, глухим голосом. В нем слышались слезы.

— Лева? — громко <?> спросил я. Сердце, рванувшись, ударило меня в горло.

Значит, я был прав тогда, в комнате у художника. Значит, — вот оно, несчастье — внезапное и нелепое. Минуту назад я был глупо счастлив, будто мне подарили всю эту ночь с ее магическим ровным мерцанием, сонным плеском волн где-то рядом на взморье, с ее сумраком, рождавшим безмолвный восторг, с теплотой женских пальцев, сжатых в моей руке.

— Все? — спросил я.

— Да, все! — жестко сказала она. — Идите!

Удар был слишком внезапным. Как будто кто-то рассек меня надвое. Я не мог поверить в то, что минуту назад я бережно прикасался к ее лицу и чуть пригладил ее брови. И вместе с тем я никак не мог поверить ее последним словам, — слишком короткой была наш встреча, чтобы принести так много радости и потрясения.

Я знал только одно, — сейчас я ничего не пойму в том, что случилось. И чем больше буду пытаться понять, тем больше буду запутываться.

Непонятная, почти физическая тяжесть, то невыносимое состояние, которое врачи называют «загрудной болью», подымалось во мне. И сжимало сердце.

В этой тяжести был гнев на себя (на мою мальчишескую влюбчивость), и обида на нее (за холод ее решения и ее слов), и жалость к самому себе, отброшенному так резко уже любимой рукой, и сознание ее правоты перед разумом и неправоты — перед сердцем.

Я ушел. Тогда и случилось самое трудное. — Маша положила руки на низкую деревянную ограду, опустила на руки голову, и ее тяжелые светлые волосы упали и закрыли душной волной все лицо. Она плакала.

Я шел, не останавливаясь, попал на какую-то совершенно пустую окраинную набережную. Белесая ночь освещала заборы и берега канала, заросшие одуванчиками, освещала черные баржи с дровами, причаленные к гнилым сваям.

Мне показалось, что она позвала меня. Я взбежал по шаткой доске на первую же баржу, <*нрзб*.> на палубу за штабелями березовых дров, стиснул руками голову и закрыл глаза. Сладко и сильно пахло березовой корой.

Я слушал. Было очень тихо. Никто не пробегал мимо баржи по булыжной мостовой, никто меня не звал. Только где-то рядом пропел петух.

Тогда я сошел на набережную и вернулся к той деревянной ограде, где оставил Машу. Все так же пусто и сонно стояла ночь. И все так же болезненно тлела заря на севере.

Маши, конечно, не было. Я прислонился к ограде и осторожно провел рукой по доскам на том месте, где лежали ее тяжелые волосы. Зачем? Я не знаю. Как будто на этих досках могла еще сохраниться теплота ее губ, ее дыхания.

Доски были холодные и шершавые от старых лишаев.

В маленьком старом доме за оградой было темно и тихо. Только свет ночи неподвижно блестел в окнах.

Я подумал, что сейчас из этого дома может выйти Лева, и быстро пошел, почти побежал в сторону города.

— Она права, — говорил я себе, — и я должен быть ей только благодарен.

Я шел, а ночь все холодела. Задул слабый, но, как всегда, пронизывающий предрассветный ветерок.

Я уехал из Петрограда в тот же день[8]. Иванов уехал раньше.

«Вот, говорил я себе, ты и дождался тех удивительных событий, которые, если верить писателям и поэтам, часто происходят в этом странном и великолепном городе с некоторыми людьми. Вот ты и дождался. На свою беду».

Историю эту я никогда и никому не рассказывал. Может быть потому, что все-таки упрямо верил, что «так бывает» и что нас обоих в ту ночь коснулась, хотя и вскользь, хотя и легким крылом та «любовь с первого взгляда», над которой принято издеваться.

Сейчас я могу рассказать об этом потому, что Левы нет в живых. И Маши нет — она умерла во время блокады, и только во мне еще живет воспоминание об этой белой ночи в начале июня 1924 года. Если я не запишу его, то оно может погаснуть навсегда, как фитилек тонкой свечи.

РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 27–36.

[1] «Товарищ» (первоначально «Lauriston») — четырехмачтовый барк. Построен в Белфасте в октябре 1892 г., приобретен Российской империей в 1914 г., угнан в Англию интервентами, после гражданской войны возвращен и переименован в «Товарищ», затонул в августе 1943 г. в Мариуполе. В начале 1920-х находился в ведении Морского техникума, переоборудован в учебное судно к началу 1923 г. В том же году, в день годовщины Балтийского госпароходства, корабль был продемонстрирован гостям. К.Г. Паустовский, побывавший на праздновании, писал в заметке: «Четырехмачтовый парусный барк “Товарищ”, уходящий в конце авгу-

ста в далекое плавание к берегам Южной Америки с учениками мореходного училища». Далее он уточнял: «“Товарищ” (бывш. “Лауристон”) — отчасти виновник сегодняшнего торжества. Это первое судно, отправляющееся после революции в кругосветное плавание» (*К.Г.* [*Паустовский К.Г.*]. Под синим вымпелом // Рабочий водного транспорта. 1923. № 51. С. 76–77). В первый рейс в качестве учебного судна «Товарищ» отправился в августе 1924 г. в Англию, а в 1925 г. пришел к берегам Аргентины [4].

[2] В начале главы время поездки, 1923 г., соответствует реальной дате командировки Паустовского в Петроград (город был переименован в Ленинград 26 января 1924 г.). В конце главы «Так не бывает» произошедшее отнесено к 1924 г. Эта датировка первой поездки в город сохранится в опубликованном тексте повести (глава «Проводы учебного корабля»). Там город закономерно назван Ленинградом.

[3] Газетная публикация романа Э.М. Ремарка «Im Westen nichts Neues» в Германии — 1928 г., отдельное издание — 1929 г. Первый перевод на русский язык вышел уже в 1928 г. в Берлине; в 1929 г. в СССР появились два издания под разными названиями: «На Западе без перемен» (буквальный перевод оригинального названия) и «На Западном фронте без перемен» [10]. Чтение Марией этого романа в 1923 г. является анахронизмом.

[4] Эпитет «легковейный» не раз встречается в русской поэзии — у В.И. Иванова, В.И. Нарбута, Н.А. Клюева, И. Северянина. Важно, что к этому эпитету дважды обращался любимый К.Г. Паустовским и тесно связанный с Петербургом А.А. Блок («В синем небе, в темной глуби…» (1906) и «Крылья» (1907)). Мотивные перекличики (образ единой любви, портрет возлюбленной) делают наиболее вероятным претекстом первое из названных стихотворений Блока.

[5] Приведенная фраза написана от руки на обороте листа (л. 29 об.). Утверждать, что именно ее произносит Мария, с уверенностью нельзя. Изначально в тексте цитировался другой, более обширный, фрагмент. В него активно вносилась правка, но затем весь фрагмент был вычеркнут. Приводим его завершение: «Это помогало мне писать. Должно быть, я давно уже понял, что любовь не существует, если нет в ее воздухе миллионов электрических <?> частиц того, что мы называет прекрасным. Оно заключено в каждой молекуле. Ни один ученый, даже самый сверхгениальный физик, не сможет объяснить, каким образом соединение этих материальных частиц превращается в свет женских глаз, прекрасней которых нет ничего на свете» (л. 30).

Многочисленные исправления поддерживают мнение о том, что перед нами мистификация. Борис Петрович далее оспаривал, что эти слова принадлежат Э.М. Ремарку или Г. Гейне. На что Мария отвечала: «Ну и что?» (л. 30). Нам не удалось обнаружить фрагменты, похожие на цитируемый, у Г. Гейне.

[6] В книге «Бросок на Юг» подобные детали в описании героини Марии Валишевской отсутствуют.

[7] Евгений Николаевич Иванов — технический редактор (по другим сведениям помощник главного редактора) краевой газеты Черного, Азовского и Каспийского морей «Моряк» (Одесса) и главный редактор газеты ЦК Профсоюза рабочих водного транспорта СССР «На вахте» (Москва). В качестве героя действует в повестях «Время больших ожиданий» и «Книга скитаний» автобиографического цикла К.Г. Паустовского.

[8] Во фрагменте, обозначенном сыном писателя «Из дневникового листа 1923 г.» [8, с. 189], есть конспективная, без даты (в общей манере дневников Паустовского тех лет) запись: «Поездка в Ленинград — Ударов, Иванов — машины, авто, Невский. Синие воды, простор, бледное солнце. Балтийское пароходство. “Товарищ”. Райкомвод. Ужин с вином. Полевые цветы на палубе, иностранные моряки, золото в окнах дворцов. Обратно. Жаркий вагон. Кузнецов» [8, с. 190]. Зафиксированные детали совпадают с теми, которые Паустовский упомянул в заметке «Под синим вымпелом». Использование наименования «Ленинград» для обозначения города говорит о том, что записи были сделаны уже в 1924 г. Следует отметить, что никакого указания на потрясшую Паустовского встречу с женщиной в записях нет, хотя дру-

гие события личного плана в дневнике фиксировались. Это косвенно подтверждает предположение о вымышленности встречи или существенной трансформации жизненной первоосновы.

Литература

1. *Борщаговский А.* Мужество и щедрость таланта // Паустовский К.Г. Книга скитаний. Повести. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. С. 3–18.

2. *Кондаков И.В.* Неоромантизм Константина Паустовского // Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х годов: в 2 т. / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М.А. Литовской. М.: Академия, 2014. Т. 1. С. 276–291.

3. *Кременцов Л.П.* Книга о Паустовском. Очерки творчества. М.: Жизнь и мысль, 2002. 208 с.

4. *Лухманов Д.А.* Соленый ветер: жизнь моряка. Л.: Морской транспорт, 1958. 434 с.

5. *Паустовский В.К.* Второй остров // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. I. С. 455–467.

6. *Паустовский В.К.* На медленном огне // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 7–19.

7. *Паустовский В.К.* Серебряное колечко // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 235–239.

8. *Паустовский К.Г.* Из дневников // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 189–215.

9. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 546 с.

10. *Чайковский Р.Р., Госсманн Н.А., Михалёва В.В., Христофорова С.Б.* Первые переводы романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» на русский язык // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 21. С. 46–52.

Research Article and Publication of Archival Documents

“There’s no Such Thing!” A Chapter from an Early Version of K. Paustovsky’s Story T*he Book of Wanderings. (On Low Heat)*

© 2025. Inessa N. Korzhova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01479 “Problems of

Konstantin G. Paustovsky's Textology: The Story of a Life» (https://rscf.ru/project/24-28-01479/).

Abstract: The article introduces the chapter from an early version of K.G. Paustovsky's novel *The Book of Wanderings. (On Low Heat)*, "There's no Such Thing," into scientific circulation. The text is published according to the only typewritten source, which is kept in the writer's fund in RGALI (F. 2119). There is also a manuscript of the chapter, given under a different name — "Northern Rendezvous." The chapter is plot-related to another one included in the main text, "Seeing off the Training Ship." It is dedicated to the new love of the story's character, which overtakes him in Petrograd. The title of the chapter emphasizes the suddenness and exclusivity of the feeling. The introductory article discusses a broader issue — the disclosure of the love theme in the sixth part of Paustovsky's autobiographical cycle. The research reveals that in addition to the new plot, which was excluded at an early stage of the work, fragments related to the character's past hobbies were preserved until the time of preparation for publication in *Novy Mir*. The exclusion of these episodes is the will of K.G. Paustovsky. The article and the comments address the issue of the prototypes of the heroines in the cycle, suggest the collective nature of the image of the heroine that appears in the published chapter, and emphasize the literary genesis of this image.

Keywords: K. Paustovsky, *The Story of a Life*, textual criticism, creative history, a variant of the work, artistic autobiography.

Information about the author: Inessa N. Korzhova, DSc in Philology, Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6368-6888

E-mail: clean24@yandex.ru

For citation: Korzhova, I.N. "There's no Such Thing!": A Chapter from an Early Version of K. Paustovsky's Story *The Book of Wanderings. (On Low Heat)*." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 8–27. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27

References

1. Borshchagovskii, A. "Muzhestvo i shchedrost' talanta" ["The Courage and Generosity of Talent"]. Paustovskii, K.G. *Kniga skitanii. Povesti* [*The Book of Wanderings. Stories*]. Kishinev, Kartia moldoveniaske Publ., 1978, pp. 3–18. (In Russ.)

2. Kondakov, I.V. "Neoromantizm Konstantina Paustovskogo" ["The Neo-Romanticism of Konstantin Paustovsky"]. Leiderman, N.L., M.N. Lipovetskii, and M.A. Litovskaia, editors. *Russkaia literatura XX veka: 1930-e – seredina 1950-kh godov: v 2 t.* [*Russian Literature of the 20th Century: 1930s – Mid-1950s: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Akademiia Publ., 2014, pp. 276–291. (In Russ.)

3. Krementsov, L.P. *Kniga o Paustovskom. Ocherki tvorchestva* [*The Book About Paustovsky. Essays on Creativity*]. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2002. 208 p. (In Russ.)

4. Lukhmanov, D.A. *Solenyi veter: zhizn' moriaka* [*Salty Wind: The Life of a Sailor*]. Leningrad, Morskoi transport Publ., 1958. 434 p. (In Russ.)

5. Paustovskii, V.K. “Vtoroi ostrov” [“The Second Island”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol’shikh ozhidanii. Povesti. Dnevniki, pis’ma* [*Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters*], vol. 1. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 455–467. (In Russ.)

6. Paustovskii, V.K. “Na medlennom ogne” [“On Slow Heat”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol’shikh ozhidanii. Povesti. Dnevniki, pis’ma* [*Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters*], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 7–19. (In Russ.)

7. Paustovskii, V.K. “Serebrianoe kolechko” [“The Silver Ring”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol’shikh ozhidanii. Povesti. Dnevniki, pis’ma* [*Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters*], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 235–239. (In Russ.)

8. Paustovskii, K.G. “Iz dnevnikov” [“From Diaries”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol’shikh ozhidanii. Povesti. Dnevniki, pis’ma* [*Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters*], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 189–215. (In Russ.)

9. Paustovskii, K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [*Collected Works: in 9 vols.*], vol. 5: Povest’ o zhizni [The Story of a Life], book 4–6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 546 p. (In Russ.)

10. Chaikovskii, R.R., N.A. Gossmann, V.V. Mikhaleva, and S.B. Khristoforova. “Pervye perevody romana E.M. Remarka ʻNa zapadnom fronte bez peremen’ na russkii iazyk” [“The First Translations of E.M. Remarque’s Novel ʻAll Quiet on the Western Front’ into Russian”]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 21, 2014, pp. 46–52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.02.2025
Одобрена после рецензирования: 24.03.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.02.2025
Approved after reviewing: 24.03.2025
Date of publication: 25.06.2025

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-28-54
https://elibrary.ru/IZOUCR

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К истории Дома писателей имени В.Ф. Голубева (Из писем к С.Г. Бередникову)

© 2025, А.В. Кошелев
Государственный архив Новгородской области,
Великий Новгород, Россия

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-01762 «Исследование истории новгородской литературы первой половины XX века по материалам архивов, журналов и газет».

Аннотация: Комментированная публикация писем постояльцев и членов Совета по управлению Домом писателей им. В.Ф. Голубева к его заведующему Сергею Григорьевичу Бередникову, обнаруженных в личном фонде тихвинских купцов (Государственный архив Новгородской области), дополняет известные сведения о столичной литературной жизни 1910-х гг. Открытый в 1905 г. Дом писателей им. В.Ф. Голубева, принадлежавший Литературному фонду, задумывался как общежитие для людей творческих профессий. С.Г. Бередников в 1910–1914 гг. был членом Совета по управлению Домом и его заведующим и по своей должности вынужден был вникать в комплекс бытовых проблем, о которых постояльцы Дома сообщали ему в письмах. В публикации уточнены имена жителей Дома писателей в первой половине 1910-х гг. и приведены отдельные документы, регламентирующие его работу (общие правила (устав Дома), правила проживания).

Ключевые слова: Литературный фонд, Дом писателей им. В.Ф. Голубева, С.Г. Бередников, Е.А. Чебышева-Дмитриева, Ф.Д. Батюшков, В.И. Засулич, литературный быт, архивные документы.

Информация об авторе: Анатолий Вячеславович Кошелев — доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Государственный архив Новгородской области, пр. Мира, д. 37, 173021 Великий Новгород, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6389-8127
E-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru

Для цитирования: *Кошелев А.В.* К истории Дома писателей имени В.Ф. Голубева. (Из писем к С.Г. Бередникову) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 28–54. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-28-54

В середине 1900-х гг. тихвинский купец, председатель уездной земской управы Сергей Григорьевич Бередников (1853–1915) перебрался в Петербург[1], а в 1910 г. стал членом Совета по управлению Домом писателей им. В.Ф. Голубева и его заведующим (этот пост с перерывами он занимал почти до смерти)[2].

История петербургского Дома писателей, находящегося в ведении Литературного фонда (1859–1922), описана А.А. Корниловым: «… с 1898 года инженер Виктор Федорович Голубев стал ежегодно вносить на нужды Литературного фонда по 6000 руб., а перед своей смертью, последовавшею в 1903 году, сделал распоряжение своим наследникам передать Литературному фонду капитал в 150000 руб. с тем, чтобы на эти деньги устроено было общежитие для литераторов, нуждающихся в дешевых и удобных помещениях, где они спокойно могли бы работать. Сыновья В.Ф. Голубева, Лев Викторович и Виктор Викторович, свято выполнили волю отца, хотя и не оформленную в каком-либо документе, и передали в кассу Литературного фонда 150000 рублей» [3, с. 28].

В 1905 г. в городской усадьбе, принадлежавшей писателю В.О. Михневичу (1841–1899), завещанной Литературному фонду, на месте ветхого деревянного был построен каменный дом. По словам А.А. Корнилова, в нем «имеется: большой, просторный и весьма представительный вестибюль и затем в нижнем этаже — большой общий зал, в котором помещается очень недурная библиотека В.О. Михневича в нескольких шкафах, просторная столовая, кухня, комната для прислуги и три комнаты для жильцов. В верхнем этаже имеется 9 комнат для жильцов и комната смотрительницы этого дома. На дворе, позади этого дома, имеется еще помещение для двух дворников и там же просторная прачешная. Квартиры в остальных деревянных домах сдаются частным лицам, принося ежегодный доход до 3 тысяч. Комнаты эти просто, но довольно изящно меблированы; некоторые из них в два, но большая часть в одно окно; одна есть с балконом» [3, с. 51]. Квартиры в деревянных домах (флигелях), как показывают списки, составленные управляющей (экономкой)

[1] Его имя впервые упомянуто в справочнике городских жителей в 1908 г. (Весь Петербург на 1908 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1908. Отд. 3. С. 63). В новгородском справочнике, изданном в 1905 г., указано, что гласный Новгородского губернского земского собрания С.Г. Бередников проживал в Петербурге (Памятная книжка Новгородской губернии на 1905 год. Новгород: Губ. тип., 1905. Отд. 1. С. 5).

[2] Впервые его имя включено в список членов Совета в 1911 г. (см.: Весь Петербург на 1911 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. Отд. 1. Стб. 1129). 1910-м годом датирован ряд публикуемых нами писем.

Домом писателей А.А. Ивановой, сдавались преимущественно людям творческих профессий.

После октябрьской революции 1917 г. Дом принадлежал Всероссийскому союзу писателей, с начала 1930-х гг. его арендатором был Литературный фонд СССР. Здание использовалось по назначению: его жителями в разное время были переводчик Г.А. Лопатин, художник П.Н. Филонов, писатель А.П. Чапыгин (об этом свидетельствуют мемориальные доски на фасаде). В 1947 г. Дом литераторов перешел в ведение городского отдела народного образования — с этого времени в нем располагается детский сад[3].

Дом писателей. Фото 1915 г.
Writers' House. 1915.

[3] А.Г. Битов в рассказе «Автобус» (впервые опубликован в 1988 г., в собрании сочинений включен автором в ранний (1960-х гг.) цикл «Аптекарский остров») поместил здесь бильярдную: «… откуда в Доме писателей столько девушек в белых платьях? А мы сняли пиджаки, и в рубашках, в углу рта сигарета, глаз прищурен, "оборот налево, дуплет в середину"… И так бьем, и так разгибаемся после удара — бильярд, писатели...» [1, с. 51].

Общие «Правила Дома имени В.Ф. Голубева» были утверждены в 1905 г., но дополнялись в 1908 и 1909 гг. Член совета по управлению Домом Е.А. Чебышева-Дмитриева отправила Бередникову их текст со своими замечаниями при письме от 14 апреля 1910 г.:

> Дом имени В.Ф. Голубева для русских писателей составляет собственность Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) и имеет целью доставление недостаточным литераторам возможности жить в дешевой, спокойной и *чуждой хозяйственных забот*[4] обстановке.
>
> *Дом писателей* устроен на специально пожертвованные В.Ф. Голубевым средства и помещается на участке, приобретенном на эти средства вместе с находящимися на нем *доходными* жилыми строениями. Основным источником на содержание «Дома имени В.Ф. Голубева» и учреждаемых при нём дешевых квартир служат проценты с неприкосновенного капитала имени В.О. Михневича.
>
> В пользование литераторов, живущих в Доме имени В.Ф. Голубева, предоставляется за самую умеренную цену: а) комната с полной обстановкой и б) освещение, отопление, стирка белья, по возможности, стол (утренний и вечерний чай, завтрак, обед).
>
> Правом для занятия комнат в *Доме имени В.Ф. Голубева* пользуются исключительно литераторы и преимущественно те, деятельность которых относится к области художественной литературы (беллетристики и критики). При предоставлении комнат этим литераторам имеются в виду следующие необходимые условия: а) заслуги на литературном поприще; б) преклонный или приближающийся к преклонному возраст; в) слабость здоровья; г) усталость от работы, требующая временного или постоянного отдыха.
>
> В Доме имени В.Ф. Голубева принимаются одинокие писатели и писательницы[5], но, по мере получения необходимых денежных средств, на участке, принадлежащем *Дому*, могут быть устраиваемы дешевые квартиры для писателей с семьями.
>
> Для управления всеми делами *Дома* с принадлежащим ему земельным участком образуется Совет под председательством старшего в мужском поколении рода Голубевых или того лица, которое им будет назначено, из следующих лиц: а) двух членов, избираемых на три года представителем рода В.Ф. Голубева; б) трех членов от Ко-

[4] Здесь и далее подчеркивания в тексте передаются курсивом.

[5] «По решению В.Ф. Голубева (журнал заседания Совета 14 февраля 1909 г.), при найме квартиры преимущество отдается мужчинам (при всех прочих равных условиях кандидата и кандидатки на свободные помещения)». Примечание Е.А. Чебышевой-Дмитриевой.

митета Литературного фонда, по выбору Комитета; в) трех членов, избираемых общим собранием членов фонда на один год; г) двух членов, избираемых правлением Кассы взаимопомощи литераторов и ученых на три года; д) двух членов Санкт-Петербургского литературного общества, избираемых на один год; и е) представителя от живущих в *Доме писателей* с правом решающего голоса по делам общежития.

В круг занятий Совета входит: а) прием *пансионеров*; б) составление и утверждение необходимых правил; г)[6] наблюдение за исполнением этих правил и удаление тех пансионеров, которые не находят возможным им подчиниться; и д) составление годового отчета для представления в Комитет Литературного фонда.

Примечание. Лицо, не внесшее плату за свое помещение в течение *двух* месяцев, считается отказавшимся от него и должен его очистить (постановление общего собрания членов Литературного фонда 2 февраля 1909 г.).

Дела в Совете решаются простым большинством голосов.

Непосредственное заведывание «Домом имени В.Ф. Голубева» Совет поручает одному из своих членов. На помощь ему в качестве эконома приглашается Советом особое лицо, которому назначается жалованье с предоставлением комнаты и полного содержания.

Примечание. Должность эта может быть поручаема и женщине.

Вся переписка по делам *Дома имени В.Ф. Голубева* ведется одним из членов Совета по взаимному соглашению, равным образом и хранение сумм, а также ведение денежных книг возлагается на одного из членов Совета по его избрании.

Заведывание земельным участком, принадлежащим «Дому имени В.Ф. Голубева», а также теми дешевыми квартирами для писателей, которые могут быть устроены на этом участке, поручается или тому из членов Совета, который заведывает *Домом*, или лицу, специально избранному для этой цели из его среды.

На содержание «Дома имени В.Ф. Голубева» и дешевых квартир для писателей обращаются: а) проценты с капитала В.О. Михневича по поступлении их, согласно его завещанию, в собственность Лит.<ературного> фонда; б) проценты с пожертвованных капиталов, в) оплата за комнаты в *Доме* и за дешевые квартиры, г) чистый доход от отдачи в наем строений, имеющихся на участке; д) пожертвований, е) *доход от чтений, спектаклей* и т. п., устраиваемых в *пользу Дома* или дешевых квартир.

[6] Так в документе: после раздела «б» следует раздел «г».

По окончании каждого года всё делопроизводство и отчетность Совета подлежит обзору ревизионной комиссией Литер.<атурного> фонда на общем основании. На все ее замечания, касающиеся деятельности Совета, даются необходимые объяснения этим последним[7].

Авторы публикуемых писем обсуждают совместную жизнь, которая регламентировалась «Правилами для пользования помещением в Доме писателей имени В.Ф. Голубева». В бумагах Бередникова сохранился проект документа:

1. Дом писателей имени Голубева имеет целью доставить НЕДОСТАТОЧНЫМ литераторам и ученым (одиночкам) женского и мужского пола (и лишь в особо уважительных случаях мужу и жене, но без детей) дать возможность жить в дешевой, спокойной и чуждой хозяйственных забот обстановке.

2. Правом на помещение в Доме писателей пользуются те из недостаточных литераторов и ученых, которые имеют заслуги на литературном и научном поприще, в случае необходимости делать выбор, предпочтение, при равных литературных правах, оказывается лицам более преклонного возраста или лицам, испытывающим усталость от работы или болезни, требующими отдыха и покоя.

3. Заразные больные, а равно и лица, требующие особого ухода, не могут быть жильцами Дома писателей.

4. Желающие жить в Доме писателей подают заявление заведующему Домом, члену Совета по управлению Домом писателей с обозначением своих литературных прав и недостаточной матерьяльной обеспеченности.

5. Живущим в Доме писателей предоставляется за самую умеренную плату: а) комната с полной обстановкой, постельным бельем и услугою; б) кипяток утром и вечером; в) электрическое освещение; г) отопление; д) ванна (общая); е) библиотека-читальня (общие); ж) столовая (общая); з) телефон (общий).

6. Для удобства каждый из жильцов получает, кроме ключа от своей комнаты, ключ от входной двери.

7. Плата за комнату назначена: № 1 — 12 р<ублей>; № 2 — 10 р.; № 3 — 15 р.; № 4 — 17 р.; № 5 — 10 р.; № 6 — 12 р.; № 7 — 18 р.; № 8 — 12 р.; № 9 — 10 р.; № 10 — 15 р.; № 11 — 12 р.; № 12 — 20 р.

8. Плата вносится помесячно по прошествии каждого месяца.

[7] ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2.

9. В случае неисправного платежа помещение должно быть очищено жильцом в указанный Советом срок, в исключительных случаях по просьбе жильца срок уплаты может быть продлен по постановлению Совета.

10. Постельное белье меняется: простыни <в> одну неделю — две, <в> другую неделю — одна, наволочка и полотенце — один раз в неделю.

11. Кипяток с чайным прибором подается два раза в день — утром от 8 до 10 часов и вечером от 7 до 10 часов.

12. Электричество в общих помещениях (коридорах и уборных) горит до 11 часов, в столовой и библиотеке — по мере надобности, но не позже 11 часов, в комнатах жильцов — до 1 часа ночи. Если жилец желает пользоваться электричеством и позже 1 часа, то доплачивает по 1 руб. в месяц (с января по март).

13. Температура в общих помещениях (коридорах, столовой и библиотеке) поддерживается на 13–14 градусах. Температура в комнатах жильцов поддерживается не выше 15 градусов. Если жилец желает поддерживать в своей комнате выше 15 градусов, то он доплачивает 2 р. ежемесячно (с сентября по март).

14. Ванна нагревается два раза в неделю: в четверг и субботу с 2 до 10 часов вечера. Каждый жилец может пользоваться ванной один раз в неделю в один из указанных дней в назначенный им час. Пропустивший свою очередь может получить ванну в другой час, если она будет свободна в назначенное для ванн время. Если жилец желает воспользоваться ванной лишний раз или не в указанные дни, то за каждую ванну уплачивает 15 к<опеек>.

15. Библиотека-читальня открыта ежедневно для чтения газет, журналов и книг от 10 <часов утра> до 8 часов вечера. В эти часы на столе в читальне лежат последние номера газет и журналов. Предоставляется жильцам брать для прочтения последние номера газет и журналов вне этого времени к себе в комнаты с тем, чтобы повременные издания возвращались к 10 часам утра на свое место. Порядок такого пользования, равно как и порядок выдачи книг и старых журналов, устанавливается членом Совета — заведующим библиотекой. В помощь заведующему библиотекой-читальней избирается жильцами по большинству голосов, буде они пожелают, или приглашаются заведующим, один из жильцов, который исполняет обязанность библиотекаря.

16. Столовой жильцы пользуются для завтраков и обедов с 1 часа до 5 часов. Прием в столовой жильцами посторонних лиц в указан-

ное время не допускается, а вне указанного может быть допущен с разрешения каждый раз управляющим Домом.

17. Пользоваться телефоном предоставляется всем жильцам, но без отвлечения прислуги от исполнения ее прямых обязанностей.

18. Прислуга Дома обслуживает жильцов в отношении: а) уборки и отопления комнаты; б) подачи утром и вечером чая; в) покупки повседневных предметов потребления; г) чистки платья и сапогов; д) разноски полученной почты; е) приготовления завтрака и обеда.

19. Уборка и отопление комнат производится от 8 часов до 12 <часов> утра. <…>[8]

21. Завтрак и обед готовятся по заказу каждого жильца непосредственно кухаркой, которая и отвечает за доброкачественность продуктов, цену и т.п. Время для завтраков и обедов назначается от 12 до 5 часов. Жильцы могут, если пожелают, избрать одно лицо из своей среды для заведывания столом или исполнять эту обязанность по очереди.

22. Поручения жильцов относительно покупки повседневных предметов потребления исполняются прислугой два раза в день: утром в 8 часов и вечером в 7 часов. К этому времени жильцы делают свои заказы. В другое время прислуга не обязана исполнять поручения жильцов. В экстренных случаях прислуга может быть послана по надобности жильцов и вне этого времени, но лишь с разрешения управляющего Домом.

23. Платье и сапоги, башмаки и т.п. для чистки сдаются прислуге с вечера.

24. Почту прислуга обязана разнести по назначению тотчас по получении или по вынутии <!> из ящика.

25. После 10 часов вечера жильцы могут вызвать прислугу лишь в случае крайней безотлагательной необходимости.

26. Прислуга обязана являться тотчас по первому звонку, соблюдая очередь звонков.

27. Прислуга обязана исполнять все поручения жильцов, вытекающие из настоящих Правил, о поручениях, выходящих за пределы этих Правил, прислуга докладывает управляющему.

28. Прислуга обязана без возражений исполнять все законные требования жильцов, а жильцы обязаны вежливо обращаться с прислугой и вообще администрацией Дома и ни в коем случае не допускать с ними грубых выражений и грубого тона.

[8] Раздел 20 в документе повторяет пункт 11.

29. Жильцы могут иметь в комнатах свою собственную обстановку, с тем чтобы эта обстановка не затрудняла прислуге при уборке и лишь с разрешения заведующего Домом, ставить же мебель и вещи в коридор общего пользования не разрешается.

30. Шум и громкий разговор в коридорах, нарушающий покой жильцов, не допускаются.

31. После 11 часов вечера жильцы в своих комнатах обязаны соблюдать тишину и спокойствие в своих взаимных интересах.

32. Ночевка посторонних лиц ни в комнатах, ни в общих помещениях не допускается.

33. В случае недомогания и легких заболеваний жильцы могут обращаться через управляющего Домом за врачебной помощью к врачам, изъявившим согласие на бесплатную подачу советов жильцам Дома.

34. Жилец, заболевший заразною болезнью или вообще требующий клинического или особого ухода, обязан выселиться из Дома.

35. Жилец, нарушающий правила внутреннего распорядка, лишается по постановлению Совета права дальнейшего проживательства <!> и должен очистить помещение в назначенный ему Советом срок.

Жильцы, не удовлетворенные в своих требованиях, могут жаловаться: на прислугу — управляющему, на управляющего — члену Совета — заведующему Домом, на заведующего — Совету, на Совет — Общему собранию Литературного фонда (через Совет)[9].

Сохранилось также четыре списка жильцов, из них один (составленный в начале июня 1910 г.) написан Бередниковым собственноручно; рядом с фамилиями заведующий сделал карандашные отметки об оплате жилья (опущенные нами). Рядом с некоторыми именами — краткие записи для себя; их значение не всегда ясно:

№ 1. <И.С.> Левитов[10]. Россия
2. Брансе.[11]
3. <Н.В.> Яковлева-Ланская.
4. [<В.А.> Мукосеев][12].

[9] ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 58. Л. 4–5 об.

[10] Этнограф Илья Семенович Левитов (1850–1918?). Много писал о восточных регионах России.

[11] Неустановленное лицо.

[12] Экономист и журналист Василий Алексеевич Мукосеев (1879–1922).

5. [<А.Ф.> Фон Штейн[13]]. <М.П.> Островская.[14]
6. <В.И.> Засулич.
7. <В.П.> Родендорф.[15]
8. <А.А.> Борисов.[16]
9. <Б.Б.> Княжицкий. Слепой.
10. [<М.П.> Островская]. <А.Ф.> Фон Штейн. Учебник.
11. <В.И.> Фаворский[17]. Рус.<ское> Бог.<атство>
12. [<И.> Поярков][18].

Остальные три списка составлены управляющей А.А. Ивановой. В.И. Засулич, И.С. Левитов, В.А. Мукосеев, М.П. Островская, В.П. Родендорф проживали в Доме литераторов долгое время: их имена присутствуют в каждом из четырех списков. Имеет смысл перечислить имена жильцов Дома литераторов в 1910–1914 гг., которые не упомянуты Бередниковым: писатель Е.А. Анненкова (ум. не ранее 1915), писатель О.Г. Базанкур (1872–1942, по другим сведениям 1943), орнитолог М.М. Березовский (ок. 1848–1912), А.А. Виницкая, В.Ф. Краснов, Г.А. Лопатин (1845–1918), И.Д. Лукашевич (1863–1928), А.Ф. Мейснер, П.А. Миролюбов, С.А. Савинкова, Тютчев[19], Н.И. Чердынцев. Один из списков А.А. Иванова дополнила перечислением жильцов флигелей: А.А. Навроцкий (1839–1914), В.А. Мякотин[20], М.Н. Монтвид-Монтвиж, художник и музыкант М.В. Матюшин, сестра его жены Е.Г. Эрлих, П.И. Бакинен и И. Балтрунас.

Обращает на себя внимание, что многие постояльцы Дома относились к кругам радикальной интеллигенции, напрямую связанным с революционным движением либо сочувственно отражающим его позиции в своей журналистской работе. В этом сказывались как традиционная ориентация Литературного фонда на поддержку «неприкаянных разночинцев», так и общая радикализация русского общества в предвоенные годы.

---

[13] Неустановленное лицо.

[14] Неустановленное лицо.

[15] Неустановленное лицо.

[16] Неустановленное лицо.

[17] Писатель, сотрудник журнала «Русское богатство». Стипендиат Литературного фонда, см.: [3, с. 260].

[18] ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 58. Л. 28.

[19] По всей видимости, революционер Николай Сергеевич Тютчев (1856–1924), обращавшийся в Совет при Доме писателей с просьбой предоставить комнату [3, с. 277]. О Н.С. Тютчеве см.: [2, т. 2, вып. 4, стб. 1772–1777].

[20] По всей видимости, историк Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), см.: [5, т. 4, с. 192–194].

Для верной оценки большинства из публикуемых ниже писем необходимо помнить, что их авторы — пожилые и часто одинокие люди. Уже это обстоятельство мешало созданию в «писательском общежитии» особой творческой атмосферы, о которой мечтали его учредители, а заведующий С.Г. Бередников (занимавшийся литературой на досуге[21]) стремился обеспечить.

В письмах к нему управляющей А.А. Ивановой не только содержатся сообщения о вновь поступающих заявлениях на проживание, просьбах пансионеров о смене комнат, но и раскрываются детали повседневного быта Дома писателей. «Необходимо купить 1 дюж.<ину> простынь, 1 дюж.<ину> наволочек, 3 дюж.<ины> личных полотенец, 2 дюж.<ины> кухонных, 1 дюж.<ину> пыльных тряпок и ½ дюжины передников. Кроме того, надо купить еще кровать и матрац для женской прислуги. Старая пришла в полную негодность. <…> Не забудьте о крысах», — писала Иванова в апреле 1910-го. 6 октября того же года:

> Вы совсем о нас забыли. У нас печальная новость, заболела В.И. Засулич и вчера отправилась в больницу. У нее, должно быть, воспаление легких, завтра я поеду ее навестить.
>
> Опять лопнула водопроводная труба, пришлось вставить 1 ½ арш.<ина> новой трубы. Из полиции прислали узнать насчет обгорелого дома. Если Вы не будете его разбирать, то надо его покрыть крышей и раскрасить фасад. В том виде, как он находится сейчас, на зиму его не позволят оставить. <…> Как насчет дров?
>
> В квар<тире> № 3 надо сделать ремонт в уборной, водопроводчик хочет за него 8 руб. Без Вас я не знаю, что делать? Что же насчет техника?
>
> Прошу Вас к <нам> заехать.

5 мая 1911 г.:

> Сегодня из участка прислали бумагу насчет исправления тротуара и мостовой на Карповке. Бумагу эту посылаю Вам.
>
> Мостовщик хочет за работу по 1 руб. 25 коп. в день с нашим материалом.
>
> Вчера Гаршник[22] уступил мне пять бревен по четыре саж.<ени> и тот забор, который поставлен у каменной стены.

[21] См. раздел «С.Г. Бередников и его пьеса “Зинаида Михайловна”» в коллективной монографии: [6, с. 19–86].

[22] Константин Яковлевич Гаршнек, петербургский купец, торгующий строительными материалами (Весь Петербург на 1911 год. Отд. 3. С. 188).

Как насчет курятника? разбирать его или нет? Дайте ответ по телефону[23].

Представляется, что в летописи истории литературного быта не должно быть забыто имя не только С.Г. Бередникова, но и экономки Александры Аверьяновны Ивановой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПИСЕМ ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ДОМОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Е.А. Чебышева-Дмитриева

1

14 апреля 1910 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Перечитывая правила *Дома писателей* и вдумываясь в каждое слово, я пришла к заключению, что редакция их очень *не ясна* или, лучше сказать, расходится с нашим, *советским*[1] ее толкованием. Обратите внимание на слова, подчеркнутые карандашом, сопоставьте их и Вы увидите, что выходит следующее: жильцы Дома — это *пансионеры*, кот<орые> за свою минимальную плату *имеют полное содержание* (отсюда и полное содержание экономки, а *вечера и чтения в пользу Дома* и противопоставление доходности прочих домов бездоходности *Дома*).

Для того я всё это пишу Вам, чтобы спросить Вас: «Не находите ли Вы, как и я теперь окончательно это нахожу, о необходимости пересмотреть правила и составить новую редакцию их для представления на утверждение о<бщего> с<обрания> Литер<атурного> фонда?»

Мне кажется, что это и своевременно, и необходимо во избежание произвольного толкования этих правил.

Жду Вашего ответа и мнения.

Е. Чебышева-Дмитриева.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 53–53 об.

Евгения Александровна Чебышева-Дмитриева (1859–1923), поэт, детский писатель. С 1897 г. член Общества для пособия нуждающимся литераторам, с 1908 г. член Совета по управлению Домом писателей. В 1910 г. она исполняла должность секретаря Совета, см.: [5, т. 6, с. 609–611]. С письмом были отправлены «Правила Дома им. В.Ф. Голубева» (см. вступ. ст.).

[1] Здесь: относящийся к Совету Дома писателей.

2

[23] ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 22. Л. 119, 112–114 и др.

13 мая 1910 г.
Максимилиан<овский> пер., 10

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Получила бумагу от одного из жильцов Д<ома> Пис<ателей> для представления в Совет. Так как Совет собрать теперь нельзя, то я пересылаю бумагу Вам. Я сообщила ее содержание В.С. Кривенко[1], и он (также и я) просит обратить на это заявление серьезное внимание, чтобы избегнуть вмешательства печати и т. д.

С совершенным почтением, Е. Чебышева-Дмитриева.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 54.

По всей видимости, вместе с письмом было отправлено заявление, подписанное десятью жильцами. Заявители, ссылаясь на пятый пункт «Правил “Дома имени В.Ф. Голубева”» (см. вступ. ст.) требовали:

«Желая по многим соображениям воспользоваться принадлежащим нам правом иметь своего выборного представителя по делам Дома писателей, просим Вас сделать соответственное распоряжение.

Вера Родендорф, Брансе, В. Мукосеев, А. Мейснер, И. Левитов, М. Островская, Н. Яковлева, В. Засулич, Березовский, В.Фаворский» (ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 58. Л. 30).

[1] Василий Силович Кривенко (1854–1931), писатель, член Совета по управлению Домом писателей.

И. Поярков

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Не имея возможности вследствие служебных обязанностей прибыть сегодня на заседание, назначенное в 2 часа дня, я счел нужным доехать к Вам, чтобы переговорить с Вами о некоторых вопросах, касающихся «Дома писателей». Но так как Вы еще спали, то, не решаясь Вас беспокоить, покорнейше прошу принять во внимание мои следующие заявления:

Служитель при «Доме писателей» Владислав (фамилии не знаю) просит разрешить ему месячный отпуск с сохранением содержания для лечения. Ему этот отпуск был разрешен Советом в прошлом году, но он не мог им воспользоваться, т. к. получил разрешение осенью, когда в Доме писателей все помещения обыкновенно занимаются жильцами, а летом последних остается только часть, многие уезжают.

Евгения Александровна Чебышева-Дмитриева мне передавала, что в саду при Доме писателей могут быть устроены цветники одной из фирм садоводства бесплатно. Наименование фирмы я запамятовал, но не отложите об этом переговорить с Евгенией Александровной.

Если в Совете предстоит назначение кандидатов на право пользования безжительными комнатами за счет назначенных С. Петерб<ургской> гор<одской> д<умою> средств, то я позволю себе просить Вас из живущих

в данное время иметь в виду д<окто>ра Брансе (около 75 лет), который видимо нуждается в материальной поддержке, и Б.Б. Княжицкого — имеет слабое зрение, которое едва ли в скором времени восстановится настолько, чтобы он мог постоянно работать. Об обоих лицах Вам пишу *без предварительной беседы* с ними, т. к. я никакого уполномочия на это не имею.

Относительно заведения электрического освещения. Я слышал, можно просить нашего соседа-домовладельца (д<ом> № 15), у которого поставлена для освещения своя электрическая машина. Кажется, с упоминаемым домовладельцем (фамилии не знаю) знаком г. Кривенко, который мог бы оказать желаемое воздействие по удовлетворению нашей просьбы об электрическом освещении.

Если потребуются от меня какие-либо дополнительные сведения, то телеф.<он> места моего служения № 25–11. Я на службе с 12 до 6 часов вечера.

Уважающий Вас Ив. Поярков.

24/IV. 1910.

11 ч.<асов> 40 м.<инут> утра.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40.

Иван Поярков входил, по всей видимости, в Совет по управлению Домом.

В.Г. Котельников

25 мая 1910 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич,

Вам, вероятно, известно, что существует предположение о продаже 2/3 площади, занимаемой усадьбой Дома писателей имени Голубева, выходящей на Песочную улицу. В какой фазе это предположение, я не знаю. Это ближе известно брату моему Михаилу Григорьевичу (В<асильевский> О<стров>, 8-я линия, д. 59) и Чебышевой-Дмитриевой, но знаю, что общее собрание литераторов фонда допускало мысль о возможности продажи для употребления капитала частью на расширение Дома писателей, частью на содержание его с процентов. Некий Филиппов Григорий Тимофеевич (Петер<бургская> стор<она>, Церковная ул., д. 4, кв. 24) сообщал мне, что на эту землю имеется у него покупатель, который мог бы дать назначенную цену, т. е. 55 руб. за кв. саж<ень>.

Я сообщил Филиппову, что Вы в настоящее время заведуете Домом, о чем довожу до Вашего сведения.

С совершенным уважением и преданностью, В. Котельников.

P.S. На всякий случай, сообщаю Вам, что с 25 мая по 8 июня мой адрес: Струго-Белая Петербургской губернии.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 48–48а.

Василий Григорьевич Котельников (1850 – после 1934), известный агроном, в 1910 г. — член Совета Министерства финансов, председатель I Отделения Вольного экономического общества.

Ф.Д. Батюшков

29.05.1910
Фонтанка, 133

Многоуважаемый Сергей Григорьевич,

Вл.Д. Набоков[1] действительно знает Макария Ник<олаевича> Васильева и удостоверяет его литературные права, но вместе с тем считает его полностью сумасшедшим… Да и не он один такого мнения, ибо этот Васильев — тот самый, который писал письма Государю, собирался поступить в придворные лакеи и т. д. Вы, наверно, о нем слышали. Насколько удобно иметь такого беспокойного субъекта в Доме пис<ателей>, судить Вам. К Кузьмину-Короваеву я не мог дозвониться — его всё нет дома. Может быть, Вы будете удачливее.

С искренним уважением, Вам преданный Ф. Батюшков.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920), историк литературы, критик, см.: [5, т. 1, с. 180–181].

[1] Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922), юрист, журналист, отец писателя В.В. Набокова. В 1910-е гг. — секретарь Общества для пособия нуждающимся литераторам.

[2] Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1859–1927), юрист, депутат Государственной думы двух первых созывов.

В.И. Яковенко

20 марта 1914 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Я уезжаю в Полтавскую губернию. Совет по Дому писателей не мог собраться в последние две недели, поэтому осталось неутвержденным проектированное мною распределение городских стипендий (за 1913 г.) и остались в корректуре «Правила для жильцов Дома», так как жильцы просили сделать изменения в двух пунктах.

То и другое я переслал письмом Ф.Д. Батюшкову.

Искренне уважающий Вас Вал. Яковенко.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 101.

Валентин Иванович Яковенко (1859–1915), писатель, член Совета по управлению Домом писателей, в первой половине 1910-х гг. — его заведующий (с перерывами).

ИЗ ПИСЕМ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА КОМНАТЫ И ЖИЛЬЦОВ ДОМА ПИСАТЕЛЕЙ

Н.Н. Мазуренко

С. Петербург, 15 июня 1910 г.

В Совет по управлению Домом писателей

Получив извещение о возможности занять комнату в убежище для писателей, имею честь ответить, что, зарабатывая в настоящее время только 30 руб. в месяц, несмотря на основательное знание 4-х иностранных языков и 51 <год> литературной деятельности, я не в состоянии платить за комнату более 10 рублей. Если поправятся мои дела, я буду платить 17 рублей.

Убедительно прошу скорейшего ответа.

С уважением, Н. Мазуренко.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 80.

Николай Николаевич Мазуренко (1838; по другим сведениям 1843 — не ранее 1918), писатель, журналист, см.: [5, т. 3, с. 450–451].

М.Н. Васильев

Ст.<анция> Чудово. 2 августа 1910 г.

М<илостивый> г<осударь,> многоуважаемый Сергей Григорьевич.

Еще в начале мая с.<его> г.<ода> я сделал заявление (чрез А. Иванову) о своем желании воспользоваться первой освободившейся комнатой в доме Литер.<атурного> фонда (Карповка, 17). О том же я беседовал лично с Вами (также в мае). В начале июня освободившуюся комнату Комитет передал г-ну Мазуренке как подавшему заявление несколькими днями ранее меня. Ныне, по дошедшим до меня сведениям, г. Мазуренко уже около 2-х месяцев не переезжает в переданную ему комнату и не вносит за нее квартирной платы. Ввиду этого, естественно, возникает вопрос о передаче права на эту комнату следующему за г. Мазуренкой кандидату.

Не откажите уведомить меня, как и когда будет решен вопрос Комитетом, т. е. до какого срока будет оставаться комната за г. Мазуренкой, когда она будет предоставлена следующему кандидату, и считаюсь ли таковым кандидатом я или кто другой?

Прошу принять уверения в совершенном почтении.

М. Васильев.

Адрес мой: ст. Чудово. Д. Уймы.

<*На обороте рукой С.Г. Бередникова*:>

Вопрос о занятии комнаты в Доме писателей г. Мазуренко еще не вполне выяснен, так что никакой определенный ответ Вам сообщить не могу. При замещении же комнаты будут пересматриваться все заявления о жела-

нии поселиться в Доме для выбора лица, наиболее отвечающего условиям и правилам жизни в Доме г. Голубева.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 22. Л. 43–43 об.

Макар Николаевич Васильев (1857–1928), ссыльный народоволец, см.: [2, т. 3, вып. 1, стб. 539–541]. Ср. выше письмо Ф.Д. Батюшкова от 29 мая 1910 г.

Обстоятельства жизни М.Н. Васильева в начале XX в. раскрываются в двух документах, хранящихся в ГАНО. В справке, составленной в Министерстве внутренних дел в первой половине 1910 г., сообщалось:

«В декабре 1905 года дворцовый комендант препроводил в Министерство внутренних дел полученное письмо на Высочайшее Его Императорского Величества Имя, подписанное Макарием Васильевым, в коем в совершенно недопустимой форме испрашивалась аудиенция у Его Величества и содержались непристойные выходки против высокопоставленных лиц.

По докладе сего управляющему Министерством внутренних дел статс-секретарь Дурново приказал сделать Васильеву внушение, чтобы он не утруждал более внимания Его Императорского Величества подобного рода непозволительными заявлениями.

Несмотря на сделанное внушение, Васильев продолжал заниматься систематическим составлением и отправлением на Высочайшее Имя, а также на Имя других Членов Августейшего Семейства писем, в коих он в весьма развязных выражениях рассуждал на политические темы, позволяя себе недопустимые как по форме, так и по содержанию суждения.

По поводу одного из таких писем на Имя Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, препровожденного в 1908 году заведывающим Канцелярией Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны с.-петербургскому градоначальнику, Васильев был приглашен в С.-Петербургское охранное отделение, где он дал обязательство не посылать более на Имя Наследника Цесаревича своих навязчивых писем.

В мае 1909 года дворцовый комендант вновь препроводил в Министерство внутренних дел заявление на Высочайшее Имя за подписью названного Васильева крайне неуместного и тенденциозного иронического содержания.

Ввиду того, что Васильев, несмотря на сделанное ему предупреждение, не прекратил своей деятельности, о нем возбуждена была при С.-Петербургском губернском жандармском управлении переписка в порядке 21 ст<атьи> Положения об охране, причем Васильев 22 июля 1909 года был заключен под стражу, а в квартире его произведен был обыск, коим было обнаружено три брошюры революционного содержания, “Конек Скакунок” и один экземпляр перепечатанного на пишущей машинке заявления крайне дерзкого и иронического содержания на Высочайшее Имя.

Произведенной перепиской выяснено, что Васильев в продолжение 7 лет отправил Государю Императору свыше 50 заявлений крайне дерзкого, неуместного и иронического содержания, составленных в недопустимой форме и заключающих в себе суждения, выражения и обороты речи, оскорбительные по отношению к Государю Императору.

<…> Особое совещание в заседании 1 сентября 1909 года, рассмотрев вышеизложенные данные, постановило: подчинить Васильева гласному надзору полиции в избранном им самим месте жительства, вне столиц и столичных губерний, на два года, каковое постановление было приведено в исполнение, и Васильев водворен на станции “Чудово” Новгородской губернии.

Означенное постановление 2 сентября 1909 года было утверждено г<осподином> министром.

По пересмотре Особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о подчиненном с 2 сентября 1909 года на два года гласному надзору полиции в избранном месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, отставном чиновнике Главного управления Туркестанского края, из мещан гор. Смоленска Макарии Николаеве Васильеве, г. министр внутренних дел 25 января 1910 г. постановил: освободить Макария Николаева Васильева от высылки и гласного надзора полиции» (ГАНО. Ф. 117 (Новгородское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 1027. Л. 26 об.–27 об.).

Позднее Васильев написал несколько возмутительных писем на имя П.А. Столыпина, но тот не счел нужным его преследовать и наказывать. Начальник Новгородского губернского жандармского управления полковник М.В. Куроедов получил письмо от петербургских коллег, составленное 25 августа 1910 г.: «В марте-месяце сего года Макарий Васильев по приезде в Петербург обратился на имя г. министра внутренних дел с двумя письмами пасквильного и угрожающего содержания. Копии этих писем были градоначальником при докладе от 26 минувшего июля за № 10851 представлены г. министру с ходатайством о внесении дела о Васильеве вновь на рассмотрение Особого совещания на предмет высылки его под гласный надзор полиции в одну из северных губерний на срок не менее трех лет. Но, как усматривается из сообщения Департамента полиции от 16 сего августа за № 76327, переписка о Васильеве по постановлению г. министра внутренних дел в порядке ст. 34 Положения о государственной охране прекращена» (ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1027. Л. 25–25 об.). В сентябре 1910 г. Васильев перебрался в Гатчину, о чем уведомил новгородские власти (Там же. Д. 1014. Л. 62).

А.Ф. Мейснер

1

Милостивый государь Сергей Григорьевич!

Имею честь почтительнейше просить о предоставлении мне комнаты в Доме писателей (на Карповке) в котором я уже проживал в 1907 году.

Сотрудничал я (стихотворения, рассказы и статьи) с 1890 года во многих изданиях («Вестник Европы», «Рус<ский> Вестник», «Наблюдатель», «Север», «Южные записки», СПб. ведомости» и т.д.).

В Доме писателей я был вчера. Свободная комната в настоящее время имеется.

С истинным уважением имею честь быть, А. Мейснер.

11 сентября 1910 г.

Адрес:

СПб., Загородный проспект, 10

Меблир<ованные> комнаты.

Ал<ексан>дру Федор.<овичу> Мейснеру.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 94–95.

Александр Федорович Мейснер (1865–1922), поэт, прозаик, см.: [5, т. 3, с. 569–570].

2

27 мая 1911 <г.>
Дом писателей

Глубокоуважаемый Сергей Григорьевич!

В комнату мою (в Доме писателей) выходят две печки, нагревающие мою комнату в зимнее время в такой мере, что положительно невозможно дышать. Не помогает даже и открытая целыми днями форточка.

Прежние жильцы не менее меня жаловались на эту нестерпимую жару, доходящую до 18–19 градусов. Вероятно, если я уеду, и будущие жильцы будут также страдать от жары. А между тем обе печки должны топиться ежедневно, так как ими нагреваются и соседние две комнаты.

Если уж нельзя отнести одну из печек в соседнюю комнату к противуположной стене, то я почтительнейше просил бы сделать хоть следующее: обшить ту часть стены, которая является задней стороною печки, отопляемой в соседней со мною комнате, *толстым балдачным тесом*, который, во всяком случае, худший проводник тепла, чем кирпич.

Но всего бы, конечно, желательнее, чтобы другая круглая железная печка была перенесена в другую комнату (№ 5), смежную с моею, где, напротив, наблюдается недостаток высоты температуры.

Если это будет стоить даже свыше 50-ти рублей, то эта небольшая переделка приведет в полную исправность дом, во всём остальном удобный и благоустроенный.

Прошу извинить меня за причинение лишних хлопот.
С истинным уважением имею честь быть, А. Мейснер.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 93–93 об., 96.

С.А. Савинкова

2 декабря 1914 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич!

Так как я просила разрешения на некоторое улучшение электрического освещения, то сообщаю Вам, что я пригласила монтера (заведующая, по обыкновению, так медлила, что я устала дожидаться и позвала его сама) знакомого мне и дешевого. И он сделал: лампочку с бра и проводами в коридоре, таковую же в телефоне (где всегда господствовал мрак, и жильцы жаловались, что невозможно прочитать номера нужного телефона из книги). Затем по заявлению заведующей потребовался блок для ламп в ее комнате, а также лампа над плитою в кухню, где царствовал мрак, почему, якобы, кухарка и плохо готовила, не умея разобраться в темноте. Затем Г.А. Лопатин[1] заявил просьбу о том, чтобы ему сделали особый выключатель у его кровати, т.к. ему приходится на старом месте ночью вставать босыми ногами, чтобы зажечь лампу.

Зная Вашу отзывчивость, я решила, что Вы на это не рассердитесь, и взяла на себя ходатайствовать перед Вами.

Всё это уже сделано и обошлось в 13 р. 27 <коп.>.

Также я воспользовалась монтером и, по совещании с заведующей, поручила ему исправить испорченные звонки: номера были перепутаны и выскакивали не те, какие требовались. Также пришлось переменить и цинк в батарее.

За это уплочено монтеру вместе с работой 3 руб. Всего, значит, на счету 16 р. 27 к., которые заведующей и уплочены.

За штепсели же и провода в моей комнате я уплатила за свой счет из моих денег.

Извещаю Вас об этом, многоуважаемый Сергей Григорьевич, для того, чтобы Вы были в курсе наших дел, т. к., вероятно, здоровье наше не позволит нам выходить по этой погоде.

Я понемногу поправляюсь и немножко гуляю.

Желая Вам всего лучшего, крепко жму Вашу руку.

Преданная Вам С. Савинкова.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–5 об.

Автор письма, вероятно, мать Бориса Савинкова, Софья Александровна (урожд. Ярошенко; 1855(?)–1923), прозаик, драматург (псевдоним С. Шевиль), автор цикла очерков «Воспоминания матери» (с 1906), «В годы старого режима» (1918) и др.

[1] Герман Александрович Лопатин (1845–1918), переводчик, публицист, см.: [5, т. 3, с. 389–391].

Н.В. Шапошников

26 мая 1911 г.

Милостивый государь Сергей Григорьевич!

Сегодня я был на Карповке в «Доме писателей» узнать о свободных комнатах, причем Александра Аверьянова г-жа Иванова сказала о необходимости обратиться к вам по этому поводу. Вследствие чего я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою не отказать о зачислении меня кандидатом на получение первой освободившейся комнаты. Если позволите, я могу явиться к Вам в назначенный день и час.

Причина моего желания попасть в «Дом писателей» та, что я, страдая параличом ног, вынужден вести комнатную жизнь без свежего воздуха, а там я могу погулять в саду и посидеть; теперь же сидишь в каменном мешке. Я пенсионер — получаю 700 руб. в год. На мой журнал получаю субсидию.

Примите уверение в совершенном уважении
Вашего покорного слуги Н.В. Шапошникова.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 69.

Автор обращения, вероятно, редактор-издатель журнала «Водное дело» (1907–1911).

П.А. Миролюбов

Санкт-Петербург, мая 2, 1914 года

Многоуважаемый Сергей Григорьевич,

Обращаюсь к Вам с просьбой разрешения мне занять комнату г-жи Островской в Доме писателей.

Г-жа Островская, уезжая, поручила администрации дома передать временно ее комнату какому-нибудь литератору. Я — соредактор, вместе с В.А. Поссе[1], журнала «Жизнь для всех», сотрудничаю в журналах: «Вестник кооперации», Кооперативная жизнь», «Северный хозяин», «Союз потребителей», «Сельское хозяйство», «Лесоводец».

Справку обо мне можно навести у М.И. Туган-Барановского, Н.В. Чайковского[2], В.А. Поссе.

Комната мне нужна с 5-го мая.

Не сочтите за труд письменно ответить мне на редакцию: в телефоне очень трудно переговариваться.

Готов к услугам — Петр Алексеевич Миролюбов.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 109–109 об.

Автор письма с осени 1913 г. был соредактором издававшегося В.А. Поссе журнала «Жизнь для всех» (1909–1916).

[1] Владимир Александрович Поссе (1864–1940), журналист, писатель-социалист.

[2] Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919), историк-марксист, экономист. Николай Васильевич Чайковский (1850–1926), революционный деятель, долго был в эмиграции, затем в заключении и под судом (оправдан в 1910 г.).

Б.Б. Княжицкий

1

9/V <19>10.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич.

Я не хотел беспокоить Вас, так как из газет узнал, что Вас постигло семейное горе[1].

Однако температура нижнего этажа Дома писателей такова, что приходится тревожить Вас просьбами. Я живу в комнате № 9 — едва ли не самой сырой и холодной из всех. Тем не менее, правом иметь сухую и теплую комнату я не злоупотреблял. В течение апреля и мая у меня топилось не более 2-х раз в неделю: я следил лишь за тем, чтобы t° не опускалась ниже 14°, и в комнате не чувствовалось запаха плесени.

Вчера запах был такой резкий, что я приказал вытопить, но, несмотря на это, запах чувствуется и сегодня. Желая хоть на время высушить свою комнату, я попросил протопить и сегодня — либо мою печь, либо смежную с моей стеной железную, находящуюся в вестибюле. Однако мне ответили, что без разрешения заведующей топить нельзя, а вчера она заявила лакею, что в мае топить ежедневно нельзя, так как ей сократили отпуск дров.

Ввиду этого я не стал обращаться к ней, а вынужден беспокоить Вас просьбой разрешить мне топить не по сезону, а по погоде: если холодно и сыро — то и 4 раза в неделю, если же тепло и сухо, то, можете быть уверены, что дровами Литературного фонда я злоупотреблять не буду. Желательно также, чтобы в холода, подобные тем, какие стоят последние 3–4 дня, хоть раз в неделю топилась железная печка.

Кроме того, не найдете ли Вы возможным распорядиться о том, чтобы t° столовой поддерживалась ну хоть на высоте 13°. На этой неделе цифры таковы: 3-го мая — 12 ½°; 4-го — 12°; 5 и 6 — 13°; 7-го — 11 ½°; а 8-го — 11°. Согласитесь, что это маловато.

Очень извиняюсь, что беспокою Вас помимо заведующей, но обстоятельства сложились так, что иначе ничего не добьешься.

С истинным уважением, Б. Княжицкий.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 32 — 35 об.

Борис Борисович Княжицкий — писатель, переводчик.

[1] 28 апреля 1910 г. в Петербурге скончался В.Г. Бередников, брат Сергея Григорьевича.

2

22/V <19>10

Многоуважаемый Сергей Григорьевич.

Опять приходится беспокоить Вас из-за пустяков, но мелочные придирки и пакости, творимые заведующей, становятся несносными, как укусы клопа. Сегодня мне подали молоко в горшке, из которого и вообще-то наливать неудобно, а тем более слепому человеку. Когда я спросил, почему не подали молочника, на что получил ответ, что молочника жильцам давать не полагается. «Мало ли кто там захочет молочник — Княжицкий, Штейн — так для каждого покупать», — сказала заведующая прислуге.

Между тем, еще осенью заведующая купила на казенные деньги молочник и сказала мне, что это для моей комнаты. Теперь я молочника лишен. Будьте добры разъяснить: действительно ли я должен сам купить молочник, или можно купить для жильцов 6–8 молочников по 40–50 к<опеек> на казенные деньги.

Затем считаю долгом сообщить Вам, что о словах, сказанных про меня Устуговым, я узнал лишь 20 числа. Мною предприняты по этому поводу некоторые шаги, и по получении результатов я попрошу Устругова точно формулировать свои обвинения, и опровергну их. Выяснение инцидента будет иметь место в Вашем присутствии.

С истинным уважением, Б. Княжицкий.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 29–31 об.

В.И. Засулич

27 февраля 1911 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич, занимая комнату в Доме писателей, я ежегодно уезжаю в деревню на пять месяцев, с конца апреля до конца сентября. Я хотела бы оставить комнату за собою, но мне было бы слишком трудно уплатить 85 руб. за эти летние месяцы. Не будете ли Вы добры известить меня: не найдет ли Совет возможным сбавить плату за эти пять месяцев, когда комната будет стоять пустой?

С искренним уважением, В.И. Засулич.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.

Вера Ивановна Засулич (1849–1919), известная революционерка; публицист, критик, переводчица, см.: [5, т. 2, с. 330–331].

Н.В. Яковлева-Ланская

Карповка, 17
19 марта 1911

Глубокоуважаемый Сергей Григорьевич,

Ввиду Вашего участия в жизни нашего Дома и Вашего влияния на его нравственную сторону я хочу сообщить Вам некоторые факты, характеризующие положение Дома. Пишу это *только* для Вашего сведения.

Несколько дней тому назад г. Борисов в присутствии г-ж Радендорф, Ивановой и меня рассказал, что, возвращаясь накануне около часу ночи домой, он увидел идущим впереди себя с чемоданом какого-то господина, который, отперев парадную дверь своим ключом, направился в комнату г. Штейна. Несколько дней раньше около полуночи г-жа Радендорф видела также Штейна с двумя женщинами, которых он привел в дом. Если к этому прибавить ту репутацию его жены, о которой мне довелось лично слышать от дворника соседнего дома, да те пивные бутылки, которые неизменно дежурят в нижнем коридоре на окне, то предполагаемое Вами (и почему-то затягивающееся) выдвижение этой странной четы только очистит атмосферу дома.

С чувством уважения, преданности, готовая к услугам
Н. Яковлева-Ланская.

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 102.

Надежда Владимировна Яковлева-Ланская (1839–1914), писатель.

А.А. Виницкая

Многоуважаемый Сергей Григорьевич, пишу Вам не жалобу, а письмо, которое пусть останется между нами, но прошу Вас иметь его в виду на будущий сезон.

Дело в том, что рядом со мной в ком<нате> № 4 живет больная истеричка г-жа Островская, переутомленная учительница, страдающая мозговыми болями до обострения слуховых нервов в такой сильной степени, что она слышит, как завертывают электрическую кнопку не только по соседству, но и внизу. А иногда слышит, чего и нет, в припадке галлюцинации слуха. У ней всегда болит голова.

Когда она в первый раз вошла ко мне, молодая, красивая, с сильной комплекцией, ее коричневый цвет лица, опухшие красные веки, красные жилки на зрачках — всё это признак прилива крови к голове — произвели на меня удручающее впечатление. Из жалости к ней я так остерегалась, так настроила себя, что, даже когда ее дома нет, кралась по комнате. Тихонько я приподнимала и опускала, перестанавливая вещи, а в тесноте то и дело надо подвинуть столик, чтоб достать с полки, переставить кресло, чтоб подойти к окну. И, ловя себя на ненужной подчас осторожности, мучилась я своей подавленностью. Но, работая головой, Вы согласитесь с этим, нельзя же думать только о нервах соседки. И вот: нечаянно толкнешь стол, и она входит с упреками, мешая мне работать, и становясь день ото дня требовательнее.

Сколько раз я просила соседей щадить ее, смазывала двери, чтоб не скрипели, и она ценила мои заботы.

Более недели из жалости к ней я не шевелилась в постели по утрам, пока она не встанет. Между тем, другие соседи с 5 часов утра не стесняются. Мейснер собирается на дежурство, <дре>безжит в коридоре, топает, хлопает дверями. Левитов делает гимнастику, бросает гири, прыгает, стучит. Яковлева расхаживает по библиотеке, а мой ближайший сосед <в> № 6[1] ходит по комнате на скрипучих каблуках. Спать уж нельзя.

Здесь приют для старых людей, а старики всегда просыпаются рано: это закон природы. И у всех потребность движения, чтоб оживить немеющие за ночь члены. И, уважая чужие права наравне с своими (а то и выше), я во весь год никому и ни на кого не заявила ни одной претензии, ни жалобы, стесняя себя, применяясь к другим.

И вот лежу, не шевелясь, светло, работать хочется — лежу… Согласитесь, что такой режим больше недели невозможно выдержать; у меня уж начались покалыванья конечностей от неподвижности — это ведет к закупорке вен. Ни один заключенный в тюрьме не лишен свободы движений, как я добровольно из сострадания к больной.

Я не вытерпела и встала в шесть часов.

В тот день Островская в припадке бешенства ворвалась ко мне с криком, с угрозами, с оскорблениями, требовала, чтоб я переставила свою мебель, как для нее удобнее, чуть не сломала мой умывальник, стуча педалью, словом, так напугала меня в самом разгаре моей работы, что я выбежала от нее в коридор. По счастью, прислуга была недалеко и убрала ее, но она долго еще кричала, стуча в мою стену.

Отняла она у меня подходящее для работы настроение, расстроив меня до последней степени. Потом она пошла собирать у соседей подписи о моем удалении из дома. Соседи не только ей отказали, но в свою очередь начали собирать подписи об ее выселении, потому что она подобными же выходками с требованием не шевелиться надоела жившим с ней рядом. Я разъяснила им ее болезнь. Сколько времени, сколько сил отнято у меня этой историей. Работа так и не кончена. Надо бы сдать ее и ехать скорей поправиться, но вместо того, чтобы сосредоточить мысли на своем деле, я страдала, вынашивая это письмо до решения послать его Вам.

Если Островская за лето не поправиться, ей нужен психиатр. Гибнет она, не сознавая своего положения.

По поводу экономки. Она жаловалась на меня.

Замечательно, что здешняя экономка прославилась тем, что в Доме писателей она преследует именно писателей и ученых, как Березовский, при содействии совсем не писательниц, как Островская. Валентин Иванович[2] выказывал мне внимание, он входил ко мне осведомиться о здоровье, и при нем не смели меня тревожить.

Теперь экономка меня упрекнула, что я вымолила у Вас подачку. Я с искренней благодарностью возвратила Вам долг и еще благодарю от души. Но уверяю Вас, Сергей Григорьевич, что в денежном отношении мне и <в> голову не приходило рассчитывать на Вашу доброту. Вот в данном случае я на нее рассчитываю и умоляю Вас: скоро Островская уедет — так сдайте комнату № 4 другому лицу, ей будет лучше без соседей в № 9, рядом со столовой, где она прежде и жила.

Будьте, ради Бога, добры и внимательны к моей просьбе, Сергей Григорьевич, умоляю Вас. За свою комнату я всё лето плачу.

А. Виницкая.

Карповка, 17. Ком<ната> 5

ГАНО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 22. Л. 47–50 об. Без даты.

Александра Александровна Виницкая (наст. фамилия Будзианик; 1847–1914), прозаик, мемуарист, см.: [5, т. 1, с. 443–444].

[1] И.Д. Лукашевич.

[2] В.И. Яковенко.

Литература

1. *Битов А.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1991. Т. 1. 574 с.

2. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927–1934. Т. 1–5.

3. *Корнилов А.А.* Пятидесятилетие Литературного Фонда. Общий очерк // Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. С. 3–71.

4. *Полевая М.И.* Дом писателей имени В.Ф. Голубева // Дома рассказывают. СПб.: Лениздат, 2002. Вып. 2. С. 203–277.

5. Русские писатели. Биографический словарь. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1989–2019. Т. 1–6.

6. *Шадурский В.В., Кошелев А.В., Боденчук В.А., Барашкова Д.С.* Новгородская литература первой половины XX века: новые имена, факты, произведения. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. 239 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the History of the House of Writers Named after V.F. Golubev (From Letters to S.G. Berednikov)

© 2025. Anatoly V. Koshelev
State Archive of the Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia

Acknowledgements: The publication was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (RNF), project no. 23-28-01762 “Research on the History of Novgorod Literature of the First Half of the 20th Century Based on Archives, Journals and Newspapers.”

Abstract: The commented publication of letters from guests, employees, and members of the Council of Management of the House of Writers named after V.F. Golubev to Sergei Grigoryevich Berednikov (1853–1915), discovered in the personal fund of Tikhvin merchants (State Archive of the Novgorod region), complements the known information about the capital’s literary life of the 1910s. Opened in 1905, the House of Writers named after V.F. Golubev, owned by the Literary Fund, was conceived as a hostel for people of creative professions. S.G. Berednikov, in the 1910–1914s — a member of the House Management Council and its head, was forced by position to delve into the complex of everyday problems, which the guests of the House informed him in letters. The publication clarifies the names of the residents of the House of Writers in the first half of the 1910s and publishes separate documents regulating its work.

Keywords: Literary Fund, House of Writers named after V.F. Golubev, S.G. Berednikov, E.A. Chebysheva-Dmitrieva, F.D. Batyushkov, V.I. Zasulich, literary life, archival documents.

Information about the author: Anatoly V. Koshelev, DSc in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, State Archive of the Novgorod region, Mira Ave., 37, 173021 Veliky Novgorod, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6389-8127

E-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru

For citation: Koshelev, A.V. “On the History of the House of Writers Named after V.F. Golubev (From Letters to S.G. Berednikov).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 28–54. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-28-54

References

1. Bitov, A. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works: in 3 vols.*], vol. 1. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 574 p. (In Russ.).

2. *Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii. Bio-bibliograficheskii slovar’. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniia tsarizma* [*Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bio-Bibliographic Dictionary. From the Predecessors of the Decembrists to the Fall of Tsarism*], vol. 1–5. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Exiled Settlers Publ., 1927–1934. (In Russ.)

3. Kornilov, A.A. “Piatidesiatiletie Literaturnogo Fonda. Obshchii ocherk” [“The 15th Anniversary of the Literary Foundation. General Outline”]. *Iubileinyi sbornik Literaturnogo fonda. 1859–1909* [*Jubilee Collection of the Literary Fund. 1859–1909*]. St. Petersburg, The Partnership “Public Benefit” Publ., 1909, pp. 3–71. (In Russ.)

4. Polevaia, M.I. “Dom pisatelei imeni V.F. Golubeva” [“House of Writers Named After V.F. Golubev”]. *Doma rasskazyvaiut* [*The Houses Tells*], issue 2. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2002, pp. 203–277 (In Russ.)

5. *Russkie pisateli. Biograficheskii slovar’. 1800–1917* [*Russian Writers. Biographical Dictionary. 1800–1917*], vol. 1–6. Moscow, Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1989–2019. (In Russ.)

6. Shadurskii, V.V., A.V. Koshelev, V.A. Bodenchuk, and D.S. Barashkova. *Novgorodskaia literatura pervoi poloviny XX veka: novye imena, fakty, proizvedeniia [Novgorod Literature of the First Half of the 20th Century: New Names, Facts, Works*]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2024. 239 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.09.2024
Одобрена после рецензирования: 07.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 04.09.2024
Approved after reviewing: 07.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91
https://elibrary.ru/ISSXNH

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Зевес Благоволитель» и «прирожденный gamin»: переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским (1907–1914)

© 2025, С.В. Федотова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуется двустороння переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским, позволяющая проследить литературные взаимоотношения между известным библиографом, историком литературы, издателем, с одной стороны, и молодым литературным критиком — с другой. Реконструируется неизвестный сюжет, связанный с попытками Венгерова привлечь Чуковского к написанию литературных портретов В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус для масштабного издательского проекта «Русская литература XX века. 1890–1910» (под ред. проф. С.А. Венгерова). Выдвигается гипотеза о том, что недатированный ответ Чуковского на анкету КБС (Критико-биографического словаря…) может быть хронологически соотнесен с последними письмами корреспондентов.

Ключевые слова: С.А. Венгеров, К.И. Чуковский, переписка, В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус, литературные портреты, анкета КБС, издательские проекты.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: *Федотова С.В.* «Зевес Благоволитель» и «прирожденный gamin»: переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским (1907–1914) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 55–91. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91

Трудно представить себе людей более противоположных, чем Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) и Корней Иванович Чуковский (1882–1969), особенно на момент их личного знаком-

ства в 1905 г.[1] Первый — авторитетнейший историк литературы и общественного движения; один из самых ярких представителей отечественной культурно-исторической школы конца XIX – начала XX в.; составитель многотомных биобиблиографических словарей; редактор собраний сочинений Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона, Пушкина, Белинского; автор многочисленных монографий и т. д. Второй к моменту знакомства — никому не известный провинциальный фельетонист, газетчик; талантливый, остроумный, оригинальный до дерзости самоучка с незаконченным гимназическим образованием. Один — серьезный критик идейно-публицистической направленности, убежденный общественник; другой — начинающий критик-импрессионист, веселый полемист и парадоксалист, явный индивидуалист и тайный адепт «самоцельного искусства», балансирующий между модернистской и массовой литературой.

Публикуемая переписка между такими разными людьми охватывает период с 1907 по 1914 г. и включает в себя 17 писем Чуковского (в том числе две расписки) и 12 писем Венгерова. Часть писем, возможно, утеряна, но даже дошедший до нас состав представляет определенный историко-литературный интерес, особенно значимый для изучения раннего творчества Чуковского. Для исследователей неутомимой многогранной деятельности С.А. Венгерова переписка также может быть далеко не бесполезной. На фоне огромного эпистолярного наследия ученого и редактора она выглядит не самым значительным, но все же показательным эпизодом.

До сих пор из эпистолярного диалога был известен только один фрагмент из письма Венгерова от 13 декабря 1908 г., который процитирован (с небольшими неточностями) в статье Е.В. Ивановой «Неизвестный Чуковский»: «Значит, будете продолжать писать в прежнем стиле, что, ей богу, лучше вам дается, чем попытки сумрачной “серьезной” критики. Вы прирожденный гамен, и это очень ценно. Гамены — публика весьма заслуженная, несмотря на свою легковесность: они, как Вы сами знаете, исполняют очень серьезные функции в Париже: ничто так не убивает всякую пошлость, как персифлаж гаменов» [11, т. 6, с. 24]. Цитата подается здесь как редкий пример

[1] Ср. дневниковую запись Чуковского от 7 февраля 1905 г.: «Боже мой, скольких я литераторов знаю», далее приводится список из 15 фамилий. Замыкают его З.А. и С.А. Венгеровы [11, т. 11, с. 111]. С З.А. Венгеровой Чуковский познакомился раньше, отправив ей письмо из Лондона, где в качестве корреспондента «Одесских новостей» пребывал в 1903–1904 гг., начал переводить с английского, и осмелился предложить переводчице и автору статьи «Р. Броунинг и его поэзия» (Вестник Европы. 1893. Кн. 9) свои первые переводческие опыты из Браунинга. Ответ Венгеровой не сохранился, но, со слов самого Чуковского, известно, что она сообщила ему о том, что перевод пойдет в «Вестнике Европы» [11, т. 14, с. 62]. Публикация не состоялась.

исключительно доброжелательного мнения Венгерова по поводу дебютной книги Чуковского «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики» (1908), противоположного осуждающему отзыву З.Н. Гиппиус[2].

Введение в научный оборот полного корпуса писем позволяет уточнить ближайший контекст, да и сам текст проницательного высказывания Венгерова. Теперь понятно, что он отвечает на письмо Чуковского от 12 декабря, где среди прочего говорится: «Читали, как в “Весах” похвалил меня Брюсов? Я сегодня целый день хожу именинник. Третье изд. я очень переделал — вышла превосходная книжка “От Чехова до наших дней”» (п. 6). Интересно, что откровенно высокая авторская самооценка преподносится только Венгерову, во всех остальных случаях Чуковский сообщал о выходе книги с непременными «улыбчивыми жалобами и скромными отмахиваньями», говоря словами Гиппиус (см. примеч. 3 к п. 6). Выясняется и еще один момент. Мнение Венгерова несомненно опосредовано рецензией Брюсова, как видно из пропущенных в первой публикации начальных фраз фрагмента: «Рецензию Брюсова читал и содержание оной одобрил. Весьма рад, что Вы соглашаетесь с Брюсовым» (п. 7). Так же осталось неотмеченным зачеркнутое слово, что несколько меняет смысл утверждения: «Вы прирожденный gamin, и это очень ценно [в литературе]». Из логики этой правки следует, что для Венгерова *парсифлаж* гамена, уличного сорванца, насмешника, в литературе все-таки неуместен или по крайней мере сомнителен. В таком ключе его отношение к фельетонной критике Чуковского становится менее однозначным. Складывается впечатление, что характеристика Венгерова была обобщенной и имела отношение не только к творчеству, но и к личности Чуковского в целом.

Переписка впервые дает возможность узнать о том, как менялись отношения между корреспондентами в период стремительного взлета популярности Чуковского-критика. Почерпнуть малочисленные сведения по этому вопросу до сих пор можно было в основном из дневника Чуковского и его писем другим лицам[3]. Теперь же

[2] 25 января 1908 г. Гиппиус писала автору: «Мне жаль, что среда вас балует, жаль, что ваша книга (дешевая книжка!) так расходится, жаль, что вы устроились и катитесь на этих салазках газетного успеха, — жаль именно потому, что вы очень талантливы и, при этом, кажется умны. Посмотрите, какой “тон” вас засасывает, какой он скверный, гаерский, иногда прямо хулиганский. <…> ведь этот ваш тон и “легкость пера” вам самому нравятся! Вот тут-то главная, да, может быть, и единая опасность! Нравятся, нравятся, чую и вижу это сквозь ваши улыбчивые жалобы и скромные отмахиванья. Если вы этого в себе не видите, — ну что ж, значит я вижу больше вас. Но это есть. Ваша скромность — чуть-чуть “скромность великого человека”» [11, т. 6, с. 23]. Полный текст письма см.: [9, с. 55–57].

[3] Так, например, о ранних попытках сотрудничества узнаем из записи от 9 апреля 1905 г.: «Перевожу Байрона для Венгерова» [11, т. 11, с. 114]; о более тесном общении с семейством Венгеровых после переезда Чуковского в Петербург осенью

выясняется, что именно Венгеров пригласил его вступить в Петербургское литературное общество и на первых порах содействовал выступлениям молодого критика перед широкой публикой. Здесь 2 января 1909 г. был прочитан доклад «Нат Пинкертон и современная литература», 25 сентября 1909 г. — лекция «Красный ли Цветок? (О Всеволоде Гаршине)», вызвавшая бурную полемику и возмутившая всех любителей Гаршина, в том числе самого Венгерова, снабдившего лектора материалами о писателе (п. 9).

Принципиальные расхождения во взглядах не помешали Венгерову пригласить дерзкого критика к участию в юбилейном сборнике Литературного фонда: «По поручению Комитета Фонда обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой дать что-нибудь для этого сборника. Комитет надеется, что Вы не откажетесь принять товарищеское участие в благом деле», — пишет он 19 ноября 1909 г. (п. 11). Однако, вопреки заверениям в том, что он польщен приглашением, Чуковский *в благом деле товарищеского участия* не принял.

Почему он не выполнил своего обещания, можно только гадать, но вряд ли можно сомневаться, что Венгерову как составителю и редактору сборника необязательность автора была не по душе. В равной, если не в большей степени ему не мог понравиться шумный скандал, спровоцированный Чуковским через несколько месяцев, который всколыхнул литературно-издательскую среду. В авторской рубрике «Литературные стружки» (Речь. 1910. 7 марта) критик опубликовал заметку, обвиняющую журнал «Современный мир» в обмане читательских ожиданий: ни одного произведения известных авторов из анонсированных в объявлениях о подписке на 1909 г., не было напечатано, заявил он. Разгорелся публичный конфликт между редактором «Современного мира» Н.И. Иорданским и издателем газеты «Речь» И.В. Гессеном, с взаимными обвинениями и вызовом на дуэль. В конце концов инцидент разрешился третейским судом, осудившим обе стороны. Венгеров же был одним из судей и авторов итогового заключения[4]. Показательно, что накануне этого разбирательства Чуковский в письме от 2 (15) апреля 1910 г. сообщал Брюсову: «Я же намерен зубами и когтями защищать свою — как говорится — честь. Судьи у меня либо впавшие в детство (Арсеньев,

1905 г. — из письма Е.А. Ляцкому от 18 июня 1906 г., где упоминаются «наши друзья Венгеровы-Слонимские» [11, т. 14, с. 95], а об отношении к старшим «друзьям» — из дневниковой заметки от того же числа, где речь идет о «слонимски-венгеровском тоне дешево насмешливого резонерства» [11, т. 11, с. 131].

[4] Об этом инциденте см.: *Арсеньев К., Анненский Н., Венгеров С. и др*. Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // Современный мир. 1910. № 5; а также: [11, т. 7, с. 13; т. 14, с. 219–220].

Анненский), либо пристрастные (Куз<ь>м<ин>-Караваев), либо глупые (С.А. Венгеров), либо и то, и другое, и третье (Градовский)» [11, т. 14, с. 218–219].

После этого случая Венгеров не отвечал на письма в течение полутора лет, или же его ответы не сохранились. Но скорее первое. Подтверждением тому является письмо Чуковского от 20 сентября (2 октября) 1910 г., где он *торопится ответить* на запрос Литературного общества о планируемых рефератах об Уолте Уитмене и Тарасе Шевченко. Точно такое же письмо, но без личных отступлений («Ничего сногсшибательного — не бойтесь, — на этот раз не будет, — просто факты и (шопотом!) кое-какие личные соображения»), он накануне отправил другому члену Комитета, В.В. Водовозову, от которого, очевидно, и получил официальный запрос (см. примеч. 1 к п. 13). Ответ Венгерова неизвестен, а выступления по предложенным рефератам в Литературном обществе так и не состоялись. Взаимосвязь между этими двумя «минус-событиями» бросается в глаза.

По письму от 26 февраля (11 марта) 1911 г., также оставшемуся безответным, видно, что Чуковский изо всех сил старается «“оправдаться” за свой “негероический период”»: «Свершилось: Чуковский написал статью *идейную*, и теперь уже может войти в Ваш синодик героев», — торжественно извещает он о своей статье о Шевченко. Цель этого послания, впрочем, вполне прагматическая — с помощью Венгерова получить приглашение выступить в Литературном фонде (п. 15). Судя по тому, что уже через два месяца Чуковский ведет речь об основательной подготовке к статье о Брюсове (п. 16), Венгеров оттаял и рискнул предложить ему написать литературный портрет для первого тома издания «Русская литература XX века. 1890–1910». Этот интересный факт выявляется только из переписки. Не зная о ее содержании, невозможно было бы представить, что у Чуковского был шанс стать автором статьи о Брюсове в одном из самых уникальных издательских проектов Венгерова.

Вместе с тем ответ Венгерова от 21 мая 1911 г. демонстрирует, что он сильно сомневался в обязательности Чуковского. «Ежели без обмана Вы действительно дадите литературный портрет Брюсова к 1 декабря — то я подожду», — пишет он и в конце письма еще раз пытается обезопасить себя: «Во вторник еду в Москву и скажу Брюсову, что Вы взялись, а Вы, все-таки, до вторника доставьте мне письменную клятву, что не надуете» (п. 7). Был ли осуществлен такой радикальный способ договоренности, трудно сказать, но в любом случае опасения опытного редактора подтвердились сполна.

Кульминация переписки приходится на 1912 г., и связана она с безуспешными попытками Венгерова заполучить от Чуковского обещанный (и авансированный) материал для первого тома. Не дождавшись к указанному сроку статьи о Брюсове, в письме от 12 января 1912 г. он идет на тактическую уступку, предлагая заменить Брюсова на Гиппиус, надеясь, надо думать, что с этой задачей Чуковский справится легко. За полгода до этого был опубликован его фельетон «“Чертова кукла”: Роман З.Н. Гиппиус» (Речь. 1911. № 145, 29 мая), большая часть которого, вопреки названию, посвящена поэзии Гиппиус; собственно роману уделено не так много места (две последние главки из пяти). Венгеров определенно полагал, что Чуковский быстро доработает готовый текст, расширит часть о прозе, изменит стилистику, снимет личные обращения (фельетон написан в жанре открытого письма) — и поспеет к крайним срокам, не нарушив своих обязательств. Но все сразу пошло не так.

В течение следующих семи месяцев Венгеров просит, умоляет, требует известить его о состоянии дел со статьей. Пишет письма, звонит по телефону, но все напрасно: или Чуковский болен, или он в долгосрочном турне по России с лекциями об О. Уайльде. За все это время Чуковский ответил дважды — 22 февраля и 2 июня. Первое письмо — из санатория Гранкулла, где он лечился он нервного переутомления. «…моя статья о Гиппиус, которую не могу докончить из-за непрерывной головной боли, служит явным доказательством моей невменяемости», — сообщил он. Второе отправлено уже из Куоккалы в ответ на скандирующее письмо Венгерова от 30 мая 1912 г: «Гиппиус! Гиппиус! Гиппиус!». «Пишу, пишу, пишу! — почти передразнивает Чуковский. — Но больше лежу в постели — болел», и тем не менее уверенно заверяет: «О Гиппиус почти готово».

Через два месяца бесплодного ожидания Венгеров предпринимает последнюю попытку добиться *прямого* ответа, но уже, как кажется, хорошо понимает суть происходящего, о чем говорит приписка: «Меня кто-то по телефону мистифицирует от Вашего имени: то говорит “под еврея”, то “под немца”. Неужели это Вы?» (п. 25).

На этот раз Чуковский отреагировал мгновенно, со всей искренностью, но и со всем своим риторическим мастерством. Он и признает свою вину («Конечно, я сволочь»), и приводит фантастические «смягчающие вину обстоятельства», и дает ложные заверения («Гиппиус у меня почти готова — осталось написать о Чортовой Кукле»), и взывает к милости и всепрощению («Разрешите я приеду к Вам на неделе — и мы поговорим из уст в уста»), и выносит себе

убийственный приговор («Я должно быть брошу литературу — ибо к 30 годам стал литературным импотентом»).

Нельзя не признать, что во всей этой истории Чуковский выглядит, мягко говоря, двойственно. Даже принимая во внимание, что он действительно болел и переживал творческий кризис[5], что он, имея большую семью, всегда был озабочен поиском средств для ее содержания, все же очевидно, что Венгерову он морочил голову. В архиве Чуковского отложился фрагмент черновика статьи о Гиппиус и начало машинописи[6]. Архивисты предположительно датируют этот материал 1914 г., соотнеся его со статьей «З.Н. Гиппиус» из сборника «Лица и маски», вышедшего в том же году в издательстве «Шиповник». Однако книга была готова к печати на два года раньше[7]. Сопоставление этой статьи с газетным фельетоном «Чортова кукла» (1911) показывает, что автор внес лишь небольшую правку, но в целом это один и тот же текст[8].

Последнее, прохладно-официальное письмо Венгерова (п. 27) говорит о том, что личная встреча — *Каносса Чуковского* — произошла, и, судя по двум запискам, завершающим переписку, разговор был тяжелый, но все же примирительный. Чуковский был великодушно прощен. Правда, больше никаких профессиональных отношений между нашими героями не было.

В огромной коллекции автобиографий, собранных С.А. Венгеровым для Критико-биографического словаря (КБС), сохранились частично заполненная Чуковским анкета малого формата, а также совершено чистый бланк письма с реквизитами КБС, предназначенный для развернутой автобиографии или библиографии; на обоих документах рукой Венгерова помечено: «Чуковский»[9]. Можно предположить, что заполнение анкеты произошло в день покаянной беседы, которая состоялась в течение двух ближайших недель после 6 сентября 1912 г., как следует из венгеровского письма (п. 27). Имеет смысл привести этот весьма примечательный документ:

---

[5] Из дневника Чуковского видно, что он до старости страдал от собственной «литимпотенции»; см., напр. запись от 16 марта 1958 г. [11, т. 13, с. 255].

[6] НИОР РГБ. Ф. 620. К. 15. Ед. хр. 6.

[7] Об этом Чуковский сообщал в письме А.В. Руманову от 7 ноября 1912 г.: «Недавно я подготовил для “Шиповника” новую книгу <…>» [11, т. 14, с. 300].

[8] В комментарии к статье о Гиппиус сказано: «Как следует из писем С.А. Венгерова к Чуковскому, весной-летом 1912 года Чуковский работал над еще одной статьей о Гиппиус, но следов этого замысла не сохранилось (ОР РГБ. Ф. 652. К. 62. Ед. хр. 19)» [11, т. 7, с. 667]. Теперь можно уточнить время работы — с января по август 1912 г. и модальность — не работал, а *должен был* работать. Отметим также, что архивный шифр указан неверно.

[9] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3848.

Фамилия	*Корнейчуков*
Имя	*Николай*
Отчество	*Васильевич*
Род деятельности	*рецензент*
Когда родился	*1883 г. 19 марта*
Где	*в Петербурге*
В какой семье	*крестьянской*
Вероисповедание или национал.	*православный*
Где получил сред образ.	||
“ ” высшее	||
Ученое или служебное зван.	||
Где умер	—
Когда	—

При всей скудности этих биографических данных, можно догадаться, что дались они Чуковскому непросто. Он всегда старательно избегал точной информации о своем рождении, происхождении и образовании, полностью изменил фамилию, имя, отчество[10]. Приведенные подлинные сведения свидетельствуют о глубоком отчаянии и самоуничижении, в котором Чуковский явился на встречу с Венгеровым, о его желании доказать, что отныне он будет говорить правду и только правду. Легко вообразить, как младший плакался и бил себя в грудь, а старший наставлял его на честный путь служения высокой литературе, уверял в том, что у него все еще впереди, какие его годы: *вот, заполните, кстати, анкету*. Эта гипотетическая картина, которую мы позволили себя набросать, дает, как видится, единственное объяснение тому факту, что в графе «Род деятельности» Чуковский указал «рецензент» — не литературный критик, не писатель, не переводчик и даже не фельетонист, а всего лишь рецензент. В этой самоаттестации, утрированно подчеркивающей незначительность и случайность всех литературно-критических опытов автора, аффектированно звучит интонация почти юродствующего самоумаления.

[10] Ср. отчаянную запись в дневнике от 3 февраля 1925 г.: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным, непростым человеком на земле. Главное: я мучительно стыдился в те годы сказать, что я “незаконный”. <…> Помню страшные пытки того времени: — Какое же ваше звание? — Я крестьянин. — Ваши документы? А в документах страшные слова: сын крестьянки, девицы такой-то. Я этих документов до того боялся, что сам никогда их не читал. Страшно было увидеть глазами эти слова. <…> Эта тогдашняя ложь, эта путаница — и есть источник всех моих фальшей и лжей дальнейшего периода. <…> Помню, как клоунски я просил всех даже при первом знакомстве — уже усатый — “зовите меня просто Колей”, “а я Коля” и т. д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь — никогда не показывать людям себя — отсюда, отсюда пошло все остальное. Это я понял только теперь» [11, т. 12, с. 209–210].

Составители указателя коллекции автобиографических материалов Венгерова в аннотации анкеты Чуковского резонно изменили род деятельности респондента: «писатель, литературовед, переводчик», и датировали анкету: «(не ранее 1910)» [7, т. 2, с. 564]. В контексте рассмотренного эпистолярного сюжета можно уточнить дату заполнения опросного листа КБС — это сентябрь 1912 г. Отметим еще один момент, не исправленный в аннотации. Год рождения Чуковский указал неверно: вместо 1882 — 1883. Даже если это описка, она весьма показательна.

В октябре 1920 г. Чуковский сделал ретроспективную запись в дневнике: «Когда я только что “возник” в Петербурге, я был очень молод. Моя молодость скоро всем надоела. “Чуковский скоро празднует 25-летие своего 17-летия”, — говорил Куприн» [11, т. 11, с. 301]. Действительно, в 1900-е годы о Чуковском непрестанно говорили как о *молодом таланте, enfant terrible русской литературы*, *невзрослом критике*. Да ведь и сам Венгеров распознал в нем *прирожденного gamin'a*, насмешливо-язвительного, легкомысленного уличного подростка, возмутителя общественного спокойствия. В этом смысле преуменьшение возраста в анкете КБС поддерживает репутацию молодого таланта, подающего большие надежды, которому многое прощается. Если наше предположение верно, то на фоне суровой правды других анкетных данных в невинной вроде бы уловке проглядывает известная *очей притворчивых лукавость*, свойственная Чуковскому, которая отбрасывает тень на его покаянную исповедь Венгерову *из уст в уста*.

В заключение обратимся к годовому обзору Чуковского «Русская литература в 1911 году», опубликованному во второй половине января 1912 г.[11]. Среди новинок прошедшего года он упоминает первый том Собрания сочинений С.А. Венгерова, куда вошли три очерка («Основные черты истории новейшей литературы», «Победители или побежденные? (о модернизме)» и «Героический характер русской литературы»):

> «Собрание сочинений» С.А. Венгерова — *хорошее* приобретение русской словесности. На критическом нашем Олимпе г. С.А. Венгеров несомненный и признанный Зевес — *Зевес Благоволитель*, — и есть у него этакое олимпийское всеприятие, всепонимание.

[11] Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. Пб., 1912. С. 430–449. Ср. оценку несколько задержавшегося по времени первого издания «Ежегодника» в февральском письме Чуковского жене из санатория: «Ежегодник “Речи” мне не нравится: какой-то вчерашний календарь» [11, т. 14, с. 284].

Трогательно было наблюдать, как он даже Сологуба и Гиппиус *приял в свое широкое лоно* — и даже в них *с умилением* увидел старозаветных героев, бойцов и подвижников» [11, т. 7, с. 558–559].

Выделенные нами курсивом выражения — маркеры амбивалентного стиля ироничной похвалы, типичного для Чуковского-критика. Как правило, подобная двусмысленная характеристика стягивалась к центральному, парадоксально-афористическому определению, которое воспринималось современниками как остроумная этикетка, навечно приклеенная к писателям. Когда-то Венгеров, вслед за Брюсовым, отметил этот специфический прием как достоинство *блестящих карикатур* Чуковского, *прирожденного gamin'a* (п. 7). Теперь же он сам получил наклейку — *Зевес Благоволитель*, — соединяющую в себе противоположные качества и атрибуты — грозность античного бога-громовержца и всеблагую милость христианского. На первый взгляд, Чуковский иронизирует по поводу магистральной идеи Венгерова о религиозном характере русской литературы, о той «религии добра», которую, по Венгерову, самоотверженно исповедовали все писатели XIX в., в том числе воинствующие атеисты. Согласно Венгерову, новые религиозные искания модернистов, пришедшие на смену декадентству, возвращают литературу в лоно «религии добра» и тем самым продолжают аскетические и героические традиции отечественной словесности, синтезируя новые художественные формы и старое идейно-нравственное содержание. Но это только верхний слой отзыва Чуковского, демонстрирующий его несогласие с венгеровской концепцией в целом. Нижний — в деталях, в замечании о наивной попытке Венгерова *приять* в *свое широкое лоно* Сологуба и Гиппиус. Дело в том, что в рецензируемом томе Собрания сочинений имеются развернутые характеристики всех ведущих модернистов, кроме Зинаиды Гиппиус. Ее имя упоминается редко и почти всегда в связке с идеями Мережковского. Описания же ее индивидуальной творческой эволюции Венгеров не дал. В этом плане *трогательно наблюдать* рецензенту, строго говоря, было не за чем — в силу отсутствия объекта наблюдения.

Время написания годового обзора хронологически совпадает с заменой статьи Чуковского о Брюсове на статью о Гиппиус. Это наложение подталкивает к мысли о том, что Гиппиус в сознании уже тогда болевшего Чуковского могла всплыть по ассоциации — как узелок в памяти, тот «должок», тот *гвоздь в сапоге*, о котором мы узнаем из публикуемой переписки. Пассаж из годового отчета в этом случае

приобретает дополнительные значения. Самое прозрачное из них сконцентрировано в оксюморонной «этикетке», намекающей на то, что Чуковского беспокоили обязательства перед Венгеровым-*Зевесом*, но в глубине души он надеялся на Венгерова-*Благоволителя*.

Письма С.А. Венгерова хранятся в НИОР РГБ (Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 19), К.И. Чуковского — в РО ИРЛИ (Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 2436). Письма Чуковского, как правило, недатированные, содержат пометы рукой Венгерова с четырехзначными числами, которые, вероятно, обозначают входящие номера корреспонденции, однако они не всегда соответствуют точной датировке или последовательности писем. Мы отмечаем эти пометы, но выстраиваем комплекс писем в соответствии с несомненной датировкой, а при ее отсутствии — с логикой эпистолярного сюжета.

Приношу глубокую благодарность Т.В. Игошевой и Е.Р. Обатниной за помощь в подготовке публикации.

1. Чуковский — Венгерову

Апрель 1907. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Видел объявление про Вашу новую книгу о литературе[1]. Молю Вас: дайте мне ее. Я был бы счастлив, если бы Вы, напр., простерли свою доброту и оставили ее *здесь** для меня у прислуги. И еще: вышли какие-то «Светочи»[2]. Оставьте и их.

Преданный вам

Чуковский.

* На Разъезжей 39[3].

Записка. Датируется предположительно.

Помета Венгерова карандашом: «Чуковский; 12033».

[1] Вероятно, речь идет о кн.: *Венгеров С.А.* Очерки по истории русской литературы. СПб.: Общественная польза, 1907. Ср. письмо В. Брюсова к Венгерову от апреля 1907 г. с благодарностью за присланные «Очерки», а также наброски его рецензии на новое издание [3, с. 681, 685]. Чуковский обыгрывает цитату из книги Венгерова в фельетоне «Чудо» (Свободные мысли. 1907. 26 авг. (7 сент.), см.: [11, т. 7, с. 540, 542]) и упоминает в отчете «Русская литература [в 1907 году]» [11, т. 7, с. 556].

[2] Имеются в виду книги, выходящие в «Библиотеке “Светоча” под ред. С.А. Венгерова» (СПб., 1906–1909) и распределенные по сериям: «Избранные произведения политической литературы», «Материалы для истории русского общественного движения», «Вожди русского сознания», «История религий», «История и теория литературы», «Произведения русских писателей, не вошедшие в собрания их сочинений», «Летопись текущих событий».

[3] По указанному адресу Венгеров проживал до середины 1909 г.

2. Венгеров — Чуковскому

20 октября 1907. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Был у меня некий Беловоленко[1]. Вскользь он говорил, что Вы его знаете. Лично Беловоленко произвел неприятное впечатление, но оставленные им стихи местами очень недурны и говорят о настоящем таланте[2].

Я, однако, почти убежден, что это не его стихи, а списаны у кого-то из хороших модернистов. Что Вы знаете о Беловоленко?

Хотите, чтобы я Вас записал в новое литературное общество?[3] Кстати, Вы бы и реферат прочитали.

Ваш С. Венгеров.

На печатном бланке:

Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ.

Разъезжая № 39. *Телефон 52–84*.

С.-Петербург, 20 октября 1907 г. (дата вписана).

[1] Очевидно, речь идет о молодом новороссийском поэте и журналисте Аркадии Григорьевиче Беловоленко, о котором сохранилось мало сведений. Известно, что он сотрудничал в «Черноморской газете» и газете «Отклики Кавказа»; публиковался в петербургском литературно-художественном журнале «Пробуждение» (1907–1908), в том числе под псевдонимами Аполлон Маркохтский, Жан Горесмехов; позднее — в «Черноморском альманахе» (1914–1916) (см.: Литература Новороссийска: А–Я / гл. ред. В.Б. Пахомов. Новороссийск: Одиссей, 2018. С. 14; *Герасименко А.Б., Санеев С.А.* Новороссийскъ — от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998. С. 438–439; Литература Новороссийска / под ред. В.Б. Пахомова. 4-е изд., испр. и доп. Новороссийск: Одиссей, 2017. С. 5, 35–36).

[2] В архиве Венгерова отложилась подборка стихотворений Беловоленко («Думы дня», «В тереме», «Тает, теряясь в дали...», «Он будет жить, он вновь вернется к жизни…», «Видали ль вы весной сияющей…», «Прошел крикливый день…») (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 36). На л. 1 помета Венгерова: «Аркадий Григорьевич *Беловоленко* (подававший надежды юноша; не знаю, напечатаны ли его стихи)»; на л. 2, перед стихами, помимо ФИО поэта, указан также его адрес: «В.О. 5 линия, д. 56, кв. 21».

[3] Петербургское литературное общество существовало в 1907–1911 гг.; устав Общества был утвержден 28 февраля 1907 г.; подробнее см.: [12, с. 192–195].

3. Чуковский — Венгерову

Конец октября 1907. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Беловоленко произвел на меня самое отталкивающее впечатление. У него страсть прилипать к выдающимся занятым людям и мешать им работать. Он с легким сердцем «посещает» о. Петрова[1], Миролюбова[2], Баранцевича[3], Немировича-Данченку[4], Вас, Короленку[5] — и всюду он унижается и льстит так, что за него совестно[6].

Весною я получил запрос, подобный Вашему, от К.С. Станиславского[7]. И, признаюсь, дал отзыв точно такой же, как сейчас. Тем не менее К.С. был так великодушен и назначил этому молодому человеку пенсию, очень значительную. И при этом поставил ему условие (на котором я настаивал), чтобы Беловоленко до поры до времени стихов не писал, не печатался, а занимался бы и готовился в университет.

Оказывается, он не прекратил своих «посещений». У меня есть другой знакомый поэт[8], простой мужик, который к Короленке не полезет, а уже второй год ищет места — 10 рублей в месяц — и не может найти, и я никак не могу ему помочь. А он поэт истинный, и человек хороший. И мне всегда становится стыдно перед ним, когда я вижу Беловоленко. И я прошу Вас, Семен Афанасьевич, если Вы хотите помочь Беловоленко, лучше помогите моему мужику, хотя этот модернистских стихов не пишет. Он сейчас в деревне, голодает с семьей.

За приглашение в общество — спасибо. Если есть хоть какая-нибудь возможность — запишите.

Ваш Чуковский.

Датируется по содержанию.

Сверху помета Венгерова: «*Чуковский*».

[1] Григорий Спиридонович Петров (1868–1925), священник (сложил с себя сан в 1908 г.), писатель, публицист, общественной деятель, один из ранних представителей модернизма (обновленчества) в Русской Православной Церкви, проповедник «христианского социализма». Ср. его более позднюю характеристику в дневнике Чуковского за 1911 г.: «Сегодня приедет ко мне Григорий Петров. Он был очень мил с нами, когда мы с Машей 3 дня назад отправились в Выборг. Мы покупали мебель, он — по всем мебельным магазинам, даже в тюрьму, где изделия арестантов, к немому финну — за телятиной, нес телятину за нами и т. д. Он немного пресен, банален, но он по-настоящему, совсем не банально добр — без малейшей лапидарности, — и к тому же без позы. Он мне предложил, малознакомому, 200 р., я взял у него 100 — и никаких изъявлений благодарности» [11, т. 11, с. 166].

[2] Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939) — редактор-издатель «Журнала для всех». Чуковский был знаком с ним с весны 1905 г., которую провел в Петербурге, сотрудничая в «Театральной России»; см. упоминание его имени в дневнике от 3 апреля того же года.

[3] Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927) — беллетрист. В статье Чуковского «Воззвание о литературном обществе» (Свобода и жизнь. 1906. 5 (18) нояб.) имя Баранцевича язвительно обыгрывалось как «символ» второстепенного писателя [11, т. 6, с. 412–415]. Возможно, это было ответной реакцией на критическую статью Баранцевича «Литература и революция» (Биржевые ведомости. 1-е изд. 1906. 27 окт. Утр. вып.) по поводу публикации Чуковского «Анкета», которая была напечатана под рубрикой «Революция и литература» (Свобода и жизнь. 1906. 22 окт. (4 нояб.)). Ср. из письма Чуковского Е.А. Ляцкому, написанного после 17 (30) декабря 1906 г.: «С анкетой вышло глупо: меня сочли сторонником чистого искусства. “Новое Время” меня похвалило. Баранцевич меня выругал в “Биржевых Ведомостях”» [11, т. 14, с. 111]. Публичная полемика продолжалась и дальше; ср. заметку Ф. Сологуба «К приятной переписке г. Баранцевича с г. Чуковским» (Русь. 1907. 7 янв.).

[4] Василий Иванович Немирович-Данченко (1845–1936) — поэт, прозаик, журналист.

[5] Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — писатель, журналист, редактор, общественный деятель. Личное знакомство произошло позднее, в 1910 г.; ср. запись в дневнике Чуковского, датированную «Июнь который-то. Должно быть, 20-й»: «*Я познакомился с Короленкой*: очарование» [11, т. 11, с. 161].

[6] Эта характеристика отчасти подтверждается письмами А.Г. Беловоленко к книгоиздателю Михаилу Васильевичу Аверьянову (1867–1941) за 1908 г. Так, например, в письме от 20 апреля 1908 г. из Кутаиси он пишет среди прочего следующее (сохраняем правописание автора): «Вот я сейчас подвожу итог всей своей недолгой жизни в Петербурге. Проклинать, или благодарить судьбу? Правда, было много потрачено здоровья, энергии, но зато в результате польза получилась громадная. Где, как не у берегов Невы я значительно расширил свой умственный кругозор, почувствовал мощь пера; где как не здесь, в сердце литературного мира я жил общими интересами с сильными мира сего; понимал их скорбь, понимал их радость. Разве за все это не стоит благодарить судьбу. Вернее не судьбу, а всех, кто так, или иначе способствовал моему жадному стремлению к жизни и свету. И больше других делали для меня Вы. Один вечер проведенный у Вас, делал меня значительно старше в моем умственном убожестве. Это значит помощь духовная; а материальная? Мне прямо таки больно при мысли, что я и по сие время являюсь перед вами неоплатным должником. Но Ваше великодушие я полагаю параллельно доверию, не лишенным которого желал бы я чувствовать и себя» (ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1 об.–2).

[7] Чуковский познакомился со Станиславским весной 1905 г., когда был сотрудником петербургского журнала «Театральная Россия»; см. недатированное письмо к жене: «Только что на “Вишневом саде” О. Чюмина познакомила меня с Станиславским, и у меня с ним вечером назначено свидание. <…> С Станиславским я буду говорить для “Теат<ральной> России”. <…> Знаешь, робею я, идучи к Станиславскому. Если бы ты хоть на минуту его повидала, ты поняла бы меня. На меня искусство так действует, что я у художника руки готов целовать» [11, т. 14, с. 68]. В том же послании, которое писалось в несколько приемов, сказано: «Вчера к Станиславскому не ходил, пойду сегодня» [11, т. 14, с. 69]. Встреча, очевидно, все-таки произошла, что подтверждается статьей «Станиславский и свобода творчества (из бесед с К.С. Станиславским)», подписанной псевдонимом *Nobody* (Театральная Россия. 1905. № 18). Позднее материал был перепечатан в газете «Сегодня» (1907. 4 мая) под названием «Драма жизни: беседа с К.С. Станиславским», где цитируется и письмо режиссера. В архиве Чуковского письма Станиславского не сохранились.

[8] Лицо не идентифицировано.

4. Чуковский — Венгерову

Конец ноября 1908. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

В СПб. я читал два раза «Нат Пинкертон и современная литература»[1], и оба раза слушали меня гостиннодворские приказчики. Литераторам и вообще «интеллигенции» эта вещь неизвестна[2]. Поэтому я и решаюсь предложить ее Литературному О<бщест>ву для одной из ближайших пятниц. Я слышал, что 12ое и 19ое число у Вас заняты. Тогда, может быть, Вы предоставите мне 26ое или 2ое января? Эта вещь еще не скоро появится в печати.

Вам преданный Чуковский.

Куоккала, д. Анненкова.

Записка. Датируется по содержанию.

Помета Венгерова: «Чуковский; 12040».

[1] Впервые лекцию «Нат Пинкертон и современная литература» Чуковский прочитал в Петербурге в Соляном городке 7 октября 1908 г. 15 октября он повторил ее в московском Литературно-художественном кружке. Лекция вызвала большой интерес; см. отклики: [1, с. 325–326].

[2] Это не совсем точно. На первой лекции Чуковского присутствовал В.В. Розанов, в результате чего появилась его статья «К.И. Чуковский о русской жизни и литературе» (Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1908–1909. Вторая половина сезона. № 8. Апрель 1909. С. 9–12).

5. Венгеров — Чуковскому

10 декабря 1908. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

С отменнейшим удовольствием воспользуемся Вашим любезным предложением, но вот вопрос — когда?[1]

12 декабря назначен реферат Блока[2], а на 19 пойдет реферат Градовского[3], весьма мало любопытный, но отложить который нет никакой возможности. А на 26 предполагается музыкальный вечер, относительно которого предприняты разные подготовительные шаги. Однако, если Вы ничего не имеете против того, чтобы реферат Ваш состоялся 26 (*NB* второй день праздника!)[4], то постараемся перенести музыку на другой день. Если же это не удастся, то позвольте рассчитывать, что Вы будете читать в пятницу 2 января.

Ваш С. Венгеров.

Что же Ваши книги?[5] Захватите с собой в день реферата.

На печатном бланке Венгерова (дата вписана).

[1] Судя по всему, Венгеров отвечает, имея в виду письмо Чуковского к Николаю Федоровичу Анненскому (1843–1912), публицисту, экономисту-статистику, общественному деятелю, казначею Литературного общества. Письмо, сохранившееся в фонде Венгерова, было получено адресатом 9 декабря 1908 г. (по штемпелю): «Многоуважаемый Ник<олай> Фед<орович>. В эту пятницу или в будущую я могу — если Вам угодно — прочитать реферат в Вашем О-ве на все ту же тему “Нат Пинкертон” etc. Мне хотелось бы послушать прения; и, кроме того, хотя этот реферат читан был дважды, но не литераторы, ни их жены его еще не слышали. Слушали все больше студенты и гостиннодворцы. Преданный Вам Чуковский» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 298).

[2] Венгеров пригласил Блока в письме от 23 ноября 1908 г.: «…не прочтете ли у нас в Литературном обществе тот реферат, с которым вышла история в Религиозно-Философском обществе. К нам полиция пока не придирается и было бы очень интересно, если <бы> несостоявшиеся в Религиозно-Философском обществе прения состоялись бы у нас» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 7–8). Речь идет о докладе Блока «Россия и интеллигенция», прочитанном в РФО 13 ноября на первом заседании в сезоне 1908/09 г.; прения были запрещены приставом (состоялись на закрытом заседании, 25 ноября). В письме Венгерову от 24 ноября Блок писал: «По поводу доклада моего “Россия и интеллигенция” завтра в религиозно-философском собрании будут прения. Тем не менее <…> повторю с великой готовностью доклад

у Вас в Литературном обществе 12 декабря» [2, с. 263]. «Реферат» был с большим успехом повторен в намеченную дату под названием «Обожествление народа в литературе», предложенным Венгеровым, о чем 14 декабря Блок сообщал матери: «Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского, и очаровательное отношение ко мне стариков из “Русск. Богатства” (Н.Ф. Анненского, Г.К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились, как к любимому внуку, с какою-то кристальной чистотой, доверием и любезностью. Зал был полный. Венгеров говорит, что на заседании литературного общества никогда не было такого напряжения» [2, с. 268–269]. Более детальное описание прений по докладу в Литературном обществе см. в письме Л.Д. Блок А.А. Кублицкой-Пиоттух, отправленном тем же днем [4, с. 341–342]. Впервые текст Блока опубликован под названием «Россия и интеллигенция» (Золотое руно. 1909. № 1. С. 78–85); позднее – под названием «Народ и интеллигенция» (Знамя труда. 1918. 19 февр.); вошел в цикл «Россия и интеллигенция. 1908–1918» (Пг.: Алконост, 1919).

[3] Григорий Константинович Градовский (1842–1915), публицист, юрисконсульт Министерства юстиции; общественный деятель; сотрудничал во многих периодических изданиях (псевд. Гамма); принимал активное участие в работе Кассы взаимопомощи русских литераторов и ученых при Литфонде; см. о нем: [7, т. 1, с. 324–325].

[4] Рождество Христово, 25 декабря по ст. ст.

[5] В 1908 г. вышли в свет книги Чуковского «От Чехова до наших дней», «Нат Пинкертон и современная литература», «Леонид Андреев большой и маленький».

6. Чуковский — Венгерову

13 (26) декабря 1908. Куоккала

Многоуважаемый Семен Аф.

Книги захвачу. Спасибо за письмо! 26го я не могу читать: Чюмина именинница[1]. Пускай 2го — можно? Читали, как в «Весах» похвалил меня Брюсов?[2] Я сегодня целый день хожу именинник. Третье изд. я очень переделал — вышла превосходная книжка «От Чехова до наших дней»[3]. Привезу ее непременно. Привет Лернеру[4].

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, Разъезжая ул. д. 39. *С. Аф. Венгерову*.

Штемпели: Куоккала, смазан; С. Петербург: 13–12–08.

На адресной стороне рукой пометы карандашом: «*Чуковск<ий>*; 12042».

[1] Ольга Николаевна Чюмина, писательница, переводчица, родилась 26 декабря 1864 г. Чуковский с ней дружил, начиная со времен издания сатирического журнала «Сигнал» (1905); ср. его необыкновенно теплую статью, написанную на смерть Чюминой (26 августа (8 сентября) 1909 г.) [11, т. 7, с. 445–450].

[2] Хвалебная рецензия Брюсова на 3-е изд. «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики» (СПб.: Тов-во М.О. Вольфа, 1908) вышла за подписью «Аврелий» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60). В письме Брюсову от 15 (28) декабря 1908 г. Чуковский писал: «Уже третий день я хожу, как именинник: обо мне написал Валерий Брюсов! Право, если б Вы меня выбранили, я и то гордился бы очень, и я знаю многих, кроме себя, которые тоже гордились бы всю свою жизнь, упомяни

Вы их имя где-н<и>б<удь> между строк. Я никогда не понимал и не пойму Вашей ко мне благосклонности, но да будет она и впредь!» [11, т. 14, с. 170].

[3] 1-е издание дебютной книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (СПб: Т-во «Издательское бюро», 1908) вышло в свет в конце декабря 1907 г. Известны самокритичные, но не без гордости авторские самооценки сборника. В письме В.Я. Брюсову от 8 (21) января Чуковский утверждал: «Это выкидыш какой-то, а не книжка, но иное в ней люблю: о Мережковском, о Зайцеве, об Арцыбашеве. Вами она полна так, что стыдно даже» [11, т. 14, с. 150]. Тем же днем он писал А.Г. Горнфельду: «Моя книжка "От Чехова etc." разошлась. Две тысячи в две недели. Затеваю второе издание. <…> Ради Бога, Аркадий Георгиевич, черкните мне о ней, не обинуясь, деловитое письмо: то исправить, то выкинуть, там прибавить. Не сердитесь, что прошу об этом, — больше некого; другие мнения знаю наперед» [11, т. 14, с. 148–149]. Аналогичное признание содержится в письме М.О. Гершензону: «Про мою книжку лучше и не говорите. Я ее терпеть не могу. К тому же она уже вся разошлась, а я во втором издании постараюсь загладить ее дурацкие промахи: дикий план, игру цитатами и пр.» [11, т. 14, с. 154]. Тираж 2-го изд. разошелся к концу апреля 1908 г., а 3-е, проданное «Вольфу за 700 р.», появилось в начале ноября того же года, см. письмо к тому же корреспонденту от 29 апреля (12 мая) и коммент. к нему [11, т. 14, с. 162–163]. В архиве Брюсова сохранилось два издания (1-е и 3-е) с дарственными надписями: «Валерию Яковлевичу Брюсову / гордый его сочувствием / Чуковский / Куоккала, январь»; «Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от Чуковского» (РГБ. Ф. 386. Книги. 1447; 1448).

[4] Николай Осипович Лернер (1877–1934) — историк литературы, пушкинист.

7. Венгеров — Чуковскому

13 декабря 1908. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Опять корреспонденция по поводу реферата Вашего! Имеете ли Вы что-нибудь против того, чтобы Ваш реферат был назначен на 9 января? Дело в том, что есть реферат, заявленный месяц тому назад Акимовым-Махновцом о «Синей птице». Мы думаем убедить его перенести реферат на то время, когда приедут москвичи, но он упирается[1]. Кто-то говорил вчера мне, Ваш Пинкертон должен появиться в самом начале января в сборнике Кугеля[2]. Если это так, прошу сообщить мне. Тогда мы уже наверное назначим Ваш реферат на 22 января[3].

Рецензию Брюсова читал и содержание оной одобрил[4]. Весьма рад, что Вы соглашаетесь с Брюсовым. Значит, будете продолжать в прежнем штиле, что, ей богу, лучше Вам удается, чем попытки сумрачной «серьезной» критики. Вы прирожденный gamin[5], и это очень ценно [в литературе]. Гамены — публика весьма заслуженная, несмотря на свою легковесность; они, как Вы сами знаете, исполняют очень серьезные функции в Париже: ничто так решительно не убивает всякую пошлость, как персифлаж[6] гаменов. Каменский, я думаю, действительно, на всю жизнь будет ходить в приклеенной Вами этикеткой[7].

Посылаю Вам в кредит брошюру свою[8].

Ваш С. Венгеров.

На печатном бланке Венгерова (дата вписана).

[1] Имеется в виду Владимир Петрович Махновец (псевд.: Акимов, Бахарев) (1872–1921), публицист, редактор, социал-демократ, один из главных оппонентов Ленина, марксист-экономист. Судя по всему, Венгеров предполагал, что реферат Махновца будет посвящен спектаклю «Синяя птица», премьера которого состоялась 30 сентября (13 октября) 1908 г. в Московском Художественном театре и вызвала, говоря словами Тэффи, «синюю птицеманию» в России (Русское слово. 1909. 1 (14) мая. № 99. С. 2). На это указывает замечание о приезде «москвичей», т.е. о гастрольных планах МХТ. «Синяя птица» впервые была показана в Петербурге весной 1909 г. на сцене Михайловского театра. Однако «упирался» Махновец не случайно. Из его личной переписки с Е.С. Волковой можно понять, что дело заключалось не в рецензии на постановку «художественников», а совершенно в другом — в его безответной любви, которую он пережил в том же году, переписываясь из тюремного заключения и изредка встречаясь с женщиной, перевернувшей всю его жизнь, и этот несостоявшийся «роман» он осознавал под знаком Метерлинка. 16 декабря 1908 г. он пишет: «Елизавета Степановна! На тот случай, если Вам позволит время и если у Вас будет охота прослушать мой реферат о “Синей Птице”, уведомляю Вас, что я прочту его завтра, в среду, в Рабочем клубе (Общество “Свет”) за Невскою заставою по Шлиссельбургскому тракту дом 44–46 (в том доме, где кинематограф) <…> Если позволят мне мои силы, еще не совсем окрепшие после пережитого за последние десять лет и последние десять месяцев в особенности, если позволят они мне передать ярко и сильно то, что уже ярко и сильно сознаю я в себе, я постараюсь в этом реферате выразить радостное и новое в моем мировоззрении, то что я взял от Вас, от моего знакомства с Вами, самого счастливого в моей жизни. <…> Моя дальнейшая жизнь будет исканием “Синей Птицы”, “полной радости”, как называли Вы ее — не как цели жизни, но как средства преобразить себя для высших целей жизни, сделать то, что случилось с маленькой соседкой Тильтиля, которая из больной, слабой и обременяющих других стала радостной и радующей всех, и душа которой стала похожа на душу света. Если это мне удастся хоть в малой мере, то это будет влиянием Вашей личности на мою…» [8, с. 274–275].

[2] Александр Рафаилович Кугель (1864–1929) — журналист, театральный критик, драматург, режиссер; вместе с женой З. Холмской основал в Петербурге театр пародий «Кривое зеркало»; гл. ред. журнала «Театр и искусство», где была опубл. статья Чуковского «Кинематограф» (Театр и Искусство. 1908. № 49 (7 дек.). С. 868–870) с примеч. ред.: «Отрывок из обширной статьи К.И. Чуковского “Нат Пинкертон и современная литература”, которая появится в “Альманахе”, издаваемом ред. “Театра и Искусства”». Отдельным изд. вышла под названием «Нат Пинкертон и современная литература» (СПб., 1908).

[3] В Литературном обществе доклад Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» состоялся 2 января 1909 г. Ср. запись очевидца от 3 января: «Вчера был в Литературном обществе. К.И. Чуковский — нескладный, длинный, встрепанного вида молодой человек — читал свой несколько устарелый доклад о Нате Пинкертоне и современной литературе. Доклад поверхностный, но с остроумными местами и задираниями. Докладчик, на основании факта существования Пинкертонов и плохих кинематографов, вывел заключение, что интеллигенции у нас уже нет, что она умерла. Попутно зацепил Горнфельда и Пошехонова, не говоря уже о Каменских и К°.

Ему аплодировали.

Начались возражения; беднягу Чуковского разделали под орех; напомнили ему, что он сам участвовал и участвует в тех органах, которые обругал, сам хулиганствовал, что он не смеет касаться людей, мизинца которых не стоит и т. д., и т. п. в самой резкой форме. <…> Особенно отличился Столпнер, амплуа которого на всех собраниях заключается иногда в остроумных, но всегда язвительных походах против референтов.

Аплодировали и им.

Словом, вышла почти форменная ругань <…>.

После доклада Носков, Н. Морозов и я остались ужинать; присосеживался к нам и опять убегал к другим стола и К. Чуковский. Я впервые познакомился с ним; очень в нем много еще ребячливого, но парень он наблюдательный, остроумный и несомненно с искрой Божьей.

Между прочим, он бегал между столами и раскладывал на них объявления о… выходе его новой книжки!» (*Минцлов С.Р.* Петербург в 1903–1910 гг. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2012. С. 216–217).

[4] Брюсов писал: «“Портреты” г. Чуковского, — в сущности, — карикатуры. Что делает карикатурист? Он берет *одну* черту в данном явлении или в данном лице и безмерно увеличивает ее. Так поступает и г. Чуковский, рисуя свои портреты писателей. <…> Но карикатуры бывают разные: острые и тупые, злые и добродушные, талантливые и бездарные. Карикатуры г. Чуковского — блистательны. Они нарисованы с такой силой, что как бы ослепляют и совершенно заслоняют истинный образ писателя. <…> Самый большой недостаток книги г. Чуковского тот, что иногда он пытается писать совершенно серьезно, забывает, что он рисует карикатуру и начинает вносить в нее другие черты, тоже подлинные, но затемняющие одну, основную, выбранную им. В таких случаях карикатуры получаются несколько тяжелыми, их яркость затемнена портретным сходством. Но таких немного, а большинство портретов сделаны рукой смелой, уверенной и до поразительности легкой» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60).

[5] Gamin *(франц.)* — сорванец, уличный мальчишка.

[6] Персифлаж (персифляж) (*франц.* Persiflage) — шутливая издевка, ироническая насмешка, высказанная в виде комплимента.

[7] Брюсов также отметил остроумность афористичных характеристик критика: «…трудно забыть отдельные меткие выражения г. Чуковского, которые он с расточительностью богача рассыпает по своим этюдам. Теперь при имени г. Анатолия Каменского всегда будет вспоминаться восклицание, которым г. Чуковский начинает его характеристику: “Остерегайтесь подделок!”» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60).

[8] Вероятно, имеется в виду брошюра «Основные черты новейшей русской литературы» (СПб., 1909); см. письмо Венгерова А.А. Блоку от 23 ноября 1908 г., где автор говорит о «характеристике симпатичной музы» поэта, которую он «дал в своей лекции», и добавляет: «Кстати, посылаю ее Вам» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 7). На следующий день Блок отвечает: «Спасибо Вам от всей души за Вашу книгу и за Ваш отзыв обо мне, для меня — драгоценный» [2, с. 263].

8. Чуковский — Венгерову

15 (28) декабря 1908. Куоккала

Да, многоуважаемый С. А., реферат мой выйдет в начале января[1].
Спасибо за книгу. Она у меня была и так.

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, Разъезжая, 39. С. А. Венгерову.

Штемпели: Куоккала, 28 XII 08; С. Петербург: (день не видно) 12.08.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковск<ий>*; 12039».

[1] См. прим. 2 к предыдущему письму.

9. Чуковский — Венгерову

Весна 1909. Санкт-Петербург

С благодарностью получил от Семена Аф. Венг<ерова> — материалы о Гаршине[1].

К. Чуков<ский>.

Датируется по содержанию.

Помета сверху листа: «Чуковский; 1061», снизу: «12043».

[1] Первое упоминание о подготовке статьи о Гаршине встречается в дневнике Чуковского 9 апреля 1909 г.: «…читаю Гаршина. <…> В Гаршине покуда открыл одну только черту, никем не подмеченную: точность, отчетливость» [11, т. 11, с. 153]. 15 апреля: «Перечел Гаршина, составил гороскоп, есть интересные мысли, но писать не хочется»; 30 апреля: «У Мережковских: читал свою статью о Гаршине: слезы»; 8 мая: «Я все переделываю Гаршина — свою о нем статью — и с радостью жду завтрашнего дня, чтобы снова приняться за работу» [11, т. 11, с. 154].

10. Чуковский — Венгерову

18 сентября (1 октября) 1909. Куоккала

Многоуважаемый С.А. Протелефонируйте, ради Бога, Д.Я. Герценштейну[1] мою покорнейшую просьбу: 7 билетов прислать мне в Куоккала — пораньше, чтобы я заблаговременно мог ими распорядиться, а три билета послать Лазарю Евсеевичу Розинеру[2], контора «Нивы» ул. Гоголя, 22, с указанием, что один билет для В.Я. Светлова[3], другой для И.М. Эйзена[4]. Там люди щепетильные, и их обижать не нужно. Если афишки (программки) еще не отпечатаны, ради Бога, озаглавьте реферат так:

Красный ли Цветок?
(О Всеволоде Гаршине)[5]

Знаю, что это не благозвучно, но зато точно. И еще: очень, очень, очень прошу Вас быть на этом моем реферате, ибо он для меня «поворотный пункт», и я хочу [спросить] узнать Ваше мнение. Ах, если бы пришел и Н.О. Лернер! То-то был бы оппонент! Зинаиду Аф.[6] надеюсь увидеть на реферате.

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: *Петербург*, ЕВ Семену Афанасьевичу Венгерову. Загородный, 21.

Штемпель: St.-P. Burg: I. X. 09.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковск<ий>*; 12034».

[1] Речь идет, судя по всему, о Давиде Марковиче Герценштейне (1848–1916), враче, публицисте; см. его воспоминания «Тридцать лет тому назад. (Из воспоминаний доктора)» о том, как он работал в Доме предварительного заключения (Былое. 1907. № 6/18, июнь. С. 236–260). Оставив врачебную практику еще до 1905 г., в дальнейшем занимался исключительно общественной деятельностью; печатался в периодических изданиях (псевд.: Герц–н Д.М.). Автор рецензии на реферат Чуковского о Нате Пинкертоне — «Куда девалась литература и интеллигенция?», в которой среди прочего объясняет появление своего отзыва: «…я хотел бы сказать несколько слов, не сказанных мною в заседании, потому что, как член совета, я, как и другие товарищи по совету, считаем долгом дать присутствующим возможность высказаться, так как и без нас желающих много и прения затягиваются до глубокой ночи» (Новая Русь. 1909. 9 (22) янв.). Вырезка из газеты сохранилась в архиве Чуковского (РГБ. Ф. 620. К. 118. Ед. хр. 11). Неполные сведения о Д.М. Герценштейне имеются в «Автобиографическом собрании» С.А. Венгерова [7, т. 1, с. 295]. Описка Чуковского в инициалах вызвана, возможно, ассоциацией с Михаилом Яковлевичем Герценштейном (1859–1906), известном политическом и общественном деятеле, убитом черносотенцами в Териоках.

[2] Лазарь (Александр) Евсеевич Розинер (1880–1940) — управляющий конторой журнала «Нива», в котором Чуковский сотрудничал начиная с 1906 г.

[3] Валериан Яковлевич Светлов (наст. фам. Ивченко, 1860–1934) — один из редакторов «Нивы», литератор, историк балета, театральный критик.

[4] Илья Моисеевич Эйзен (1869–1936) — журналист, сотрудник «Нивы».

[5] Лекция о Гаршине была прочитана в Петербургском Литературном обществе 25 сентября 1909 г. и вызвала настоящий скандал. Один из анонимных рецензентов, изложив содержание реферата, подвел итог: «Вообще, реферат носил характер чисто литературного, психологического исследования, чего, очевидно, не усвоили многие из возражавших Чуковскому. Они усмотрели здесь какую-то демонстрацию. Все, за исключением г. Морозова, ответили тоже демонстрацией. Г. Линев бросил упрек литературному обществу, что оно допускает в своих стенах доклад, который оскорбляет память любимого писателя Гаршина, оскорбляет маститого критика Скабичевского. Доклад г. Чуковского, по его мнению, хлесткий фельетон, которому место в газете. После этих слов в переполненном зале поднимается шум, аплодисменты перемешиваются со свистками и шиканьем. Чуковский требует фактического опровержения выставленных им доводов, а не дутых фраз. Г. Линев ни одного фактического возражения не предъявляет.

— Я горжусь тем, что я фельетонист, — говорит Чуковский. — Фельетон трудная и очень ответственная литературная форма и т.д. Возражения Чуковского снова вызывают бурю аплодисментов, смешанных со свистками» (Речь. 1909. 27 сент. (10 окт.)). «Публика повскакала со стульев. Я думал, что Чуковского убьют. Хорошо, что он либерал: а то бы убили. Непонятно, что будет дальше, если его не убьют. Этак он, отоспавшись крепко, с бодрыми силами, поутру вдруг напишет что-нибудь даже о Михайловском. Т. е. будучи-то либералом и немножечко “босяком”. Но, нет. Чуковский хитер и на Михайловского не решится. “Тогда пиши *пропало* карьере”», — заметил В.В. Розанов в статье «Обидчик и обиженные» (Русское слово. 1909. 3 окт.). Другие печатные отклики см: [1, с. 326]. Венгеров был одним из возмущенных трактовкой творчества Гаршина, предложенной докладчиком. В письме Чуковскому от 6 января 1928 г. Л.П. Гроссман передавал воспоминания П.Н. Сакулина о том, как «в допотопное время в каком-то лит. кружке, где он ужинал с Овсянико-Куликовским, взволнованный Венгеров панически звал их “спасать русскую литературу”: оказывается, в соседнем зале Вы читали доклад о Гаршине! Они пошли “спасать” и пришли в восторг от смелости и оригинальности Вашего построения» [11, т. 15, с. 123]. Статья Чуковского «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику)» была опубликована в «Русской мысли» (1909. № 12. Отд. II. С. 117–141); вошла в сб. «Лица и маски»; в совр. изд.: [11, т. 7, с. 281–302].

[6] Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) — писательница, переводчица и литературный критик, историк западноевропейской литературы; родная сестра Венгерова.

11. Венгеров — Чуковскому

19 ноября 1909. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Подготовляется юбилейный сборник Литературного Фонда[1], который желательно сделать возможно более интересным для того, чтобы он привлек к себе внимание широких слоев публики. По поручению Комитета Фонда обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой дать что-нибудь для этого сборника. Комитет надеется, что Вы не откажетесь принять товарищеское участие в благом деле. Сборник надо выпустить в январе и последний срок доставления рукописей — 10 декабря.

Рукописи прошу направлять по адресу: Загородный просп. д. 21, кв. 36. Семену Афанасьевичу Венгерову.

С искренним приветом
С. Венгеров.

На печатном бланке:

Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ.

Загородный 21, кв. 36.

[Разъезжая № 39].

Телефон 52–84.

С.-Петербург, 19 ноября 1909 г.

Прежний адрес зачеркнут, новый впечатан синим цветом; дата вписана от руки.

[1] Юбилейный сборник Литературного фонда. L. 1859–1909 / [сост. и ред. С.А. Венгеров]. СПб.: Общественная польза, [1910]. VIII, 630 с.

12. Чуковский — Венгерову

25 ноября (7 декабря) 1909. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Я очень польщен тем, что к участию в сборнике Фонда Вы [пригласили] привлекли и меня. Думаю, что две–три моих странички «сборнику» не очень[1] помешают. Что, если я дам небольшую заметку «Из мыслей о Репине»?[2] И что если я вместо 10го декабря, дам эту заметку 15го?

Вам преданный Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, С. А. Венгерову. Загородный, 21 кв. 36.

Датируется по штемпелям: Куоккала, 7.XII.09; (два) С. Петербург: 25.11.09.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковск<ий>*; 12031».

[1] Слово вписано.

[2] Личное знакомство Чуковского с И.Е. Репиным (1844–1930) произошло 9 сентября 1907 г. в Куоккале, где они оказались соседями [11, т. 11, с. 140]. С этого момента завязалась их многолетняя дружба. Можно предположить, что Чуковский планировал написать «небольшую заметку» на основе своих многочисленных дневниковых записей, связанных с именем художника. Однако замысел не был реализован: в юбилейном сборнике Литературного фонда Чуковский не принял участия. Впоследствии он посвятил Репину много статей и воспоминаний, неоднократно переиздававшихся (см.: [1], по Указ. имен).

13. Чуковский — Венгерову

20 сентября (2 октября) 1910. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

На запрос Литературного О<бщества>ва тороплюсь ответить, что намечены у меня 2 реферата:

1й о Уоте Уитмане (Поэзия будущего).

2й о Т. Гр. Шевченке.

Первый из этих рефератов хотел бы я прочитать в самом начале ноября — ну хотя бы числа 5го или *лучше всего 12го*, а второй попозднее — к Рождеству[1]. Ничего сногсшибательного — не бойтесь, — на этот раз не будет[2], — просто факты и (шопотом!) кое-какие личные соображения. Читали Ремизова в «Шиповнике»?[3]

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. С.А. Венгерову.

Штемпели: Куоккала: 2. X 10, С. Петербург: 20–9–10.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковский*; 12030».

[1] Письмо с почти таким же содержанием 19 сент. (2 окт.) 1910 г. Чуковский отправил Василию Васильевичу Водовозову (1864–1933), публицисту, юристу, экономисту, политическому деятелю: «Милостивый Государь В. В. На запрос Литературного О-ва, какой реферат намерен я в этом году предложить О-ву, тороплюсь ответить, что у меня намечены два реферата:

Первый о *Уоте Уитмэне (поэзия будущего)*

Второй о *Шевченке*

О Уитмэне хотел бы прочитать 12го *ноября*, или 5го, или 19го. Прошу сообщить, который день Вам удобнее.

Готовый к услугам Чуковский» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 509).

Предложенные темы были в планах Чуковского на 1910 г. 19 мая он записывает в дневнике: «Работы гибель — и работа радостная. Писать о Уитмене и исправлять старые статьи. <…> за Уитмена и за Шевченка — в июле. Шевченко войдет в критическую книгу, а Уитмен отдельно. Весь июль буду писать длинные статьи,

а июнь писать фельетоны. <…> И потом в литературном обществе лекцию о Шевченко. Идеально!» [11, т. 11, с. 160]. Однако ни один из намеченных рефератов в Литературном обществе не был прочитан.

[2] Очевидно, имеется в виду реакция Венгерова на лекцию Чуковского о Гаршине (см. примеч. 5 к п. 10).

[3] Речь идет о повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры», напечатанной в альманахе издательства «Шиповник» (Т. XIII. СПб., 1910. С. 161–297). Отзыв Чуковского под названием «Для чего мы живем» появился через неделю (Речь. 1910. № 264. 26 сент. С. 3). См. его высокую оценку в письме Д.В. Философова Чуковскому от 27 сентября 1910 г.: «Ваш фельетон понравился мне серьезностью приемов. С ним можно не соглашаться или соглашаться, но *за ним* чувствуется не упокоение “в красе торжественной своей”, а *волнение*. Вы вообще скрываете свое волнение (и это нехорошо, потому что слишком многим нравится в Вас именно отсутствие волнения). Выходит, как будто Вы все решили, все знаете, и смеетесь над нами, дураками, к<о>т<о>рые ежеминутно глотают гвоздики» [10, с. 436].

14. Чуковский — Венгерову

23 ноября (6 декабря) 1910. Куоккала

Многоуважаемый С.А.

Вы очень зло посмеялись надо мной. Дали мне, вместо 4го тома, **второй**[1]. Можете себе представить мою тоску, когда, раскрыв этот «волюм», я увидал, знакомые картинки и знакомые статьи. Умоляю Вас, добудьте для меня *четвертый*, а второй я возвращу на днях. Привет Алекс. Григорьевичу[2].

Преданный Вам

Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Ивановская, 21. С.А. Венгерову.

Штемпель: Куоккала: 6.XII.10.

На адресной стороне пометы карандашом: «*К. Чуковский*; 12036».

[1] Слово подчеркнуто тремя чертами. Речь идет, по-видимому, об изд.: Собрание сочинений Пушкина: в 6 т. / под ред. С.А. Венгерова, СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907–1915 (Библиотека великих писателей). Т. 2 вышел в 1908 г., т. 4 — в 1910 г. В обзоре «Русская литература [в 1908 году]» Чуковский писал об «изумительном издании Пушкина под редакцией С.А. Венгерова, которым Венгеров воздвиг нерукотворный памятник не только Пушкину, но и себе, — столько в его труде молитвенной любви и благоговения» [11, т. 7, с. 391].

[2] Александр Григорьевич Фомин (1887–1939) — литературовед, библиограф, ученик С.А. Венгерова, с 1908 по 1911 г. был его личным секретарем, а также секретарем знаменитого Пушкинского семинария, организованного Венгеровым в 1908 г. в Петербургском университете; принимал активное участие в венгеровских издательских проектах; составил, в частности, фундаментальную «Библиографию новейшей русской литературы: по материалам литературного архива профессора С.А. Венгерова и другим источникам».

15. Чуковский — Венгерову

26 февраля (11 марта) 1911. Куоккала

Многоуважаемый С.А.

Свершилось: Чуковский написал статью *идейную*, и теперь уже может войти в Ваш синодик героев[1]. Я написал о Шевченко, и на лекции публика кричала «спасибо»[2], а меня вызывали как… Шаляпина — *до* грехопадения[3]. И вот я эту лекцию хотел бы читать в Харькове, в Одессе, но захворал, и остается прочитать в Пб. Что Литературка? Кажется, В.Г. Котельников[4] собирается устроить в Фонде лекции о Ш<евчен>ке[5]. Шепните ему по телефону обо мне, хоть полудоброе слово. Это лучшая моя статья, неужели же ей пропадать. Я именно ею хочу «оправдаться» за свой «негероический период».

Или пусть Литературка меня пригласит — если ей не угрожает штраф.

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. ЕВ. С. Аф. Венгерову.

Штемпели: Куоккала: 11.III.11, С. Петербург: 26–2–11.

На адресной стороне пометы карандашом: «*К. Чуковский*; 12037».

[1] Намек на любимую идею Венгерова о «героическом», «учительном» и «жертвенно-аскетическом» своеобразии русской литературы, которую он проводил в работах разных лет и вынес в заглавие монографии «Героический характер русской литературы (Призыв к подвигу и неприятие мира)» (СПб.: Прометей, 1911), а затем и первого тома сочинений, куда она вошла в переработанном и дополненном виде: *Венгеров С.А.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Героический характер русской литературы. СПб.: Прометей, 1911. С. 99–205.

[2] Первая статья Чуковского «Шевченко» (Речь. 1909. 1 (14) марта), подчеркивающая контраст между богемным образом жизни поэта в России и национальным (малороссийским) духом его творчества, вызвала бурю возмущения и ожесточенную полемику, см.: [11, т. 9, с. 472–473]. О замысле новой статьи Чуковский сообщал Брюсову в письме от 1 августа (13 сентября) 1910 г.: «Теперь у меня (в голове) есть статья о Шевченке (кстати, скоро 50 лет со дня его кончины) — и если мне удастся написать ее так, как я ее задумал, она будет лучше всего, что мною было написано» [11, т. 14, с. 365]. В январе 1911 г. в дневнике отмечено: «Пишу о Шевченко. Т. е. не пишу, а примериваюсь» [11, т. 11, с. 166]. 18 февраля Чуковский сообщал Брюсову: «Лекция моя о Шевченко близится к концу. 21-го я читаю ее в СПб и 26-го в Харькове, но между Харьковым и СПб. — есть Москва, и между 21 и 26 есть 22, 23, 24 февраля. Лекция моя апофеоз Ш<евчен>ка, и что бы Вашему Кружку или вообще кому угодно, у кого есть сотня рублей, — пригласить меня на 22 или 23 или 24 февраля, я бы, к удовольствию местных хохлов, прочитал или даже пропел эту лекцию» [11, т. 14, с. 251]. После публичной лекции «Шевченко (Введение в характеристику)», прочитанной 21 февраля 1911 г. в зале Тенишевского училища, в газетных отчетах появилась перепечатка статьи 1909 г. (*Б/п.* К лекции // Свободные мысли. 1911. 28 февр. (13 марта); *Б/п.* Чуковский и Шевченко // Новое время. 1911. 1 (14) марта)), вызвавшая новую волну возмущения общественности; подробнее см.: [11, т. 9, с. 474]. Впервые статья опубл. в «Русской мысли» (1911. № 4, 5); вошла в сб. «Лица и маски».

[3] 6 января 1911 г. в Мариинском театре на представлении «Бориса Годунова» с Шаляпиным в главной роли произошел инцидент, вызвавший шумный резонанс в общественных и художественных кругах. Согласно официальному отчету, после

пятой картины хор и артисты во главе с солистом, стоя на коленях и повернувшись к царской ложе, трижды исполнили гимн «Боже, царя храни!». Эта версия события послужила началом широкой кампании против Шаляпина, которого обвиняли в раболепстве и монархизме. С открытым осуждением в печати выступили А.В. Амфитеатров, В.М. Дорошевич, В.А. Серов и др. В дневнике Чуковского 28 января 1911 г. зафиксирован «разговор о Шаляпине» с И.Е. Репиным: «“Утро России” назвало Шаляпина хамом. — Браво, браво! — сказал И.Е.» [11, т. 11, с. 166].

[4] Василий Григорьевич Котельников (1850 – после 1934), сельскохозяйственный и общественный деятель; член комитета Литературного общества; автор многих работ по сельскому хозяйству [7, т. 1, с. 526].

[5] Имеются в виду лекции, приуроченные к 50-летию памяти украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861), скончавшегося 26 февраля.

16. Чуковский — Венгерову

20 мая (2 июня) 1911. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Я усердно сижу и — как перед экзаменами — «зубрю Брюсова»[1]. Читаю его прозу, критику, поэмы и проч. и проч. и проч. — и до сих пор не знаю, что у меня из этого выйдет. Ведь Вам нужно к сентябрю, а я к сентябрю ни за что не успею.

У меня на шее:

фельетоны,

книга о Уитмэне (доканчиваю наконец-то)[2],

детский журнал (принялся редактировать)[3],

Некрасов[4] и т. д.

Лекция[5]

Почти все спешное и почти все к сентябрю. Поэтому, чтобы ни минуты не оставить Вас в неопределенности, позвольте поставить дело так:

— если Вы можете ждать до 1го декабря, то я с восторгом берусь за эту работу;

— если же последний срок 1 сентября, то я с грустию должен признать себя для вас непригодным.

Ваш Чуковский.

Простите, что так поздно откликнулся: по телефону не дозвонился к Вам, а потом все думал, что удастся лично зайти.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. Его Высокородию Семену Афанасьевичу Венгерову.

Датируется по штемпелям: Куоккала: 2.VI 11, С. Петербург: 20–5–11

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковский*; 12041».

[1] Очевидно, это ответ на неизвестное письмо Венгерова с предложением написать статью о Брюсове для т. 1 издания: Русская литература XX века. 1890–1910: в 3 т. / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Мир, 1914–1918 (осталось незавершенным) (см. вступ. статью). Ср. также из письма Брюсову от 5 (18) сентября 1911 г.: «Я

только что вернулся из Астрахани <…> По приезде сейчас засел изучать Валерия Брюсова. Очень жаль, что этот писатель не собрал своих критич<еских> статей и рецензий под одну обложку» [11, т. 14, с. 262].

[2] Речь идет о книге «Поэзия грядущей демократии: Уот Уитмен», которая вышла через три года с предисловием И.Е. Репина (М.: Изд-во т-ва И.Д. Сытина, 1914); позднее неоднократно переиздавалась с дополнениями (см.: [1], по Указ. имен).

[3] Чуковский был инициатором и редактором-составителем альманаха для детей «Жар-птица» (СПб.: Шиповник, 1912). Позднее в мемуарах «Горький во “Всемирной” (Сб. ст. и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л., 1928) он напишет: «Я давно носился с соблазнительным замыслом — привлечь самых лучших писателей и самых лучших художников к созданию хотя бы одной-единственной “Книги для маленьких”, в противовес рыночным изданиям Сытина, Клюкина, Вольфа. В 1912 году я даже составил подобную книгу под сказочным названием “Жар-птица”, пригласив для участия в ней А.Н. Толстого, С.Н. Сергеева-Ценского, Сашу Черного, Марию Моравскую, а также многих первоклассных рисовальщиков, но книга эта именно из-за своего высокого качества (а также из-за высокой цены) не имела никакого успеха и была затерта базарною дрянью» [11, т. 5, с. 70–71].

[4] Речь идет, судя по всему, о подготовке статьи Чуковского «Мы и Некрасов» (Речь. 1912. 1 (14) нояб.); вошла в сборник «Лица и маски» (1914) под названием «Некрасов и модернисты». Эта статья стала первым шагом Чуковского в его дальнейших литературоведческих исследованиях творчества Н.А. Некрасова, которому он посвятил огромное количество статей, несколько книг («Некрасов как художник» (1922), «Поэт и палач» (1922), «Некрасов» (1926), «Мастерство Некрасова» (1962), а также принял самое активное участие в подготовке Полного собрания сочинений и писем Некрасова в 12 т. (М., 1948–1953).

[5] Слово вписано.

17. Венгеров — Чуковскому

21 мая 1911. Санкт-Петербург

Ежели без обмана Вы действительно дадите литературный портрет Брюсова к 1 декабря — то я подожду. Но Вы уже, пожалуйста, «с восторгом» беритесь за работу и притом никому не рассказывайте, что я Вам дал отсрочку. А то и другим повадно будет оттягивать, и тогда я погибну.

Итак, вношу в книжечку свою:

Брюсов — Чуковский.

Во вторник еду в Москву и скажу Брюсову, что Вы взялись, а Вы, все-таки, до вторника доставьте мне письменную клятву, что не надуете.

Ваш С. Венгеров.

21 мая 1911

На почтовой карточке, адрес: ст. *Куоккала* по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу *Чуковскому.*

Над письмом синий штамп: Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ. Загородный, 21.

Штемпели: С.-Петербург, смазан; Куоккала, 4.VI.11.

18. Венгеров — Чуковскому

22 сентября 1911. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Желая ускорить, я перемудрил и потому только сегодня получил телеграмму: «Завтра высылаем». Прибудут, значит, деньги в субботу вечером. В воскресенье и пожалуйте за ними.

Ваш С. Венгеров.

22 сент. 1911 г.

На почтовой карточке:

Здесь. Суворовск. 40 /А, кв. 4[1].

Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

Штемпель: С.-Петербург, 22.9.11.

Внизу письма — именной штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров».

[1] В сентябре 1911 г. Чуковский переехал из Куоккалы в Петербург. В письме Брюсову от 5 (18) сентября, написанному по возвращении из летней поездки в Астрахань, подчеркивается: «Теперь мой адрес такой: *Петербург*, Суворовский проспект, 40 а, кв. 4. К.И. Чуковскому» [11, т. 14, с. 262]. Однако продолжал бывать в Куоккале; см. напр., почтовую карточку А.В. Руманову, отправленную оттуда 1 (14) октября 1911 г. [11, т. 14, с. 262]; как и письмо М.А. Волошину от 7 (20) января 1912 г. [11, т. 14, с. 275].

19. Венгеров — Чуковскому

12 января 1912. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович!

Если Брюсов по-прежнему Вам не дается, то давайте Гиппиус. Но только поскорее! Жду весточки.

Ваш
С. Венгеров.

12 янв. 912

На почтовой карточке: Суворовский пр. 40/А кв. 4. Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

20. Чуковский — Венгерову

Около 20 февраля (4 марта) 1912. Бад Гранкулла

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Вот уже больше месяца нахожусь я в вышеобозначенном заведении[1] и подвергаюсь всем затеям и причудам чухонской медицины — обтираниям,

обливаниям, окутываниям, замораживаниям и т. д. — и облегчения никакого не чувствую. Сегодня отсюда уезжаю, потеряв в весе 3 килограмма (было 75, теперь 72), почти отравленный вероналом, и моя статья о Гиппиус, которую не могу докончить из-за непрерывной головной боли, служит явным доказательством моей невменяемости[2].

Что со мной будет, я не знаю. Денег нет почти ни гроша, и ни откуда ничего не предвидится. Уезжаю в Петербург. Хочу применить к себе гипноз. Знакомы ли Вы с Бехтеревым?[3]

Ваш Чуковский.

На печатном бланке:

Rekreations- o. Kuranstalten Bad Grankulla, den__191

Bad Grankulla

Öppen året om

Adress: Grankulla station

Telefon via Grankulla central

На листе пометы карандашом: «*Чуковский*; 12028»; на обороте: «22 февр. 912. Чуковск<ий>; [357]».

[1] О критическом состоянии своего здоровья Чуковский сообщал нескольким корреспондентам. В начале января 1912 г. он пишет известному библиографу, книговеду, популяризатору науки, создателю библиопсихологии (науки о восприятии текста) Николаю Александровичу Рубакину (1862–1946): «…ведь мой ужас в том, что я болен, — я совершенно потерял возможность заниматься и т. д. — у меня малокровие мозга, бессонницы и проч. Это такое отчаяние. Я четыре года жил в Куоккала, переехал с семьей (а у меня трое детей) в СПб. — и сразу изнемог, истомился. Стоит мне пойти в театр, пройти по Невскому — и я не сплю, *подавленный впечатлениями*» [11, т. 14, с. 273]. Брюсову сообщает 28 января (10 февраля) того же года уже из санатория: «Я очень заболел (малокровие мозга)…» [там же, с. 277]. См. также письмо Д. Философова к Чуковскому от 26 февраля (10 марта) 1912 г.: «Получил известие от Ремизова, что Вы больны, в санатории, страдаете бессонницей и т. д. И мне стало горько, что я Вам послал ядовитое письмо. Если бы Вы были здоровы, Вы бы поняли, что этот яд безвреден, припомнили бы мое хорошее отношение к Вам, и, конечно, не огорчились бы. Но в нервном состоянии, когда на душе бывает уныние, не до ядовитых шуток! Потому искренне прошу у Вас прощения. Главное, будьте бодры, работайте, *не развинчивайтесь*. По опыту знаю, что при неврастении доктора *ничто*, а личная воля *все*. Перехитрите черта, который в виде бессонницы мучает Вас, не поддавайтесь ему» [10, с. 444].

[2] В это время Чуковский писал статью об О. Уайльде. См. примеч. 1 к следующему письму.

[3] Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), выдающийся ученый, психиатр, невролог, физиолог, психолог; основоположник рефлексологии и патопсихологии; основатель Психоневрологического института в Санкт-Петербурге (1907); в 1918 г. организовал и возглавил Институт по изучению мозга и психической деятельности. На протяжении многих лет исследовал проблемы гипноза и внушения. Незадолго до болезни Чуковского вышла в свет брошюра: *Бехтерев В.М.* Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. [Из лекций, читанных врачам и студентам Императорской Военно-Медицинской Академии]. СПб.: Изд-во «Вестника Знания», 1911.

21. Венгеров — Чуковскому

21 апреля 1912. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович!

Марья Борисовна сообщила мне, что Вы на днях прибудете в столицу[1]. Так вот просил бы Вас по возможности скорее позвонить ко мне или заглянуть ко мне персонально. Нужно, во-первых, узнать, в каком положении статья о Гиппиус, а затем мне очень нужно получить адрес Сергеева-Ценского, Вам, как приятелю, вероятно, известный[2].

Ваш С. Венгеров.

На именном бланке Венгерова (дата вписана).

[1] Речь идет о гастрольной поездке Чуковского по югу России с лекцией об Оскаре Уайльде, работа над которой велась еще в санатории; ср. письмо жене от февраля 1912 г.: «Мне хочется побыть здесь еще недели 2, закончить статью об Уайльде — и на 4-й неделе Великого Поста, когда все театры закрыты, прочитать об Уайльде лекцию: под заглавием “Религия Красоты и религия страдания”» [11, т. 14, с. 284]. Лекция с большим успехом была прочитана дважды в Петербурге в зале Тенишевского училища 3 и 9 марта 1912 г. 16 марта Чуковский отправился в Минск, о чем известил Брюсова [11, т. 14, с. 289]. В письме И.Е. Репину от 24 апреля он сообщал: «Третьего дня я читал лекцию в Минске, вчера в Гомеле, сегодня буду читать в Витебске. *Скоро сделаюсь миллионером*. Уже 1 ½ месяца я скитаюсь по России — из Киева в Ковно, из Белостока в Одессу — и никак не могу добраться до Петербурга» [11, т. 14, с. 294]. 4 мая Чуковский пишет Брюсову: «Я только что вернулся из поездки по России. <…> Простите бессвязное письмо, но я совершенно болен. Голова болит не переставая» [11, т. 14, с. 296].

[2] С Сергеем Николаевичем Сергеевым-Ценским (1875–1958) Чуковский был знаком примерно с 1906–1907 гг. Первый критический отзыв «О Сергееве-Ценском» (Родная земля. 1907. 5 (18) февраля) был перепечатан под названием «О мозаике» (Речь. 1907. 29 июля (18 авг.)); вошел в состав сборника «От Чехова до наших дней» под заголовком «Сергеев-Ценский» начиная со 2-го изд.; см. [11, т. 6, с. 61–68]. В конце 1909 г. писатель снимал дачу в Куоккале по приглашению Чуковского.

22. Венгеров — Чуковскому

30 мая 1912. Санкт-Петербург

Гиппиус, Гиппиус, Гиппиус!

Дайте весточку.

Ваш С. Венгеров.

30 мая 912

На почтовой карточке; адрес: ст. *Куоккала* по Финл. ж.д. Корнею Ивановичу *Чуковскому.*

Внизу письма именной штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. Загородный, 21».

Штемпели: С.-Петербург, 31.5.12; Куоккала, 13.VI.12.

23. Чуковский — Венгерову

2 (14) июня 1912. Куоккала

Пишу, пишу, пишу!

Но больше лежу в постели — болел. Читал в англ<ийских> газетах, что Зин. Аф. Венгерова пишет об Оскаре Уайльде[1]. Милости прошу глубокоуважаемую тетку приехать к нам на дачу Дальберга (Куоккала) — (у нас по воскресеньям Репин) — я дам ей много новых матерьялов и свою гениальную статью[2]. О Гиппиус почти готово.

Ваш Чук.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. С.А. Венгерову.

Штемпели: Куоккала: 14.VI 12, С. Петербург: 2–6–12.

На адресной стороне пометы карандашом: «2 Июня 912, *Чуковский*; [645], 12027».

[1] З.А. Венгерова не раз обращалась к судьбе и литературному наследию Уайльда в своей критике. Статья «Оскар Уайльд и английский эстетизм» составила одну из глав в первой опубликованной книге Венгеровой «Литературные характеристики» (СПб, 1897). Имеется в виду, по-видимому, статья Венгеровой «Суд над Оскаром Уайльдом», которая вышла позднее в том же году (Новая жизнь. 1912. № 11).

[2] Чуковский возвращался к творчеству О. Уайльда на протяжении всей жизни, начиная с юношеской заметки «Оскар Уайльд и его пьеса», написанной в Лондоне (Одес. нов. 1904. № 6299. 6 мая). В 1911 г. Чуковский стал редактором первого в России Полного собрания сочинений О. Уайльда, вышедшего в свет приложением к журналу «Нива» на 1912 г. в 4 т. (СПб.: изд. т-ва А.Ф. Маркс). На основе ранних статей об английском писателе и лекции «Религия красоты и страдания» он опубликовал этюд «Оскар Уайльд» (Нива. 1911. № 49), который вошел в качестве предисловия к вышеназванному собранию сочинений (с. I–XXXIII). Подробнее см.: [6, с. 109–111; 5, с. 98–110].

24. Венгеров — Чуковскому

18 июня 1912. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович!

Мне самым решительным образом нужно знать *немедленно*, дадите ли Вы статью о Гиппиус. Дело в том, что я имею возможность получить статью о Гиппиус Лундберга, у которого уже имеется статья о ней, предназначенная для «Русской Мысли»[1]. Я должен дать ему немедленный ответ. Вот почему и от Вас требую такой скоропалительности. Если не вытанцовывается, так давайте уже мне что-нибудь другое. О Сергееве-Ценском, что ли, или о чем-нибудь другом. Столкуемся как-нибудь. Но, повторяю, давайте немедленный ответ.

Ваш С. Венгеров.

На именном бланке Венгерова (дата вписана).

[1] Имеется в виду статья Е.Г. Лундберга (1883–1965) «Поэзия З.Н. Гиппиус», опубл. в «Русской мысли» (1912. Кн. XII. С. 55–66).

25. Венгеров — Чуковскому

21 августа 1912. Санкт-Петербург

21 Авг. 1912

Свидетельствую свое почтение многоуважаемому Корнею Ивановичу и очень прошу дать весточку *немедленно* о статье «Гиппиус». Если статья не вытанцовалась окончательно — [скажите] напишите прямо, уж я как-нибудь устроюсь![1]

Ваш С. Венгеров.

Меня кто-то по телефону мистифицирует от Вашего имени: то говорит «под еврея», то «под немца». Неужели это Вы?

На именном открытом письме; печатный штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. С.-Петербург [Разъезжая, 39] Загородный, 21. Телефон 52–84». Прежняя улица зачеркнута и новая вписана от руки, как и дата в верхнем правом углу. В печатном тексте: «Свидетельствуя свое почтение» «я» исправлена чернилами на «ю».

Адрес: ст. *Куоккала* по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

Три штемпеля: два — С.-Петербург, 21.8.12 и 22.8.12, один — Куоккала, 4.IX.12.

[1] Статья о Гиппиус в результате была написана Брюсовым, который остался ею очень недоволен. Ср. его письмо Венгерову от 8 мая 1913 г.: «Только сегодня я высылаю вам свою статью о Гиппиус. Сознаюсь, статья эта стоила мне много не то что труда, а хлопот. Во-первых, я откровенно не люблю прозу Гиппиус (о чем не раз и писал, и лично говорил Зинаиде Николаевне). Вы же просили характеризовать и ее прозу. <…> Во-вторых, я увидел, что, по моим личным отношениям к Зинаиде Николаевне (до которых, конечно, читателям нет дела, но есть дело мне), я не могу сказать *все*, что думаю о ее поэзии. О многом мне пришлось только намекнуть. Через это и характеристика поэзии Гиппиус вышла какой-то неполной» [3, с. 682]; см.: Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Мир, 1914. Т. 1. С. 178–188.

26. Чуковский — Венгерову

30 августа (12 сентября) 1912. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Конечно, я сволочь. Но у меня есть смягчающие вину обстоятельства. Я написал Вам большое письмо месяц назад и дал художнику Горелову[1] опустить в ящик. Он *целый месяц* проносил его в кармане и уже из-за границы (куда он уехал), запросил меня, не устарело ли письмо к С.А.В.? Гиппиус у меня почти готова — осталось написать о Чортовой Кукле[2], но свирепый приступ болезни опять задержал меня. *Я все лето пишу один единственный фельетон для Речи и все не могу закончить*[3]. Разрешите я приеду к Вам на неделе — и мы поговорим из уст в уста. Я должно быть брошу литературу — ибо к 30 годам стал литературным импотентом.

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. Профессору С.А. Венгерову.

Датируется по штемпелям: Куоккала: 12.IX.12, С. Петербург: 30–8–12.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковский*; [847] 12026».

[1] Гавриил Никитич (Никитьевич) Горелов (1880–1966) — художник. С 1904 г. учился в Академии художеств в мастерской И.Е. Репина. «Картиной “Чудо при погребении Александра Невского” в 1911 году окончил Академию художеств с заграничной командировкой, где пробыл год и написал ряд работ на тему “Оргия в апартаментах папы Александра VI Борджиа”, за которые мне была присуждена вторая заграничная командировка», — писал он в Автобиографии (URL: http://surl.li/ygetaf, (дата обращения: 25.01.2025)).

[2] См. вступ. ст.

[3] Ср. записи в дневнике от «17–18–19–20» июня: «Чарская не пишется совсем. Я и так, я и сяк»; 6 июля 1912 г.: «Про Чарскую окончательно не пишется» [11, т. 14, с. 174]. Фельетон «Чарская» был напечатан одновременно в двух изд.: Речь. 1912, 9 (22) сент.; Современное слово. 1912. 9 (22) сент; вошел в сборник «Лица и маски» под названием «Лидия Чарская»; см. в совр. изд.: [11, т. 7, с. 303–312].

27. Венгеров — Чуковскому

6 сентября 1912. Санкт-Петербург

6 Сент. 1912

Свидетельствую свое почтение многоуважаемому Корнею Ивановичу и буду весьма рад побеседовать с ним на [след] этой или на будущей неделе. Предварительно прошу позвонить мне по телефону, чтобы условиться точно.

Ваш С. Венгеров.

На именном открытом письме; печатный штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. С.-Петербург [Разъезжая, 39] Загородный, 21. Телефон 52–84». Прежняя улица зачеркнута и новая вписана от руки, как и дата в верхнем правом углу. В печатном тексте: «Свидетельствуя свое почтение» «я» исправлена чернилами на «ю».

Адрес: ст. *Куоккала* по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

Три штемпеля: С. Петербург: 6.9.12 и 7.9.12; Куоккала, 20.IX.12.,

28. Чуковский — Венгерову

<1912 г.?> Куоккала

Многоуважаемый С. А.

Нарочно прилагаю Вашу телеграмму[1], чтобы Вы меня не заподозрили в свинстве. Обратите внимание на подпись, сделанную на телеграфном бланке:

За неуплатою нарочному 40 к. не доставлен.

Должно быть, в мое отсутствие (я был в городе, в Публ<ичной> Библиотеке) приходил телеграфист, ему не уплатили за доставку, он и унес телеграмму обратно.

Хотя Вы уже знаете, должно быть, адрес Петровича[2], я сейчас нарочно пойду на станцию и добуду точные сведения.

Нет, и на станции не известен его адрес. Он уехал, потому что на его дачу приехали новые жильцы[3].

Ваш Чуковский.

Точной датировке не подлежит. Датируется приблизительно на основании пометы Венгерова: «Чуковский; 12025», которая хронологически сближает последние письма Чуковского. С другой стороны, как указывалось в текстологической справке, входящие номера не всегда соответствуют точной датировке или содержанию писем. В равной степени это письмо может занимать в переписке любую позицию, в том числе первую. Но в этом случае мотив подозрительности Венгерова в «свинстве» Чуковского выглядел бы тотальным, что представляется неверным.

1 Телеграмма не сохранилась.

[2] О ком идет речь, неизвестно.

[3] Последний абзац приписан карандашом.

29. Расписка Чуковского

29 марта 1914. Санкт-Петербург

29/III

За счет С. А. Венгерова выдано Чуковскому 1 экз. Белинский соч.[1] по I / VIII.14.

К. Чуков<ский>.

Пометы карандашом: «К. Чуковский; 12029»; поверх слов «За счет» — неразборчивая подпись и дата: «29/III».

[1] Речь идет об изд.: Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. и с примеч. проф. С.А. Венгерова. Т. X. СПб.: Общественная польза, 1914. Десятый том вышел в свет в конце 1913 г.

Литература

1. *Берман Д.А.* Корней Иванович Чуковский: Биобиблиографический указатель. М.: Рус. библиогр. о-во; Восточ. лит., 1999. 467 с.

2. *Блок А. А*. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 8. 771 с.

3. <*Брюсов В.Я*. Письма> С.А. Венгерову / публ. Э.С. Литвин // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 676–685.

4. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования: в 5 кн. М.: Наука, 1982. Кн. 3. С. 153–539.

5. *Морозова С.Н.* К.И. Чуковский и зарубежная литература. М.: Флинта, 2020. 265 с.

6. *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX – начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1991. С. 77–128.

7. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: в 2 т. СПб.: Наука, 2001–2010.

8. *Сороколетова Г.И.* Письма В.П. Махновца // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 254–275. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647530 (дата обращения: 26.01.2025).

9. *Федотова С.В.* «Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920) // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 31–81. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81

10. *Федотова С.В., Соболев А.Л.* «…буду очень к Вам требователен»: письма Дмитрия Философова к Корнею Чуковскому (1908–1919) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 400–455.

11. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.

12. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: НЛО, 2004. 448 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Zeus the Benefactor” and “the Born Gamin”: S.A. Vengerov’s Correspondence With K.I. Chukovsky (1907–1914)

© 2025. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents the correspondence between S.A. Vengerov and K.I. Chukovsky. It allows us to trace the literary relations between the famous bibliographer, literary historian, and publisher, on the one hand, and the young literary critic, on the other. We reconstruct unknown stories related to Vengerov’s attempts to involve Chukovsky in writing literary portraits of V.Ya. Brusov and Z.N. Gippius for the large-scale publishing project “Russian Literature of the

20th Century. 1890–1910" (ed. by Prof. S.A. Vengerov). The article puts forward a hypothesis that Chukovsky's undated reply to the CBD (Critical and Biographical Dictionary...) questionnaire can be chronologically correlated with the correspondents' last letters.

Keywords: S.A. Vengerov, K.I. Chukovsky, correspondence, V.Ya. Brusov, Z.N. Gippius, literary portraits, CBD questionnaire, publishing projects.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Zeus the Benefactor" and "the born Gamin": S.A. Vengerov's correspondence with K.I. Chukovsky (1907–1914). *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 55–91. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91

References

1. Berman, D.A. *Kornei Ivanovich Chukovskii: Biobibliografcheskii ukazatel'* [*Korney Ivanovich Chukovsky: Biobibliographic Index*]. Moscow, Russkoe bibliografcheskoe obshchestvo Publ.; Vostochnaia literatura Publ., 1999. 467 p. (In Russ.)

2. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], vol. 8, ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, and K.I. Chukovsky. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1963. 771 p. (In Russ.)

3. <Briusov, V.Ia. "Pis'ma> S.A. Vengerovu" ["Letters to S.A.Vengerov"], publ. by E.S. Litvin. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 676–685. (In Russ.)

4. "Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921)" ["Blok in the Unpublished Correspondence and Diaries of Contemporaries (1898–1921)"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia: v 5 kn. [Alexander Blok: New Materials and Research: in 5 books], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 153–539. (In Russ.)

5. Morozova, S.N. *K.I. Chukovskii i zarubezhnaia literatura* [*K.I. Chukovsky and Foreign Literature*]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 265 p. (In Russ.)

6. Pavlova, T.V. "Oskar Uail'd v russkoi literature (konets XIX – nachalo XX v.)" ["Oscar Wilde in Russian Literature (Late 19th – Early 20th Centuries)"]. *Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh sviazei russkoi literatury* [*At the Turn of the 19th and 20th Centuries. From the History of International Relations of Russian Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 77–128. (In Russ.)

7. *Russkaia intelligentsiia. Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova: Annotirovannyi ukazatel': v 2 t.* [*Russian Intelligentsia. Autobiographies and Biobibliographic Documents in the Collection of S.A. Vengerov: Annotated Index: in 2 vols.*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001–2010. (In Russ.)

8. Sorokoletova, G.I. "Pis'ma V.P. Makhnovtsa" ["V.P. Makhnovets's Letters"]. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, no. 4, 1996,

pp. 254–275. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647530 (Accessed 26 January 2025). (In Russ.)

9. Fedotova, S.V. "'Liubopytnyi malyi': pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k K.I. Chukovskomu (1907–1920)" ["'An Interesting Fellow': Letters of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K.I. Chukovsky (1907–1920)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 31–81. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81 (In Russ.)

10. Fedotova, S.V., and A.L. Sobolev. "'…budu ochen' k Vam trebovatelen': pis'ma Dmitriia Filosofova k Korneiu Chukovskomu (1908–1919)" ["'…I'll Demand a Lot of You': Letters of Dmitry Filosofov to Korney Chukovsky (1908–1919)"]. Kholikov, A.A., and E.I. Orlova, editors. *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza* [*Russian Literature and Journalism During the Pre-Revolutionary Period: Forms of Interaction and Analysis Methodology*]. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 400–455. (In Russ.)

11. Chukovsky, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

12. Shruba, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [*Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1060 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.03.2025
Одобрена после рецензирования: 24.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.03.2025
Approved after reviewing: 04.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-92-109
https://elibrary.ru/IMTUXB

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Думая о Вас, о нашей случайной “письменной встрече”…» Письма П. А. Радимова А. А. Измайлову (1915−1917)

© 2024, Э.К. Александрова
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикуются письма крестьянского поэта, известного художника-реалиста, одного из последних передвижников, первого председателя Ассоциации художников революционной России П.А. Радимова (1887−1967) к знаменитому литературному критику А.А. Измайлову (1873–1921). Ко времени их эпистолярного знакомства Измайлов — состоявшийся журналист, популярный пародист, заведующий литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей»; Радимов — успешный молодой художник, выступающий с передвижниками, начинающий литератор, за его плечами два поэтических сборника: «Полевые псалмы» (Казань, 1912) и «Земная риза» (Казань, 1914; 1915 — 2-е изд.), — благожелательно встреченные критикой. Письма охватывают переломные моменты в жизни обоих корреспондентов. Для Радимова это начало сотрудничества в «толстых» журналах («Русском богатстве» и «Ежемесячном журнале»), в многотиражной газете «Биржевые ведомости», развитие карьеры в стане передвижников. Измайлов в этот период — на пороге кардинальной карьерной перемены: вскоре он должен занять пост главного редактора популярной газеты «Петербургский листок». Письма публикуются по автографам; в работе использованы неопубликованные ранее архивные материалы (ОР РНБ, РО ИРЛИ).

Ключевые слова: П.А. Радимов, А.А. Измайлов, письма, отзыв, рецензия, «Земная риза», «Попиада», «Биржевые ведомости», «Петроградский голос».

Информация об авторе: Эльмира Камильевна Александрова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3009-1794

E-mail: egumerova@mail.ru

Для цитирования: *Александрова Э.К.* «Думая о Вас, о нашей случайной “письменной встрече”…»: Письма П.А. Радимова А.А. Измайлову (1915−1917) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 92–109. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-92-109

Герои настоящей публикации не нуждаются в подробном представлении. Павел Александрович Радимов (1887−1967), автор нескольких десятков стихотворных сборников, известный художник-реалист, один из последних передвижников и первый председатель Ассоциации художников революционной России. Он не первостепенный поэт, но и причисление его к «неизвестным поэтам», по меткой характеристике исследователя, достаточно условно и вполне может вызвать упреки[1]. Имя Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921), журналиста, литературного критика, талантливого пародиста, получившее немалую известность при жизни автора, но оказавшееся на долгие годы в забвении, хорошо известно историкам литературы[2].

Ко времени эпистолярного знакомства двух литераторов Измайлов — знаменитый журналист, заведующий литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей», стоящий на пороге кардинальной перемены — вскоре он должен занять пост главного редактора популярной газеты «Петербургский листок». Радимов — успешный молодой художник, выступающий с передвижниками, начинающий литератор, за его плечами два поэтических сборника[3], на которые благожелательно откликнулись Н.С. Гумилев, Ю.И. Айхенвальд, В.Я. Брюсов, В.Ф. Ходасевич[4].

Поводом к началу переписки послужил благосклонный отзыв Измайлова о втором сборнике стихов «Земная риза» (1914). Вероятно, в основе симпатии Измайлова (выходца из духовного сословия, выпускника Петербургской духовной семинарии, затем — Академии) к начинающему автору, сыну сельского дьякона Рязанской губернии, ученику духовной семинарии (отучился четыре класса)

[1] См.: [3; 5, с. 120]. Автобиографическое письмо И.Н. Розанову (РГБ. Ф. 653. Карт. 39. Ед. хр. 71. Л. 1) опубл. в сети интернет А.Л. Соболевым (Маргиналии собирателя: Павел Радимов // livejournal.com. URL: https://lucas-v-leyden.livejournal.com/251905.html?ysclid=lsq01p7g8p251045640 (дата обращения: 17.02.2024).

[2] О нем подробнее: [1; 9].

[3] Публиковаться начал в 1912 г. в газете «Сибирская жизнь» и журнале «Гиперборей». В тот же год выпустил первую книгу стихов (*Радимов П.* Полевые псалмы: Стихи: 1912 год. Казань: Типо-литография окружного штаба, 1912. 256 с.), в 1914 — вторую (*Радимов П.* Земная риза: Вторая книга стихов. Казань: Типо-литография окружного штаба, 1914. 207 с.; 2-е изд. — 1915), в которую вошла поэма «Попиада».

[4] Подробную библиографию произведений Радимова и о нем см.: [8, с. 207−260].

и выпускнику историко-филологического факультета Казанского университета, — «переклички» их биографий. Оба они не продолжили семейную традицию, но в мирской жизни не забыли происхождение. В отклике на «Земную ризу» Измайлов отмечал: «Если считать автобиографическими черты, разбросанные в стихах книги Радимова <…> он — сын духовного сословия и, надо думать, ученик его школы. Больно подумать, как много настоящей литературы погибло и погибает у нас именно здесь, в силу вековых условий. И старая, и новая бурса никогда не были обделены талантами. Напротив, талант гранился здесь необычайно своеобразно, в совершенно особенных, *своих* оттенках. Если можно различать сословный юмор, то именно здесь, настоянный на семинарской науке, на библейском образе и библейском языке, он оказывался и особенно заборист и на редкость забавен»[5].

Прочтение «Попиады» подвигло критика к ностальгическому припоминанию выдающихся достижений религиозных авторов: популярнейшей в среде семинаристов песни «Наливочка тройная», сатирической «Семинариады», текстов ученых-богословов Н.Н. Глубоковского, В.И. Аскоченского. Скромно умалчивая о своих собственных сочинениях (первые литературные опыты Измайлова связаны с семинаристской жизнью)[6], критик сетовал, что «старая школа» ушла, и «крохи уцелели до нас», и радовался, что эта уходящая «литературная старина» в лице Радимова обрела нового последователя: «Радимову пришла счастливая мысль вынести эту старую бурсацкою традицию на всенародные очи. Он не сатирик; он — просто бытовик. Ни быт сословия, ни школа не сложили в нем того раздражения против них, какое с давних пор стало почти законом для семинариста, уходящего в литературу. Совершенно напротив: душа Радимова — светлая, радостная, благословляющая, все кротко приемлющая, еще по-детски верующая, что жизнь — великое благо, и что много прекрасного в милой и теплой земле, — надо только уметь это видеть»[7].

Измайлов одобрительно отнесся к самобытности молодого автора, не соблазнившегося модными веяниями: «Радостно видеть в саркастической и злобной литературе, в атмосфере монотонных песен уныния человека, нашедшего в душе старинное, эпическое

[5] *Измайлов А.А.* Попиада // Русское слово. 1914. 19 июня. № 140. С. 2.

[6] Как его дебютные беллетристические публикации в журналах, так и первые книги рассказов «Черный ворон» (СПб., 1901), «Рыбье слово» (СПб., 1903), «В бурсе» (СПб., 1903).

[7] *Измайлов А.А.* Попиада // Русское слово. 1914. 19 июня. № 140. С. 3.

ощущение радости бытия и веру в то, что еще стоит жить, и можно жить, и необыкновенно хорошо жить!..»[8].

Письма охватывают переломные моменты в жизни обоих корреспондентов. Для Радимова это начало сотрудничества в «толстых» журналах: «Русском богатстве» и «Ежемесячном журнале», в многотиражной газете «Биржевые ведомости», развитие карьеры художника-передвижника[9]. Возникший в самом начале переписки перерыв (по-видимому, связанный с путаницей в адресных данных) не привел, однако, к прекращению зародившихся отношений. Настойчивость молодого автора, неустанно интересующегося судьбой отправленных некогда стихов, желание и умение Измайлова в условиях огромного дефицита времени, связанного с переходом на пост главного редактора газеты, поддержать прежние связи не только с выдающимися и знаменитыми, но с новыми начинающими авторами, характеризуют обоих корреспондентов как искусных мастеров человеческой коммуникации.

Письма Радимова публикуются по автографам (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 1−17 об.) по нормам современной орфографии и пунктуации, с сохранением в отдельных случаях особенностей авторского написания. Местонахождение ответных писем Измайлова неизвестно.

1. *23 апреля 1915. Казань*

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Я позволил себе послать Вам свою книжку стихов «Земная риза»[1]. Это я хотел сделать давно, но лишь на днях мне пришлось узнать Ваш адрес. Случайно я познакомился «письменно» с Григорием Ивановичем Смирновым (Вашим знакомым)[2], который любезно и исполнил мою просьбу написать о Вас.

Сам Григорий Иванович оказался из тех мест, о которых я упомянул в «Попиаде», поэме, заслужившей Ваш лестный отзыв[3]. Теперь я пользуюсь случаем искренно и горячо поблагодарить Вас. Ваша статья доставила радость близким мне лицам, о себе же не буду говорить: в детстве у меня были веселые глаза и толстые румяные щеки; смотрясь в зеркало, я думал

[8] Там же.

[9] С 1911 г. Радимов экспонировал свои картины на выставках Товарищества передвижников (с 39-ой выставки), после 42-ой выставки в 1914 г. по рекомендации И.Е. Репина и В.Д. Поленова художник избран членом Товарищества.

одно — не такие бывают поэты. Жизнь идет. Теперь я похудел, женился, жду первенца, значит скоро буду совсем серьезным, но думаю я все то же.

И теперь мне бывает часто совестно, что я пишу стихи. Когда же за слабость хвалят, то чувствуешь себя неловко. Правда, бывают редкие моменты, когда точно вихрь поднимет, вот-вот закружит и грянет оземь, когда боишься ступать по земле, чтобы не упасть, или сам в неудержимом восторге и трепете готов броситься и целовать землю-праматерь, — не они ли, эти «проблески безумия» (без-умие, не ум т. е. первоисточник поэзии, древняя священная болезнь) служат мне оправданием? Не знаю. Боюсь лишь, что наговорил лишнего и Вас утруждаю, меж тем как вовсе не хотел бы заплатить Вам злом за добро.

Добро же Ваше литературное (статьи, стихи, рассказы и великолепные пародии) я высоко ценю и рад теперь случаю поблагодарить за них автора.

Примите мой искренний привет!

С уважением к Вам

П. Радимов.

23 апреля 1915 г.

Казань, Кирпично-Заводская ул. д<ом> Медведева

---

[1] Сборник П. Радимова «Земная риза: Вторая книга стихов» был выпущен в Казани двумя изданиями (1914, 1915), см. примеч. 3 к вступит. статье.

[2] Дополнительные сведения о нем разыскать не удалось.

[3] См.: *Измайлов А.А.* Попиада // Русское слово. 1914. 19 июня. № 140. С. 2–3.

2. *7 мая 1915. Казань*

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Мне легко, хорошо и весело писать Вам и хочется горячо и просто благодарить Вас за письма ко мне. (Их я получил два, а книжку Вашу пока мне, к сожалению, не доставили — вероятно, кроме меня нашелся у Вас почитатель — дай Бог!)[1]. Вы так много наговорили хорошего обо мне, что мне теперь страшно: придется, непременно придется сделаться и хорошим человеком и сносным писателем.

То же, что Вы сказали о себе, дорогой (простите эпитет — не полагается юнейшему непочтительно обращаться к старейшему) Александр Алексеевич, я повернул навыворот, и вышло, что Вы чудесный человек! Я видел Вас в Казани на экране кинематографа, Вы беседовали в саду с И.И. Ясинским[2]. Статью его обо мне не читал[3]; если не неудобно, передайте ему мой искренний привет. Ведь он мастер не только слова, но и кисти?[4] За Ваши заботы обо мне приношу Вам глубокую благодарность, только думаю, что Вы ошибаетесь во мне и в моем таланте. Если я случайно написал сравнительно удачную вещь, то теперь гол как сокол:

голова от пустоты ясная. Что напишу, что напишется и напишется ли, не знаю. Пока ни о чем не думаю, и совесть спокойна. С предложением редакции «Биржевых ведомостей» я растерялся: рассказов у меня нет,[5] не пишу, попытки давно оставил, очевидно не подошла еще пора, когда «лета к суровой прозе клонят».

Потом я ленив, а писать прозаическими строчками для меня пока непосильный труд. Вот стихи я Вам посылаю, делайте с ними, что хотите — выбирайте, что Вам по вкусу, что подойдет. Если же редакции доставит удовольствие за мое удовольствие платить деньги, то пусть платит, о гонораре же я ничего не знаю и самое слово плохо выговариваю (на букве «р» гортанно картавлю, почему, вероятно, и избегаю показываться в обществе, никак не могу как следует представиться). Стихи посылаю Вам на квартиру; что уж очень плохо покажется, в редакции не показывайте. Вот сколько Вам с моим доверием хлопот! Почти все стихи апрельского урожая (кроме «Ненастья», «Коромысла» и «Золотых слов старца Никанора»). Стихотворенье «Прощанье» — отклик войне, с этим откликом мне не повезло.[6] Перед Пасхой я отправил по приглашению Горнфельда в «Русск<ие> записки» партию стихов. Там был маленький цикл «Война и деревня». В № 4 «Рус<ских> зап<исок>» он должен был появиться, но военная цензура его перечеркала и Горнфельд любезно прислал корректуру «на память».[7] «Прощание» писалось с этим циклом, но в него не вошло, строчка одна тогда не отыскалась. Если будете печатать, то я предупреждаю Вас о возможности подобной участи для стихотворения. По-моему же, они печальны, но безобидны. Если Вам «Золотые слова старца Никанора» будут мало понятны, то я позволяю <себе> послать Вам первую свою книжку: там есть житие этого старца и его проповеди под яблоней.[8] Он мой дед, дьячок 89 лет, здравствующий и служащий в с<еле> Ходяйнове и поныне. Я люблю его и его житейскую мудрость. За хорошую жизнь Бог награждает долголетием. Вот я Вам много написал: что хотел, не сказал, а хотел я сказать вот что: была темная ночь, был весенний сад, вишни готовились расцвесть, я думал о Вашем письме, о прекрасной душе человека — спасибо Вам за хорошие слова!

Примите мой привет!

Искренне Ваш П. Радимов.

Казань, 7 мая 1915 г.

Мой адрес на летние месяцы (и весенний): май, июль, август — г. Чебоксары, Каз<анской> г<убернии>, до востребования. В июне буду в Казани.

P.S. За то, что стихи у меня все «мельче», не обижайтесь, сам не рад.

---

[1] См. прим. к письму 3.

[2] Возможно, речь о съемке 4 мая 1914 г. на «Вечере Случевского», организованном И.И. Ясинским. Ср. дневниковую запись Ф.Ф. Фидлера: «Мы разгуливали без сюртуков по саду <…> Нас снимали киноаппаратом» [10, с. 635]. В эти годы Измайлов — участник кинематографических репортажей с популярными литераторами. См., например, немой кинофильм фирмы Дранкова «Прижизненные съемки писателя Л. Андреева (беседует с журналистом Измайловым)» (РГАКФД. Ед. хр. 15998).

[3] В отзыве И.И. Ясинского было отмечено: «Давно не встречали мы в русской литературе такой отчеканенной и увлекательной, несмотря на отсутствие “фабулезности”, прекрасной повести, где все обвеяно лучами какого-то милого теплого света» (Чуносов М. [Ясинский И.И.]. [Рец. на: Радимов П.А. Земная риза. Сб. Казань, 1914]. Новые книги // Новое слово. 1914. № 8. С. 158). См. также: Ясинский И. Попиада // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 15 июня. Позже, предположительно, в сентябре 1915 г., об этом отзыве Измайлов упоминал в письме к Ясинскому: «Дорогой Иероним Иеронимович, бывший в СПб Радимов, автор “Попиады”, просил меня выразить Вам его искреннюю благодарность за Ваш о нем фельетон и переслать Вам его вторую книжку стихов» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 68).

[4] Ясинский занимался живописью.

[5] Имеет в виду измайловское письмо на типовом бланке редакции «Биржевых новостей» с просьбой о присылке рассказа и сведениями об условиях оплаты. Такие письма журналист рассылал многим своим корреспондентам, ср.: [1, с. 204–206, 211, 372–373, 653].

[6] Стихи не были опубликованы в «Биржевых ведомостях». По-видимому, письмо не нашло адресата. Позже опубл.: «Ненастье» («С утра еще дождик покрапал…») // Казанское слово. 1918. 31 мая; «Коромысла» («Весел жгучий лик денницы») // Провинциальная муза: Ежегодник стихов. Казань: Тип. «Рабочее Дело», 1918. [Сб.] 1. С. 6.

[7] Радимов описал этот случай в воспоминаниях: «<…> стихи “Война и деревня” я послал в редакцию журнала “Русское богатство”. Стихи не были напечатаны, царский цензор, генерал Людвиг Людвигович фон Драке, перечеркнул все строки, а критик этого журнала Горнфельд прислал мне на память исковерканную корректуру. Его письмо датировано 6 апреля 1915 года. “Многоуважаемый Павел Александрович, — писал Горнфельд, — посылаю Вам печальный автограф генерала Драке Людвига Людвиговича. Сохраните этот документ, показывайте детям и напечатайте в “Русской старине” в 1961 году, когда по случаю столетия освобождения крестьян будут даны и прочие свободы. На днях напишу Вам, что взял из прочих стихов. Ваш А. Горнфельд”. Заглавие стихов было: “Война и деревня”. “Войну” было печатать можно, “Деревню” нельзя. Из 62 стихов было оставлено 14. На корректуре синяя печать: “Со стороны военной цензуры не встречается препятствий к напечатанию”. А внизу приписка цензора: “за исключением всего перечеркнутого красными чернилами. Генерал Драке”» [7, с. 39]. См. также: *Ред*. Расправа царского цензора: [О несостоявшейся публикации цикла в журнале «Русские записки» в 1915 г.] // Знамя революции. Казань, 1919. 30 нояб. С сентября 1914 по март 1917 г., в связи запретом «Русского богатства», журнал выходил под названием «Русские записки». Письма Радимова к А.Г. Горнфельду сохранились в ОР РНБ (Ф. 211. Ед. хр. 907, 908).

[8] Первая книга стихов — «Полевые псалмы» (Казань, 1912).

3. *26 мая 1915. Казань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Мне привезли в мое летнее «полевое» местопребывание Вашу посылку. Сердечно благодарю за дорогой для меня и многочисленный дар (целых

три книги[1], а я, послав Вам свое «полное собрание», мог доставить только две[2] — в будущем Ваш должник).

Судя по адресу, Вы переменили «линию», дошло ли до Вас мое письмо из Казани, груда стихов и книга?

За эту книгу («Пол<евые> пс<алмы>») на меня не обижайтесь, именно ей и приличествует Ваше надписание на «Стихотворениях»[3]. Можно удивляться смелому безрассудству нелепого юноши, начавшему внезапно и «с плеча» писать стихи, дотоле их не читавшему, о «механике поэтической» понятия не имевшему и искренно жалевшему, как Христа-ради юродивых, всех, говорящих «языком богов»[4], — еще раз прошу не осудить меня! Ваши книги я перечитываю, представляю на миг огненный азарт Невского (два года назад и я приезжал на два дня в Петербург заглянуть в Эрмитаж и Музей Александра III)[5], представляю петербургские думы и души, но… пред окном моим зелень, лента Волги, жаворонки без числа поют и поют; дом мой (дачный флигель чебоксарского купца) стоит прямо в полях, как настоящий двор; рядом «доходный» фруктовый сад, тут же большой казенный лес, с ландышами, соловьями, дроздами, кукушками; глубокие овраги с кустарником, где живут девять настоящих журавлей — ах, как странно, как звонко они кричат на заре! Низко пролетают (почти на головой) как большие сирые бараны, хлопают широкими крыльями и кричат — это не осенний унылый курлыкающий крик, но свободный, резкий и звонкий, будто бьют в медные заслоны-литавры, — вот этими голосами теперь живу я, и, думая о Вас, о нашей случайной «письменной встрече», мне хочется процитировать Ваши строки: «Судьба, отказавшая людям нашего века в старых чудесах, оставила нам одно чудо, — странное чудо внезапных душевных сближений» (Ваш рассказ «После двенадцати ночи»)[6].

У Вас это чудо происходит на Невском, но этому чуду нет земного предела…

Я не знаю, что хотел написать Вам в этом письме, кажется, поблагодарить Вас за книги — еще раз за них спасибо!

Душевно Ваш П. Радимов.

26 мая 1915 г.

Место, не имеющее адреса.

---

[1] Одной из книг, отправленных Измайловым в дар, были его «Стихотворения» (СПб., 1905) с дарственной надписью: «Грех юности моея и неведения моего не помяни. А<лександр> И<змайлов>. 12.V.1915», — псалом 24:7 Ветхого завета. Этот экземпляр до недавнего времени экспонировался на сайте интернет-аукциона.

[2] Имеет в виду два сборника стихов: «Полевые псалмы» (1912) и «Земная риза» (1914, 1915).

[3] См. примеч. 1.

[4] Ср. с соображениями, высказанными Радимовым в письме В.Я. Брюсову от 20 марта 1912 г.: «Вы писали о моих “Полевых псалмах” (я очень благодарен и признателен за Ваш ответ), что у меня часто встречаются довольно существенные

недостатки в технике стиха, — так и должно быть, ибо я никогда не был поэтом и никогда не любил свой стих, как стих. Если в моей душе и слышались какие-то неведомые зовы, то наверное существовал какой-нибудь иной путь для выражения моих дум и настроений. К стихам я обратился случайно и написал их нечаянно. Ваша книга <“Зеркало теней”> меня убедила, что я кощунственно вторгся в чуждую область. Теперь, когда в моей опустевшей голове совершенно отсутствуют образы и мысли и не звучат стихи, я думаю, что освободился от недуга стихотворства. Я всегда любил поэзию только не свою. Самому писать стихи мне было очень стыдно» (РГБ. Ф. 386. Карт. 100. Ед. хр. 2. Л. 1–1 об.); цит. по интернет-публикации А.Л. Соболева (см. примеч. 1 к вступ. ст.).

[5] Ныне Государственный Русский музей.

[6] Вошел в книгу Измайлова «Рассказы» (СПб.: Шиповник, 1912).

4. *4 октября 1915. Казань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Весной я послал Вам стихи и письма.

Вы их получили?

Если в своей многотрудной и занятой петроградской жизни улучите свободную минуту, то не откажитесь побеседовать письмами с провинциальным семьянином.

Примите мой привет

Ваш П. Радимов.

Казань, Кирпично-Заводская ул., д<ом> Медведева
4 окт<ября> 1915 г.

На почтовой карточке: «Петроград. Васильевский остров 17 л. 70. Александру Алексеевичу Измайлову». Дата на штемпеле: 5.10.<19>15.

5. *22 января 1916. Казань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Когда-то я посылал Вам стихи и письма. Мне хочется знать, получили Вы их или нет. В Новом году пожелайте себе наилучших пожеланий, и пусть они исполнятся.

Ваш П. Радимов.

Казань, Кирпично-Заводская ул., д<ом> Медведева
22 января 1916 г.,

На почтовой карточке: «Петроград. Галерная ул., д. 40. Редакция “Биржевых ведомостей”. Александру Алексеевичу Измайлову». Дата на штемпеле: «23.1.<19>16».

Запросы Радимова из его последних писем касаются отправленных Измайлову в мае 1915 г. стихов на военную тему и сборника «Полевые псалмы» (1912). Письмо либо затерялось из-за неверно указанного адреса, либо стихотворения не прошли цензуру (ср. п. 2 и примеч. 6 к нему). По получении письма Радимова

от 22 января Измайлов передавал И.И. Ясинскому приглашение на вечер к Леониду Андрееву 28 января 1916 г.: «А я очень прошу вспомнить мою просьбу о *Радимове* и захватить его стихи» [6, с. 387].

6. *8 февраля 1916. Казань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Батюшки, сколько я Вам огорчений доставил своими стихами! Не пеняйте: сам не рад. А уж если кого винить заставите, то я плохой прокурор, да и не стоит из-за стихотворной канители начинать канитель прозаическую — баста!

Со своей стороны я прошу Вас, дорогой Александр Алексеевич, не лишать *меня* своей дружественности, а о себе напишу охотно. Что я поделываю? Чем бы перед Вами похвастаться? Ах, какое у меня есть прекрасное поэтическое произведение, только оно не может быть напечатано ни в одном издании, ибо оно — она, моя дочь. «Шикарная» дочь![1]

Чем я занимаюсь? Я Вам писал, кажется, что я педагог, воспитываю длиннокудрых юношей совместно с девицами в Каз<анской> художественной школе[2]. Что я им говорю по предметам истории искусств и литературы, не спрашивайте, множество грехов накапливаю я на поприще житейском.

О чем мечтаю? О пенсии, дорогой Александр Алексеевич, ровно через двадцать лет выслужу пенсию, а мне тогда по расчету будет только сорок восемь лет, и перед восхищенным взором свободного, сравнительно еще молодого человека откроются необозримые горизонты жизни… Сладкие чаяния!

Где печатаюсь? В «Русские записки» отправляю стихи «багажом» А.Г. Горнфельду — представьте, получил гонорар за целый год, сумму не назову, чтобы не ввергнуть Вас в смертный грех зависти[3]. Недавно отправил партию В.С. Миролюбову для «Ежемес<ячного> журнала»[4]. Посылаю все «субъективную» (вот слово-то! справлялся сейчас в словаре, как пишется: оказывается с ером, а не с ерем) мелочь, крупного у меня ничего нет, замыслов тоже нет, не мое дело: стихи сами приходят.

Господи, в жизни разной тяготы много, а тут еще себя замыслами обременять!

Что я хочу? Легко, радостно и просто жить. Батюшки, какие трудные дела, «почище» стихов! Это только у Брюсова «быть может, все в жизни лишь средство для *ярко-певучих* (эко, слово-то “перекрасивело”!) стихов»[5]. С Валер<ием> Яковл<евичем> я немного знаком лично[6], и неловко так относиться к писателю, но, сознаюсь, в тяжелые минуты я распеваю эти строки, сделается забавно, и печаль проходит — рекомендую средство!

Еще вот что, дорогой Александр Алексеевич, — если хотите познакомиться с моей женой и с моим бытом, сходите на Передвижную выставку (она откроется в конце февраля), там увидите мои картинки (увы, помимо

стихов и в этом я жестоко грешен!), увидите наши комнаты, террасу, где вкусно пьется чай, елку с фонарями, которые мастерит жена[7] (она их и зажигает) и т. д. Не браните, ради Бога, за живописные увлечения, я — «живописный» пьяница, отстать не могу. Вот, жаль одну жену в Москве продал, там жена была более всего похожа[8].

Что Вам пожелать? Прежде всего мой искренний привет, затем сочувствие к Вашим маятам и заботам (приезжайте-ка летом ко мне на Волгу стерлядей ловить!) и, наконец, стихи, которые Вас ни к чему не обязывают кроме прочтения. Не подумайте, что стихи в рукописи посылаю Вам в наказание за несовершенную Вами вину[9]. Пишите.

Любящий Вас П. Радимов.

P.S. Адрес Вам как лучше? На редакцию?

Казань, 8 февраля 1916 г.

---

[1] Мария Павловна Радимова (родилась 25 июля 1915 г.).

[2] После окончания Казанского университета с 1911 по 1917 гг. Радимов преподавал историю искусств в Казанской художественной школе.

[3] В «Русском богатстве» (с сентября 1914 по март 1917 г. журнал выходил под названием «Русские записки») Радимов публиковался с 1914 г. (публикации учтены: [8]). В редакционном архиве сохранилось письмо от 14 апреля 1914 г., с которого началось сотрудничество: «Милостивый государь! (Простите, имени и отчества Вашего не знаю, и В.А. Богородицкий <профессор Казанского универ.>, который мог бы легко вывеси меня из затруднений, пока в Гамбурге). Я получил Ваше письмо, искренне благодарю за него и за внимание к моим стихам. Вашему же совету я охотно готов последовать. К сожалению, мой поэтический улей с изданием второй книги опустошен: вот скоро загудят пчелы, весенний азарт всколыхнет и меня, а осенью, быть может, мне и удастся поделиться с Вами своим скромным заработком. Во всяком случае, мне очень лестно и я рад, что мои простые стихи нашли в Вас благосклонного читателя. Пока же посылаю Вам “на риск” три маленьких стихотворения. Если они подойдут к “Русскому богатству”, то я буду гордиться первым печатанием в “толстом журнале”, буду показывать их своим друзьям и тщеславиться (я иногда очень славолюбивый бываю!), — только прошу верить искренности моей полевой и земной Музы, моей любви к милой жизни и искреннему к Вам уважению. Ваш П. Радимов» (ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 2. Ед. хр. 275. Л. 3–3 об.). К письму присоединены два листа машинописи со стихотворениями «Весенний жанр» и «Осенний день» (с подписями-автографами) (Там же. Л. 1–2).

[4] 8 января 1916 г. Радимов писал В.С. Миролюбову: «Глубокоуважаемый Виктор Сергеевич! Наш общий знакомый — Константин Семенович Шохор-Троцкий — передавал мне, что Вы хотите иметь мои стихи для “Ежемесячного журнала”. Вот я выбрал из своего вороха несколько стихотворений и посылаю Вам <…> Плату за стихи установите сами: пусть она не будет обременительна для журнала. Извините, что заканчиваю официально: примите уверение в совершенном к вам почтении» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 987. Л. 1–1 об.). На письме помета редактора карандашом: «Ответ<ить>. 2 подход<ит>. Остальное в<ернуть>», — относящаяся к двум стихотворениям, отобранным для публикации в «Ежемесячном журнале»: «Кукушка» («В час умирающей зари…») (1916. № 6. Стб. 25) и «Природа» («Как тебя не любить мне, природа, любовью…») (1916. № 9/10. Стб. 6). Они были выбраны из цикла «Война и деревня» (в РО ИРЛИ в архиве В.С. Миролюбова сохранилась машинопись с подписями-автографами Радимова и карандашными пометами редактора: «Вечер на Волге», «Все, что отбрасывает тень», «Шумит тревожно ветер…», «Осенний ветер», «Вечер на родине», «Проводы», «На площади» (с пометой «Не подходит»), «Запасной» (с пометой «Сонет»), «Баба» (с пометой «Нужна

проще форма»), «Господни слезы», — под обложкой «Война и деревня» с пометой редактора «Одно — Кукушка — м<ожно>. Остальное — н<ет>» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1424. Л. 1–7).

В том же письме Радимов писал: «Не откажитесь принять и мою книжку стихов “Земная риза”, ибо я люблю и ценю Вашу деятельность» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 987. Л. 1–1 об.). Этот экземпляр с дарственной надписью («Глубокоуважаемому Виктору Сергеевичу Миролюбову автор») сохранился в библиотеке ИРЛИ. На титульном листе карандашная запись рукой Миролюбова с перечнем страниц книги (в сборнике на указанных станицах стихи отмечены крестиками, к ним сделаны пометы — приведены нами в треугольных скобках рядом с названиями): «Стр. 19 <Обоз>, 21<На зорьке, *с пометой:* Лучше других>, 24 <В лугах>, 27 <Сухая осень>, 29 <Тишина>, 39 <Смиренной повести моей…>, 47 <Карусель>, 55 <И свежо и просто!>, 56 <Мельница>, 85 <Стерлитамак, *с пометой:* Очень хорошо>, 99 <Перекресток>, 102 <Свиной хлев>, 107 <Навечерие праздника>, 126 <Средина лета душным зноем пышет…> и многие отмеч<енные> места в “Попиаде”. “Попиада” вся очень оригинальна и свежа; особенно интересен в ней подход к тихому домашнему уюту. Давно пора подойти с иной стороны к обыденному укладу простецов — “мудрые” и пустые слова о “провинциальной одури” теперь звучат и пошло и весьма неубедительно». Редактором также отмечены неудачные произведения: «Коровий торг» (с. 45) — «Плохо», «Торговки» (с. 48) — «Скверно», «Бедней слова, богаче счастье…» (с. 73) — «Брр…», «Уныло и жалобно небо…» (с. 77) — «Ужасно», «Что о любви моей еще скажу…» (с. 121) — «Хуже стихов Горянского» (В.И. Горянский (Иванов; 1888–1949), поэт-сатирик).

[5] Из стихотворения В.Я. Брюсова «Поэту» (1907).

[6] На выход первой книги Радимова В. Я. Брюсов благожелательно откликнулся в статье «Сегодняшний день русской поэзии» (Русская мысль. 1912. № 7. С. 26). В 1913 г. произошло знакомство: «Я в Москве. Иду на Мещанскую в гости к Валерию Брюсову. <…> Сдержанный, приветливый Валерий Яковлевич знакомит меня с супругой Иоганной <так!> Матвеевной. <…> В другой приезд, когда я был в гостях у Брюсова, на стене его кабинета висела моя деревенская картина “Сарай”, мой подарок Брюсову» [7, с. 46]. О другой встрече (в 1915 г.) поэт-художник вспоминал: «В один из вечеров я застал у Брюсова большую группу молодых поэтов. Это были переводчики: он руководил изданием Антологии армянской литературы. Брюсов то уходил к ним, то возвращался ко мне. Супруга Брюсова Иоганна Матвеевна приготовила вкусную яичницу, и Брюсов за дружеской беседой угостил меня бутылкой армянского портвейна» [7, с. 47]. См. также: [4].

[7] Мария Григорьевна Радимова (урожд. Медведева, 1899–1938).

[8] Речь идет о 44-ой выставке в Москве (открытие — конец 1915 г., закрытие — 10 января 1916 г.) и Петрограде (открытие — 19 февраля, закрытие — 3 апреля 1916 г.). На выставке экспонировались картины Радимова «Утро», «Вечерние огни», «Приготовление к елке», «За лаптями», «Лето», «На даче», «Военные известия», «Елочный сон», «Крокет», «Девочка с пионами» (см.: XLIV передвижная выставка картин товарищества передвижных художественных выставок. Петроград, 1916. С. 57).

[9] В утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» от 28 февраля 1916 г. опубликовано стихотворение Радимова «Зимний реквием» («Метель. В полях лишь снег да стужа…»).

7. *3 марта 1916. Казань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Очень бы хотел я Вас «успокоить»: прислать пасхальные стихи и рассказ, то и другое непременно хорошее. Но что я могу поделать, если ко мне *всякий* «стихотворный» народ валит?

Вот стихотворение одно набежало, пасхальное, а о рассказах я и раньше Вам писал, что они мне не удаются, а теперь посылаю Вам один («Панихиду»), чтобы это блестяще доказать[1].

Спасибо за письмо, теперь я тем более уверен, что никакие деланные казусы нас не поссорят.

Желаю Вам в эти шесть недель поста побольше грешить, чтобы на седьмой огулом покаяться.

Всего хорошего!

Любящий Вас П. Радимов.

Казань.
3 марта 1916 г.
P.S. Завтра грачи прилетят.

---

[1] Радимов отвечает на просьбу редактора о стихах и рассказе для пасхального номера. В марте 1916 г. в «Биржевых ведомостях» прошли два стихотворения Радимова: «Пустынножитель» («Душа таинственной Вселенной…») (20 марта) и «Сборы в дорогу» («Не грусти и о грустном не думай…») (27 марта). Рассказ «Панихида» опубл. в казанской газете «Деревенские думы» (1920. 15 янв. С. 15). Впоследствии о чтении этого рассказа актером И.М. Москвиным на литературном вечере Радимов писал: «В те годы у меня в сборнике антирелигиозных рассказов была напечатана миниатюра “Панихида”. В ней было мало скорби и много добродушного юмора. Москвин сел на лестнице: “Дай книжку!” Я дал знаменитому чтецу свой рассказ. Боже мой! Что он, волшебник, с ним сделал! Я ему прощаю множество фраз, которых я в жизни никогда не писал. Он читал блестяще, он был на высоте, хохот перекатывался по рядам стульев» [7, с. 124].

8. *4 мая 1916. Пароход Нижний Новгород — Астрахань*

Дорогой Александр Алексеевич!

Если захотите на летнем досуге перекинуться со мной немногими строками, вот мой адрес: *г. Чебоксары, Каз<анской> губ<ернии> до востребования*. Летом, думаю, и Вам можно говорить не о делах. Не поедете ли по Волге? Хорошо: желтая вода, зеленые леса, белые чайки и делать нечего. Всего хорошего!

Ваш П. Радимов.

Середка Волги, пароход «Самолет»
4 мая 1916 г.

На почтовой карточке: «Петроград. Вас<ильевский> остр<ов> 17 л., 70, Александру Алексеевичу Измайлову». Дата на штемпеле: «5.5.<19>15».

9. *9 сентября 1916. Казань*

Милостивый государь, господин редактор,

дорогой Александр Алексеевич!

Недавно я вернулся с дачи из чебоксарского захолустья, героически перенес дождливое лето, теперь окружил себя культурой, купил почтовой

бумаги и чернил (батюшки, пузырек — 30 к<опеек>! поневоле придется теперь «кровью сердца» писать!) и спешу Вам принести свое поздравление: желаю Вам славной деятельности в генеральской должности, «Листку» сделаться «Листом», а редактору приобрести сахарный завод[1]. Вероятно, Вы теперь отдохнули от сутолоки первых тягостных месяцев редакторства, вот уж слышал, издали книгу о Чехове[2] и, следовательно, важный чин не помешает писателю Измайлову. Как же Вам не завидовать, если вы живете на двух квартирах?[3] Я это лето провел не совсем удачно: набрал в лесу только на один фунт белых грибов, в чернолесье они нынче что-то росли плохо, а за Волгу ехать дожди мешали и противохозяйственная лень.

Теперь провожу дни с большой пользой: хожу на базар и покупаю огурцы и лук, огурцы пять с полтиной тысяча, а лук сорок копеек плетеница.

А у Вас? Скоро поеду с тещей за капустой. Как это говорится в Писании: ѷна слава солнцу, ѷна слава луне.[4] Завтра вступаю в исполнение педагогических обязанностей: двадцать три часа в неделю. У Вас больше, этим Вас не удивишь.

Теперь у меня к Вам большая просьба: 1) ради Бога не обижайтесь на непочтительный тон письма и 2) пишите мне, если найдете время или захотите справиться о ценах на сельскохозяйственные продукты[5].

О стихах и литературе ничего Вам не пишу, потому что мода на эти предметы, слава Богу, проходит.

Примите мой искренний привет!

Ваш П. Радимов.

9 сент<ября> 1916 г.

Казань

---

[1] В апреле 1916 г. Измайлов занял пост редактора «Петроградского листка», на тот момент популярного бульварного издания с «распивочной физиономией» (как характеризовал его сам Измайлова в письме Ф. Сологубу). Новый редактор реформировал газету, привлек к сотрудничеству знаменитых литераторов, значительно «олитературил». Подробнее об этом см.: [2].

[2] Книга Измайлова «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» (1916), первое исследование творчества писателя на основе биографических и историко-литературных сведений. Измайлов был лично знаком со многими писателями чеховского круга (Ясинским, Потапенко, Леонтьевым-Щегловым, Баранцевичем). Книга пользовалась значительной популярностью у читателей. Второе издание было подготовлено с учетом многочисленных поправок современников и с примечаниями, внесенными сестрой и братьями писателя. В связи с политическими событиями переиздание не состоялось. Рукопись сохранилась: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 7. 592 л.

[3] С переходом на пост редактора «Петроградского листка» Измайлов занимал две квартиры: по старому адресу — Васильевский остров, 17-я линия, д. 70 (у Смоленского кладбища) и по новому — Екатерининский канал, д. 10.

[4] 1 Кор. 15:41.

[5] На сайте интернет-аукциона было выставлено на торги недатированное письмо Измайлова: «Дорогой Павел Александрович, Глубоко благодарю Вас за присыл прекрасных стихов. Радостно их печатаю. “Сказку” пущу в Рожд<ественский> N.

Простите только скромную оплату, — очень связан условиями. Буду искр<енне> рад видеть Вас в С<анкт->П<етер>б<урге>. — Часов свободных у меня уже 7 <месяцев> как нет, но минуты есть. И <наконец> есть уменье видеться и вкусить радость дружбы на работе же. Никоим образом не вините меня. Мне так хочется Вас посмотреть, да и Вы посмотрите мою работу. Присыл стихов на этот раз на самом деле особенно счастливый. Благодарю. Ваш искренне А<лександр> И<змайлов>». Упомянутый Измайловым срок его колоссальной занятости позволяет предположительно датировать письмо октябрем-ноябрем 1916 г.: с апреля 1916 г., приступив к обязанностям редактора «Петроградского листка», он работал по шестнадцать часов в сутки. 16 апреля редактор писал Ясинскому о своем положении: «<…> теперь у меня уже нет минуты досуга, а телефон не стоит на месте трех минут. Первое время придется и дневать и ночевать в ред<акции>, а свою личную литературную работу забросить надолго» [6, с. 390]. На посту редактора «Петроградского листка» Измайлов использовал старые литературные связи, привлекая к работе в обновленном издании видных и начинающих литераторов. Публикация стихотворения «Сказка», о котором идет речь в письме, не состоялась. В иллюстрированном приложении к «Петроградскому листку» прошли стихотворения Радимова: «Ясные строки» («Сердцу немногое нужно в блаженное летнее время…») (1916. № 98. 8 дек. С. 9); «Седоголовая вещунья…» (1917. № 4. 12 янв. С. 6); «Правда» («Господи! Все это просто…») (1917. № 14. 16 февр. С. 6).

10. *28 июля 1917. Казань*

Спасибо, дорогой Александр Алексеевич, за Ваше апрельское письмо, за Ваши чувства и отношение ко мне и моему брату[1]. Рад, если безделка-картинка Вам понравилась. Не соберетесь ли Вы в августе или сентябре в Казань? На Волге чудесно, жена напечет Вам пироги из *белой* муки, я разыщу грехи старого режима, закупоренные в графин, а дочь двух лет, бегающая Евой по садику, угостит Вас превкусным яблоком.

Приезжайте, дом к Вашим услугам, а я с Вас и портрет напишу. Как живете Вы, как живет Петроград и скоро ли жить можно будет? Утешаясь мечтою Лейбница[2], низко Вам кланяюсь.

Ваш П. Радимов.

28 июля 1917 г.

На почтовой карточке: «Петроград. Екатерининский кан<ал>, 31, редактору “Петроградского листка” Александру Алексеевичу Измайлову». Дата на штемпеле: «28.7.<19>17».

[1] Иван Александрович Радимов (1890–1958), художник.

[2] Имеет в виду тезис немецкого философа Г. Лейбница о том, что вселенная, которую избрал Бог, является лучшим из всех возможных миров («Теодицея», 1710).

Литература

1. А.А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.

2. *Александров А.С.* А.А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

3. *Блинкина О.Е.* П.А. Радимов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 236–237.

4. *Лавров В*. У Брюсова на Мещанской // Альманах библиофила. М.: Книга, 1978. Вып. 5. С. 236−237.

5. *Молодяков В.Э.* Неизвестные поэты: Рассказы библиофила. СПб.: Петербургский клуб миниатюристов, 1996. 224 с.

6. Переписка А.А. Измайлова и И.И. Ясинского (1915–1916) / подгот. текста и коммент. А.С. Александрова // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: Формы взаимодействия и методология анализа: Коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 375–399.

7. *Радимов П.А*. О родном и близком: Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1973. 160 с.

8. Русские писатели. Поэты: (Советский период): Биобиблиографический указатель. СПб.: РНБ, 1997. Т. 20. 345 с.

9. *Тяпков С.Н.* А.А. Измайлов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 403–405.

10. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / вступ. ст., сост., пер. с нем. К.М. Азадовского. М.: НЛО, 2008. 864 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Thinking about you, about our chance “written meeting”...”: Letters from P. A. Radimov to A. A. Izmailov (1915−1917)

© 2024. Elmira K. Alexandrova
Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom)
of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia

Abstract: The present study is devoted to the publication of letters from P.A. Radimov (1887−1967), a peasant poet, a famous realist artist, one of the last Wanderers (Peredvizhnik), and the first chairman of the Association of Artists of Revolutionary Russia, to the A.A. Izmailov (1873–1921), famous journalist and literary critic. At the time of the writers’ epistolary acquaintance, Izmailov was an accomplished journalist, a popular parodist, and head of the literary-critical department of *Birzhevye Vedomosti*. Radimov was a successful young artist, performing with the Wanderers (Peredvizhnik), and an aspiring writer with two poetry collections behind him, *Field Psalms* (*Polevye psalmy*, Kazan, 1912) and *Earthly Robe* (*Zemnaia riza*, Kazan, 1914; 1915 — 2nd ed.), favorably met with criticism. The letters cover turning points in the lives of both correspondents. For Radimov, this was the beginning of collaboration in thick journals (*Russkoe Bogatstvo*, *Ezhemesiachnyi Zhurnal*), in the

large-circulation newspaper *Birzhevye Vedomosti*, and the development of a career as an Itinerant artist. During this period, Izmailov was on the verge of a radical career change: he was soon to take the post of editor-in-chief of the popular newspaper *Petrogradsky Listok*. Radimov's letters are published from autographs from the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature.

Keywords: P.A. Radimov, A.A. Izmailov, letters, review, collection *Zemnaia riza*, poem *Popiad*, newspaper *Birzhevye Vedomosti*, newspaper *Petrogradsky Listok*.

Information about the author: Elmira K. Alexandrova, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia,

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3009-1794,

E-mail: egumerova@mail.ru,

For citation: Alexandrova, E.K. "'Thinking About You, About Our Accidental 'Written Meeting'...': Letters from P.A. Radimov to A.A. Izmailov (1915−1917)." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 92–109. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-92-109

References

1. *A.A. Izmailov: Perepiska s sovremennikami* [*A.A. Izmailov: Correspondence with Contemporaries*], comp., and introd. article by A.S. Alexandrov, preface, texts prep. and notes by A.S. Alexandrov, E.K. Alexandrova, and N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)

2. Aleksandrov, A.S. "A.A. Izmailov — reformator Petrogradskogo listka (1916−1918)" ["A.A. Izmailov — Reformer of the Petrograd Leaflet (1916−1918)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2008, pp. 133−142. (In Russ.)

3. Blinkina, O.E. "P.A. Radimov" ["P.A. Radimov"]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2007, pp. 236–237. (In Russ.)

4. Lavrov, V. "U Briusova na Meshchanskoi" ["At Bryusov on Meshchanskaya"]. *Al'manakh bibliofila*, no. 5, Moscow, Kniga Publ., 1978, pp. 236−237. (In Russ.)

5. Molodiakov, V.E. *Neizvestnye poety: Rasskazy biliofila* [*Unknown Poets: Stories of a Biliophile*]. St. Petersburg, St. Petersburg Miniaturists Club Publ., 1996. 224 p. (In Russ.)

6. "Perepiska A.A. Izmailova i I.I. Iasinskogo (1915−1916)" ["Correspondence Between A.A. Izmailov and I.I. Yasinsky (1915−1916)"], preface, texts prep. and notes by A.S. Alexandrov. Kholikov, A.A., editor. *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuiu epokhu: Formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza: Kollektivnaia monografiia* [*Russian Literature and Journalism in the Pre-revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis: Collective Monograph*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 375−399. (In Russ.)

7. Radimov, P.A. *O rodnom i blizkom: Vospominaniia* [*About Family and Friends: Memoirs*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1973. 160 p. (In Russ.)

8. *Russkie pisateli: Poety: (Sovetskii period): Biobibliograficheskii ukazatel'* [*Russian Writers. Poets: (Soviet Period): Biobibliographic Index*], vol. 20. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 1997. 345 p. (In Russ.)

9. Tiapkov, S.N. “A.A. Izmailov” [“A.A. Izmailov”]. *Russkie pisateli. 1800−1917: Biograficheskii slovar’* [*Russian Writers. 1800−1917: Biographical Dictionary*], vol. 2. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1992, pp. 403−405. (In Russ.)

10. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniia* [*From the World of Writers: Characters and Judgments*], ed. and trans. from German by K.M. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 864 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024
Одобрена после рецензирования: 13.06.2024
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 20.02.2024
Approved after reviewing: 13.06.2024
Date of publication: 25.06.2025

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-110-129
https://elibrary.ru/JXUKRK

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Друг Гоголя Н.Я. Прокопович и его служба актером Санкт-Петербургских Императорских театров

© 2025, Н.Л. Виноградская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена одной из малоизученных страниц биографии Николая Яковлевича Прокоповича (1810–1857), друга Гоголя с детских лет, редактора и издателя его сочинений, поэта и педагога. После окончания Нежинской гимназии Прокопович приехал в Петербург и поступил на драматическое отделение столичного Театрального училища, а затем, по завершении обучения, несколько лет прослужил актером Санкт-Петербургской труппы Императорских театров. В статье сообщаются новые сведения о его театральной карьере и пьесах, в которых играли он и его жена, также начинающая актриса М.Н. Трохнева. Показано, что Прокопович на протяжении своей недолгой сценической деятельности успел сыграть во многих спектаклях, но ему доставались лишь эпизодические и выходные роли; тем не менее Гоголь, поддерживавший с ним близкие отношения, мог посещать пьесы с его участием. В статье рассматривается круг этих постановок, что позволяет составить представление о характере театрального репертуара 1830-х гг. и убедиться в том, что драматические традиции, воплощенные в этих спектаклях, были переосмыслены Гоголем в его собственных комедиях. Приведенный материал изучается в связи со взглядами Гоголя на особенности отечественного театра, высказанными им в заметке о петербургской сцене в 1835–1836 гг.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Н.Я. Прокопович, М.Н. Трохнева, Санкт-Петербургское театральное училище, Санкт-Петербургская драматическая труппа Императорских театров, мелодрама, водевиль, комедия, романтическая драма.

Информация об авторе: Наталия Леонидовна Виноградская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9669-2061

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Для цитирования: *Виноградская Н.Л.* Друг Гоголя Н.Я. Прокопович и его служба актером Санкт-Петербургских Императорских театров // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 110–129. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-110-129

Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857) — поэт и педагог, один из ближайших друзей Гоголя, его младший соученик по Нежинской гимназии[1]. С юных лет Прокопович писал стихи и прозу[2], но печатался «мало и неохотно» и никогда не был знаменит [3]. В своем творчестве он сознательно ориентировался на темы, стиль и строй пушкинского стиха [13, с. 151–152]. Его немногочисленные поэтические произведения выходили в ведущих журналах и альманахах того времени, включая «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», «Северные цветы» на 1832 г., «Библиотеку для чтения», «Московский наблюдатель»[4] , соседствуя на их страницах со стихотворениями Пушкина, Жуковского, Баратынского, Дельвига. Посетивший Петербург в феврале-марте 1835 г. М.П. Погодин в письме к редактору «Московского наблюдателя» В.П. Андросову упомянул Прокоповича как многообещающего литератора, сославшись на отзыв о нем неназванного собеседника: «Поэта пророчат нам в молодом *Прокоповиче*, которого примечательная баллада помещена в библиотеке»[5]. Гоголь, как свидетельствуют его письма, проявлял постоянный интерес к литературным опытам приятеля («писатоночкам», «повестоночкам», «стишоночкам»)[6] и способствовал появлению в печати его «пиес»[7]. Тем не менее Прокопович получил известность прежде всего как редактор и издатель гоголевских текстов. Первое

[1] Зачислен вольным пансионером в 1821 г., выпущен в 1829 г. [10, с. 104, 109].

[2] См. воспоминания Гоголя в письме Прокоповичу от 8 (20) июня 1847 г. из Франкфурта: «У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть все свойства повествователя. Речь твоя лилась плодовито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильней нынешней моей» [3, т. 13, с. 323].

[3] *Гербель Н.* Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю // Современник. 1858. Т. LXVII. № 1–2. С. 267.

[4] См. список публикаций: Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 200. Стихотворения Прокоповича собрал и выпустил отдельной книгой Н.В. Гербель в 1858 г. (Стихотворения Н.Я. Прокоповича / изд. Н.В. Гербеля. СПб., 1858). См. также найденное и опубликованное в 1993 г. О.К. Супронюк юношеское произведение Прокоповича «Сон Ратмира (отрывок из поэмы)», отправленное автором в 1825 г. из Нежина в Москву неустановленному адресату для помещения в «Московском телеграфе», который назван в письме одним из лучших российских журналов [10, с. 105–106].

[5] *Погодин М.П.* Письмо из Петербурга // Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 446; подп.: М.П.; речь идет о балладе «Полнолуние», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1835. Т. 8. Отд. I. С. 145–157).

[6] См. письма Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 24 мая 1835 г. из Полтавы, 27 сентября н. ст. 1836 г. из Женевы, 3 июня н. ст. 1837 г. из Рима [3, т. 10, с. 366; т. 11, с. 61, 102].

[7] См. письмо Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 24 мая 1835 г. из Полтавы [3, т. 10, с. 365].

прижизненное собрание сочинений Гоголя в 4-х томах (1842 г.) печаталось при его активном участии. Отбывая за границу, Гоголь предоставил приятелю весьма широкие полномочия по исправлению своих трудов. Редактура Прокоповича привела в итоге к возникновению ряда текстологических проблем, усложняющих публикацию гоголевских произведений (см. об этом: [4, т 1, с. 10–11]).

Менее изучена другая страница биографии Прокоповича: в молодости он несколько лет служил актером Санкт-Петербургской драматической труппы Императорских театров[8]. Сведения об этом периоде его жизни, приведенные в настоящей статье, имеют немаловажное значение для исследователей гоголевского творчества, поскольку сценический опыт Прокоповича, возможно, оказал некоторое влияние на формирование Гоголя-драматурга.

Увлечение сценическим искусством возникло у Прокоповича, как и у Гоголя, еще в гимназические годы, когда оба они участвовали в постановках школьного театра [11, с. 145–146]. Рассказы о событиях театральной жизни Нежинской гимназии содержатся в письмах Гоголя[9], а также в мемуарах его соучеников: Н.В. Кукольника[10], А.С. Данилевского[11], К.М. Базили[12], В.И. Любича-Романовича[13], Т.Г. Пащенко[14] (см.: [2, т. 1, с. 410–414; 5]). Последний вспоминал: «На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович — задушевные между собою приятели — особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович — трагические»[15]. Репертуар составляли произведения В.А. Озерова, Д.В. Фонвизина, Я.Б. Княжнина, А.И. Писарева, Ф.Ф. Коцебу, Ж.-Б. П. Мольера, Ж.П.К де Флориана и др. (см.: [5, с. 299–304]). Театр «с его волнениями, торжественной обстановкой <…> и с его

[8] О театральной карьере Прокоповича см. работы: [8; 10, с. 110–111; 12, с. 248–249].

[9] См. письма родителям от 22 января 1824 г., матери от 26 февраля 1827 г. и Г.И. Высоцкому от 19 марта 1827 г. [3, т. 10, с. 45, 83, 85–86].

[10] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. Отд. 1. С. 21.

[11] *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М., 1892–1897. Т. 1. С. 104–105.

[12] Там же. С. 241–242.

[13] *Шевляков М.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // Исторический вестник. 1892. Т. L. № 12. С. 696.

[14] *Пашков В.* (со слов Т.Г. Пащенко) Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя // Берег. 1880. 18 (30) декабря. № 268. С. 1.

[15] Там же.

многократными репетициями вносил в жизнь воспитанников, без сомнения, много необычайного, праздничного, что еще более способствовало их сближению»[16] . Гоголь не только ставил спектакли и играл в них, но и «рисовал декорации, сооружал подмостки, делал бутафорские вещи и даже шил костюмы»[17] . Позднее он с ностальгией вспоминал о ярких впечатлениях той поры в письме Прокоповичу от 2 июля (н. ст.) 1838 г. из Рима: «...Ни роскошь этих стран, где я живу теперь, ни юг, ни чудные небеса, ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями лип нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра...» [3, т. 11, с. 162–163].

После окончания учебы в 1829 г. Прокопович вслед за Гоголем и многими другими выпускниками Нежинской гимназии отправился в столицу и в декабре того же года поступил своекоштным пансионером на драматическое отделение Санкт-Петербургского театрального училища. Этот поступок, необычный для представителя дворянского сословия, «сильно поразил» друзей и знакомых Прокоповича: «…человек с большим развитием и знаниями садится на скамью театрального училища!»[18] . По имеющимся сведениям, «завербовал» Прокоповича актер И.И. Сосницкий, с которым тогда же, вероятно, познакомился и Гоголь [19]. На драматическое отделение училища принимали детей от 12 лет, выпускались они в возрасте 18–20 лет; Прокоповичу же при поступлении было уже 19. Со своекоштных пансионеров взималась плата 500 рублей ассигнациями в год — немалая сумма для людей скромного достатка, к которым принадлежал Прокопович. Помимо общеобразовательных дисциплин, воспитанников обучали пению, музыке, бальным танцам, фехтованию, декламации. Ежегодно в начале Великого поста проходили экзамены, на которые приглашались известные артисты Императорских театров и литераторы, а также родственники учащихся[20] . На сцене Театрального училища силами воспитанников давались представления, которые Гоголь мог посещать в качестве близкого друга одного из исполнителей. Вероятно, он следил за успехами Прокоповича; по крайней мере, 30 марта 1832 г. он написал их общему гимназическому товарищу

[16] *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1892–1897. Т. 1. С. 105.

[17] *Шевляков М.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // Исторический вестник. 1892. Т. L. № 12. С. 696.

[18] *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М., 1892–1897. Т. 2. С. 191.

[19] Там же.

[20] Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе: в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. IV. № 2861. С. 304–309; *<Греч Н.И.>* Театрал: карманная книжка для любителей театра. СПб., 1853. С. 109–110.

А.С. Данилевскому о том, что Прокопович «еще не актер, но скоро будет им» [3, т. 10, с. 228]. В самом деле, Прокопович выдержал итоговый экзамен и был выпущен из училища 3 апреля 1832 г. актером на «роли карикатур» (так было обозначено его амплуа в документах) в русскую драматическую труппу Императорских театров с жалованьем 600 рублей и квартирными 200 рублей в год[21]. Его имя значится в списке отличившихся «службой и талантами» выпускников училища, опубликованном в «Карманной книжке для любителей театра», изданной Н.И. Гречем в 1853 г.[22].

По всей видимости, именно в училище Прокопович познакомился со своей будущей женой — молодой актрисой Марией Никифоровной Трохневой (1812 или 1814–1879), дочерью коллежского советника, служившего в Адмиралтейств-коллегии[23], владелицей деревянного дома в Петербурге [11, с. 149]. В письме от 20 декабря 1832 г. Гоголь сообщил Данилевскому о намерении приятеля вступить в брак: «…Красненькой[24] заходился не на шутку жениться на какой-то актрисе с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского — я ее, впрочем, не видел…» [3, т. 10, с. 252].

Здесь не случайно упомянуто имя знаменитого актера Якова Григорьевича Брянского (Григорьева, 1790–1853)[25]. Он преподавал тогда в Театральном училище[26], и Прокопович, скорее всего, под его руководством осваивал мастерство декламации. Жена Брянского, актриса Анна Матвеевна Брянская, урожд. Степанова (1798–1878), также состояла в петербургской драматической труппе. С театром были связаны и другие члены семьи Брянских; в частности, одна из дочерей, Авдотья Яковлевна, в замужестве Панаева (1820–1893), в детстве некоторое время обучалась танцам в Театральном училище[27]. По ее свидетельству, казенную квартиру Брянских, расположенную в доме купца Голлидея на набережной Екатерининского канала, неподалеку от театральной школы, посещали ее воспитанники, а также молодые артисты и драматурги (в том числе Нестор Кукольник, выпускник Нежинской гимназии, хорошо известный

[21] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 498. Оп. 1. Д. 478. Л. 1; Ф. 497. Оп. 1. Д. 5751. Л. 2.

[22] *<Греч Н.И.>* Театрал: карманная книжка для любителей театра. СПб., 1853. С. 112.

[23] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1822 от Рождества Христова. 1822. Ч. 1. С. 292.

[24] Прозвище Н.Я. Прокоповича.

[25] См. о нем: *Некрасова Е.* Яков Григорьевич Брянский // Артист. 1893. № 30. С. 71–80.

[26] История русского драматического театра: в 7 т. М., 1977–1987. Т. 3. С. 92; дело «Об определении учителем декламации господина Брянского» за 1830 год: РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 381.

[27] *Панаева (Головачева) А.Я.* Воспоминания. М.: Правда, 1986. С. 53–54.

Гоголю и Прокоповичу); здесь проходили репетиции и считки ролей [28]. Мог бывать у Брянских и Прокопович. Видимо, он делился с Гоголем впечатлениями о своем наставнике, к которому относился с большим уважением.

Избранница Прокоповича Мария Трохнева в апреле 1832 г. сдала выпускные экзамены, получив награды за особые успехи, и была выпущена в русскую драматическую труппу «на роли служанок и пейзанок в комедиях и в водевилях» [29]; при этом она еще год оставалась пансионеркой училища [30] и окончательно покинула его в апреле 1833 г., когда ей как актрисе труппы было назначено жалованье 900 рублей — на 300 рублей больше, чем Прокоповичу; ее основное амплуа определялось как «субретка в комедиях и водевилях»[31].

Гоголь полагал, что увлечение Прокоповича молодой артисткой едва ли окажется долговечным; 20 декабря 1832 г. он писал А.С. Данилевскому: «…мне кажется, что этот задор успеет простыть покаместь», а 8 февраля 1833 г. сообщал ему же: «Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговаривает об этом. Баит, что ему не хотелось бы, но непременно должно» [3, т. 10, с. 252, 260]. Как бы то ни было, 9 апреля 1833 г. Прокопович и Трохнева подали прошение в Театральную дирекцию о разрешении на вступление в брак, а 19 апреля им было выдано свидетельство о том, что со стороны дирекции препятствий к этому не имеется[32] [10, с. 111]. Свадьба состоялась не позднее 14 июня 1833 г.: в афише водевиля «Мнимая госпожа Мелас», премьера которого прошла в этот день в петербургском Большом театре, актриса уже значится как г-жа Прокоповичева[33]. В письме от 2 октября 1833 г. Гоголь известил одного из бывших «нежинцев» В.В. Тарновского: «Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе» [3, т. 10, с. 279]. С 1835 по 1842 г. в семье родилось шестеро детей [11, с. 149][34]. Известно, что в 1835 г. над портретом М.Н. Прокопович работал выпускник Нежинской гимназии художник А.Н. Мокрицкий[35].

[28] Там же. С. 21, 27, 36, 62; *Некрасова Е.* Яков Григорьевич Брянский // Артист. 1893. № 30. С. 79–80.

[29] РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 478. Л. 1 об., 4.

[30] РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 5751. Л. 2.

[31] РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6175. Л. 2.

[32] РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 5621. Л. 10–11.

[33] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3028. Л. 162.

[34] После смерти Н.Я. Прокоповича в 1857 г. его вдова и дети остались в «крайне бедном состоянии»; директор Первого кадетского корпуса, в котором Прокопович много лет служил преподавателем, ходатайствовал о назначении им пенсии и денежного пособия (РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 314. Оп. 1. Д. 6082. Л. 1–3 об., 9 об.–10 об.).

[35] Дневник художника Мокрицкого / сост., автор вступ. ст. и примеч. Н.Л. Приймак.

В 1838 г. он описал в дневнике свое посещение четы Прокоповичей: «Вошедши прямо в кабинет хозяина, встретил я прекрасную картину: двое супругов сидели друг подле друга, занимаясь каждый приличному полу: он читал книгу, а милая хозяюшка вязала чулок. Услыша приветствие вошедшего, не узнав голоса, она вскочила и побежала в свою комнату. А трудно было и узнать меня: около трех лет она не видала меня. Тайна скоро объяснилась, она пришла к нам. Потчуя меня чаем, показывала все внимание узнать и участие в том, где я так долго пропадал и почему забыл своих старых приятелей»[36].

Актерская служба Прокоповича продолжалась до 1835 г. [10, с. 111]. Согласно свидетельству Н.В. Гербеля, он «являлся на сцене Александринского театра, но только в самых незначительных ролях и даже в так называемых ролях без речей»; «так, в драме *Поединок при кардинале Ришелье* он подавал г-же Каратыгиной королевское письмо, говоря: “Герцогине Шеврёз от короля”. И это была вся роль Прокоповича»[37]. Указанная драма действительно шла в Петербурге с июня 1833 по январь 1837 г.[38], и Прокопович исполнял в ней роль «придворного кавалера», а роль Марии де Роган Монбазон, вдовы коннетабля де Люиня, герцогини де Шеврёз играла Каратыгина-старшая[39]. В Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки сохранился рукописный экземпляр этой переводной пьесы французских драматургов Ж.-Ф. Локруа и Э. Бадона[40] . В 6-м явлении 1-го действия придворный выходит из королевского кабинета с письмом в руках и произносит: «Герцогине де Люинь от короля»[41]. Этой единственной репликой роль и исчерпывается.

На протяжении своей недолгой театральной карьеры Прокопович успел сыграть во многих спектаклях, но ему, как и отмечает Гербель, доставались лишь эпизодические и выходные роли: лакея, крестьянина, разбойника, придворного, воина, жнеца, рыбака, часового, тюремщика, цыгана, татарина. Нередко роль предусматривала пение, танцы и фехтование. Такова была специфика театра того периода: в драматические спектакли включали музыкально-танцевальные номера и сцены сражений. В качестве примера можно привести «романтическое представление в трех действиях с балетами, сраже-

М.: Изобразительное искусство, 1975. С. 43, 236.

[36] Там же. С. 156.

[37] *Гербель Н.* Н.Я. Прокопович // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 105.

[38] История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1978. Т. 3. С. 295.

[39] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3029. Л. 58, 59.

[40] ОР и РК СПбТБ. I.6.2.38.

[41] Там же. Л. 10.

ниями, пением и великолепным спектаклем» под названием «Бронзовая голова, или Уединенная хижина» французского драматурга Ж.Б.О. Апде. В нем Прокоповичу довелось изображать рыбака, который участвует в сцене с пением и плясками[42].

Тем не менее круг пьес, в которых играли Прокопович и его супруга, представляет для нас немалый интерес. С одной стороны, это весьма характерный срез театрального репертуара первой половины 1830-х гг., с другой стороны — Гоголь, который в это время тесно общался с Прокоповичем[43], мог присутствовать на спектаклях с его участием или, во всяком случае, что-то о них слышать от приятеля.

Собираясь в Петербург, Гоголь мечтал о театре, расспрашивал о нем своего старшего товарища по гимназии Г.И. Высоцкого, оказавшегося в столице на два года раньше, чем он[44]. В первом же письме матери из Петербурга (от 3 января 1829 г.) Гоголь жаловался на стесненность в средствах, лишающую его «удовольствия видеть театр» [3, т. 10, с. 137]; позднее, в письме от 30 апреля 1829 г., просил ее прислать малороссийские комедии отца[45] , надеясь отдать их в театр для постановки [3, т. 10, с. 142]. Наконец, он попытался поступить в Императорскую труппу актером, но потерпел неудачу[46].

---

[42] ОР и РК СПбТБ. I.2.2.113. Л. 1 об., 14 об.–16 об.; см. также: История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1977. Т. 2. С. 283, 458.

[43] См., например, воспоминания Гоголя о часах досуга, проведенных вместе со старым другом, в адресованном ему письме от 3 июня н. ст. 1837 г. из Рима: «Не скучай и не негодуй на пространство, которое нас разделяет. Конечно, лучше лежать вместе на диванчике твоей постоянной квартиры у Б. Врангеля, — ты в халате, с трубочкой, я — в старом сертуке, и толковать о всяком вздоре. Признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащего меня на тряских дрожках в Свечной переулок, то очень бы хотелось мне в Петербург» [3, т. 11, с. 99].

[44] См. письмо Гоголя Г.И. Высоцкому от 17 января 1827 г. из Нежина [3, т. 10, с. 81].

[45] Отец Гоголя, В.А. Гоголь-Яновский, писал комедии на украинском языке для домашнего театра покровителя гоголевской семьи Д.П. Трощинского в Кибинцах и был главным устроителем спектаклей на кибинской сцене, мать Гоголя принимала в них участие как исполнительница. Одна из комедий В.А. Гоголя, «Овца-Собака» («Собака-Вівця»), известна по краткому пересказу М.И. Гоголь, записанному П.А. Кулишом (*<Кулиш П.>* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 15–16); другая — «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом» («Простак, або хитрощі жінки, перехитрені москалем») дошла до нас полностью (см. публикацию П.А. Кулиша: Основа. 1862. № 2. С. 19–43); ее рукопись хранилась в домашней библиотеке Д.П. Трощинского (Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д.П. Трощинского. Киев, 1874. С. 297. № 4228). Согласно свидетельству М.И. Гоголь, эта пьеса имела и другое название: «Роман и Параска» — по именам ее главных героев, прототипами которых стали супруги, жившие в доме Трощинского (*<Кулиш П.>* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя <…>: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 13).

[46] *Мундт Н.П.* Попытка Гоголя // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1952. С. 65–69; *Шевляков М.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // Исторический вестник. 1892. Т. L. № 12. С. 696; *Горленко В.П.* Миргород и Яновщина // Русский архив. 1893. № 3. С. 304; см. также обзор свидетельств: [2, т. 2, с. 43–47].

Однако, как это ни странно, в письмах Гоголя 1829 и начала 1830-х гг. отсутствуют упоминания о посещении им театральных представлений; не сохранилось и свидетельств современников на этот счет. Но все же в тот период Гоголь в театре бывал и имел о нем ясное представление, отразившееся в его статье «Петербургские записки 1836 года» и в предварительной редакции ее второй части, посвященной петербургской сцене в 1835–1836 гг. [3, т. 8, с. 551–564]. В начале 1830-х гг. Гоголь уже задумал собственную комедию, которую мечтал поставить, поскольку полагал, что «драма живет только на сцене», размышлял о построении образов в драме[47] . При этом он, конечно, отталкивался от драматургической традиции, с которой, очевидно, был знаком не только по текстам пьес, но и по их постановкам, однако нет практически никаких прямых указаний на то, какие именно спектакли Гоголь видел на сцене до 1835 г.[48] Тем более важным кажется изучение материалов о сценической деятельности Прокоповичей этого времени. Информацию о ней удалось найти в афишах Петербургских Императорских театров, хранящихся в РГИА, а также в рукописных экземплярах пьес из фондов Санкт-Петербургской театральной библиотеки: в приведенных списках действующих лиц нередко значатся и фамилии исполнителей; иногда их можно обнаружить и в опубликованных пьесах. Многие роли, сыгранные Прокоповичем и его женой, перечислены в посвященных им статьях энциклопедии Александринского театра [8; 9]. Спектакли, в которых они выступали, попытаемся описать в категориях, предложенных Гоголем в статье о петербургской сцене. В ней он сожалеет о том, что балет и опера вытеснили высокую драму и высокую комедию из репертуара, на сцене царят мелодрама и переводной водевиль («незаконные дети ума нашего девятнадцатого столетия»), романтическая драма не находит талантливого воплощения, нет достойных постановок, основанных на российском материале [3, т. 8, с. 551–564].

Наблюдения Гоголя в значительной мере отражали реальное положение дел: «высокая драма» и «высокая комедия» были слабо представлены в репертуаре, поскольку театральная дирекция в отборе пьес ориентировалась в первую очередь на вкусы массового зрителя. Но все же такие постановки осуществлялись, причем некоторые — по инициативе упомянутого выше наставника Прокоповича, актера Я.Г. Брянского, в его бенефисы.

Так, Брянский, нередко бравший на себя обязанности режиссера, в январе 1831 г., в свой бенефис, впервые поставил

[47] См. письма Гоголя М.П. Погодину от 1 и 20 февраля 1833 г. [3, т. 10, с. 254, 262–263].

[48] Пьесы, названные Гоголем в статье о петербургской сцене, шли в сезон 1835–1836 гг.

целиком «Горе от ума» [49]. До этого на сцене шли отдельные сцены и действия комедии. В ней несколько лет играла Мария Трохнева, сначала — одну из дочерей княгини Тугоуховской, затем — служанку Лизу[50] [15, с. 300–302]. Сам Прокопович в 1834 г. исполнял роль лакея графини Хрюминой[51] и объявлял при разъезде гостей с бала: «Графини Хрюминой карета». Судя по записи в дневнике А.В. Никитенко от 16 февраля 1831 г., пьеса была искажена «роковым ножом бенкендорфской литературной управы», а многие исполнители «вовсе не понимали характеров и положений, созданных остроумным и гениальным Грибоедовым»; однако «Горе от ума» играли каждую неделю, все места всегда бывали заняты, «и уже в два часа накануне представления нельзя достать билета ни в ложи, ни в кресла» [52]. Первые постановки комедии Грибоедова, в которых к тому же принимали участие знакомые актеры, не могли не заинтересовать Гоголя; вероятно, он эти спектакли посещал. Стоит отметить, что в «Ревизоре» Гоголь пошел дальше по намеченному Грибоедовым пути трансформации сложившихся комедийных схем: если автор «Горя от ума», сохранив значимость и «этическую акцентировку» любовной интриги, характерную для драматургии XVIII в., изменил ее исход («соединения любящих так и не происходит» и «недостойный претендент <…> предпочтен достойному»), то Гоголь отказался от деления персонажей на «негативных» и «позитивных» и сократил роль любовной коллизии, подчинив ее «ситуации ревизора» (см. комментарий Ю.В. Манна: [4, т. 4, с. 658–659]). Отсутствие хрестоматийной «свадьбы в финале» сближает с комедией Грибоедова и гоголевскую «Женитьбу», «центральный сюжетный поворот» которой — прыжок Подколесина в окно, — как и «бегство в карете потерпевшего поражение» Чацкого, «вовсе не имеет аналогов в комедийной традиции» (см. комментарий А.Л. Зорина: [4, т. 5, с. 558]).

Еще одна постановка пьесы, относящейся к категории «высокой» драматургии — «Жизнь и смерть Ричарда III» Шекспира — также осуществилась усилиями Брянского. Он сам подготовил для своего бенефиса 1833 г. стихотворный перевод трагедии, выполненный

[49] См. рецензию: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. 25 апреля. № 33. С. 262–263.

[50] Ежегодник Императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. СПб., 1895. Приложения. Кн. 3. С. 47, 48, 51, 60; РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3022. Л. 121, 129, 132; Д. 3023. Л. 12, 17, 19–21, 28, 58; см. также объявление о спектакле: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1832. 21 октября. № 249. С. 2508.

[51] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3030. Л. 2.

[52] *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 102.

с подстрочника[53] . До этого шекспировские трагедии были представлены на российской сцене лишь в переделках французских переделок в классицистическом духе [7, с. 264–266]. Премьера состоялась 23 января 1833 г. в Большом театре [54]. Прокопович исполнял в спектакле роль без слов сэра Вильяма Брендона, знаменосца графа Ричмонда[55] . Постановка был замечена образованной публикой во многом благодаря близости текста пьесы шекспировскому оригиналу. Предполагается, что на премьере побывал Пушкин [14, с. 12]. Гоголь, высоко ценивший Шекспира[56], едва ли оставил спектакль без внимания, но большинство зрителей, привыкших к классицистической трагедии и к мелодраме, отнеслись к нему равнодушно. Об этом свидетельствует запись в дневнике А.В. Никитенко от 30 января 1833 г.: «…в этот вечер в Большом театре давали “Ричарда” в таком или почти в таком виде, в каком вышел он из творческой головы Шекспира. <…> О Шекспир, Шекспир! К каким варварам попал ты! Наперечет восемь или девять человек во всем театре (который был полон) изъявляли восторг; все прочее многолюдие или безлюдие было глухо, немо, без рук: ни восклицания, ни рукоплескания! <…> Нет, наша публика решительно еще не вышла из детства. Ей нужны куклы, полеты, превращения. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. <…> По окончании пьесы едва нашлось с дюжину голосов, чтобы вызвать переводчика. <…> Он человек образованный. Это сам актер, игравший Ричарда, Брянский»[57] . Отражение впечатлений от постановки «Ричарда III» и разговоров о ней Никитенко и его товарищей находим в стихотворении Владимира Сергеевича Печерина «Поэтические фантазии» (19 февр.<аля> <1833 г.>):

«Здоров ли Александр Васильич? Слух идет,
Что видели Ричарда вы недавно,
И что одни вы хлопали исправно,
А публика вся холодна, как лед?»
— От чопорной трагедии французской
Не может наша публика отстать:

[53] История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1977–1987. Т. 3. С. 115; *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года: в 3 ч. СПб., 1877–1884. Ч. 1. С. 31.

[54] См. объявление: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1833. 22 января. № 18. С. 142; см. также отзыв о спектакле: Северная пчела. 1833. 3 февраля. № 27. С. 107–108.

[55] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3028. Л. 30, 31.

[56] В статье «Шлецер, Миллер и Гердер» из сборника «Арабески» Гоголь упоминает «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах» [3, т. 8, с. 89].

[57] *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 126–127.

В ней нет души и огненной, и русской,
Не ей Шекспира гений понимать![58]

Значительная часть спектаклей, в которых играл Прокопович, — мелодрамы и близкие им в некоторых отношениях романтические драмы. Гоголь в статье о петербургской сцене отмечал, что пьесы мелодраматического типа оглушают зрителя эффектами, кровавыми преступлениями, но не возбуждают подлинного участия или глубокой мысли [3, т. 8, с. 555–556]. В знаменитой и очень популярной в то время мелодраме В. Дюканжа и Дино «Тридцать лет, или Жизнь игрока» Прокопович в течение нескольких лет (с 1831 г.) исполнял роль служителя из трактира Герля[59] . Сцены злодейств и бедствий, изображение сильных чувств (в том числе страсти к карточной игре), игра актеров, музыкальное сопровождение и выразительные декорации спектакля производили неизгладимое впечатление на публику. «Музыка г. Меса вполне соответствует содержанию пиэсы; декорация хижины г. Конопини не испортила бы и на парижском театре; пожар и обрушившаяся кровля оной произведены г. Тибо весьма естественно; так падают горящие бревна, так пышет пламень в настоящем пожаре! — отмечал рецензент «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» П.Н. Кобяков. — Декорации беспрестанно меняются. <…> Бал, застреленный сын богатого негоцианта, игрецкий дом, зарезанный путешественник, французская кадриль, смешной немецкий трактирщик с женою, раненый молодой офицер, дряхлый старец, проклинающий сына, умирающий от нестерпимой печали на сцене; ложный друг, брошенный в огонь бешенным, разочарованным своим другом»[60] .

Также Прокопович принимал участие в постановке оригинальной драмы А.Н. Струговщикова «Игроки» (1832) с похожим сюжетом [61], которую считают подражанием мелодраме Дюканжа [6, с. 78]. Пьеса Струговщикова шла в Александринском театре в феврале 1834 г. в бенефис Брянского, но успеха не имела [6, с. 78; 4, т. 5, с. 671]. Она не была опубликована, но ее рукописные экземпляры хранятся в Санкт-Петербургской театральной библиотеке [62]. О содержании драмы можно судить также по отзыву «Северной пчелы»: «Молодой благовоспитанный человек, завлеченный в шайку шулеров, прои-

[58] *Гершензон М.* Жизнь В.С. Печерина. М.: Путь, 1910. С. 34.

[59] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3023. Л. 46.

[60] *Кобяков П.* Русский театр // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. 26 декабря. № 103. С. 814.

[61] В обеих пьесах речь идет о человеке, который теряет состояние и становится преступником из-за карточной игры.

[62] ОР и РК СПбТБ. I.4.1.83, I.4.4.46.

грывается дочиста, доводит до гроба благородную девицу, пламенно в него влюбленную, и за картами делается убийцею. Спасаясь от правосудия бегством, встречает он на дороге престарелого своего отца, который ехал к нему на свадьбу. Отец, узнав в преступнике сына, надает без чувств»[63] . Как известно, сюжет о картежниках Гоголь впоследствии воплотил на ином уровне в собственной комедии «Игроки» (см. комментарий Е.Г. Падериной: [4, т. 5, с. 620–671]), а пьесы, в которых играл его приятель, могли стать ее источниками.

Судя по афишам, Прокопович в разное время исполнял роли часового и тюремщика Грускеля в романтической драме «Иоанн, герцог Финляндский» И. Вейсентурн, переведенной с немецкого стихами И.Г. Ободовским [64]. В статье 1840 г. В.Г. Белинский писал о ней так: «Приторная сантиментальность, пошлое резонерство, мелодраматические эффекты во вкусе мещанской драмы, водяное фразерство <…>. Характеров, разумеется, тут нет, а есть, как водится, добродетельные и злодеи»[65] . Аналогичным образом оценивал подобные драмы и Гоголь. Комментируя жалобы на «на недостаток таланта в актерах», Гоголь утверждал, что талантам не на чем «развиться»: «Разве попадается им хоть одно лицо русское, которое могли бы они живо представить себе? Кого играют наши актеры? Каких-то нехристей, людей не французов, не немцев, но бог знает кого, каких-то взбалмошных людей, иначе и трудно назвать героев мелодрамы, не имеющих решительно никакой точно определенной страсти, а тем более видной физиогномии. Не странно ли: тогда как мы больше всего говорим теперь о естеств<енности>, нам как нарочно подносят под нос верх уродливо<сти>» [3, т. 8, с. 560]. Возможно, эти рассуждения отчасти были основаны на театральном опыте Прокоповича.

Российские авторы переносили романтическую драму на отечественную почву, стремясь придать своим произведениям народный характер. Примером может служить «Двумужница» А.А. Шаховского, в которой Прокопович играл разбойника Сурка[66] . В этой пьесе, как и в «Женитьбе» Гоголя, действует сваха. Изображая ее, Шаховской не слишком удачно пытался воспроизвести народную речь путем механического насыщения реплик персонажа множеством пословиц

[63] Северная пчела. 1834. 15 февраля. № 37. С. 145.

[64] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3029. Л. 49, Д. 3030. Л. 62, Д. 3031. Л. 51.

[65] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1954. Т. 4. С. 15.

[66] Двумужница, или за чем пойдешь, то и найдешь, оригинальная романтическая драма в двух частях, разделенных на пять суток, в прозе и стихах старинного русского размера, сочинение князя А.А. Шаховского, с принадлежащими к ней хороводными, святочными играми п плясками; см.: РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3029. Л. 6, 8, 21; Д. 3030. Л. 7, 102; Д. 3031. Л. 20.

и поговорок. Эта особенность не ускользнула от внимания театральных критиков. «…Не мешало бы, однако ж, поубавить поговорок и пословиц, которые полными горстьми рассыпает сваха — Кузминишна», — писал один из рецензентов в 1832 г. [67] На этом фоне ярче проявляется искусство Гоголя-драматурга: не ограничиваясь одним доминирующим, повторяющимся приемом подобного рода, он прибегает к более разнообразным и тонким способам характеристики персонажа. «Трещоточный разговор»[68] свахи Феклы в «Женитьбе» отличается «импульсивностью, многословием, неожиданными отклонениями от цели, произвольностью переходов, ошибочным, бессмысленным словоупотреблением» [4, т. 5, с. 553].

Известным автором оригинальных исторических драм народно-патриотического толка стал в середине 1830-х гг. однокашник Гоголя и Прокоповича Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868). Его пьеса «Рука всевышнего отечество спасла» имела шумный успех на сцене и заслужила высочайшее одобрение. Начиная со дня премьеры (15 января 1834 г.)[69] Прокопович исполнял в ней эпизодическую роль Ивашки[70] . В рукописном экземпляре другой стихотворной трагедии Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», премьера которой состоялась 14 января 1835 г.[71] , Прокопович также указан в числе исполнителей[72] . Гоголю эти произведения были, безусловно, известны; к их автору он относился с иронией. Так, в письме А.С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г. Гоголь отзывался о нем так: «…Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь, — Поза, Поза, Поза. Кстати о Возвышеном[73] : он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда, или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты и не могу заметить никакого направления в нем» [3, т. 10, с. 261].

---

[67] *Каменев.* Двумужница, или за чем пойдешь, то и найдешь… // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. 21 декабря. № 102. С. 815.

[68] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 6. С. 576.

[69] См. объявление о премьерном спектакле: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1834. 14 января. № 11. С. 76.

[70] См. афишу: Александринский театр — Театр госдрамы. Сто лет: 1832–1932. Л.: Дирекция Ленингр. гос. театров, 1932. С. 34; см. также: РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3030. Л. 6, 57, 74, 114, Д. 3031. Л. 33, 41.

[71] История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1978. Т. 3. С. 264.

[72] ОР и РК СПбТБ. I.7.4.86.

[73] Прозвище Н.В. Кукольника.

Другому выпускнику Нежинской гимназии В.В. Тарновскому Гоголь писал 2 октября 1833 г.: «Кукольник навалял дюжину дюжинных трагедий» [3, т. 10, с. 279]. В статье о петербургской сцене не упоминаются постановки драм Кукольника, но из нее можно заключить, что патетические речи героев подобных пьес не были близки Гоголю в художественном плане: «Изобразите нам нашего честного, прямого человека, который <…> исполнен той же русской безгран<ичной> любви к царю своему, для которого бы он и жизнь, и дом и последнее <?> и каплю благородной крови готов принесть, как незначащую жертву. Пусть он не в общих театральных фразах говорит это, нет, пусть он явится весь проникнутый этою русскою стихиею, ни слова не говорит, не разглагольствует об этих чувствах, но упорно хранит в душе их <…> пусть он молчаливо кидается в волны <…> и делает, как русской обыкновенно, на деле, а не на словах» [3, т. 8, с. 560–561]. По воспоминаниям П.В. Анненкова, «Гоголь ненавидел идеальничанье в искусстве» и «никак не мог приучить себя <…> к трескучим драмам Кукольника»[74] .

Наконец, Прокоповичу приходилось играть в комедиях и водевилях, в том числе переводных. Так, например, в водевиле «Цирюльник и парикмахер, или В чужие сани не садись», переводе пьесы нескольких французских драматургов (О.Э. Скриба, Э.-Ж. Мазера и Ш. Номбре Сен-Лорана), поставленном в 1832 г., Прокопович играл роль слуги Жака[75]. Он появлялся в одном эпизоде, чтобы запереть дверь и тем самым создать определенную комедийную ситуацию. У него лишь несколько реплик:

> Чего изволите, сударыня?
> <…>
> (*удивляясь*) Запереть дверь? …Но, сударыня, естьли…
> <…>
> Слышал, сударыня, иду, и как скоро он придет, то запру дверь. (уходя) Что это она так хлопочет?[76]

Сама пьеса примечательна тем, что на уровне сюжета имеет точки соприкосновения с «Ревизором». К их числу относится, например, «мотив двойного ухаживания»: герой любезничает поочередно с двумя дамами. В гоголевской комедии этот мотив был задан подсказкой

[74] *Анненков П.В.* Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 56.

[75] ОР и РК СПбТБ. I.5.5.65. Л. 1 об.

[76] Там же. Л. 25–25 об.

Пушкина («Криспин приезжает в Губернию <...> Губ.<ернаторша> с ним кокетнич.<ает> — Криспин сватается за дочь»[77]), подкрепляемой и другими «сценическими аналогиями» (см. подробнее комментарий Ю.В. Манна: [4, т. 4, с. 645]). Однако в «Ревизоре» мотив разработан новаторски: если персонаж водевиля парикмахер Альсибиад сознательно выдает себя за другого, чтобы жениться на немолодой, но состоятельной особе и благодаря этому занять более высокое положение в обществе («сесть в чужие сани»), то Хлестаков действует как «простодушный лжец, не способный к каким-либо продуманным действиям», но в то же время с успехом выполняющий «подсказанную ему обстоятельствами роль» [4, т. 4, с. 650].

Прокопович также выходил на сцену в постановке пьесы А.А. Шаховского под названием «Ивановщина, или Именины пращура, шутка-дивертисмент с пением и разнохарактерными плясками». Его роль без слов интересна тем, что персонажа-крестьянина зовут Иван Гоголь[78].

Еще один спектакль с участием Прокоповича сочетал в себе черты оперы и балета, о популярности которых писал Гоголь в заметке о петербургской сцене [3, т. 8, с. 551–552, 556]. Это «Жар-птица, или приключение Левсила-царевича, волшебная опера в трех действиях с принадлежащими к ней хорами, балетами, ристалищем, воинскими играми, полетами, превращениями и великолепным спектаклем; российское сочинение»; во втором действии были представлены балеты «персидские и татарские», в первом — «славянские». В постановке применялись машины: параллель с облачной декорацией, полет Жар-птицы и дракона[79]. Подобное изобилие сценических эффектов призвано было поразить воображение зрителя. Прокопович исполнял роль одного из «витязей двора славянского» Претича.

На долю Марии Прокопович приходилось больше комедийных ролей и сами эти роли были несколько значительнее, чем у мужа. Она играла и молодых героинь, и субреток [9]. Например, в комедии-водевиле А. Д'Артуа «Маркиз по неволе, или Все наоборот», переделанной с французского П.С. Федоровым и поставленной в 1834 г., она исполняла роль служанки Сусанны[80]. Сюжет пьесы основан

[77] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Наука, 1948. Т. 8. Кн. 1. С. 431.

[78] ОР и РК СПбТБ. I.4.1.50. Л. 1 об. См. также объявление о спектакле: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1832. 22 мая. № 119. С. 1284.

[79] РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3028. Л. 13. См. также объявление о спектакле: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1832. 27 ноября. № 281. С. 2810.

[80] ОР и РК СПбТБ. I.4.5.21. См. состав исполнителей в опубликованном тексте: Маркиз по неволе, или Все наоборот: комедия-водевиль в 1 д.: передел. с фр.; представлена в первый раз на Императорском С. Петербургском театре 19 ноября 1834 г., в пользу актера г. Самойлова б. / П.С. Федоров. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. С. 3.

на недоразумении, напоминающем ситуацию «Ревизора»: слугу-плута принимают за маркиза, затем появляется настоящий маркиз, слугу разоблачают. Хотя главный герой здесь наделен чертами мошенника, он, как и Хлестаков, не действует по продуманному плану, а лишь подчиняется обстоятельствам, но при этом с радостью принимает блага, выпавшие на его долю в силу сложившегося qui pro quo. Таким образом, в пьесе сочетаются черты двух наиболее характерных вариантов данной комедийной коллизии, один из которых предусматривает участие «сознательного обманщика-авантюриста», другой — «случайного лица, по недоразумению попавшего в ложное положение, но не извлекающего из этого никаких выгод» [4, т. 4, с. 659]. Как отметил Михаил Вайскопф, этот водевиль мог стать одним из источников «Ревизора» [1, с. 287], однако центральный образ у Гоголя разработан иначе: он раскрывается в драматическом действии, а не в априорных характеристиках, и потому кажется более многогранным и живым.

Таким образом, изучая круг постановок, в которых участвовали Прокоповичи, мы можем составить представление о русском драматическом театре первой половины 1830-х гг., а также об истоках и природе собственных открытий Гоголя в области драматургии, однако их соотношение с традицией — это неисчерпаемая тема, требующая отдельного внимательного изучения.

Что же касается самого Прокоповича, покинув сцену в 1835 г., он занялся преподавательской деятельностью: служил учителем словесности в Первом кадетском корпусе и других военно-учебных заведениях, давал частные уроки. Его супруга М.Н. Прокопович оставалась актрисой до 1839 г., а затем полностью посвятила себя заботам о семействе.

Литература

1. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст. М.: РГГУ, 2002. 685 с.

2. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952.

4. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наследие; Наука; ИМЛИ РАН, 2001–.

5. *Зайцева И.А.* «...был у нас Театр...» (на подмостках Нежинской гимназии) // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. ст. по материалам межд. науч. конференции. Москва, 8–10 октября 2020 г. / под ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2021. С. 298–304.

6. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.

7. *Левин Ю.Д.* Русский романтизм // Шекспир и русская культура / под ред. М.П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1965. С. 201–315.

8. *Сбоева С.Г.* Прокопович Николай Яковлевич // Национальный драматический театр России. Александринский театр. Актеры. Режиссеры: энциклопедия. СПб.: Балтийские сезоны, 2020. С. 574.

9. *Сбоева С.Г.* Прокопович (урожд. Трохнева) Мария (Ева) Никифоровна // Национальный драматический театр России. Александринский театр. Актеры. Режиссеры: энциклопедия. СПб.: Балтийские сезоны, 2020. С. 574–575.

10. *Супронюк О.К.* Из новых материалов к биографии Н.Я. Прокоповича (К изучению нежинского литературного окружения Н.В. Гоголя) // Русская литература. 1993. № 4. С. 103–112.

11. *Супронюк О.К.* Н.В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии: Библиографический словарь. Киев: Академпериодика, 2009. 252 с.

12. *Супронюк О.К.* Новые материалы о Н.Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Гоголь: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1995. С. 239–252.

13. *Супронюк О.К.* Прокопович Николай Яковлевич // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 151–152.

14. *Тархова Н.А.* Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. М.: Слово / Slovo, 1999. Т. 4. 749 с.

15. *Филиппов В.А.* Ранние постановки «Горя от ума» // Литературное наследство. Т. 47–48: А.С. Грибоедов. М.: АН СССР, 1946. С. 299–324.

Research Article

Gogol's Friend N.Ya. Prokopovich and His Service as an Actor in the St. Petersburg Imperial Theaters

© 2025. Nataliya L. Vinogradskaya
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Nikolai Yakovlevich Prokopovich (1810–1857) was Gogol's close friend, a publisher of his works, a poet, and a teacher. After graduating from the Nizhyn gymnasium he came to St. Petersburg and entered the drama department of the theater school (1829). Then he served for several years (1832–1835) as an actor in the St. Petersburg Imperial theaters. The article provides new biographical information about him and his theatrical career. It examines the range of plays in which he and his wife Maria Nikiforovna Trokhneva, also an actress, played. Gogol,

who maintained a close relationship with Prokopovich all his life, could attend performances with his participation. Gogol transformed the dramatic traditions and techniques implemented in them into his own comedies. Later he expressed his views on the features of the repertoire of those years and the trends in the development of the national theater in an article devoted to the St. Petersburg stage of 1835–1836.

Keywords: N.V. Gogol, N.Ya. Prokopovich, M.N. Trokhneva, St. Petersburg Theater School, melodrama, comedy, romantic drama, vaudeville, St. Petersburg Drama Troupe of the Imperial Theatres.

Information about the author: Nataliya L. Vinogradskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9669-2061

E-mail: nvinograd@yandex.ru

For citation: Vinogradskaya, N.L. “Gogol’s Friend N.Ya. Prokopovich and His Service as an Actor in the St. Petersburg Imperial Theaters.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp.110-129 (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-110-129

References

1. Vaiskopf, M. *Siuzhet Gogolia. Morfologiia, ideologiia, kontekst* [*Gogol’s Plot. Morphology, Ideology, Context*]. Moscow, Russian University for the Humanities Publ., 2002. 685 p. (In Russ.)

2. Vinogradov, I.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [*Chronicle of N.V. Gogol’s Life and Work (1809–1852). Scientific Publication: in 7 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)

3. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [*Complete Works: in 14 vols.*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937–1952. (In Russ.)

4. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [*Complete Works and Letters: in 23 vols.*]. Moscow, Nasledie Publ., Nauka Publ., IWL RAS Publ., 2001–. (In Russ.)

5. Zaitseva, I.A. “‘...byl u nas Teatr...’ (na podmostkakh Nezhinskoi gimnazii)” [“‘...We Had a Theatre...” (On the Stage of the Nizhyn Gymnasium)”]. Vikulova, V.P., editor. *Gogol’ i mirovaia khudozhestvennaia kul’tura. Dvadtsatye Gogolevskie chteniia: sbornik nauchykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 8–10 oktiabria 2020 g.* [*Gogol and World Artistic Culture. The Twentieth Gogol Readings: Collection of Scientific Articles Based on Materials of the International Scientific Conference. Moscow, October 8–10, 2020*]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel’skii dom Publ., 2021, pp. 298–304. (In Russ.)

6. Levin, Iu.D. *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [*Russian Translators of the 19th Century and the Development of Literary Translation*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 299 p. (In Russ.)

7. Levin, Iu.D. “Russkii romantizm” [“Russian Romanticism”]. Alekseev, M.P., editor. *Shekspir i russkaia kul’tura* [*Shakespeare and Russian Culture*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 201–315. (In Russ.)

8. Sboeva, S. “Prokopovich Nikolai Iakovlevich” [“Prokopovich Nikolai Yakovlevich”]. *Natsional’nyi dramaticheskii teatr Rossii. Aleksandrinskii teatr. Aktery.*

Rezhissery: entsiklopediia [*National Drama Theater of Russia. Alexandrinsky Theater. Actors. Directors: Encyclopedia*]. St. Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2020, pp. 574–575. (In Russ.)

9. Sboeva, S.G. "Prokopovich (urozhd. Trokhneva) Mariia (Eva) Nikiforovna" ["Prokopovich (née Trokhneva) Maria (Eva) Nikiforovna"]. *Natsional'nyi dramaticheskii teatr Rossii. Aleksandrinskii teatr. Aktery. Rezhissery: entsiklopediia* [*National Drama Theater of Russia. Alexandrinsky Theater. Actors. Directors: Encyclopedia*]. St. Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2020, pp. 574–575. (In Russ.)

10. Suproniuk, O.K. "Iz novykh materialov k biografii N.Ia. Prokopovicha (K izucheniiu nezhinskogo literaturnogo okruzheniia N.V. Gogolia)" ["From New Materials to the Biography of N.Ya. Prokopovich (Towards the Study of the Nezhin Literary Environment of N.V. Gogol)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1993, pp. 103–112. (In Russ.)

11. Suproniuk, O.K. *N.V. Gogol' i ego okruzhenie v Nezhinskoi gimnazii: Biobibliograficheskii slovar'* [*Gogol and his Entourage at the Nizhyn Gymnasium: Bio-Bibliographic Dictionary*]. Kyiv, Akademperiodika Publ., 2009. 249 p. (In Russ.)

12. Suproniuk, O.K. "Novye materialy o N.Ia. Prokopoviche (k izucheniiu literaturnogo okruzheniia molodogo Gogolia)" ["New Materials about N.Ya. Prokopovich (To the Study of the Literary Environment of the Young Gogol)"]. *Gogol': Materialy i issledovaniia* [*Gogol: Materials and Research*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 239–252. (In Russ.)

13. Suproniuk, O.K. "Prokopovich Nikolai Iakovlevich". *Russkie pisateli: 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers: 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 151–152. (In Russ.)

14. Tarkhova, N.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 t.* [*Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin: in 4 vols.*], vol. 4. Moscow, Slovo Publ., 1999. 749 p. (In Russ.)

15. Filippov, V.A. "Rannie postanovki 'Goria ot uma'." ["Early Productions of 'Woe from Wit'."] *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 47–48: A.S. Griboedov [A.S. Griboedov]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1946, pp. 299–324. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025
Одобрена после рецензирования: 03.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 27.02.2025
Approved after reviewing: 03.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171
https://elibrary.ru/JXXLWZ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н.Д. Хвощинской

© 2025, Е.Н. Строганова
Государственный мемориальный музей-заповедник
Д.И. Менделеева и А.А. Блока,
Московская область

Аннотация: В статье биография Н.Д. Хвощинской (*В. Крестовский-псевдоним*) рассматривается в связи с ее литературным творчеством. Имевшая репутацию лучшей русской писательницей своего времени, Хвощинская была литературной долгожительницей, но в последние годы ее творческая активность явно снизилась. Изученные материалы позволяют предположить, что условия жизни писательницы и ее окружение существенно влияли на интенсивность литературной работы. Наиболее плодотворными оказывались периоды, когда рядом находился человек, близкий не только в эмоциональном и интеллектуальном смысле, но и в бытовом плане, человек, с которым можно было просто потолковать «о безделицах». В 1850-х – первой половине 1860-х гг. это ее сестра С. Хвощинская, писательница, публиковавшаяся под псевдонимом *И. Весеньев*. Именно эти годы стали самыми насыщенными и яркими в творчестве Н. Хвощинской. Второй период — 1870-е гг., когда писательница нашла близкого человека в своей рано умершей воспитаннице. В статье представлен значительный корпус архивных документов официального и личного характера, которые воссоздают житейские обстоятельства Хвощинской в разные годы и позволяют понять, почему она в немолодом возрасте покинула свой дом в Рязани и почему не стала для нее близким человеком младшая сестра П. Хвощинская (писательница *С. Зимарова*). В приложении публикуются ранние стихотворения Н. Хвощинской, посвященные трем ее сестрам — Любови, Софье и Прасковье, а также завещательные распоряжения.

Ключевые слова: Н.Д. Хвощинская, творческая биография, житейские обстоятельства, сёстры, архивные документы, автодокументальные материалы.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова — доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник, Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока, д. Тараканово, 1, 141503 Солнечногорский городской округ, Московская область.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0288-4287
E-mail: enstroganova@yandex.ru.
Для цитирования: *Строганова Е.Н.* «Мне нужны близкие, самые близкие»: К биографии Н.Д. Хвощинской) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 130-171. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171

Надежда Дмитриевна Хвощинская, в замужестве Зайончковская (1821–1889), известная как *В. Крестовский-псевдоним*, была не только самой признанной русской писательницей второй половины XIX в., но и литературной долгожительницей (см.: [12]). Ее деятельность продолжалась более 40 лет, но в последние годы творческая активность писательницы значительно снизилась. Незадолго до смерти Хвощинской С.В. Ковалевская назвала ее одной из семи гениальных писателей, родившихся в 1810–1820-х гг. — «Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Гончаров, Салтыков (Щедрин) и г-жа Крестовская», однако признала, что Хвощинская, как и Гончаров, «уже много лет не создавала ничего значительного»[1]. Каждому писателю отпущена своя мера творческого долголетия, но вполне закономерен вопрос, как это связано с биографическими обстоятельствами. Разумеется, в каждом случае будет своя особенная история. Поэтому, не претендуя на обобщения, обратимся к истории Надежды Дмитриевны Хвощинской.

«О житье-бытье в детстве и ранней молодости»

«Псевдонимы вовсе не имеют никаких биографий» — так отвечала Хвощинская библиографу П.В. Быкову, который обратился к ней с вопросами по поводу ее биографии [16, с. 65]. Писательница тщательно оберегала неприкосновенность своей частной жизни, желая оставаться для читателей лишь печатными страницами, подписанными именем *В. Крестовский*. Но в 1884 г.[2] в ответ на просьбу С.А. Венгерова она все же попыталась написать краткую автобиографию. В материалах первого биографа Хвощинской В.И. Семевского сохранились копии трех набросков под общим названием «Начало автобиографического наброска Н.Д. Зайончковской для словаря С.А. Венгерова», которые были использованы им при написании биографического очерка о писательнице [8]. Приводим текст второго наброска, дополненный в угловых скобках информацией из двух других[3].

[1] *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 221–222.

[2] Перед вторым наброском проставлена дата «8 ноября 54», но это явная описка.

[3] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 223–226. Зачеркнутые слова приводятся в прямых скобках [ ].

Мой дед был дворянин и помещик Рязанской губернии. У него была [огромная семья] — четыре сына и восемь дочерей. Я дочь меньшого сына Дмитрия и родилась 20 мая 1825 г.[4], когда деда уже не было на свете. Двое моих дядей служили, старший жил вместе с бабушкой и всеми сестрами то в деревне около Рязани, то в самом городе. Мой отец очень [рано] молодой служил в артиллерии, очень молодой женился в Белоруссии на Юлии Дробышевской, польке по отцу и русской по матери (Рубец) — потом служил в статской службе в рязанских уездных городах. (Хвощинских очень много, из них я знала только более близких родных [из них есть и родные и однофамильцы моей семьи]. Был ли кто-нибудь замечателен в их роде — не знаю; вообще в моей семье никогда не говорилось о происхождении, о славе предков и тому подобном) — жил очень недолго в деревне и наконец переехал в Рязань, где оставался более десяти лет без службы и занятия вследствие одного ужасного дела. Мне следовало бы рассказать лучше его, чем свою биографию, тем более что мне оно хорошо известно. Четырех лет я уже читала и писала, а девяти, когда шло это отцовское дело, я писала все бумаги и письма отца. Таким образом мне довелось узнать очень рано жизнь со всеми ее подробностями и нуждой, и людей со всеми их отношениями и несправедливостями. <I. Оно рано дало мне понять жизнь, отношения людей, нужды и несправедливость (?) и особенно узнать и оценить моего отца и мать. Любя и оберегая нас, он нас не отстранял (?) от своих забот, не давал нам расти в неведении трудностей жизни, уважая нас, делал нас участниками того, что переживал сам>. На меня в детстве влияла не книга, а действительность, которая меня окружала. Никакая книга не представляла и не могла мне представить образов [мужества, честности, терпения, труда, ничем не вознаграждаемой преданной любви] выше тех, которые стояли перед глазами, — моих отца и матери. Хотелось бы говорить о них, о дорогой семье теток, о житье-бытье в детстве и ранней молодости, когда бывало часто очень трудно, но тем всегда сердечно и хорошо, что никому не завидовалось. Я старшая, у меня были еще брат и три сестры. Теперь в живых только одна из теток и меньшая сестра, обе почти слепые. Постараюсь, чтоб не отвлекаться личными не воспоминаниями, а всеми жившими существами (?), [обращаюсь] хотя не знаю, как отделить их (?) от моей [к своей незначительной] литературной биографии.

[4] О дате рождения Хвощинской см. далее, а также: [10].

<I. Читала я лет с пяти решительно все, что попадалось по-русски и по-французски [романы, стихотворения], но преимущественно (?) статьи в журналах, часто разрозненных. Своих книг у нас [не] было мало; их брали у знакомых. [Из этих статей] (sic), если можно так определить, — я училась [всеобщей] литературе. Память у меня была хорошая. Я знала имена всех классиков и их произведений; некоторые французские сочинения (?) прочла в оригинале (?), другие знала в отрывках и переводах, которые встречались>. Четырех лет я знала грамоте, которой выучилась по «Телеграфу» Полевого [который отец велел мне читать] и читала все — романы, стихотворения, критические статьи; книги тогда были редки и дороги. Но все стали читать рано; нас всему учил отец и особенно мать. <I. Недавно в одной заметке обо мне было сказано, что мой отец *был хороший певец, музыкант и отличный живописец-акварелист*. Это не совсем верно. У отца был хороший голос (общее в [таланте] семье: у двух моих теток и моей маленькой сестры были голоса удивительные), но эти таланты пропали даром, никогда не обработанные и известные только семье или немногим. Отец отлично схватывал сходство и чертил карандашом, но по разным причинам в молодости серьезно учиться живописи не удалось, позднее было некогда, так что после него даже у меня не осталось его набросков. Отец и мать, оба, были люди образованные, но прежде всего это были хорошие люди>. Позднее [когда пришло время отдать брата в гимназию и сестру] был «русский учитель» из студентов рязанской семинарии. Брат тогда готовился поступать в корпус, а вторая сестра Софья в институт. Когда отвезли их, я осталась с двумя меньшими сестрами (одна из них вскоре умерла), училась вместе с ними и сама учила их; мне было уже лет двенадцать, сестра меньше меня на семь лет, совсем ребенок (не могла быть подругой подростку); у меня была подруга-подросток, имя ее Н.Е. (она тоже умерла недавно), мы были неразлучны, читали, что только могли достать, и наконец сами принялись сочинять длинные и непременно исторические романы. Мы были под влиянием В. Скотта и французских романов сороковых годов — только не Ж. Занда и не Гюго, которые до нас не достигали. <III. Мы были под влиянием В. Скотта и французских романов [сороковых годов], тогда бывших в ходу в провинции, — только не Ж. Занд и не Гюго, которые не встречались [те до нас не достигали]. Как-то достали мне *Le Dernier Jour d'un condamné*; не умею сказать, что сделала со мною эта книга. [До того времени] Я читала уже многое, даже некоторые драмы Шекспира (во фр. переводе), но [выше] поразительнее этого я ничего не знала. С тех пор началось мое поклонение Гюго, и я поня-

ла, что искусство не должно существовать только для … (?), должно иметь цель. Я мало знала русских книг. В Рязани не было библиотеки; никто из знакомых не получал Отечественных записок; прочла несколько стихотворений Лермонтова и отрывков Гоголя в каких-то враждебных рецензиях, а вовсе не знала Белинского. (Выписывать самим журналы не было средств). Кроме романов, я писала много стихов, это нравилось особенно моему отцу>.

<III. В детстве у меня была необыкновенная <память> [которая к двадцати годам] прочтя раза два, я заучивала наизусть стихи и даже прозу целыми страницами. К двадцати годам эта память пропала>.

Сведения, содержащиеся в автобиографических набросках, в целом ограничиваются 1840-ми гг. Материалом для комментария к ним и к истории дальнейшей жизни писательницы могут служить некоторые опубликованные материалы, а также архивные документы, находящиеся в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), отделе рукописей Института русской литературы АН (ОР ИРЛИ) и в рязанских хранилищах: Государственном архиве Рязанской области (ГАРО), фонде Хвощинских в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина (ГМЗЕ) и Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (РИАМЗ).

По отцовской линии Надежда Дмитриевна Хвощинская происходила из старинного дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги Тульской губернии. Родоначальником этой ветви был Михаил Замятнин, «сын Хвощинского», в 1622 г. получивший поместье от своего отца. В 1683 г. его сын Аким Михайлов «за многую службу» был жалован вотчинами. «Потомки сего рода равным образом служили в разных чинах и владели деревнями», что подтверждалось документами Тульского дворянского депутатского собрания[5].

Земли в Тульской губернии унаследовал прадед будущей писательницы капитан Дмитрий Петрович Хвощинский. Имена его жены и дочерей до нас не дошли, но известны имена сыновей: Петр, Александр, Кесарь и Наркиз. Дед писательницы Кесарь Дмитриевич (ум. после августа 1811), артиллерии подпоручик, был женат на Надежде Павловне Леоновой (ум. после апреля

[5] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи (ОГ). Ч. 8. URL: https://gerbovnik.ru/arms/1146.html (дата обращения: 15.01.2025).

1834), дочери премьер-майора Павла Васильевича и Афимьи Артамоновны. В семье К.Д. и Н.П. Хвощинских было двенадцать детей: сыновья Николай (род. ок. 1784), Павел (20.02.1792–5.01.1852), Петр (род. ок. 1795), Дмитрий (ок. 1796–1.11.1856) и дочери Екатерина, Любовь, Александра, Елизавета (ум. в 1871), Авдотья, Анна, Марья, Ольга (ок. 1807 – после октября 1883). По просьбе К.Д. Хвощинского в 1796 г. «он и род» были внесены в дворянскую книгу Рязанской губернии[6]. Хвощинским принадлежали шесть деревень и одно сельцо в Рязанской губернии, а также сельцо в Тульской губернии; крещеная собственность составляла «всего мужеска пола 209 душ с их женами <…> детьми приемыши внучаты женскаго пола, также с их крестьянским имуществом»[7]. Дед и бабка писательницы не были богаты, но, согласно семейным преданиям, считались зажиточными помещиками: Надежда Павловна «ездила из Рязанской губернии в Харьковскую в карете шестерней с форейтором, горничною, лакеем и кучером за четыре рубля ассигнациями» [15, с. I].

В 1811 г. супруги Хвощинские разделили свое имущество между детьми, скрупулезно расписав причитавшуюся каждому долю земельных владений и поименно перечислив крестьян с их женами, детьми и внуками. Все сыновья и старшая дочь получали по 18 «душ», остальные дочери — по 17. При своей жизни родители не велели детям ни «продавать», ни «закладывать» имение «без их воли» и «тем быть довольным и впредь о перемене друг на друга нигде не просить и никаких дел не начинать»[8].

Родители воспитывали детей согласно принятым обычаям и своим возможностям: сыновей при рождении записывали в военную службу, дочерей в науку не отдавали, но обучали необходимым для жизни домашним рукоделиям. В очерке истории своей семьи младшая сестра Надежды Дмитриевны П.Д. Хвощинская пишет, что «по обычаю того времени» дед все внимание обратил на сыновей и мало занимался образованием дочерей: «…они едва знали грамоту, но были известные рукодельницы и работали всё, начиная с простого суконного чулка до самой тонкой вышивки золотом» [15, с. I]. О том, что сестры Хвощинские были искусными мастерицами, говорит тот факт, что при посещении Рязани членами царской семьи в августе 1837 г. они преподнесли наследнику ковер собственноручной работы

[6] ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 2–3.

[7] ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 8–9 (копия свидетельства о разделе имущества между детьми).

[8] ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 9 об.

и впоследствии были пожалованы бриллиантовыми фермуарами [7, с. 116].

Жизнь сестер Хвощинских устроилась так, как нередко бывало в небогатых дворянских семьях. Мария жила в семье брата [15, с. IV], Ольга, младшая, служила надзирательницей в Доме Трудолюбия для девочек из неимущих семей[9], пятеро (?) других жили вместе[10], судя по всему, замужем была только одна из сестер. Прасковья Хвощинская вспоминала, что дом теток был «единственным местом отдохновения, которым почти каждое воскресенье пользовалась вся семья» [15, с. III]. Она писала о веселости, смешливости и остроумии Анны, за которой племянницы «ходили <…> хвостом»: «…особенно баловала нас тетка Анна, <…> она была хозяйкой в доме, и у нее всегда находилось для нас что-нибудь в запасе» [15, с. IV]. В воспоминаниях А.Г. Каррик (урожд. Маркеловой), близкой подруги младших Хвощинских, описывается атмосфера дома их теток: «В этом теплом, уютном уголке, среди милых, радушных старушек, очень неглупых и веселых, чуждых всякого поползновения читать молодежи нотации, всем нам было привольно и хорошо» [3, № 9, с. 14]. Сохранился эпистолярный отзыв Н. Хвощинской об Ольге Кесаревне: «…милая из милых и хорошая из хороших <…> покуда она лежит больная в гостиной своего Дома Трудолюбия (у нее не бывало своей спальни: она спала среди своих девочек), в зале эти 60 девочек не думают ни играть, ни даже говорить громко: “мамаша больна” <…> Тетка она мне — это само по себе, — но человек-то она каких немного, а уж это для меня выше всего»[11]. Характеры теток и атмосфера жизни в их доме стали биографической основой рассказа Софьи Дмитриевны Хвощинской «Простые смертные» (1858) и повести Н. Хвощинской «Первая борьба» (1869)[12].

Все сыновья Кесаря Хвощинского принимали участие в войне с Наполеоном. Дмитрий начал службу в действующей армии в апреле 1812 г.[13] С октября 1813 по июль 1814 г. он участвовал в загра-

[9] ГАРО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 3–5 об., 12.

[10] О том, что в начале 1850-х гг. сестер было пятеро, не вполне уверенно писала А.Г. Каррик [3, № 9, с. 14]. Если считать, что в рассказе «Простые смертные» С. Хвощинская буквально следует фактам, то в конце 1850-х гг. одним домом жили четыре сестры — «одна вдова и три старых девушки, из которых меньшая уже перешла свои сорок пять лет» (*Весеньев Ив.* Простые смертные. Очерки из провинциальной жизни // Отечественные записки. 1858. № 9. С. 2).

[11] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851. Л. 58–58 об.

[12] Тему стародевичества как обычного явления в небогатой дворянской среде Н. Хвощинская актуализировала названием одного из томов четырехтомного собрания своих сочинений — «Старые девы» (Повести В. Крестовского (псевдоним). СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1880. Т. I).

[13] Как показывают исторические исследования, 0,5 % участников Отечественной

ничных походах и, как отмечено в формулярном списке, побывал «в герцогстве Варшавском, Пруссии, Шлезии[14], Богемии, Баварии, Саксонии»[15]. Путь в эти края проходил через Могилевскую губернию, где в Рогачевском уезде проживало семейство Дробышевских[16]. Возможно, здесь и произошло знакомство будущих родителей писательницы. С ноября 1817 по март 1818 г. Д. Хвощинский находился в длительном отпуске (4,5 месяца) и, вероятно, в этот период женился на Ю.В. Дробышевской-Рубец (21.06.1801/1799–26.05.1884) [8, № 10, с. 51]. Это согласуется с рассказом П. Хвощинской о том, что родители поженились в Белоруссии и отцу тогда было 22 года, а матери 16 лет [15, с. I]. В марте 1821 г. Дмитрий Кесаревич вышел в отставку «по домашним обстоятельствам»[17], таким «обстоятельством» могло быть предстоящее рождение ребенка — старшей дочери Надежды.

О дорязанском периоде жизни Юлии Викентьевны Дробышевской известно лишь из воспоминаний ее дочери Прасковьи Дмитриевны, которая писала, что мать семи лет осталась сиротой и воспитывалась у богатого дяди с материнской стороны Ивана Ивановича Рубца. П. Хвощинская сообщала также, что мать училась музыке у известного музыканта Даниэля Штейбельта. Штейбельт приехал в Россию в 1808 или 1809 г. [2, с. 25–27], местом его пребывания в основном был Петербург, поэтому надо полагать, что в это время там жила и осиротевшая Юлия Дробышевская. Однако среди петербургских жителей нам не удалось найти И.И. Рубца. Согласно «Малороссийскому родословнику» В.Л. Модзалевского, единственный подходящий по времени Иван Иванович Рубец (род. ок. 1755/1759) после многих лет службы в Полоцкой казенной палате вышел в отставку в чине надворного советника, в 1812 г. приобрел небольшое имение в Тамбовской губернии и жил в Тамбове, причем, судя по количеству земли и крестьян, был он совсем не богат[18]. Но в Петербурге жил его младший брат Петр Иванович (1778–1833), который с 1805 г. служил в архиве Министерства финансов, с 1809 г. был экспедитором Петербургского почтамта и дослужился до чина

войны были в возрасте 16–17 лет (*Целорунго Д.Г.* Формулярные списки офицерского корпуса русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. URL: http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=9&id=700 (дата обращения: 15.01.2025).

[14] До 1815 г. Силезия была прусской провинцией.

[15] ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 46. Св. 98. Л. 28 об. Копия формулярного списка Д.К. Хвощинского.

[16] Метрические книги православных и римско-католических приходов Белорусской губернии — Ревизии 1795–1858 гг. URL: https://forum.vgd.ru/post/4409/135732/p4249162.htm#pp4249162 (дата обращения: 15.01.2025).

[17] ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Д. 46. Св. 98. Л. 28 об.

[18] *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев: Тип. т-ва Фронцкевича и К°, 1914. Т. IV. С. 378.

статского советника. В 1814–1833 гг. он состоял членом Английского клуба [9, т. III, с. 298–299] и занимал видное положение в ряде масонских лож: «Владимира к порядку», «Елизавета к добродетели», шотландской ложи «Сфинкс», был членом-основателем ложи «Трех светил» («Три светила»), хранителем казны капитула «Феникс» и посещал шотландскую ложу «Александр златого льва» [9, т. IV, с. 251, 294, 465, 481, 504, 220]. Это дает основание полагать, что если сведения П. Хвощинской верны, то ее мать воспитывалась в семье не Ивана Ивановича, но Петра Ивановича Рубца. Младшую сестру братьев Рубцов звали Прасковьей, вероятно, она и была матерью Юлии Хвощинской, которая в честь нее назвала свою младшую дочь. Наши предположения отчасти подтверждаются недавней книгой об истории рода Дробышевских, где год рождения Юлии Викентьевны обозначен как 1799-й, а ее родителями названы Викентий Иосифович (род. в 1770) и Прасковья Рубцова (род. ок. 1777). Вместе с тем из приведенной в книге родословной сводки следует, что их младший сын Алексей родился в 1815 г.[19], следовательно, Юлия не могла осиротеть в семилетнем возрасте. Это однако не отменяет того, что и при живых родителях она могла какое-то время воспитываться в семье своего дяди.

Судьба Д.К. Хвощинского сложилась драматично: по ложному оговору он был отдан под суд и лишился всего имущества. Процесс длился долгие годы — с 1832 по 1844, однако невзгоды не разобщили, а еще больше сплотили его семью. В сложной ситуации родители преподали детям уроки жизнестойкости, они сами много трудились и приобщали к труду детей. Впоследствии, когда отец получил в 1845 г. должность уполномоченного от казны по размежеванию земель, Надежда выполняла секретарские обязанности: вела канцелярию и переписку, занималась копированием планов и чертежей — эти автобиографические детали писательница позже включила в характеристику главной героини романа «Большая Медведица» (1870–1871) Катерины Багрянской.

Хвощинские жили открытым домом, в котором были и радость и веселье. Трогательная любовь членов семьи друг к другу выражалась в форме шутливых именований. Сестры называли себя *овцами*, или на французский манер — *бребишками*, за Надеждой с ранних лет закрепилось прозвище *бульдог*, данное ей отцом, она в письмах так себя и называла, чаще всего латиницей — *buldog* [3, № 9, с. 13], сестру Софью именовала *принцесса*, *белка*, *biska*; когда у брата поя-

[19] Очерки по истории рода Дробышевских. XV – начало XX вв. М.: Международный Генеалогический центр, 2019. С. 407.

вились сыновья, о которых больше всего заботилась Прасковья, ее стали называть *тетя Паша*; нежность к матери выливалась в именования *Жюли*, *Juli*, *император* и обычные в девичьем обиходе *ангел*, *бесценный ангел*, *душка*. Об особой атмосфере дома Хвощинских вспоминала А. Каррик: мать «отличалась от большинства провинциальных дам своею естественностью», отец «был умный, даровитый и замечательно симпатичный человек», в их доме «не занимались ни картами, не пересудами, а интересовались литературой, искусствами и общественными вопросами» [3, № 9, с. 4, 6].

Атмосферу родительской семьи Хвощинская впоследствии воспроизвела в обстановке жизни Алетьевых в рассказе «Из записной книжки» (1876):

> Они были очень небогаты. Отец служил весь век не наживаясь; но ни он, ни жена, ни дочь не заботились о завтрашнем дне, всегда готовые на всякий тяжелый день. Но жилось изящно... именно, изящно: иначе этого не назовешь. Хозяйство велось, конечно, с трудом, но как-то невидимо, а между тем без стараний что-нибудь скрыть, без смешных претензий. В дом не входили губернские сплетни, чиновничьи интриги, пошлости, дурные люди. Знакомых у Алетьевых было довольно, и очень разнообразных; но, приходя к ним, все как-то невольно принимали склад хозяев: говорили откровеннее, смеялись веселее, держались проще, чувствовали себя свободнее. <…> Там много читали; для книг забывалось необходимое. Алетьев был человек образованный, загнанный несчастьем...[20].

Обстоятельства, омрачавшие жизнь Д. Хвощинского, не сказались на его репутации, и он оставался уважаемым членом общества. Его имя значилось в списке лиц, которые были удостоены представиться проезжавшим через Рязань в августе 1837 г. членам императорской семьи[21]. В октябре 1837 г. в ответ на запрос об образе жизни и поведении Хвощинского рязанский уездный предводитель дворянства П.Г. Приклонский сообщал, что он «образа жизни и поведения отлично хорошего», «не замечен ни в каких поступках не приличных его званию», в период подготовки к встрече царственных особ «принимал на себя разные должности и везде оказывал

[20] *Крестовский В.* Из записной книжки // Отечественные записки. 1877. Т. 230. № 1. С. 122. В собраниях сочинений Хвощинской рассказ публикуется под названием «Вера».

[21] ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 129 об.

усердие и бескорыстие, достойные внимания»[22]. Д. Хвощинский не отличался практическими способностями, но был наделен художественными талантами, один из которых состоял в рисовании силуэтов. Некоторые его работы, изображавшие представителей рязанской аристократии 1830–1840-х гг., хранились в семье столпов этого общества Рюминых. Копии нескольких работ в начале XX в. были опубликованы в статье их потомка Е. Погожева[23] и дополнены в книге современных рязанских историков [4], однако местонахождение оригиналов неизвестно.

Родители стремились дать детям достойное домашнее образование и стимулировали развитие их способностей. В семье поощрялся рано проявившийся интерес Надежды к литературе. Вероятно, в начале 1840-х гг. отец подарил ей толстую тетрадь в черном переплете, на форзаце которой сделал надпись:

Черная книга светлых идей
Черной головки дщери моей,
Талант самобытный признан уж в ней.
Пиши не ленись, чернил не жалей,
В ряды вдохновенных втеснися скорей[24].

До 1852 г. Надежда начисто переписывала в эту тетрадь свои стихотворения, некоторые из них впервые появились в домашнем журнале «Звездочка», о чем говорят соответствующие пометы. Всего в «черной книге» 196 пронумерованных текстов, не считая поэмы «Деревенский случай». Кроме оригинальных произведений, здесь есть и переводы — в основном из В. Гюго, но также из А. де Ламартина, А. Латура, Ф. Шиллера, Й.Х. фон Цедлица[25]. Часть тетради осталась незаполненной, хотя Хвощинская продолжала писать и публиковать стихи до конца 1850-х гг.

После 1842 г. ее поэтическая известность перерастает домашние границы. В «Сыне Отечества», «Литературной газете», «Иллюстрации», «Пантеоне», «Отечественных записках» до 1852 г. включительно была напечатана почти треть стихотворений из «черной книги», что в каждом случае отмечено в самой «книге». В последующие годы Хвощинская опубликовала еще несколько стихотворений из этой

[22] ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2307. Л. 3.

[23] *Погожев Е.* Силуэты // Столица и усадьба. 1914. № 14–15. С. 30–32.

[24] РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1. Здесь и далее тексты приведены в соответствии с современными грамматическими нормами. Вперв. опубл.: [8, № 10, с. 53].

[25] У Хвощинской: Зедлиц.

тетради, но большая часть текстов никогда не появлялась в печати. Стихотворное наследие писательницы не исчерпывается «черной книгой»: часть неопубликованных текстов она переписала в альбом семьи Алябьевых (см.: [11]), кроме того, некоторые стихотворения остались в черновиках и вполне возможно, что не все они выявлены.

Как явствует из автобиографических набросков, в отроческие годы Хвощинская вместе со своей сверстницей Надеждой фон Винклер[26] писала исторические романы. Впоследствии, иронизируя по поводу этих ранних эпических опытов, Хвощинская признавалась О.А. Новиковой: «…я писала исторический роман из времен покорения Ирландии. Место действия был — Ватербруд, а героиня Эва Меаргад, наследница Минстера и жена Ригарда Стронбоу; как она была хороша и несчастна! Как она любила Каталя О'Коннора, <герцога ?> Конноутского! Что они натворили с этим Каталем!… Так что мой отец ахнул, когда я прочла ему написанное во всей невинности моего сердца!..»[27].

В 1850 г. под псевдонимом *В. Крестовский* была опубликована первая повесть Хвощинской «Анна Михайловна», и с этого времени беллетристика становится основным родом ее литературных занятий. Отмечая недостатки отдельных произведений, критики вместе с тем приветствовали автора как «человека, у которого есть дорогие убеждения, который привык всматриваться в жизнь и душу глубже, нежели это обыкновенно делается»[28]. Произведения Хвощинской пользовались читательским признанием, она получала сочувственные письма от знакомых и незнакомых людей. Некоторые из них сохранились. Вот что писала, например, 14 сентября [1858] А. Маркелова (Каррик): «Я читала, Надя, твое *Старое горе*. Что это за прелесть! Ты просто святая в твоих произведениях (не только этом), право, <…> на последней странице у меня с носу на книгу свалилась слеза, ей Богу, Nадя, это еще делается со мною, когда я читаю *Муму* Тургенева»[29].

У писательницы, как у автора с мужским псевдонимом, даже появилась постоянная поклонница — провинциальная барышня, которую она называла *Catherine* и с которой вела переписку от имени В. Крестовского. Сознавая всю неприглядность ситуации, Хвощинская попыталась раскрыть мистификацию и объявить почи-

[26] Надежда Егоровна фон Винклер (1822/1823 – середина 1880-х); ей посвящены стихотворения «Слезы (1840), «Последнее свидание» (1843), «Прости, я радуюсь, о друг, твоей печали» (1848) (РГАЛИ. Ф. 541.Оп.1. Ед. хр. 3. Л. 8, 17, 31).

[27] РГАЛИ. Ф. 345. Оп 1. Ед. хр. 852. Л. 30.

[28] Москвитянин. 1852. Т. V. № 17. С. 39.

[29] РИАМЗ. КП 6413/16. Л. 3–3 об.

тательнице свой истинный пол, но та ей не поверила [3, № 11, с. 40]. По словам В.Р. Зотова, на признание писательницы корреспондентка ответила: «Я давно слышала, что Крестовский — женщина, но кто же этому поверит?»[30]

1850-е – первая половина 1860-х гг. были ярким и насыщенным временем в жизни Хвощинской: о ней узнали и заговорили в литературном мире, в Рязань для знакомства с ней специально приезжали столичные литераторы, в конце 1852 г. она впервые побывала в Петербурге и впоследствии не раз посещала столицу, одна и с сестрой Софьей. Здесь у нее установились дружеские контакты с семьями Краевских, Зотовых, Никитенко, Толстых и др., она постоянно бывала в Эрмитаже и в мастерских художников, посещала оперу, которую страстно любила, — словом, получала тот необходимый интеллектуальный и эмоциональный заряд, которого ей недоставало в провинциальной Рязани, — по ее собственным словам, «припасала холерин». В творческом отношении это был очень плодотворный период: написаны и опубликованы 8 романов (из 11), об одном из которых — «В ожидании лучшего» — в высшей степени похвально отозвался журнал «Время»: «…роман В. Крестовского есть явление, которое не прошло бы незамеченным ни в одной литературе, а в нашей, если взять в соображение нашу относительную бедность, такие романы должны бы производить огромное впечатление»[31]. Роман этот был настолько популярен, что, представляя следующее произведение Хвощинской, «Отечественные записки» аттестовали ее как «автора романа “В ожидании лучшего”»[32]. В 1859 г. вышло в свет 6-томное собрание сочинений (7-й том был опубликован в 1866), до 1859 г. она продолжала печатать стихи и опубликовала перевод двух стихотворных трагедий, а в начале 1860-х гг. впервые выступила в роли литературного критика. Семья гордилась своей писательницей и поддерживала ее. И хотя существование семьи постоянно осложнялось финансовыми проблемами, но жилось, как скажет Хвощинская в автобиографии, «всегда сердечно и хорошо…» Эти слова относятся к «детству и ранней молодости» писательницы, но они вполне релевантны и для 1850-х – первой половины 1860-х гг.

[30] *Зотов В.* Надежда Дмитриевна Хвощинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 97.

[31] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. XXVII. С. 149. Фрагмент из статьи «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» (1861): автор не установлен, комментаторы называют Ап. Григорьева, но предполагают редакторское вмешательство, даже своеобразное «соавторство» Ф.М. Достоевского.

[32] Отечественные записки. 1865. Т. 158.

Сёстры Хвощинские

У Д.К. и Ю.В. Хвощинских было пятеро детей, годы рождения троих — Надежды, Софьи и Прасковьи — не документированы. Традиционно считалось, что Надежда родилась в 1824-м или 1825-м (расходятся свидетельства самой Надежды Дмитриевны, называющей 1825 г., и Прасковьи Дмитриевны, которая указывает 1824 г. [15, с. III]), Софья — в 1828-м, а Прасковья в 1831-м, однако эти даты вызывают сомнение. В январе 1830 г. Д. Хвощинский подал прошение в Дворянское депутатское собрание, где указал возраст своих детей: Кесарю 3 года, Надежде 8 лет, Софье 4, Любови 2, Прасковье 1 год[33]. Из архивных источников известны точные даты рождения Кесаря — 5 марта 1826 г., и Любови — 28 февраля 1827 г.[34] Таким образом, вполне очевидно, что в прошении отца возраст Кесаря и Любови указан точно, а это дает повод предполагать, что точно назван и возраст других детей. В таком случае оказывается, что Надежда родилась в 1821 г., Софья — в 1824-м или 1825-м, Прасковья — в 1828-м (см.: [10]). Дополнительным подтверждением такой датировки может служить медицинская справка, выданная П.Д. Хвощинской в мае 1895 г., где сказано, что ей 66 лет[35].

В семье отношения строились на взаимном уважении, и дети, особенно девочки, были дружны между собой. Вместе с тем уже в отроческие годы Надежда испытывала острую потребность в родственной душе — близком человеке, который разделял бы ее интересы и стремления. Эта мысль звучит в раннем стихотворении «Другу» (1836), посвященном «сестре Любиньке»:

И в мире этом одиноко
Не буду жизнь свою влачить.
И о стране чудес далекой
Я с другом буду говорить!..

В 1838 г. Люба умерла, и у Надежды остались две сестры, отношения с которыми складывались по-разному. С малых лет она была очень привязана к Софье, и эта привязанность сохранилась на всю жизнь. В 1836 г. Софью отвезли на учебу в Московское училище ордена святой Екатерины. О тоске по сестре и тяжести разлуки с ней

[33] ГАРО. Ф. 98. Оп. 15. Д. 31. Св. 110б. Л. 1167 об.

[34] ГАРО. Ф. 98. Оп. 11. Ед. хр. 46. Св. 98. Л. 26, 36.

[35] ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 72. Д. 68. Л. 7–8. Искренне благодарю научного сотрудника ИРЛИ Светлану Алексеевну Ипатову за эту информацию.

Надежда писала в стихотворении «Две звездочки» (1838). В 1843 г., закончив обучение, Софья вернулась домой. Еще в Екатерининском училище преподаватель словесности А.Д. Галахов отметил ее особенную способность к «свободному литературному изложению»[36]. Когда в 1856 г., после смерти Д.К. Хвощинского, остро встал вопрос о средствах существования семьи, Софья Дмитриевна начала заниматься литературным трудом, выбрав псевдоним *И. Весеньев* (*Ив. Весеньев*) [14], и такая общность занятий еще больше укрепила связь между сестрами.

И внешне, и по характеру они были полной противоположностью. По словам А. Каррик, белокурая Софья в молодости считалась одной из самых красивых девушек Рязани, — смуглая, черноглазая Надежда, перенесшая в детстве английскую болезнь (рахит), не отличалась внешней привлекательностью[37]. Разные по натуре, они очень дополняли друг друга: «более хладнокровная, с трезвым, анализирующим умом», Софья была склонна к компромиссам, Надежда отличалась «порывистостью, восторженностью», она «сильно поддавалась своему воображению», бывала «пристрастна к тем, кто внушал ей сочувствие, и не всегда справедлива к антипатичным ей людям» [3, № 9, с. 4, 8]. Сестры прекрасно понимали, любили и высоко ценили друг друга. Более рациональная Софья уравновешивала склонную увлекаться Надежду. Как писала Каррик, «это были <…> два совершенно различных ума и одна душа» [3, № 9, с. 8]. По словам другой подруги — М. Андреевой, «они до того были дружны, так сходились во взглядах и понятиях, что нередко им случалось одновременно высказывать одну и ту же мысль, почти одними и теми же словами» [8, № 10, с. 51–51].

С начала 1840-х гг. сестры более двадцати лет жили бок о бок и редко разлучались. Во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг. они не раз ездили вместе в Москву и Петербург, где иногда подолгу гостили. О характерах членов семьи, особенностях их жизни и взаимоотношений дают представление сохранившиеся письма, в том числе два из них, посвященные одной теме. Они были

[36] *Галахов А.Д.* Записки человека. М.: НЛО, 1999. С. 131–132.

[37] О своем впечатлении от знакомства с сестрами Хвощинскими в Петербурге зимой 1863–1864 гг. П.Д. Боборыкин вспоминал: «…некрасивая, с умным, мало женственным лицом, Н.Д. на вид и тогда уже казалась лет сорока, если не больше. Первое впечатление она как женщина производила очень невыгодное: маленький рост, сутуловатость, резкость черт лица при разговоре уступали место другому: выразительные большие глаза, умные и ласковые, милый задушевный тон и нервная пылкость речи. <…> Сестра ее смотрела как есть, пожилой девой, но по тону не отзывалась провинцией; Н.Д. выглядела, скорее, замужнею. В обеих я нашел известного рода светскость с московским дворянским оттенком» (*Боборыкин П.* Более четверти века (Из воспоминаний о Н.Д. Хвощинской) // Новости и Биржевая газета. 1889. № 189. 12 (24) июля. С. 2).

написаны в мае 1858 г. и адресованы матери, совершавшей паломническую поездку в Киев. Первое — от Софьи и Надежды, которые в то время находились в Петербурге, второе — от остававшейся в Рязани Прасковьи.

<Письмо С. и Н. Хвощинских>[38]

15 мая 1858. СПб.

Бесценная моя мама, где ты теперь, моя душечка, покуда мы тебе пишем, как ты едешь, здорова ли, ангел мой? Я так была удивлена и обрадована, что тебе наконец удалось съездить в Киев, где тебе всегда хотелось быть, и проехаться, освежиться немного. Бог даст, ты съездишь благополучно, мы скоро увидимся и много друг другу порасскажем после такого долгого отсутствия.

О том, как мы распорядились нашим временем в твоем отсутствии, ты сперва будешь удивлена, а потом увидишь, что тут ничего нет неблагоразумного. Катенька[39] уезжает отсюда 19-го числа и предоставляет нам гостить здесь, потому что квартира остается за нею, и люди здесь остаются. Князь сам за Машей[40] не едет, а, как они пишут, должен был ей выслать деньги, и она сама с детьми к нему едет, значит, в экономии одной поездкой меньше. Паша, натурально, не осталась бы одна в Рязани, а уехала бы в Алабино. Мы подумали: что уж <?> лучше ей это время с нами провести. Маша ее довезет до Москвы, а там весь разор ее поездки сюда будет состоять в 6 руб., потому что мы платили за места всего по 4, а остальное — вес вещей и еда на сутки — за глаза довольно.

Расчет пробыть это время в Рязани нам всем трем или здесь — решительно одинаков: как здесь, так и там, надо питаться и платить твоим бребишкам, а тут мы уже подумали с Надей, как можно будет экономнее иметь без Катеньки стол; ты, может быть, помнишь, как я была скупа, когда три года назад ездила сюда и тебе рассказывала. Для того чтобы оставить в Рязани дом без затруднений, мы послали Паше 10 руб. сереб., она сочтет, что нужно людям на это время, и должки кое-какие заплатит. Ты не думай, чтоб мы здесь по этому случаю вошли в долги, нисколько, на этот счет будь покойна со-

[38] ГМЗЕ. Ф. Хвощинских. ОНФ КП. 6162/1. Р-524. Л. 1–2 об. (первая часть письма написана Софьей, вторая — Надеждой).

[39] Екатерина Авраамовна Акинфова, урожд. Хвощинская (1820–1888), кузина Н. и С. Хвощинских, дочь их двоюродного дяди Авраама Петровича Хвощинского (1793–1860). См. о них: [11, с. 327–329, 324].

[40] Неустановленные лица. Возможно, Мария Наркизовна Цемирова, урожд. Хвощинская, двоюродная тетка сестер, и ее кузен по материнской линии князь Борис Петрович Барятинский (1813/1816–1896).

вершенно. Впрочем, когда ты получишь это письмо, мы уже сами будем помышлять собираться отсюда; все три воротимся в Рязань в конце июня и будем ждать тебя, мое сокровище. Мы живем с Надей очень весело, гуляем и работаем тоже. Покуда ты будешь молиться в Киеве, нам, может быть, удастся видеть здесь освящение Исаакия[41]. С Катенькой расстаемся как истинные друзья, она такая славная и хорошая. Дядя[42] был в Париже, откуда пишет, что едет в Германию на воды. Остальные все здоровы. — Мне совсем было бы хорошо на душе, если бы не грусть по Мимишке[43]; как подумаю, что воротимся и этого птенчика дома не будет, так жаль становится. А впрочем, что вперед Бог даст, лишь бы ты была здорова, мамочка моя хорошая. Целую тебя <*нрзб.*> мое, тысячу раз и жду твоего письма.

Твоя Соня.

Мама, ангел мой, ты видишь, как мы пока распорядились; к твоему возвращению будем мы дома, как будто и не ездили, каждая из нас навезет вестей и рассказов, а мы постараемся припасти холерин, чтобы быть покойны хоть на первое время. Мы здоровы и веселы, особенно рады за тебя, мамочка, что ты прокатишься, mm Coco, а то коко засиделось на одном месте. Мы здесь поживаем, как жили, — развлекаемся у Сашеньки[44], смотрим достопримечательности. Ужасно весело подумать, что покажем что-нибудь Паше, — Эрмитаж, соборы, большую реку с пароходами, — хотя она, вероятно, будет их так бояться, что не сядет на них ни за что… Соберемся, мама, и все это будем рассказывать. Еще успеем с съездить к другу Лизи[45] — лето еще велико — будь только непременно здорова, мамочка, Imperator мой, сколько можно, потолстей, — как, например, я — которой все говорят, что я потолстела и прибавляют еще ….. Не смею сказать из скромности или из гордости, потому что Boldozik <?> так хорош, что нечего и уверять его, будто он похорошел: он это и без того знает. Biska начала быстро поправляться, да лето нас сгубило: погода чудная, — она все бегает и загорела очень, — а впрочем, очень мила. Нам скучно по Мимишке, мама, — это ведь справедливо и то, что отцу и матери тоже скучно по нем и они еще больше нашего вправе скучать. Mila, ты нам напиши из Киева, — помолишься Богу и привези мне, ангел мой, веточку с дерева грецкого ореха; — что за листик

[41] Освящение Исаакиевского собора состоялось 30 мая 1858 г.

[42] Хвощинский Авраам Петрович.

[43] Дмитрий Хвощинский — нежно любимый всеми сестрами сын их брата Кесаря.

[44] Александра Григорьевна Маркелова, в замужестве Каррик.

[45] Вероятно, Елизавета Константиновна Доппельмайер (род. 1825), подруга Н. Хвощинской, которой адресованы некоторые ранние стихотворения.

на нем? Мне так хочется это видеть. Целую твои ножки, жизнь моя, будь покойна и здорова, красота моя мамочка Julia <*нрзб.*>.

Твоя Надя.

<Письмо П. Хвощинской>[46]

10 мая Рязань <1858>

Милая и дорогая мамаша, верно, ты не меньше меня удивишься, когда прочтешь это письмо, я, когда получила от сестер точно такого же содержания, первое время не знала, что делать. На другой день твоего отъезда я получила от них письмо — ответ на твое, в котором ты писала им, что едешь и предоставляешь им самим распорядиться, как и где они хотят провести лето. Они на это отвечают что Катинька, уезжая 20-го мая, предоставляет им весь дом к их услугам, и потому они остаются в Петербурге до конца июня, и представь себе мое удивление, что они и Катенька вызывают меня к себе, говоря, что если бы ты была сама налицо, то не стала бы удерживать меня, а пустила бы скорее, нежели я сама на это решусь. Они прислали мне вексель 100 руб. сер., которые им дал Краевский в счет романа, который он еще не печатал, так что Надя пишет, что он еще будет у них в долгу и что у них, кроме крупных работ, которые они заготовили, много мелкой и что я им в них могу помочь. Из этих денег я заплатила весь долг Иван Ивановичу, все сполна с старым долгом отца Игнату, Софья мне сказала что мы давно очень были должны мяснику и что ты все годы — <*нрзб.*> сама отдать 15 руб. ассиг., я их заплатила, людям за месяц жалованье и оставляю им денег на еду, я разочла с Софьей и оставляю им 7 руб. сер., я отдавала долг Анночке Казначеевой, да она у меня его не взяла, сказала, что теперь решительно не берет и что я могу ей их заплатить, когда буду богатее, а что теперь при отъезде мне нужны они самой. Слепцов уехал, ты с ним увидишься, там деньги ему не нужны, потому что он все продал, он говорит, чтобы много не заботиться, и может ждать до сентября. О доме сестры пишут, что до июня, верно, его никто не наймет, а к твоему приезду мы приедем в Рязань, чтобы тебя встретить, и тогда все вместе поедем в Алабино, об этом знает М. Николаевич[47], потому что письмо было получено при нем. Во всяком случае я, уезжая, приклею объявление, что отдается внаймы, всего просить 300, а отдавать за 250 руб. сер., скажу, какая мебель остается, какую мы сами берем; за тарантас назначили 80, а отдавать за 75 руб. сер., одним словом,

[46] ГМЗЕ. Ф. Хвощинских. ОНФ КП. 6162/1. Р-526. Л. 1–4 об.

[47] Возможно, Михаил Николаевич Цемиров, муж двоюродной тетки Хвощинских.

сделаю так, как ты говорила, попрошу Казначеева, чтобы приказал своей <*нрзб.*> смотреть за домом и сам бы иногда посмотрел, все ли у нас в порядке. В сундук сложу все серебро; книги все вынесу в кабинет, образа уложу, о журналах Надя писала, что поручает их тетке Марье, она так этому обрадовалась, что носится как кошка с салом. *Иллюстрацию* отдала все М. Николаевичу. Кажется, моя радость, все сделано как следует, и я уверена, мое сокровище, что ты не найдешь ничего дурного в том, что я соглашаюсь уехать к сестрам. Из Рязани я поеду с Машей. Князь пишет, что Николай[48] предложил ему даровую дачу в Волынском и он вышлет ей денег, чтобы она ехала. Сегодня Маша пишет ему, чтобы денег он не высылал, потому что ей прислал дядя, а чтобы написал с первой почтой, куда ехать из Москвы. Князь меня проводит на железную дорогу, я сяду в вагон третьего разряда 4 руб. сер., как видишь, поездка моя недорого будет стоить. Сестры ужасно просят меня приехать и говорят, что их очень огорчит мой отказ, я, моя радость, распорядилась, как уже писала тебе, и решаюсь ехать, я думаю, мы выедем 15 или 16, но уже не позднее. Так когда ты будешь писать нам, то пиши в Петербург, пишу тебе адрес, чтобы ты не забыла: *В Шестилавочную, на углу Спасского переулка, в доме Сильванского*. Пиши, моя радость, как то ты доехала, здорова ли была все время? Мы же все, слава Богу, здоровы. Митя вспоминает тебя, он, слава Богу, совсем здоров и весел и как нельзя умен. Теперь опишу тебе, как провела время без тебя. Вчера ездили с Анночкой к Лизе в деревню, на именины Николая Александровича, был там весь beau monde, сама М-м Клингенберг[49] не была, но все власти были. День был славный и совсем удался. Было не скучно. Все спрашивали об тебе и велели тебя целовать. Там я видела Муратова[50], он очень вспоминает отца, говорит, <*нрзб.*>. Ролгин уезжает тоже на днях в Петербург и будет у нас. Представь себе, мамочка, какой мне был сюрприз. Одеваюсь я, чтобы ехать к Лизе, как приезжает Маша и говорит, что приехала моя кума, но выйти к ней я не смогла, потому что была уже совсем раздета, она посидела немного и, уезжая, отдала Маше сверток, чтобы передать мне. Вообрази себе, превосходная кисея на платье, белая, набитая турецким узором, прелесть, везу ее с собою в Петербург, сама же я разорилась — шью

[48] Николай Авраамович Хвощинский (род. 1820?), майор, владелец Волынского и Давыдкова, которое с 1830-х гг. принадлежало его отцу Аврааму Петровичу; кузен Хвощинских.

[49] Клингенберг Елизавета Николаевна, урожд. Пущина (1829–1898), жена рязанского губернатора М.К. Клингенберга.

[50] Муратов Алексей Петрович, пронский помещик.

себе платье сама из желтого gingan[51]. У Анночки только была один раз, а то сижу дома, работаю. Еще новость, на другой день твоего отъезда, в воскресенье, сидим утром все в зале, Мих. Николаевич тоже с нами, видим мы, что из лакейской двери к дому идет шляпа, мы думали, Слепцов, и продолжаем себе говорить. Не тут-то было, входит <*нрзб.*> и представь, бессовестно лжет, что он у отца бывал <*нрзб.*> торжественный праздник, на это я ему сказала, что никогда его не видала, впрочем, с тех пор он и не был. Ознобишину[52] и Федосееву не видала, прощусь с <*нрзб.*>. Е. Алек. Богданова была у нас, перебирается на другую квартиру. Вот тебе, мое сокровище, полный отчет того, что случилось без тебя, все мы здоровы и все, слава Богу, у нас благополучно. Мимиша велел тебе сказать что он тебя, люлюша, очень любит, и помнит, и не забудет, и крепко целует. Прощай, мое сокровище, целую тебя крепко, будь здорова, береги себя. Сестры ужасно рады, что ты поехала. Соня говорит, что она только о том и думала, чтобы тебе тоже Бог послал удовольствие. Целую крепко твои ручки, благослови меня, моя радость, и не забывай

Твою ПХ.

Сложно рационализировать эти наполненные биением жизни тексты, но надо отметить некоторые моменты. Совершенно очевидно, что Хвощинские были крайне стеснены материально и не позволяли себе ни малейших излишеств. Все трудились как могли и вносили свою лепту в общее благосостояние. Царившее в семье согласие видно во всем: и в обращении дочерей к матери, и в заботе о ней, и в стремлении доставить радость друг другу. Вполне понятно, что Софья и Надежда, вырвавшиеся за пределы обыденного рязанского существования, переполнены впечатлениями петербургской жизни. И так же понятно, что жизнь Прасковьи ограничена бытовым, хотя и разнообразным общением и повседневными заботами. Вместе с тем эти письма убеждают, что в семье существовала вполне определенное разделение: две старшие, которых Прасковья называет *сестры*, и отдельно — она.

С 1860-х гг. Прасковья, которую, по словам Надежды, «Бог не обидел ни умом, ни способностями»[53], также занялась литературной деятельностью, однако, в отличие от сестер, выбрала феминный псевдоним — *С. Зимарова* [13]. 3 января 1864 г. Н. Хвощинская

[51] Gingan — пестротканное рубашечное полотно.

[52] Ознобишина Софья Никифоровна, гвардии полковница, приятельница Ю.В. Хвощинской.

[53] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 265 об.

сообщала подруге: «Мы все три сидели над детищами» [16, с. 136]. Но жизненные притязания сестер были различны. Судя по всему, Прасковья вполне принимала свою жизнь и окружавших ее людей, не стремясь что-либо изменить или понимая невозможность изменений. Старшие же сестры, особенно Надежда, живя в Рязани, с годами все больше тосковали. 18 октября 1863 г. Надежда Дмитриевна писала О.А. Новиковой[54]: «Сидим дома, как всегда. Все то же скрипенье перьев — с моей стороны архиленивое. Соня, для перемены дела, учится по-английски. Я, для разнообразия, читаю Библию… не написать ли мне из нее романа à la Salammbo[55] или поэмы à la mon cousin Всеволод Крестовский?[56] Истинно тебе говорю: если бы не находила какая-то непонятная молодая веселость, располагающая болтать пустяки <…> и смеяться пустякам, — не знаю, что бы и делать на свете»[57]. О том же несколько месяцев спустя, 13 августа 1864 г.: «Мы — страшно одни. Просто жутко и страшно без преувеличения. В голоде (Соня прочла <…> я не читала — боялась бяки) человек съедает свою собственную внутренность; мы съедаем сами себя, и я боюсь скоро (умственно) околеть. Читать — наша литература опошлилась до унижения. Вдали — в широких кругах мира — тьма безвыходная. Остаются свои четыре стены, голубой диван и скверная сигара. Если бы хоть писать, сидя на этом диване! Но и это не делается»[58]. Таких эпистолярных фрагментов немало, но эти жалобы на однообразие жизни и отсутствие творческих стимулов не отменяют главного: в письмах постоянно присутствует очень значимое «мы» — их всегда было двое, и свою оторванность от мира — «мы — страшно одни» — сёстры переживали вдвоем.

В 1876 г., в монологе главной героини рассказа «Из записной книжки», Н. Хвощинская передала свои представления о том, что по-настоящему связывает людей, и, по сути, написала о том, что связывало их с Софьей. «Я не чуждалась посторонних, но мне нужны близкие, самые близкие. <…> я теряюсь одна. Как ни от кого не слышать простого, ласкового слова, совета в чем-нибудь житейском, общем, простого толка о безделицах! Безделицы связывают... Ты знаешь сам, как необходимо высказывать свое чувство, узнавать чувство другого, размениваться, проверять себя, говорить свою

[54] Ольга Алексеевна Новикова, урожд. Киреева (1840–1925), близкая подруга Н. Хвощинской. См. о ней: [1].

[55] В романе Г. Флобера «Саламбо» (1862) действие происходит в Карфагене.

[56] Хвощинская, которая с 1850 г. получила известность под псевдонимом *В. Крестовский*, иронически именовала «кузеном» реального Вс. Крестовского.

[57] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 209.

[58] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 35.

мысль... но чтоб на нее отзывались! И не просто вскользь, из учтивости — из учтивости интересуются и чужие! — но чтобы моя мысль стала *своей* тому человеку, чтоб он ею подорожил, чтоб он сам о ней наедине подумал...»[59]

5 августа 1865 г. Софья Дмитриевна умерла. Эта утрата оказалась трагическим переломом в жизни Надежды Дмитриевны, со смертью сестры она потеряла желание жить: «…я занемогла и провела целый месяц, лежа на своем диване в состоянии, которое, не знаю, с какой стороны было хуже — физически или нравственно. Физически — шла кровь горлом, а нравственно — я обезумела от слез, от отчаяния. Кроме горя, приходило и пришло окончательно горе за себя: я стала совсем неспособна работать. Я ничего не понимала. Мне точно оставалось *только умереть*, как сказала мне, умирая, Соня. <…> Я даже делала, что могла, чтоб приблизить этот желанный конец. 16 сентября я довела себя до воспаления — смерть меня не взяла» [16, с. 159].

Все это время рядом с ней находился молодой уездный врач Иван Иванович Зайончковский, который проникся глубокой симпатией к своей необычной пациентке. Процитирую ее письмо: «Я просидела полдня за своей тетрадью и еще раз убедилась, что моя жизнь ни на что не нужна. Я сказала Зайончковскому, чтоб он отступился, что жить я не хочу и не буду. Он в ответ сказал, что полюбил меня, и просил попробовать жить для него» [16, с. 159]. Скоропалительное, спустя менее двух месяцев после смерти сестры, замужество Хвощинской было жестом отчаяния. «Я могла быть живой для Сони, *развлекаться* вместе с нею, искать людей ради нее. Без нее я жить не могу, веселья нет, людей не знаю. А жить должно — так дайте мне все новое. А в этом новом — преданная любовь, что-то вроде счастья, которое выросло над ее могилой. Не она ли его послала?» [16, с. 160]. Венчалась она «в том же черном платье и белой косынке» [16, с. 159], в которых хоронила сестру.

В ГАРО хранятся метрические книги Спасоярской церкви г. Рязани, где есть две важные для нас записи за 1865 г.: одна — о смерти Софьи Дмитриевны, другая — о последовавшем в скором времени бракосочетании ее сестры. В них указано, что С. Хвощинская умерла 36 лет[60] (родилась в 1829 ?), а Н. Хвощинская сочеталась браком в 34 года (родилась в 1831 ?). Как видим, обе записи сильно грешат против истины. Неточно указан и возраст жениха — И.И. Зайончковского: 29 лет[61]. Более двух лет спустя, в 1868 г., Хвощинская пишет

[59] *Крестовский В.* Из записной книжки. С. 127.

[60] ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 291. Св. 200. Л. 196 об.

[61] ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 291. Св. 200. Л. 185 об.

приятельнице, что ее мужу «тридцатый год»[62], значит, в 1865 г. ему было лет 27. Нечаянный этот брак сама писательница называла «оригинальным»: «Он молод и хорош собою, я стара и страшна…» [16, с. 160]. Чувство одиночества и иллюзорная надежда на возможность изменить жизнь стали главной причиной замужества. В своем горячечном отчаянии Надежда даже забывала о матери. Впоследствии она писала: «Бедная мама. Ведь ей больно было, когда я вышла за Ваню, потому что “осталась одна”»[63].

Сразу после замужества Хвощинская покинула Рязань, покинула тот дом, где все дышало прежней жизнью. Почти год супруги прожили в Петербурге, но это не спасло ее от духовного одиночества и глубокой депрессии. Она пыталась заниматься переводами, но дело не клеилось, результаты не нравились ей: перевод Монти — «никуда не годный», перевод Фоскарини «тоже надоел»[64]. О своем состоянии она напишет: «…голова моя пуста и будильника ей не осталось»[65]. Лаконичные записки этого времени имеют по преимуществу бытовой характер: болезни свои и мужа, визиты знакомых, визиты к знакомым, посещение лекций и музыкальных вечеров, чаще всего порознь. Старые знакомые замечали, что присутствие мужа сковывало Надежду Дмитриевну [3, № 12, с. 66], да и сама она писала об этом Новиковой: «Я была рада и не рада тебе вчера. Лучше нам бывает вдвоем»[66]. Брак не принес Хвощинской счастья, но она этого и не ждала. По характеру Зайончковский был склонен к увлечениям — Хвощинская, державшаяся, по ее словам, «очень широкой свободы»[67], понимала и принимала это. По состоянию здоровья он нуждался в заботе и попечении — она заботилась о нем даже в ущерб себе. М. Цебрикова, видимо, со слов самой писательницы, рассказывает о том, что после возвращения в Рязань Зайончковский «мучился ревматизмом» и «Надежда Дмитриевна ходила за ним с изумительным терпением; больной был раздражительный. Засыпая невольно по ночам от утомления, она устроила снаряд — муж привязывал к руке ее веревочку, чтобы разбудить ее, когда нужна была помощь. Это повредило ей руку, и Надежда Дмитриевна долго не могла писать»[68]. Подобный тип отношений Хвощинская понимала

[62] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 245.
[63] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 108.
[64] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 144, 186.
[65] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 207.
[66] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 138.
[67] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 269.
[68] *Цебрикова М.* Очерк жизни Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) // Мир Божий. 1897. № 12. С. 13.

как добровольную, «сознательную обязанность», потому что не могла представить, «…как это — думать только о себе, беспокоиться только за себя»[69]. Так говорит Вера, автопсихологическая героиня рассказа «Из записной книжки», «дурнушка», «женщина с седой головой», живущая рядом с 20-летним красавцем. Именно эта героиня произносит слова, которые определяли бытовое поведение самой писательницы: «Я не умею быть одна!».

В конце мая 1866 г. Хвощинская отправила мужа «в Самару, на кумыс», но сама не смогла возвратиться в опустевший рязанский дом. Полноценно работать она тоже не могла, в 1866 г. ее деятельность ограничивалась переводами иностранных известий в газете А.А. Краевского «Голос»[70]. В Рязань она вернулась в конце августа 1866 г., туда же приехал из Самары и Зайончковский, занявший должность сверхштатного врача в городской больнице. А весной 1868 г. она проводила мужа за границу на лечение и учебу. В течение 10 месяцев он написал Надежде Дмитриевне 81 письмо (по самым примерным подсчетам, это 2 письма в неделю), что ничуть не удивляло ее: «Я всегда знала, что дороже меня у него никого не было и не будет. Для меня — он не может доставить ничего; я ничего и не прошу»[71]. «В прозе и в стихах»[72] он просил ее приехать, она не хотела покидать свой «угол»[73], но морально и материально поддерживала мужа вплоть до его кончины в 1872 г. Вскоре после его смерти Хвощинская писала Новиковой: «…не было его четыре года, но мы лучше узнавали и лучше полюбили друг друга издали; и теперь я вижу и *сознаю*, чего прежде не сознавала, что он *точно* оживил и поддержал меня. <…> Ваня стал на то место, где она стояла, — не заменяя, но сменив на минуту, так, будто исполнил какую-то обязанность»[74].

1869 год стал возвращением Хвощинской в литературу. Повесть «Первая борьба» и она сама, и критики рассматривали как новое начало: «…среди молодежи мелькнула мне “Первая борьба”. Вот мои воскресители, этот честный народ, *младшие* братья 60-х годов» [8, № 12, с. 132]. В 1869 г. Хвощинская возобновила работу над романом «Большая Медведица», который был задуман в 1865 г., еще при жизни Софьи. Работа шла тяжело: «Пишется она от нужды, любоваться некому — я сама не понимаю, что делаю»[75]. Особенно подкосила пи-

[69] *Крестовский В.* Из записной книжки. С. 130, 126.
[70] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 207.
[71] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 5 об.
[72] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 290 об.
[73] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 67.
[74] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 106 об.
[75] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 55 об.

сательницу появившаяся в сентябре 1870 г., после публикации первых глав, разгромная статья Н.В. Шелгунова, не давшего себе труд дождаться завершения романа[76]. Впоследствии критик признавался, что нападки на Хвощинскую были продиктованы сугубо «партийными» интересами[77], но писательнице этот незаслуженный выпад, который она восприняла как «*гражданski* оскорбительный»[78], доставил немало страданий. Своего рода компенсацией стала читательская рецепция романа[79]. В 1907 г. П.А. Кропоткин писал: «Во время своего появления повесть пользовалась большим успехом среди нашей молодежи и имела на нее очень глубокое влияние, в лучшем значении этого слова. <…> Появление этой повести как раз в период, когда в России начиналось великое движение молодежи “в народ”, дало ей громадную популярность…»[80]. Свой роман Хвощинская посвятила памяти покойной сестры. Прямое посвящение отсутствует, но, договариваясь с М.М. Стасюлевичем об отдельном издании романа в 1873 г., она высказала свое пожелание: «Мне бы хотелось, чтобы вслед за заглавным листом, на *отдельном* белом листе, в средине стояло крупными буквами: «Der Abgeschiedene lebt uns»»[81]. — Это не эпиграф, а посвящение, потому я и прошу, чтоб оно было отдельно, а не под заглавием, и не подписываю, у кого беру эти слова»[82]. Просьба писательницы была выполнена: в отдельном издании 1872 г. тексту романа предшествует страница с посвящением.

Творческая работа Хвощинской в конце 1860-х – 1870-х гг. осложнялась житейскими несчастьями. Собственные болезни и болезни родных, теряющая зрение мать, смерть тетки, смерть мужа, смерть брата, настолько потрясшая мать, что она временно ослепла, поездка с матерью в Москву на операцию и в дальнейшем ее полная слепота. В письмах нередки упоминания о пожарах, которые роковым образом влияли на здоровье близких людей. В начале апреля

---

[76] *Шелгунов Н.* Женское бездушие (По поводу сочинений К. Крестовского-псевдонима) // Дело. 1870. № 9. С. 1–34. В сделанной В.И. Семевским записи рассказа одной из знакомых Хвощинской — Е.Э. Лебедевой — содержится информация о том, что сам Шелгунов роман не читал, а судил о нем по пересказу Людмилы Петровны (ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 268 об.).

[77] *Шелгунов Н.* К статье «Н.Д. Хвощинская-Зайончковская» // Русская мысль. 1891. № 2. С. 182–185.

[78] М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1913. Т. V. С. 110.

[79] О читательской востребованности романа свидетельствует библиотечная статистика: в 1871 г. он входил в число самых читаемых произведений, см.: [5, с. 195–196].

[80] *Кропоткин П.* Идеалы и действительность в русской литературе // *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 201.

[81] «Далекие и умершие тоже живут с нами» (*нем.*) — цитата из трагедии Гете «Эгмонт».

[82] М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 117.

1871 г. пожары продолжались 2 дня. 6 мая Хвощинская напишет Стасюлевичу: «От испуга этих пожаров и затем простуды занемогла моя сестра. <…> Вы знаете, у меня была еще сестра; ее последняя болезнь началась тоже с испуга от пожара»[83]. Надежда Дмитриевна была серьезно озабочена состоянием Прасковьи: «Она кашляет два года, зимой лежала в воспалении, а это подбавляет. Хотя меня обнадеживают, что легкие у нее исправны, но я сама знаю, что для легких нужен иногда один час — и конец им»[84].

Хвощинская любила и жалела младшую сестру, которую окружающие нередко воспринимали в ее тени. 8 сентября 1865 г., вскоре после смерти Софьи, она напишет Новиковой: «Паша тебя целует. Напиши ей, ты ее утешишь. Она боится, голубка бедная, что ее не любят мои друзья, и все плачет. Ты ей не выдай этого, а скажи милое слово. А то в самом деле, все точно сговорились думать, жалеть и заботиться только обо мне. Вы бы заглянули, каково ей, да спросили бы меня, мила ли мне она»[85].

Сестра была ей мила, они жили рядом, помогали друг другу в периоды болезней, но в обычных обстоятельствах жизни, когда хотелось просто потолковать о «безделицах» или «высказать свое чувство, узнать чувство другого», точек соприкосновения между ними не находилось. 16 мая 1868 г. Хвощинская напишет Новиковой: «Паша нездорова, но хотя бы была и здорова, она занялась бы своим, а то, что занимает меня, — не по ней, то есть не по ее вкусу <…>. И вот почти два года так. <…> Скажу *тебе*, Оля, не жалуясь, а с большим горем: она не постаралась сделать того, что могла, — именно сблизиться со мной в чтении, в занятии. Конечно, нельзя требовать, чтобы явилось расположение, когда его прежде не было. Но ведь мне-то от этого не легче. Я весь день одна. Ни прочесть вместе, ни подумать, ни даже посмеяться на пустой шутке. А какая она славная, добрая, самоотверженная! Мне такой не быть. Как скучно»[86]. В отношениях с младшей сестрой не было гармонии, не сложилось столь необходимое писательнице «мы», которое давало ей силы, — они жили каждая сама по себе.

Близкую душу, как казалось Надежде Дмитриевне, она нашла в своей крестнице, 11-летней Соне, дочери кухарки. Как писала Каррик, девочка была «хорошенькая и развитая не по летам» и писательница к ней «крепко привязалась» [3, № 12, с. 76]. По словам

[83] Там же. С. 112.
[84] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 98.
[85] [16, с. 158] (здесь письмо ошибочно датировано 18 сентября).
[86] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 265 об.

Прасковьи Дмитриевны, «на нее, как на новую почву, Н.Д. сеяла семена, развивала ее, рассказывала ей и вполне была убеждена, что понята» [15, с. XIV]. Склонная к крайностям, Хвощинская даже приписывала девочке влияние на свое творчество. Видимо, в определенном смысле так оно и было, потому что эта привязанность придавала ей жизненные силы и стимулировала деятельность. Во второй половине 1870-х гг. Хвощинская написала несколько рассказов, составивших сборник «Альбом», которые современники называли в числе лучших ее произведений. Уже после смерти воспитанницы в 1879 г. она писала: «…у меня явилось утешение: детская, чистая любовь моей *девочки*, которая в свои 11 лет понимала меня. <…> Этому не поверят, но это было. Она меня поддерживала и наставляла на все, что я делал сносного, удерживала меня от дурного чувства и дурного дела; она все красила. <…> Верь мне: *она* больше сделала для моей нравственной жизни, чем делала сестра Соня. У сестры было образование, авторитет, возраст, мы росли и мужали вместе. *Этой* я досталась расколоченная; ребенок едва умел читать и, натурально, не знал жизни. Что же было в ней? Назвать не умею. А вот знаю, что без нее мне буквально *ничего* не надо и *все* потеряло свой свет» [8, № 12, с. 133].

Смерть воспитанницы, общение с которой скрашивало жизнь и вдохновляло писательницу, снова оставило ее в духовном одиночестве. Она и раньше жаловалась на утрату творческой энергии, но теперь это становилось все очевиднее. После 1879 г. Хвощинская опубликовала лишь несколько оригинальных произведений: повести и рассказы «На вечере», «Семья и школа» (1880, в собраниях сочинениях — «Учительница»), «После потопа» (1881), «Здоровые», «Прощание» (1883), «Жить как люди живут» (1887), «Вьюга» (1889) и роман «Обязанности» (1885). О творчестве Хвощинской этого периода своеобразно высказался М.Е. Салтыков, рекомендуя ее Стасюлевичу после закрытия «Отечественных записок»: «…очень хорошая писательница, хотя с давних пор пишет все одну и ту же повесть»[87]. Нельзя вполне определенно сказать, что он имел в виду, но можно предположить, что речь идет о лейтмотивной в поздних произведениях Хвощинской мысли об «отступничестве» людей 1860-х гг., их отказе от прежних идеалов и приспособлении к нравственному уровню толпы.

Основным родом литературных занятий Хвощинской в 1880-е гг. стали переводы с итальянского (стихотворные трагедии В. Монти

[87] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 20. С. 119.

и Д.Б. Никколини, романы и повести Дж. Верга, С. Фарина, Э. де Амичиса, А.Дж. Баррили и др.) и французского (Ж. Санд, Бальзак)[88]. Переводы печатались в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Живописном обозрении», «Русских ведомостях» и выходили отдельными изданиями.

С 1881 г. Надежда Дмитриевна большую часть года жила в Петербурге и лишь на лето приезжала домой, и то — только до смерти матери: после 1884 г. в Рязань она больше не возвращалась. В Петербурге Хвощинская поселилась вместе со своей знакомой — Верой Александровной Москалевой[89], о которой мы располагаем скудными и противоречивыми сведениями. По словам крайне пристрастной к ней П. Хвощинской, Москалева была дочерью генерала, известного в Рязани лица, жила в Петербурге, но, оставив мужа, вернулась к отцу. Она считала себя «высокопоставленной особой» и с Хвощинскими поддерживала лишь поверхностное общение. Когда отец Москалевой умер и ее общественное положение изменилось, Надежда Дмитриевна, «по свойственной ей доброте и жалостливости, предложила ей свою дружбу <…> г-жа М. приняла ее и воспользовалась ею неограниченно» [15, с. XV]. О том же писала и давняя подруга сестер М. Андреева, которая считала, что Хвощинская «в силу своей способности увлекаться и легко привязываться <…> всецело отдалась этой привязанности. <…> Эти пять лет, проведенные Надеждою Дмитриевной в Петербурге, на глазах всех знавших ее прежде, можно назвать самыми печальными годами ее жизни. Старые друзья с грустью и слезами говорят об них»[90]. Как и П. Хвощинская, Андреева подозревала в поведении Москалевой своекорыстные мотивы. Иначе писала М. Цебрикова, знавшая Хвощинскую лишь в последние годы: «Муж госпожи Москалевой перешел на службу в Петербург, и жена уехала с ним. В 1880 г.[91] Надежда Дмитриевна переехала в Петербург и поселилась вместе с овдовевшей подругой, которая относилась к ней с теплой дочерней преданностью…»[92].

К отъезду из Рязани Хвощинскую, судя по всему, подтолкнули домашние обстоятельства. В фонде Семевского сохранились выписки из ее дневника за август-декабрь 1881 г., которые свидетель-

[88] Перевела также (вероятно, с французского) несколько рассказов из сборника норвежского писателя Л. Диллинга «Обыкновенные люди».

[89] Девичью фамилию Москалевой пока не удалось установить.

[90] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 257–257 об.

[91] Точнее, осенью 1881 г.

[92] *Цебрикова М.* Очерк жизни Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима). С. 17.

ствуют об угнетенном моральном состоянии и сложных отношениях с сестрой. Приведем некоторые из них.

> *3 сентября*: «За обедом — письмо Паши. Оно меня измучило до того, что я измучила Верочку. Когда уляжется эта мука? Писала ей в первый раз. Вечером Верочка читала мне по-немецки. Я поняла бы больше, если бы не так мучилась……. Никогда мне не успокоиться».
>
> *5 сентября*: «В 11 ч. ночью приехала Ольга… Очень тяжело. Я виновата, может быть, но что же делать… Ночью много плакала».
>
> *6 сентября*: «Полезно читать что-нибудь, а то я с ума схожу с этой своей мыслью и тоской. Неделя как я оттуда. Кто меня вспомнил? Одна мама… <…> Уберутся тут, буду работать. Только голова шальная. Родной дом, из которого меня выгнали, зовет меня своими мертвецами. Уж дали бы схоронить маму. Как мне по ней тяжело. Письмо от Паши — две строки. И все такие же будут. Мне нездоровится».
>
> *7 сентября*: «…..писать не могу».
>
> *10 сентября*: «Рожденье моей Сони. Ее мать, конечно, не помнит. Вспомнить некому. Утром — письмо Паши. Слава Богу, что я с Верочкой. Читали вместе. Очень тяжело и ничего не нужно».
>
> *12 сентября*: «На душе тяжело. Очень больно и тяжело. Никогда это не пройдет… Хоть бы работать. Голова пуста. Что делает мама — ни от кого не узнаю. Зачем я ее бросила. Умереть бы мне»[93].

Реплику о том, что ее выгнали из родного дома, несколько проясняет рассказ А.Г. Каррик, записанный Семевским. Почти сразу после смерти Н. Хвощинской он начал работу над биографическим очерком: собирал сведения о жизни писательницы, встречался с ее знакомыми, переписывался с П. Хвощинской. К сожалению, его торопливые, сделанные для себя карандашные записи не позволяют вполне адекватно прочитать их, но все же позволяют понять возможные причины отъезда Надежды Дмитриевны из Рязани.

Для этого вернемся к тому, что у сестер Хвощинских был брат Кесарь Дмитриевич, получивший воспитание в Полоцком кадетском корпусе, по выходе из которого в 1842 г. служил в разных воинских подразделениях. Выйдя в отставку, получил место помощника управляющего Сызранской удельной конторой, впоследствии служил в Туле; дважды был женат, дважды овдовел и имел двух сыновей[94].

[93] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 234–234 об.

[94] Дмитрий (1854 – ок. 1920), коллежский асессор, и Петр (род. 1859), коллежский

О старшем — Мимишке — с большой любовью писали тетки в приведенном нами ранее майском письме 1858 г. О нем горевали, когда в 1864 г. по желанию его отца и против их воли «птенца» поместили в пансион: «Мы все в горе, и этому горю не видать конца. Мальчик заперт — зачем? Взят от нас — для какого дела? Лишен книги, разговора, развития, ласки, попечений, совета — за что? Это — о нем. А о нас: было молодое создание, к которому наши стародевичьи привязались больше, чем душа его родителей; создание толковое, понятливое, честное, только что начинавшее входить во вкус *наших* понятий и делаться человеком; еще год, другой, и он был бы нам товарищ»[95]. Позже, судя по всему, Дмитрий жил то в Рязани, то у отца в Туле.

В письмах Хвощинской Кесарь Дмитриевич упоминается не часто, и по общему тону можно понять, что особой близости между ними не было. После смерти брата Прасковья Дмитриевна, очень привязанная к его сыновьям, «взяла их к себе». Но Надежда Дмитриевна не ладила с племянниками, из которых, по словам А. Каррик, «вышли негодяи». Они «из духа противоречия» говорили Н.Д, что «вся ее библиотека — хлам», однако Прасковья Дмитриевна «всегда их защищала». «Н.Д. писала, что она чувствовала себя одинокою». Дело дошло до того, что один из племянников замахнулся на тетку — и Надежда Дмитриевна «выгнала его вон»[96]. Вероятно, это и стало той каплей, которая переполнила чашу терпения. В опубликованных в 1899 г. воспоминаниях Каррик не касалась этой темы, но лишь сдержанно написала, что после смерти Юлии Викентьевны «сестра и племянники продолжали жить в своем доме», а Надежда Дмитриевна «доставляла им необходимые средства» [3, № 12, с. 77].

Опубликованный в 1891 г. очерк Семевского задел чувства П.Д. Хвощинской, побудив ее написать собственный мемуарный рассказ о сестре и о жизни своей семьи. Прасковье Дмитриевне были неприятны умолчания Семевского о ней как о ближайшей родственнице и его нейтральный тон по отношению к Москалевой, которая «овладела» ее сестрой, плохо заботилась о ней и препятствовала их встрече: «Родной сестре не было места у постели умирающей! Я была помехой во всякое время» [15, с. XVIII]. О своем впечатлении

регистратор. У Петра была дочь Александра (ок. 1888 – 21.12.1978), в замуж. Скотникова — последняя представительница этой ветви рода Хвощинских.

[95] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 851. Л. 39.

[96] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 242 об.–243. Из рассказа непонятно, на какую из двух теток он замахнулся, но, судя по тому, что выгнала его Надежда Дмитриевна, на нее.

она написала Семевскому 21 апреля 1890 г. в ответ на полученный от него еще до публикации текст очерка:

> Мне было очень больно и грустно не встретить на страницах Вашего очерка имен *настоящих, искренно любивших и уважавших друзей моей сестры*. <…> Все они страдали и оплакивали печальную жизнь моей сестры за эти несчастные пять лет, прожитых безвыездно в Петербурге в сообществе госпожи Москалевой, дружба с которой удивляла всех, тем более людей, знавших мою сестру не один десяток лет[97].

Свое огорчение она выражала и в письмах к знакомым. По этому поводу Семевский ответил 5 мая 1890 г. приятельнице сестер Хвощинских Е.Л. Блюменфельд:

> В последнее десятилетие своей жизни Надежда Дмитриевна настолько несимпатично относилась к своей сестре (на что я имею *документальные* доказательства), что мне пришлось бы или нехорошо говорить о Прасковье Дмитриевне, или не говорить совсем. В ее интересах я предпочел последнее. Я положил себе за правило не руководствоваться никакими личными и, быть может, пристрастными отзывами посторонних людей, но игнорировать собственные заявления Надежды Дмитриевны я не могу. <…> Ввиду того, что для освещения отношений двух сестер не настало еще время, я предпочитаю возможно менее говорить об отношении Надежды Дмитриевны к семье после смерти Софьи Дмитриевны…[98]

По прошествии многих десятилетий так же невозможно судить о мыслях, чувствах и поступках давно умерших людей, как и при их жизни, но лаконичные дневниковые записи Надежды Дмитриевны дают основание полагать, что в общении не с сестрой, а с Москалевой она в какой-то мере обрела то, что было ей необходимо: «…простое, ласковое слово, совет в чем-нибудь житейском, общем, простой толк о безделицах!» Образовалась некая общая жизнь — совместное чтение, разговоры, посещение театров, внимание друг к другу в мелочах. Но жизнь по чужим углам была тяжела, да и в отношениях с Москалевой по многим причинам не могла возникнуть та душевная

[97] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 5 об.–6.

[98] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 1–2. Блюменфельд Екатерина Соломоновна, урожд. Старынкевич (1836–1914), знакомая Н.Д. Хвощинской, писательница (псевдоним *Ел. Сальянова*).

и интеллектуальная гармония, память о которой хранила Надежда Дмитриевна. Последняя запись в ее дневнике от 25 марта 1885 г. (в день Великой субботы) очень горька:

> Все то же или хуже… Я не нужна никому и ничего нет у меня — ни родных, ни друзей, ни знакомых, ни таланта, ни значения. Природы для меня нет, места нет. *Там*, в доме, где была мама, меня не надо, нужна только моя работа, которой делать я не в силах. *Здесь* я не могу привыкнуть; все будто надо куда-то. Когда то наконец Бог надо мною сжалится. <…> Все только *надо*. Мне ничего не надо[99].

Разумеется, были у Хвощинской знакомые, были и друзья, было и признание. Но не было душевного комфорта и житейской стабильности. Сложные отношения с родными, прежде всего с сестрой, и постоянная забота о заработке изнуряли и лишали творческих сил.

Вся жизнь Хвощинской была подчинена писательству, которое приносило ей как огромную радость, так и немалые огорчения. Времена творческих взлетов чередовались с периодами бессилия, утраты веры в себя, что особенно тяжело для автора-женщины, живущей «в мире мужской культуры». А. Розенхольм справедливо писала об «особом страхе, который направлен на творчество и который гнетет и мучает именно женщину-художницу» [6, с. 95–96]. Но, несмотря на этот закономерный страх, литературная работа была для Хвощинской абсолютно органичным способом существования. И собственности она никакой не оставила, кроме сочинений, которые завещала в вечное владение Литературному фонду, но поручала доверенному лицу предварительно распорядиться ими так, «как он сам найдет лучше и выгоднее для сестры» Прасковьи Дмитриевны. В полное распоряжение В.А. Москалевой она передавала свои переводы с французского и итальянского.

Осмысляя творческий путь Надежды Дмитриевны Хвощинской, А.Г. Каррик писала: «При других условиях жизни, здоровья, обстановки, при большем разнообразии впечатлений, талант Н.Д. не слабел бы, а креп, развивался до конца. Такие натуры, как она, при благоприятных условиях не старятся психически» [3, № 12, с. 78–79]. Все названные факторы, безусловно, важны, так как влияют на психоэмоциональный настрой, необходимый для творчества. История частной

[99] ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 236 об.–237.

жизни писательницы и ее литературной деятельности дает основание говорить об особой важности для нее двух условий — близкого, *своего* человека и, как это становится понятно из общей ситуации, *своего* угла. Хвощинской-писательнице был необходим человек, с которым бы ее объединяли не только душевная гармония и интеллектуальное родство, но и повседневное житейское общение. Буквально связывать периоды творческой активности писательницы с присутствием в ее жизни такого человека было бы, разумеется, неправильно, так как необходимо учитывать и многие другие обстоятельства: возраст, физическое состояние, окружение, общие условия существования. Но вместе с тем очевидно, что наиболее плодотворными и успешными в творческой биографии Хвощинской оказались два периода — 1850-е – первая половина 1860-х и 1870-е гг., когда она жила в своем рязанском доме и в ее жизни был человек (в первом случае сестра Софья Дмитриевна, во втором — воспитанница Соня), которого она могла считать по-настоящему близким.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.
Стихотворения из «Черной книги», посвященные сестрам

Другу
(сестре Любиньке)

И для меня средь бури света
Нашлася нежная душа;
Она слилась с душой поэта,
Она, как ангел, хороша!
Она понять меня умела,
Разделит горесть и печаль
И улететь со мной хотела
В небес таинственную даль.
Ее любовью упоенна,
Я путь мой в мире перейду,
Ее улыбкой оживленна,
Минуту счастья здесь найду.
И в мире этом одиноко
Не буду жизнь свою влачить.

И о стране чудес далекой
Я с другом буду говорить!..
……
Апрель, 1836

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 4 об. Под посвящением более поздняя приписка: «Помещены в Звездочке, 1836».

Две звездочки
(сестре Соничке)

Я с нею у окна стояла…
— Сестра моя!
Не плачь, — она тогда сказала, —
С тобою я!

Не плачь! ты прежде говорила,
Нам вместе жить,
Все вместе, и одна могила
Нас разлучит, —

Но мы расстались… Видно, Богу
Угодно так,
Он видит всю сердец тревогу,
Он в небесах!

С небес Он видел, как в постели
Рыдала ты,
И как внезапно улетели
Мои мечты;

Он видел, как меня отняли
Из рук твоих…
Но жар любви среди печали
В нас не затих.

Бог это видел, за страданье
Нас полюбил, —
Поверь, сестра, что испытанье
Не выше сил!..

— Мой ангел! Нам не много счастья
Назначил Бог!..
Он Сам терпел, но Он в несчастье
Не изнемог!

Взгляни на небо, если горя
Душа полна;
Господь велит — и в бурном море
Молчит волна.

И если взором в небе встретишь
Ты две звезды,
То вспомни, только их заметишь:
То я и ты.

Одна побольше — ты годами
Старей меня,
Твоей любовью, как лучами,
Согрета я.

Так это ты, — а та, другая,
Что меньше той,
То я; и в счастье и страдая
Я все с тобой!

Да, все с тобой! и если люди
Нас разлучат,
То мыслей от тебя, поверь мне,
Моих не отделят.

И если сном последним ты,
Сестра, заснешь,
То там, в пределах вечности,
Меня найдешь!

И мы к престолу Вышнего,
Как будто дым,
В объятиях одна другой
С восторгом полетим!

И там, в безмерной радости,
Где горькой нет мечты,
Любовию зажжем своей
Две новые звезды!..
Март, 1838

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3–3 об.

Звуки
(сестре Пашиньке)

Нет, не с небес на огненных крылах
Те звуки дивные слетели;
Печали нет в небесных высотах,
И ангелы так никогда не пели;
То звук земли, порывный, дикий звук,
То звук последнего прощанья,
То — над могилою, где спит последний друг,
Протяжное, бесслезное рыданье…
Его в мечтах я слышала давно,
Когда на сердце грустно было,
И, от тоски и слез устав, оно,
Горячее, трепещущее ныло;
Его в саду под склонами берез
Осенним вечером слыхала,
Его ко мне холодный ветер нес,
Его душа печально повторяла…
О дивный звук, ты звук любви земной,
И безнадежной и глубокой!
Ты душу мчишь, влечешь своей струей,
Ты водопад, блестящий и широкий!
О милый звук, в пространство без границ
С тобой летят мечты, желанья…
Но прерван ты… Толпа нарядных лиц
И шум бессмысленный рукоплесканья…
Прости, прости! я скроюсь от людей,
Я убегу от них тоскуя,
Но светлую звезду в груди моей —
Воспоминанье — унесу я…
Март, 1842

РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 9 об.

2.
[Копия распоряжения Н.Д. Хвощинской на случай смерти]

Приложение к журналу Комитета Литературного фонда. 1889. 2 августа. № 19

23 мая 1889 г. Я, нижеподписавшаяся Надежда Дмитриевна Зайончковская, рожденная Хвощинская, по литературе В. Крестовский-псевдоним, вдова уездного врача, поручаю Сергею Николаевичу Константинову в случае моей смерти распорядиться, как мы с ним говорили, моими беллетристическими произведениями, изданными А.С. Суворины, романом «Недавнее», моею собственностью, находящейся в складе Суворина, сборником «Альбом», изданным вторым изданием В.А. Москалевой (второе издание имеет выйти на днях), книгой «Первая борьба», проданной 28 апреля для второго издания г-ну Сибирякову, романом «Баритон» и «Встреча», которых первое издание разошлось, и повестью «Жить как люди живут», напечатанной в «Вестнике Европы» 1888 года. Прошу Сергея Николаевича Константинова сделать это, как он сам найдет лучше и выгоднее для сестры моей Прасковьи Дмитриевны Хвощинской. Распорядиться, чтобы впоследствии весь <*2 нрзб.*> мои произведения были переданы на вечное владение Обществу для пособия литераторам и ученым. Из того, что оно выручит за мои издания, когда они поступят в его владение, уплатить за меня долгу: три тысячи руб. Варваре Алексеевне Морозовой за платье <*нрзб.*> восьмого ноября 1882 года[100], двести пятьдесят руб. Катерине Соломоновне Блюменфельд, занятые в разное время, и сто руб. Николаю Константиновичу Михайловскому, отданные мне им самим 20 декабря 1882 г. Сестра моя П.Д. Хвощинская имеет тоже некоторые литературные права. В случае необходимости прошу Общество для пособия литераторам и ученым в память мою не отказать ей в помощи. Все мои переводы с французского и итальянского предоставляю в полное распоряжение Веры Александровны Москалевой и ее собственность, так как она одна знает, где и какие они были. В числе их оставляются ей же переводы драм: «Нерон» Косса, «Каий Гракх» Монте, «Антоний Фоскарини» Никколини и четвертая драма с немецкого Гальма «Ровенский боец», по всем правам принадлежащая В.А. Москалевой, потому что без ее содействия перевод не был бы сделан.

[100] В конце февраля 1884 г. М.Е. Салтыков передавал Н.К. Михайловскому слухи о том, что Хвощинская «в Москве у вдовы, купчихи Морозовой» сделала заем в 4 тысячи рублей (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 19-2. С. 289).

Все мои критические статьи, стихотворения, переписка, как частная, так и деловая, литературные замечания и отрывки *никогда* не должны быть напечатаны.

Прошу всех, которым я когда-либо писала, уничтожать, если у них сохранились еще какие-нибудь мои письма, и никогда не говорить обо мне ничего печатно, как это нынче принято, вошло в моду. Со стороны посторонних это будет праздная болтовня, посторонние моей жизни не знали. Со стороны знакомых нескромность, со стороны друзей оскорбление[1].

Приписываю сама остальное, потому что писать не в силах долго. Это продиктовано мной в совершенной памяти В.А. Москалевой. Сестре я напишу особенно, и подробностей, и более интимные. Прошу только одно у всех: не поминать меня лихом и не поминать никак. Вспомнила: из напечатанных мелких статей есть одна «Орлеанская дева» в «Деле» № 3 1881 года. Если сестра хочет, то может перепечатать ее, но только ее одну. Если я поправлюсь и буду опять человеком, разумеется, я еще постараюсь где-нибудь совершить, как говорили мне когда-то, для украшения и прочее. Надежда Зайончковская.

Кроме моих литературных работ, не имею никакой другой собственности, ни движимой, ни недвижимой. Из литературных вещей вспоминаю еще одно: неоконченный роман «Былое», одна первая часть, и то первые корректурные листы, склеенные мною. Он печатался в «Отечественных записках» 1878 г. и был остановлен: я не продолжала его за недосугом и не оставила никаких планов ни заметок. Если бы цензура дозволила, мне хотелось бы, чтоб в полное собрание сочинений и затем в собственность Литературного фонда он вошел. Его корректурные листы, собранные и склеенные в виде брошюрки, у В.А. Москалевой. Другого экземпляра их нет ни у кого.

Надежда Зайончковская.

ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 251–252 (копия рукой В.И. Семевского). Подлинник в РО ИРЛИ: Ф. 155. Журналы Литературного фонда за 1889 г. Т. 2. Л. 129–130 (фонд не прошел научно-техническую обработку). Благодарю за информацию научного сотрудника Рукописного отдела Юлию Михайловну Чихалову.

[1] Далее собственноручный текст Хвощинской. (*Помета В.И. Семевского*)

Литература

1. *Дмитриев В.Д.*, *Майорова О.Е.* Новикова Ольга Алексеевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 342–344.

2. *Золотницкая Л.* Даниэль Штейбельт: в тени Бетховена, между Наполеоном и Россией. СПб.: Композитор, 2011. 120 с.

3. *Каррик А.* Из воспоминаний о Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовский-псевдоним) // Женское дело. 1899. № 9–12.

4. *Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Дом и люди. Род Рюминых. Рязань: Рязанский обл. худож. музей, 2012. 93 с.

5. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.

6. *Розенхольм А.* Рассказчица-писательница в противоречиях, или Взгляд Кассандры // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX вв.: сб. научных ст. Wilhelmhorst: Verlag F.K. Göpfert, 1995. С. 91–114.

7. *Севастьянова А.А.*, *Филиппов Д.Ю.* Новые материалы об истории семьи Хвощинских в Рязани // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2003. Вып. 2. С. 113–122.

8. *Семевский В.* Н.Д. Хвощинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 10–12.

9. *Серков А.И.* Русское масонство. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX. М.: Ганга, 2020. Т. I–IV.

10. *Строганова Е.Н.* К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвощинской: О дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120

11. *Строганова Е.Н.* Неопубликованные стихотворения Н.Д. Хвощинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги / Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 320–345. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-320-345

12. *Строганова Е.Н.* Хвощинская Надежда Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 510–514.

13. *Строганова Е.Н.* Хвощинская Прасковья Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 514.

14. *Строганова Е.Н.* Хвощинская Софья Дмитриевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 514–515.

15. [*Хвощинская П.Д.*] [Биография] // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним): в 5 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. Т. I. С. I–XVIII.

16. «Я живу от почты до почты…» Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской / сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2001. 271 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“I need people close to me, the closest”: To the biography of N.D. Khvoshchinskaya

© 2025. Evgeniya N. Stroganova
D.I. Mendeleev and A.A. Blok State Memorial Museum-Reserve
Moscow Region

Abstract: The article considers the biography of N.D. Khvoshchinskaya (V. Krestovsky is a pseudonym) in connection with her literary work. Having a reputation as the best Russian writer, Khvoshchinskaya was a literary centenarian, but in recent years her creative activity has decreased. The materials reviewed suggest that the writer’s living conditions, and most importantly, the environment, significantly influenced the intensity of her literary work. The most fruitful periods turned out to be when there was a person nearby who was close not only emotionally and intellectually, but also in everyday terms, a person with whom one could simply talk “about trifles.” In the 1850s and the first half of the 1860s, it was the sister of S.D. Khvoshchinskaya, a writer who published under the pseudonym I. Vesenyev. It was these years that became the most intense and vivid in the work of N. Khvoshchinskaya. The second period was in the 1870s when the writer found a loved one in her early deceased pupil. The article presents a significant body of archival documents of an official and personal nature, which recreate the everyday circumstances of Khvoshchinskaya in different years and make it possible to understand why she left her home in Ryazan at an advanced age and why her younger sister P.D. Khvoshchinskaya (writer S. Zimarova) did not become a close person to her. The appendix contains N. Khvoshchinskaya’s early poems dedicated to her three sisters Lyubov, Sofia, and Praskovya, as well as testamentary dispositions.

Keywords: N.D. Khvoshchinskaya, creative biography, everyday circumstances, sisters, archival documents, documentary materials.

Information about the author: Evgeniya N. Stroganova, DSc in Philology, Professor, Research Fellow, D.I. Mendeleev and A.A. Blok State Memorial Museum-Reserve, Tarakanovo village, 1, 141503 Solnechnogorsk City District, Moscow Region.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0288-4287

E-mail: enstroganova@yandex.ru

For citation: Stroganova, E.N. “’I Need Loved Ones, the Closest’: To the Biography of N.D. Khvoshchinskaya.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 130-171. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-130-171

References

1. Dmitriev, V.D., and O.E. Maiorova. “Novikova Ol’ga Alekseevna” [“Novikova Olga Alekseevna”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 4. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1999, pp. 342–344. (In Russ.)

2. Zolotnitskaia, L. *Daniel' Shteibel't: v teni Betkhovena, mezhdu Napoleonom i Rossiei* [*Daniel Shteibelt: In the Shadow of Beethoven, Between Napoleon and Russia*]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2011. 120 p. (In Russ.)

3. Karrik, A. "Iz vospominanii o N.D. Khvoshchinskoi-Zaionchkovskoi (V. Krestovskii-psevdonim)" ["From the Memoirs of N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky-Pseudonym)"]. *Zhenskoe delo*, no. 9–12, 1899. (In Russ.)

4. Kusova, I.G., and D.Iu. Filippov. *Dom i liudi. Rod Riuminykh* [*Home and People. The Ryumin Family*]. Ryazan, Ryazan Regional Art Museum Publ., 2012. 93 p. (In Russ.)

5. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)

6. Rozenkhol'm, A. "Rasskazchitsa-pisatel'nitsa v protivorechiiakh, ili Vzgliad Kassandry" ["The Storyteller-Women Writer in Contradictions, or Cassandra's View"]. *Russkie pisatel'nitsy i literaturnyi protsess v kontse XVIII – pervoi treti XX vv.: sbornik nauchnykh statei* [*Russian Women Writers and the Literary Process in the Late 18th – First Third of the 20th Centuries: Collection of Scientific Articles*]. Wilhelmhorst, Verlag F.K. Göpfert, 1995, pp. 91–114. (In Russ.)

7. Sevast'ianova, A.A., and D.Iu. Filippov. "Novye materialy ob istorii sem'i Khvoshchinskikh v Riazani" ["New Materials on the History of the Khvoshchinsky Family in Ryazan"]. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii: mysl', sobytiia, liudi* [*History of Pre-Revolutionary Russia: Thought, Events, People*], issue 2. Ryazan, Ryazan State Pedagogical University named for S. Yesenin Publ., 2003, pp. 113–122. (In Russ.)

8. Semevskii, V. "N.D. Khvoshchinskaia-Zaionchkovskaia (V. Krestovskii-psevdonim)" ["N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky-Pseudonym)"]. *Russkaia mysl'*, no. 10–12, 1890. (In Russ.)

9. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XIX* [*Russian Freemasonry. 1721–2019. Biographical Dictionary. The 19th Century*], vol. 1–4. Moscow, Ganga Publ., 2020. (In Russ.)

10. Stroganova, E.N. "K 200-letiiu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi: O date rozhdeniia pisatel'nitsy" ["On the 200th Anniversary of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya: About the Date of the Writer's Birth"]. *Kul'tura i tekst*, no. 2 (45), 2021, pp. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120 (In Russ.)

11. Stroganova, E.N. "Neopublikovannye stikhotvoreniia N.D. Khvoshchinskoi iz al'boma sem'i Aliab'evykh" ["Unpublished Poems by N.D. Khvoshchinskaya from an Album of the Alyabyev Family"]. *Shagi / Steps*, vol. 10, no. 3, 2024, pp. 320–345. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-320-345 (In Russ.)

12. Stroganova, E.N. "Khvoshchinskaia Nadezhda Dmitrievna" ["Khvoshchinskaya Nadezhda Dmitrievna"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 510–514. (In Russ.)

13. Stroganova, E.N. "Khvoshchinskaia Praskov'ia Dmitrievna" ["Khvoshchinskaya Praskovya Dmitrievna"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, p. 514. (In Russ.)

14. Stroganova, E.N. “Khvoshchinskaia Sof’ia Dmitrievna” [“Khvoshchinskaya Sofia Dmitrievna”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 514–515. (In Russ.)

15. <Khvoshchinskaia, P.D.> <“Biografiia”> [<“Biografy”>]. *Sobranie sochinenii V. Krestovskogo (psevdonim): v 5 t.* [*Collected Works of V. Krestovsky (Pseudonym): in 5 vols.*], vol. 1. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1892, pp. I–XVIII. (In Russ.)

16. *“Ia zhivu ot pochty do pochty…” Iz perepiski Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi* [*“I Live from Mail to Mail...” From the Correspondence of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya*], comp. A. Rozenkhol’m, and Kh. Khogenbom. Fichtenwalde, Verlag F.K. Göpfert, 2001. 271 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025
Одобрена после рецензирования: 04.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 16.02.2025
Approved after reviewing: 04.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-172-190
https://elibrary.ru/KDVUDI

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Сытинские» книги А.Л. Толстой (Бостром): Автор — издатель — читатель

© 2025, М. А. Перепелкин, К. С. Курдакова
Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, Самара, Россия

Аннотация: В статье анализируется история сотрудничества писательницы А.Л. Толстой (Бостром) с товариществом изданий И.Д. Сытина, пришедшегося на первую половину 1900-х годов. Регулярно бывая в Москве и в Петербурге в 1903–1905 гг., А.Л. Толстая знакомится, неоднократно встречается, переписывается с самим И.Д. Сытиным и сотрудниками его издательства, подробно рассказывая в письмах в Самару мужу, А.А. Бострому, обо всех новостях своих переговоров с издателями. Итогом этих переговоров и сотрудничества становится выход трех книг «для маленьких детей», каждая из которых выдержала от пяти до шести переизданий в 1904–1917 гг. Дополнительный интерес для современного читателя представляет то обстоятельство, что свидетелем и вольным или невольным участником издательских хлопот матери был и юный А.Н. Толстой, набиравшийся таким образом опыта взаимодействия с тем профессиональным кругом, с каким ему предстоит еще теснее познакомиться в будущем. Статья основана на материалах неопубликованной семейной переписки.

Ключевые слова: А.Л. Толстая (Бостром), А.Н. Толстой, книгоиздание, И.Д. Сытин, переписка, детская литература, авторские права, литературный гонорар, архивные материалы.

Информация об авторах:

Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, директор, Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, ул. Фрунзе, д. 155, 443010 г. Самара, Россия; профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6102-6947

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Ксения Сергеевна Курдакова — научный сотрудник, Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, ул. Фрунзе, д. 155, 443010 г. Самара,

Россия; аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3700-2647
E-mail: ksen-kurd21@yandex.ru
Для цитирования: *Перепелкин М.А., Курдакова К.С.* «Сытинские» книги А.Л. Толстой (Бостром): автор — издатель — читатель // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 172–190. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-172-190

В августе–сентябре 1913 года живущий в Москве А.Н. Толстой написал в Самару отчиму, А.А. Бострому: «Милый папочка, я думаю предпринять полное собрание сочинений мамы (кроме сытинских книг), подумай об этом и приведи в порядок ее рукописи. Когда приедешь, мы поговорим об этом подробнее. Сейчас же надо бы собрать все ее рассказы, повести и просмотреть ненапечатанное»[1]. Уже из этого письма видно, что «сытинские книги» занимали особое место в творчестве А.Л. Толстой, долго искавшей свой путь к читателю и нашедшей его совсем незадолго до кончины в лице И.Д. Сытина, успевшего порадовать ее при жизни и еще долго радовавшего и ее близких (и прежде всего сына — уже начавшего писать и публиковаться А.Н. Толстого), и читателей этих самых «сытинских книг», о которых пойдет речь далее.

Но прежде — несколько слов об авторе — Александре Леонтьевне Толстой (1854–1906). Первый роман писательницы увидел свет еще в 1882 г., в Петербурге, в типографии М.М. Стасюлевича, — им стало «Неугомонное сердце», единственное произведение, напечатанное под настоящим именем автора — «гр. А.Л. Толстая». Уже следующая книга — сборник «Захолустье», напечатанный там же, у М.М. Стасюлевича, была издана в 1886 г. под фамилией гражданского мужа «Бостром», с лаконичным уточнением: «Автор “Неугомонного сердца”». После этого, в течение многих лет, А.Л. Толстая, вначале жившая с гражданским мужем и сыном на хуторе возле деревни Сосновка (Павловка тож) Николаевского уезда Самарской

[1] Копировавшие это письмо, подлинник которого хранится в Отделе рукописей ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. для Куйбышевского музея М. Горького переписчики ошиблись, напечатав вместо толстовского «сытинских» — «сызранских». С тех пор эта ошибка уже трижды появлялась в изданиях толстовской переписки: в первый раз ее пропустили составители сборника «Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя» [2, с. 255], а вслед за ними письмо с этой же ошибкой перепечатали составители сборника «А.Н. Толстой о литературе и искусстве» [1, с. 436] и «Переписки А.Н. Толстого» [5, т. 1, с. 208]. Между тем, никаких «сызранских» книг у А.Л. Толстой, прожившей в Сызрани менее года и ничего за это время не опубликовавшей, никогда не было, а вот «сытинские» книги были, и для того, чтобы не брать их в расчет при подготовке полного собрания сочинений матери, у А.Н. Толстого, в самом деле, были обстоятельства, о которых мы скажем ниже.

губернии, а с августа 1898 г. — в Сызрани и в Самаре, книг, за одним исключением, не публиковала, помещая рассказы и очерки на страницах периодических изданий — «Самарской газеты», «Саратовского листка» и некоторых других. Новую попытку издания книг А.Л. Толстая предприняла уже в начале 1900-х гг., несколько раз посетив для этого обе столицы, где она встречалась с издателями, общалась с ними, пробовала заручиться поддержкой и т. д. Первое такое путешествие писательница предприняла в середине ноября 1903 г., проехав из Самары вначале в Москву, откуда в конце месяца переместилась в Петербург, где прожила до конца декабря. Второе путешествие началось в сентябре следующего, 1904-го, и началось с Петербурга, где А.Л. Толстая жила до конца ноября, после чего примерно на неделю съездила в Москву и снова вернулась в столицу, где оставалась до середины декабря. Наконец, третья поездка началась с Москвы в первых числах октября 1905 г., после чего в конце месяца А.Л. Толстая переехала в Петербург, где оставалась до середины ноября. Главным образом в это время ею и были предприняты те шаги и усилия, которые привели к изданию (и последующему неоднократному переизданию) трех книг у И.Д. Сытина и некоторых других, составивших ей имя детской писательницы, остававшееся на слуху у читателей не меньше десятка лет — до известных событий 1917 года.

Товариществом И.Д. Сытина были выпущены в свет три книги А.Л. Толстой (Бостром) — «Подружка» (1905, переиздания в 1910, 1912, 1913, 1915, 1916 гг.), «Два мирка» (1904, переиздания в 1910, 1912, 1914, 1915, 1917 гг.) и «Как Юра знакомится с жизнью животных» (1907, переиздания в 1911, 1913, 1915, 1916 гг.). Таким образом, книги А.Л. Толстой за десять с небольшим лет вышли только в изданиях И.Д. Сытина семнадцать (!) раз, и это — не считая публикации их фрагментов и отдельных глав на страницах детских журналов, о чем мы еще скажем ниже. Кажется, приведенная цифра — вполне достаточный аргумент для того, чтобы говорить об А.Л. Толстой не просто как о писательнице, искавшей путь к своему читателю, но так его и не нашедшей, а как о состоявшемся авторе, хоть и достаточно поздно, но сумевшей и сказать в литературе свое слово, и быть услышанной теми, кто этого слова ждал и на него откликнулся. Но первым и главным читателем, откликнувшимся, в том числе, на «сытинские книги» А.Л. Толстой (Бостром) был, вне всякого сомнения, ее сын, Алексей Николаевич Толстой, первое десятилетие вступления в литературу которого, как видим, сопровождалось почти ежегодной публикацией книг его матери. Отсюда, кстати, еще более

понятно желание молодого писателя подготовить полное собрание ее сочинений, естественно, не включая в него те книги, которые и так регулярно выходили из печати и лежали на полках книжных магазинов в обеих столицах и в других городах страны.

Впервые имя И.Д. Сытина появилось в письмах А.Л. Толстой из Москвы в Самару, к А.А. Бострому, в ноябре 1903 г., немедленно после приезда в столицу. 21 ноября, сообщая о своей «безрезультатной» встрече с издательницей Тихомировой («Она не издает детских книг самостоятельно, а только то, что у нее напечатано в журнале. Журнал же ее для детей старшего возраста лет на 14. Театр<альных> пьес она в своем журнале не печатает. Посоветовала она мне обратиться в новую редакцию детского журнала “Путеводный огонек” и в “Семью и школу”. Надо будет достать завтра адреса и сходить»), А.Л. Толстая сделала следующую оговорку: «Попробую также сходить к Сытину, кот<орого> она мне рекомендовала, как довольно добросовестного издателя»[2]. А уже на следующий день она сообщила: «Была у Сытина, он взял на прочтение детскую книжку и книжку рассказов. Платит 15 % с номинальной стоимости книжки. Обещался дать ответ через неделю. Памятуя твои с Ал<ексеем> Яковл<евичем>[3] наставления, я напустила на себя храбрость, сказала, что Павленков издавал уже, и т. д., и, кажется, <это> произвело впечатление. Детскую книгу взяли охотнее, чем книгу рассказов. Мне так сдается, что если возьмут детскую, то эту вернут»[4]. По всей видимости, визит к Сытину и разговор с ним внушил А.Л. Толстой определенные надежды на издание, в результате чего уже вскоре она начала строить планы на будущее, которыми делилась с мужем: «Зайди в “Пользу”[5] и скажи Анне Антоновне[6], чтобы она непременно выписала “Подружку” из “Книжного склада Луковникова”, Лештуков переулок. Я вот что думаю насчет “Подружки”: если мне посчастливится напечатать у Сытина “Два мирка”, — он, Сытин, будет меня знать, и тогда я, переделав “Подружку”, отдам ее напечатать ему»[7].

Следует пояснить, что выступавшая своеобразной «визитной карточкой» А.Л. Толстой как детской писательницы «Подружка» — это развивающая и образовательная «Книжка для маленьких детей»,

[2] ОР ИМЛИ. № 6311/94.

[3] Возможно, имеется в виду А.Я. Челноков, знакомый А.А. Бострома и А.Л. Толстой.

[4] ОР ИМЛИ. № 6311/95.

[5] Книжный магазин в Самаре, располагавшийся в доме Бобермана на Дворянской улице.

[6] А.А. Соловейчик — вдова купца, агент «Второго Российского страхового общества» в Самаре, контора которого размещалась в доме Бобермана на Дворянской улице.

[7] ОР ИМЛИ. № 6311/96.

в которой полторы сотни микроисторий знакомят малышей с реалиями быта и окружающего мира. Первое издание «Подружки» увидело свет в издательстве Ф. Павленкова в 1892 г. В переписке А.Л. Толстой и А.А. Бострома 1890-х гг. неоднократно проскальзывают отдельные фразы об этом издании, из которых можно заключить, что и первая, павленковская, «Подружка» пользовалась популярностью у читателей. Например: «…познакомился с хорошенькой хохлушкой, помещицей в Екатеринославской губернии, которая после моих рассказов непременно хотела купить в Киеве “Подружку”»[8]; «Я нашел здесь <в Киеве> “Подружку” и купил для Вариных детей <…> сегодня отнесу Вариному Саше, который уже ждет ее» (СЛМ. КП-381); «Третьего дня была у меня с визитом Дряхлова <…>. Я ей показывала “Подружку” и, когда она заинтересовалась, то хотела ей презентовать, но она отклонила и взяла с тем, что отдаст деньги. Она просила дать ей другой экземпляр в переплете для подарка племяннику. Жаль, в самом деле, что ты больше не оставил. Другой экземпляр я все еще не собралась отнести Мерлину, так как слишком была поглощена писанием, не до того было»[9]; «Вчера же у меня вечером были Наливко с Галечкой. Я ей “Подружку” показывала и рассказывала» (СЛМ. КП-213/12); «Очень жалею, что не взяла “Подружку” для Шуры. В дождливый день нечем занять»[10]; «Прихожу в контору Вольфа, в кабинет управляющего, смотрю — на столе лежит моя “Подружка”. Поговорили о “Рассказах бабушки”, он потом и говорит: “Это Вы автор ‘Подружки’?”»[11].

Из этой же переписки начала 1900-х гг. становится понятно, почему, познакомившись с И.Д. Сытиным, писательница вознамерилась забрать «Подружку» у Павленкова. Так, в декабре 1903 г. А.А. Бостром писал жене следующее: «Сашуня, ты не пишешь, что же по поводу “Подружки”, говорила ты о финансовой стороне? Ужели опека под именем Павленкова или душеприказчик откажутся вознаградить автора, хотя бы частью изданий? Знаешь, Сашуня, они, быть может, низко ценят плохо идущую книгу, попроси у них авторское вознаграждение в виде двух-трех сотен экземпляров. Мы бы ведь продали хоть со скидкой. Только ты, наверное, впредь сама их надоумишь, что с первого издания ты не должна ничего получить. Я бы попробовал содрать хоть шерсти клок. Или нельзя ли скупить

[8] Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького. Книга поступлений-380. Далее ссылки даются в тексте: СЛМ. КП-.

[9] ОР ИМЛИ. № 6311/77.

[10] ОР ИМЛИ. № 6311/89.

[11] ОР ИМЛИ. № 6311/159.

у них задешево все остальные 430 экземпляров?» (СЛМ. КП-402). А в одном из писем А.Л. Толстой уже в следующем 1904 г. находим и ответ на этот вопрос Бострома: «“Подружка”, за которую я ничего не получила, сослужила мне большую службу в деле репутации» (СЛМ. КП-216/4). Наконец, в письме из издательства Ф. Павленкова от 26 марта 1905 г. на имя А.Л. Толстой излагаются все подробности первого издания «Подружки»:

> Милостивая государыня Александра Леонтьевна!
>
> Ваша книжка «Подружка» была выпущена в свет Ф.Ф. Павленковым в 1892 году, в количестве 2600 экз<емпляров>. Успеха она вначале не имела, так как ученый комитет не признал ее достойной допущения в школьные и народные читальни. В последние годы ее распродавалось около 250 экземпляров.
>
> Издательское дело Ф.Ф. Павленкова продолжается, хотя и в более ограниченных размерах, чем при нем, его душеприказчиками. Согласно завещанию, они должны произвести известные уплаты и открыть не менее двух тысяч бесплатных народных читален. Извлекая таким образом средства из дела, душеприказчики невольно должны были ограничиться повторением изданий Флорентия Федоровича и реализацией тех прав, которые ему принадлежали. Так, например, мы закончили научно-популярную библиотеку В.В. Лункевича, начатую Ф<лорентием> Ф<едоровичем>, выпустили второе дополненное и пересмотренное издание его энциклопедического словаря, а в настоящее время усиленно заняты печатанием сочинений А.И. Герцена, лет двенадцать тому назад приобретенным Павленковым у наследников, но все еще не успевших увидеть свет. Все эти обстоятельства не давали душеприказчикам возможности гнаться за новыми изданиями, но старые уже испытанные издания они, конечно, неохотно упускали из своих рук. Если у Вас имеется что-нибудь в виду, то, вероятно, в скором времени душеприказчики могли бы предложить Вам свои услуги.
>
> С истинным почтением Н. Р<озенталь>.
>
> С<анкт>-Петербург, Суворовский проспект, дом 3, кв. 1 (СЛМ. КП-307).

Уже перебравшись в декабре 1903 г. из Москвы в Петербург, А.Л. Толстая не забывала о разговоре с Сытиным, снова и снова возвращаясь к нему и напоминая о себе («Сейчас, позавтракав, отправлюсь на Невский, узнаю у Сытина, нет ли каких-ниб<удь>

известий для меня (здесь есть отделение их магазина)»[12]; «От Сытина — ни привета, ни ответа, написала ему письмо»[13]; «…жду ответа от Сытина, которого до сих пор нет, даже и ответа на мое письмо»[14]). И совсем скоро на петербургский адрес А.Н. Толстого пришло следующее письмо из редакции изданий товарищества И.Д. Сытина:

> Милостивый государь Алексей Николаевич,
>
> будьте добры уведомить г<оспо>жу Бостром, что фирма Сытина с готовностью принимает к изданию рукопись ее «Два мирка» и просит сообщить условия автора. Что касается сборника рассказов для взрослых, то он принят быть не может и одновременно с этим письмом высылается обратно на Ваше имя. Т<оварищест>во Сытина желало бы еще взять к изданию сборник «Подружка». Очень прошу по этому вопросу также уведомить т<оварищест>во.
>
> Примите уверения в совершенном уважении.
>
> Н. Тулупов[15].

Получив это письмо, А.Л. Толстая была не только обрадована, но и озадачена и поделилась этой озадаченностью с А.А. Бостромом: «От Сытина вчера получила ответ. Пишет, что согласен издать “Два мирка”, но от книжек рассказов отказывается и высылает их вместе с письмом. Спрашивает мои условия. Наши все на меня напали, что 15 % мало, что это нищенское вознаграждение, что будто бы Вольф дает больше. Я решила, прежде чем ответить, сходить к Вольфу и Девриену и узнать их условия и потом ответить. Это будет завтра, в понедельник. Я все-таки думаю, что немного лучше, чем ничего, и слишком научена горьким опытом, чтобы не схватиться за издателя, который с удовольствием хочет издать мои вещи. Он также пишет, что хочет издать “Подружку”»[16].

Впрочем, собравшись с мыслями, она приняла-таки решение и также поставила о нем в известность мужа:

«Дорогой Лешурочка, во-первых, насчет Павленкова. Не ходи к Анне Антоновне и не говори ничего о “Подружке”, пусть она лежит погребенная в кладовых Луковникова, а я написала Сытину, что даю ему право на издание “Подружки” на 15% издательских. Сейчас

[12] Там же. № 6311/100.
[13] Там же. № 6311/97.
[14] Там же. № 6311/98.
[15] ОР ИМЛИ. Без №.
[16] ОР ИМЛИ. № 6311/98.

ходила к Девриену, он уже закончил печатание детских книг к Рождеству и больше не покупает, то же, очевидно, скажет мне и Вольф. Я поговорила с Девриеном (премилый старичок) о тех условиях, на которых он покупает. Он платит от 20<-ти> до <30-ти> р<ублей> за печатный лист, следов<ательно>, считая, если в “Двух мирках” будет 10 листов, — то я бы получила от 200 до 300 рублей, положим, без риску, за первое издание, которое обыкновенно выпускается в количестве 5000 экз<емпляров>. За второе издание платится вновь. Если же я буду получать 15 % издательских, то, считая по 1 р<ублю> за книжку, за 5000 экз<емпляров> я получу 750 с риском, конечно, но Девриен говорит, что, если Сытин взялся издать книгу, — стало быть, он видит, что книга пойдет, к тому же он сумеет ее пустить, и книга, изданная Сытиным, имеет свою ценность. Сытин, по его словам, человек корректный, и, во всяком случае, мошенничества от него ожидать нельзя. Я написала Сытину, выражая согласие на его условия, т<о> е<сть> 15 % с номин<альной> цены, но прошу авансом при напечатании книги 200 р<ублей> и 10 экз<емпляров> книги. “Подружку” даю ему на условии 15% и ничего вперед. Думаю, что он согласится, ввиду издания двух книг, дать аванс в 200 руб<лей>»[17].

«Корректный Сытин» и его помощники не медлили, сейчас же ответив А.Л. Толстой на ее предложения:

> Милостивая государыня (извините, что не знаю Вашего имени-отчества).
>
> К книжке «Два мирка» нужны рисунки. Как поступить в данном случае? Заказать ли их *<нрзб.>*, по своему усмотрению, или Вы укажете, откуда их взять? На изготовление рисунков потребуется некоторое время, поэтому приступить к печатанию сейчас же мы не можем. В виду этого, м<ожет> б<ыть>, Вы пожелаете получить аванс 200 руб<лей> теперь же, при подписании условий? Будьте добры прислать также экземпляр «Подружки».
>
> По получении ответа пошлем Вам для подписи и условий. Очень прошу сообщить Ваше звание, имя и отчество.
>
> Примите уверение в совершенном уважении.
>
> Н. Тулупов (СЛМ.КП-308).

«Вчера получила от Сытина согласие на мои условия, — сообщила А.Л. Толстая в Самару. — Деньги, 200 руб<лей>, даст мне при

[17] ОР ИМЛИ. № 6311/101.

написании условия и спрашивает о картинках. Я предоставляю их на его усмотрение (сейчас написала ему письмо), но прошу, чтобы они подобрали так, чтобы Соня одной картинки, например, не разнилась от Сони другой. Также прошу приложить побольше виньеток пояснительных к сказке “О трудолюбивой пчелке”, и указываю, в какой книге их можно взять»[18].

Радость и решительный настрой жены разделял и А.А. Бостром, встречавший московско-петербургские письма в приподнятом настроении: «Ура! Мамунька, конечно, хорошо, что согласилась на условия Сытина. Тут не до большого барыша, когда так трудно издавать. Ведь было бы издано, а ты еще накатаешь. Только бы заручиться именем, чтобы за нами тянулись, а не мы просили. А мне суждено тебе делать неприятности. Я пождал немного, да и пошел в “Пользу” и в земск<ий> склад насчет “Подружки”. Уж выписали ли они, не знаю, а я муссировал насчет выписки. Впрочем, не большая беда, если самарские ребятишки через это получат возможность читать “Подружку”. Ведь все равно новое издание к этому Рождеству не поспеет» (СЛМ. КП-398).

Но «новое издание» не поспело не только к Рождеству, но и к Пасхе следующего года. В письме от 6 марта 1904 г. уже вернувшаяся домой в Самару А.Л. Толстая получила следующее известие из редакции изданий товарищества И.Д. Сытина:

> Милостивая государыня Александра Леонтьевна!
>
> Книжки Ваши «Два мирка» и «Подружка» выйдут в свет не ранее осени. Задержка из-за рисунков, которые приходится делать вновь.
>
> Прошу принять уверения в совершенном уважении, Н. Тулупов (СЛМ. КП-312).

22 сентября, наведавшись в Москву, с нетерпением ожидающая выхода книг писательница сообщила мужу: «Была в здешнем магазине Сытина. Мои книги еще не вышли. Осенние издания выходят обыкновенно в конце октября или начале ноября. Сейчас напишу Сытину, спрошу о них»[19].

Тем не менее, несмотря на задержку выхода «сытинских» книг, А.Л. Толстая продолжала строить и другие планы сотрудничества с И.Д. Сытиным, демонстрирующим желание работать с ней. В октябре 1904 г., находясь в Петербурге, она сообщала в Самару: «Пьесы я думаю послать Сытину на прочтение, он издает пьесы детского

[18] ОР ИМЛИ. № 6311/103.
[19] ОР ИМЛИ. № 6311/123.

театра» (СЛМ. КП-215/4). Однако на этот раз ее ждала неудача: «Тулупов (управл<яющий> литер<атурными> делами Сытина) ответил мне, что Сытин не дает больше детских пьес, т<ак> к<ак> они плохо идут, но все же он оставил «Русалочку» для просмотра для детского журнала «Друг детей», кот<орый> он (Сытин) издает» (СЛМ. КП-215/7). Но этот отказ не смутил писательницу, продолжившую строить планы на будущее: «“Рассказы бабушки” дала читать у Вольфа. Если не понравится, пошлю или отвезу Сытину» (СЛМ. КП-215/12).

4 ноября 1904 г., уже раздумывая о возвращении из Петербурга домой, А.Л. Толстая сообщила: «На возвратном пути непременно надо будет заехать в Москву, повидаться с Тулуповым. Во-первых, наверное узнать, когда же выйдут мои книжки. А, во-вторых, узнать, принята ли “Русалочка”? И, кстати, нужно поговорить о сотрудничестве в новом журнале “Друг детей”, кот<орый> издает Сытин под редакторством этого самого Тулупова. Лаврова сказала мне, что будет два отдела журнала — для детей старшего и младшего возраста. Очень рада, может быть, это и будет та редакция, которая с удов<ольствием> будет принимать мои вещи»[20].

Между тем выход книг в издательстве Сытина продолжал откладываться из-за отсутствия рисунков к ним. По-видимому, с целью скорейшего решения этого вопроса И. Д. Сытин или сама А.Л. Толстая обратились в издательство Ф. Павленкова, где ранее увидела свет «Подружка». В ответ на это обращение писательница получила следующее письмо:

> Милостивая государыня Александра Леонтьевна!
>
> Рисунки Вашей книги уже переданы Сытину. Очень сожалею, что эта прекрасная книжка ушла от нашего издательства. Хотя ученый комитет м<инистерства> нар<одного> пр<освещения> и не нашел возможным допустить ее в школьные библиотеки, я считаю ее одной из лучших для детей младшего возраста.
>
> С истинным уважением Н. Р<озенталь>, душеприказчик Ф<лорентия> Павленкова» (СЛМ. КП-313).

22 марта 1905 редакция изданий товарищества И.Д. Сытина сообщила А.Л. Толстой следующее:

[20] ОР ИМЛИ. № 6311/127. К теме сотрудничества в «Друге детей» А.Л. Толстая будет возвращаться и позже, в других письмах: «С неделю уйдет в Петербурге, а там отправлюсь в Москву. Там <…> к Тулупову» (СЛМ. КП-216/3); «Рассчитываю в Москве пробыть дня два <…> Там нужно будет повидать Тулупова, поговорить с ним насчет напечатания “Русалочки” и о сотрудничестве в “Друге детей”» (ОР ИМЛИ. № 6311/119).

Многоуважаемая Александра Леонтьевна,

книги от душеприказчиков Павленкова получили, и книги сданы в набор. Набирается также и «Два мирка». К Святой, однако, напечатать не успеем при всем желании это сделать. Но в мае месяце они выйдут обязательно. Мне очень совестно, что так надолго затянулось издание Ваших книг. Если одобрение на «Подружку» у Вас, то пришлите его, иначе цензура не разрешит выставить на обложке, что книга одобрена.

Прошу принять уверение в совершенном уважении.

Н. Тулупов (СЛМ. КП-309).

Однако, по всей видимости, «в мае» 1905 года вышла только одна обещанная книга из двух — «Подружка», а вот «Два мирка» еще по-прежнему были в работе. Об этом А.Л. Толстая сообщила А.А. Бострому в октябре из Москвы: «У меня явилась возможность раздобыть деньжонок. Что, мол, я, в самом деле, нос повесила, дай-кось схожу к Сытину, переговорю с Тулуповым. И сходила. Он обещал мне дать гонорар за “Сторожа Мишу” (пойдет у них в “Друге детей”), и еще кое-что за “Подружку”. “Два мирка” у них все еще печатаются, задержалось теперь из-за забастовки. Взяла напечатанные два листа. Формат и печать “Подружки”, а картинки — одна прелесть. Соня на коленях у матери перед камином, поэтичная картинка. Я ему предложила работать по картинкам, как Вольфу. Он сказал, что это чудесная мысль, и он ею воспользуется, только сейчас не может этим заняться, т<ак> к<ак> после забастовки дела по горло. У них есть целые альбомы картин, котор<ые> можно выбрать для книжек. Я сказала, что я как-нибудь зайду и пороюсь в картинах»[21].

20 октября, накануне отъезда из Москвы в Петербург, писательница еще раз съездила в редакцию Сытина, но на этот раз безуспешно, о чем она рассказала мужу так: «Вчера ездила к Сытину, конечно, никого не застала, т<ак> к<ак> добрая половина Москвы хоронила Баумана, соц<иал>-дем<ократа>, видного партийного деятеля, убитого на демонстрации <…> Тулупову отправила записку, прося прислать мне деньги за “Сторожа Мишу”. Завтра утром придется еще раз туда съездить»[22]. А уже из Петербурга она же уточнила: «“Два мирка” печатаются, за них получено 100 р<ублей> задатку, и книжка ведь будет не дешевле “Подружки”»[23].

[21] ОР ИМЛИ. № 6311/139. В этом же письме А.Л. Толстая сделала следующую приписку, обращенную к А. Первяковой: «Милая Шура, какая будет прелестная книжечка про Соню! Теперь она уже скоро выйдет».

[22] ОР ИМЛИ. № 6311/141.

[23] СЛМ. КП-218. Примерно в эти же дни А.Л. Толстая так рассказала приемной

В январе следующего, 1906 года, ожидающая выхода «Двух мирков» А.Л. Толстая жила в Самаре, а вот А.А. Бостром отправился в столицы, откуда прислал домой неутешительные известия: «В Москве у Сытина: 2200 экземпляров сгорело дотла. У остальных сгорела обложка. Казалось бы, что обложку легко восстановить. Но, когда я об этом заикнулся, — я увидел, что неправ. По случаю разгрома, у правления столько неотложного дела по восстановлению погибающего материала, что, конечно, придется обождать. Тулупов думает, что она, книжечка, выйдет только в марте. Кланяется тебе, говорит, что писал. Я съездил на разрушенную фабрику. Ужас, сердце сжимается при виде такого вандальства!»[24].

По всей видимости, это была одна из последних новостей, которые дошли до писательницы о судьбе ее «сытинских книг». Самой же последней новостью стала публикация фрагментов еще одной, третьей, книги — «Как Юра знакомится с жизнью животных» — на страницах журнала «Пчелка», который выходил под редакцией Н.В. Тулупова: главы из этой книги публиковались в журнале с 15 февраля до 15 октября 1906 г., а в июле этого же года А.Л. Толстая внезапно скончалась. Все остальные новости относительно выхода этой и других ее книг будут приходить в Самару уже не к ней, а к А.А. Бострому, который будет держать в курсе и пасынка, А.Н. Толстого, проживавшего главным образом в Петербурге, а иногда — в других городах.

26 марта 1907 г. Бостром получил следующее известие от Н.В. Тулупова: «Милостивый государь Алексей Аполлонович, рассказы А.Л. Бостром “Как Миша знакомится с жизнью животных”[25] получены и будут напечатаны в “Пчелке” в непродолжительном времени»[26]. А полтора года спустя, 28 октября 1908-го, А.А. Бостром напишет пасынку, ненадолго оказавшемуся в Москве: «Леля, воспользуйся пре-

дочери, Шуре Первяковой, о скором выходе книг: «Я писала к Сытину, который печатает мои книжечки “Подружка” и про Соню <речь идет о “Двух мирках”>, он мне написал, что книжечки эти будут готовы в этом сезоне, должно быть, к Рождеству; а долго он печатает оттого, что художник, который рисует для этих книжечек картины, был болен, но теперь опять рисует» (ОР ИМЛИ. № 6311/155).

[24] ОР ИМЛИ. № 6311/123. Одновременно с этим письмом от А.А. Бострома А.Л. Толстая получила письмо и еще одно письмо из Москвы, о чем сразу же сообщила мужу: «Сейчас получила письмо от Тулупова. Он пишет, что ½ книжек “Два мирка” сгорела во время пожара, и поэтому она не поступила в продажу» (СЛМ. КП-219).

[25] Ошибка автора письма: правильное название книги — «Как Юра знакомится с жизнью животных». Причиной ошибки, видимо, стало то, что в сознании Н.В. Тулупова наложились друг на друга две книги, принадлежащие перу А.Л. Толстой — «Подружка», героем которой является Миша, и «Как Юра знакомится с жизнью животных» с героем, имя которого вынесено в данном случае в название книги.

[26] СЛМ. КП-310. Видимо, речь идет о продолжении публикации книги, так как часть рассказов, как уже было сказано, увидела свет на страницах «Пчелки» в феврале-октябре 1906 г.

бываниeм в <Москве>, постарайся получить от Сытина 500 рублей за мамину книжицу “Два мирка”. Обратись к одному из секретарей его издательской конторы, Тулупову, он заведует изданием детских книжек. Он настолько порядочный человек, что не захочет воспользоваться смертью. Если он не выдаст сейчас же все, то ты узнаешь, что для этого нужно сделать. Книжка была издана в самый момент пожара Сытинской фабрики, и обложка книги была попорчена пожаром. Потом, летом, обложка была напечатана вновь. Тут последовала кончина мамы, и все сведения прекратились. Когда я был в Москве, то болезнь жены не позволила мне о чем-либо хлопотать. Как бы кстати оказались тебе теперь мамины деньги»[27]. А это — несколько дней спустя: «Леля, заходил ли ты к Сытину в Москве? Ведь дальше уже труднее будет восстановить расчет. Ты напомни, что с издания “Два мирка” они должны уплатить за каждое 500 рублей. “Два мирка” вышли первым изданием, так что 500 рублей должны быть уплачены. Кроме того, надо справиться, не вышло ли второе издание “Подружки”. Если Сытин издал ее уже два раза, то за второй раз ты опять имеешь <право> получить»[28]. Буквально через несколько дней, в письме от 2 ноября: «Другое, порадовавшее меня известие, — от Сытина. Сытин сам вызывает кого-нибудь из наследников мамы, чтобы уговориться о следующем издании маминых произведений. Только пишет Сытин не мне, а Толстому, без имени и отчества, называя его мужем А.Л. Бостром. Письмо это попало к Мстиславу, который так внимателен, что прислал его мне через Василия Борисовича Обухова[29]. Словом, видимо, Сытин не знает к кому обратиться. Итак, иди скорее к нему. Адрес его: Москва, Ильинские ворота, дом Титова, директор товарищества Иван Дмитриевич Сытин. Ты имеешь получить 500 рублей за “Два мирка”. Кроме того, за разрешение печатать новым изданием “Два мирка” и “Подружку” ты должен получить по 500 рублей каждый раз за каждую. Леля, быть может, Сытин хочет вступить на формальную почву, тогда, по моему мнению, придется заручиться отказом от наследства мамы от Александра, Мстислава и Лили[30]. Ты мне напиши о результате твоего посещения Сытина, и если нужно будет, я обращусь к Толстым все через того же милого Обухова. (А когда приедешь в Питер, Леля, надо будет узнать — [*зачеркнуто*]). Это я ошибся. Еще <мама> должна была получить от Сытина за ее

[27] РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 150.

[28] Там же.

[29] В.Б. Обухов (1848–1912), сын самарского губернатора, знакомый Толстых и Бостромов.

[30] Старшие дети А.Л. Толстой: А.Н. Толстой (1878–1919), М.Н. Толстой (1880–1949) и Е.Н. Толстая (домашнее имя Лиля; 1874 — после 1940).

рассказы, помещенные в “Пчелке”. Это ты тоже помяни, хотя это и мелочь»[31].

Получив последнее письмо от отчима, А.Н. Толстой поспешил заверить его, что он незамедлительно последует его совету («В понедельник пойду непременно к Сытину, думаю, что никаких задержек не будет, но все-таки ты возьми отречение у братьев моих, чтобы мог я опираться на это в разговоре с Сытиным» [1, с. 434]), но последовал ли — неизвестно. Во всяком случае, договор между А.Н. Толстым и товариществом Сытина на переиздание книг А.Л. Толстой был заключен только 30 января 1913 г. в следующей редакции:

> Тысяча девятьсот тринадцатого года января тридцатого дня мы, нижеподписавшиеся, граф Алексей Николаевич Толстой и правление товарищества печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина, заключили настоящий договор в следующем:
>
> 1) Я, граф Алексей Николаевич Толстой, продал товариществу печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина в полную его собственность на вечное время принадлежащее мне право литературной собственности на книги, составленные покойною графиней Александрой Леонтьевной Толстой (псевдоним «А. Бостром») под названием: а) «Два мирка», книга для маленьких детей Александры Бостром, б) «Подружка», книжка для маленьких детей Бостром, в) «Как Юра знакомится с жизнью животных», рассказы о животных и их жизни для маленьких детей А. Бостром. Причем товарищество И.Д. Сытина может печатать эти книги в том виде и количестве, в каком оно найдет для себя более удобным.
>
> 2) За вышеозначенное право товарищество И.Д. Сытина уплачивает графу Алексею Николаевичу Толстому семь тысяч рублей, из коих три тысячи пятьсот рублей я, граф Алексей Николаевич Толстой, получил при подписании настоящего акта, а остальные в полный расчет по этому акту три тысячи пятьсот рублей товарищество И.Д. Сытина обязуется уплатить мне, графу Алексею Николаевичу Толстому, тридцатого сентября сего тысяча девятьсот тринадцатого года.
>
> 3) Я, граф Алексей Николаевич Толстой, обязуюсь более под указанными названиями книг не издавать и права на издания книг никому другому не продавать и иным образом не передавать.
>
> 4) Товариществу И.Д. Сытина известно, что право литературной собственности на вышеуказанные книги, составленные графиней

[31] РГАЛИ. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 150.

Александрой Леонтьевной Толстой, является единственной собственностью графа Алексея Николаевича Толстого, причем я, граф Толстой, обязуюсь при первой возможности доставить правлению товарищества И.Д. Сытина надлежащим образом удостоверенные документы, удостоверяющие мое право единственной собственности на вышеуказанные книги.

5) Прежде сего вышеуказанное право от меня, графа Толстого, никому не продано, не передано и не уступлено, в споре и под арестом не состоит.

Граф Алексей Николаевич Толстой.

Директоры товарищества печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина потомственный почетный гражданин Иван Дмитриевич Сытин, личный почетный гражданин Владимир Иванович Розенгаген (СЛМ. КП-5473).

Таким образом, у уступившего право переиздания книг «Подружка», «Два мирка» и «Как Юра знакомится с жизнью животных» товариществу И.Д. Сытина Алексея Толстого была и еще одна веская причина для того, чтобы, задумавшись в августе-сентябре того же 1913 г. об издании «полного собрания сочинений мамы» сделать необходимое уточнение: «кроме сытинских книг», самостоятельно переиздавать которые он уже и не был в состоянии.

Скажем теперь несколько слов о каждой из трех «сытинских» книг А.Л. Толстой и о читательской реакции на них.

Первая из книг, «Подружка», названная Ю.М. Оклянским «занимательным путеводителем по окружающему ребенка миру» [3, с. 218], представляет собой сборник коротких рассказов, героем которых является мальчик по имени Миша, который познает мир, взаимодействует с родителями и другими людьми, играет с приятелями и домашними животными, путешествует и т. д. Сам герой — «фигура служебная, без особых индивидуальных черт» [3, с. 218]. Как такового сюжета в книге нет, соседние рассказы могут быть каким-то образом, прямо или косвенно, связанными друг с другом, а могут и не иметь таких связей; последовательность рассказов также довольно случайна и не обусловлена ни внешним сюжетом, ни логикой внутреннего развития. Так, вслед за рассказами «Мишина лошадка», «Как Миша играет лошадкой», «Кнут» и «Тройка», прямо или косвенно связанных с одной и той же детской игрушкой — лошадкой из дерева, следуют рассказы «Бумажные куклы», «Миша строит дом» и «Кукла», не связанные с предыдущими, зато связанные между собой, и т. д. Отчетливо выраженного сюжетного начала

и такого же сюжетного завершения в книге нет — она начинается и заканчивается почти случайно, и последовательность входящих в нее новелл может быть изменена без какой-либо потери и искажения смысла целого. Вместе с тем, именно «Подружка» признавалась многими современниками писательницы ее несомненным успехом: по данным Ю.М. Оклянского, книга была удостоена почетного отзыва на Бельгийской всемирной выставке [3, с. 218], а И.Д. Сытин и годы спустя вспоминал о ней как об одной из своих удач[32].

Героиней второй книги, «Два мирка», выступает девочка Соня, а название книги вытекает из сюжетного развития и отсылает к нему же: из города, где Соня живет вместе с отцом, которого она побаивается, и с матерью, которую любит, она едет с бабушкой в поместье к родственнице, где узнает о существовании совсем другого «мирка» — мирка простой крестьянской жизни с бедностью, лишениями и т. п. В данном случае писательница попробовала и построить сюжет, что ей до некоторой степени удалось (правда, если до поездки Сони в поместье сюжет более отчетлив, то потом он несколько нивелируется и прослеживается гораздо слабее), и прописать образы героев — Сони, ее родителей, бабушки, тети, крестьянских детей и т. д. Смыслом книги является сопоставление двух миров — хоть и соседствующих, но предельно далеких и почти не соприкасающихся, за исключением тех редких случаев, которые описываются в финале повести, завершающейся изображением праздника Успенья. Заключительная глава «Двух мирков» — пьеса в одном действии «Кто кого перехитрил», якобы поставленная участниками самодеятельного спектакля[33], в котором участвуют как дворянские, так и крестьянские дети.

Наконец, третья книга, «Как Юра знакомится с жизнью животных» начинается вполне сюжетно (мальчик Юра, живущий с родителями в собственном поместье, располагающемся на хуторе возле деревни, играет с картонной лошадкой, взаимодействует с родителями и т. д.), а вот потом превращается в ряд отдельных картин, каждая из которых посвящена тому или иному экзотическому животному, о котором Юре читает или рассказывает мама, либо он узнает о них от других героев. Таким образом, начавшаяся как повесть о детстве, книга А.Л. Толстой вновь превращается в «картотеку», подобную той, с которой читатель уже встречался в «Подружке» и отчасти — в «Двух

[32] *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М.: Политиздат, 1960. С. 80.

[33] Заметим, что составители переизданной в 2021 г. книги «Два мирка», видимо, решили, что эта пьеса имеет настолько косвенное отношения к сюжету повести, что можно пренебречь ею и не включать в издание: *Бостром А.Л.* Два мирка: повесть. М.: ЭНАС-Книга, 2021.

мирках». Писательнице как будто бы не хватает художественного дыхания, и, начав нарратив, она быстро устает от него, переключаясь на каталогизацию, — это мы наблюдали в «Подружке», это же имело место в «Двух мирках», и аналогичная картина наблюдается в «Как Юра знакомится с жизнью животных».

Вместе с этим нельзя не отметить и еще одного существенного обстоятельства, важного для восприятия «сытинских» книг А.Л. Толстой сегодня. Все три книги писательницы носят отчетливо биографический и автобиографический характер, отсылая либо к детству младшего из ее детей — Алексея Толстого (в большей степени это относится к «Подружке» и «Как Юра знакомится с жизнью животных»), либо — к детству ее старшей дочери Лизы (Лили), изображенной в героине «Двух мирков». О биографичности всех трех книг свидетельствуют многочисленные переклички их эпизодов с похожими эпизодами, описанными А.Л. Толстой в дневниках и письмах и зафиксированными в мемуарах[34]. Но это — только половина дела. А вот вторая, и гораздо более важная половина, состоит в том, что все три «сытинские» книги А.Л. Толстой стали основой для толстовской повести «Детство Никиты», сочиненной спустя двадцать-тридцать лет после написания названных книг, изданных и переизданных И.Д. Сытиным. Собственно, сын писательницы А.Н. Толстой и стал не только первым, но самым благодарным читателем произведений матери, внимательно прочтя и подняв в своей повести ее сочинения до уровня настоящей большой литературы, к которому стремилась, но которого так и не сумела достичь его матушка, автор «книг для маленьких детей» А.Л. Толстая.

Литература

1. А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Сов. писатель, 1984. 558 с.

2. Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.

3. *Оклянский Ю.М.* Шумное захолустье. Из жизни двух писателей. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 271 с.

4. *Перепелкин М.А.* Вокруг «Детства Никиты»: мир — слово — смысл. Самара: НТЦ, 2021. 702 с.

5. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. / сост. А.М. Крюкова. М.: Худож. лит., 1989.

[34] См.: [2; 3; 4].

Research Article and Publication of Archival Documents

“Sytin’s” Books by A.L. Tolstaya (Bostrom): Author — Publisher — Reader

© 2025. Mikhail A. Perepelkin, Kseniya S. Kurdakova
Samara Literary Memorial Museum named after M. Gorky,
Samara National Research University,
Samara, Russia

Abstract: This article analyzes the history of the collaboration between writer A.L. Tolstoy (Bostrom) and I.D. Sytin’s publishing house in the early 1900s. During his frequent visits to Moscow and St. Petersburg from 1903 to 1905, A.L. Tolstoy became acquainted with I.D. Sytin and the staff of his publishing house. He corresponded with them frequently, writing detailed letters to his husband, A.A. Bostrom, about his negotiations with the publishers. These negotiations and cooperation resulted in the publication of three books “for small children,” each of which had five to six reprints between 1904 and 1917. Of additional interest to the modern reader is the fact that the young A.N. Tolstoy witnessed and participated in his mother’s publishing endeavors, gaining experience interacting with individuals with whom he would become more closely acquainted in the future. This article is based on unpublished family correspondence.

Keywords: A.L. Tolstaya (Bostrom), A.N. Tolstoy, book publishing, I.D. Sytin, correspondence, children’s literature, author’s rights, literary royalty, archival documents.

Information about the authors:

Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Director, Samara Literary Memorial Museum named after M. Gorky, Frunze St., 155, 443010 Samara, Russia; Professor, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia; Researcher, Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka River Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6102-6947

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Kseniya S. Kurdakova, Researcher, Samara Literary Memorial Museum named after M. Gorky, Frunze St., 155, 443010 Samara, Russia; Graduate Student, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3700-2647

E-mail: ksen-kurd21@yandex.ru

For citation: Perepelkin, M.A., and K.S. Kurdakova. “‘Sytin’s’ Books by A.L. Tolstaya (Bostrom): Author — Publisher — Reader.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp.172–190. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-172-190

References

1. *A.N. Tolstoi o literature i iskusstve* [*A.N. Tolstoy on Literature and Art*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1984. 558 p. (In Russ.)

2. *Aleksei Tolstoi i Samara. Iz arkhiva pisatelia* [*A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive*]. Kuybyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)

3. Oklianskii, Iu.M. *Shumnoe zaholust'e. Iz zhizni dvukh pisatelei* [*A Bustling Backwater. From the Lives of Two Writers*]. Kuybyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1982. 271 p. (In Russ.)

4. Perepelkin, M.A. *Vokrug "Detstva Nikity": mir — slovo — smysl* [*Around "Nikita's Childhood": World — Word — Meaning*]. Samara, NTTs Publ., 2021. 702 p. (In Russ.)

5. *Perepiska A.N. Tolstogo: v 2 t.* [*A.N. Tolstoy's Correspondence: in 2 vols.*], comp. by A.M. Kriukova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025
Одобрена после рецензирования: 10.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 27.02.2025
Approved after reviewing: 10.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213
https://elibrary.ru/KHZLVO

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Александр Блок: опыт историографии Февраля (по материалам архивных разысканий)

© 2025, Е.И. Гончарова
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются результаты деятельности А. Блока в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства. Исследователи обращались к изучению этого периода в биографии поэта, однако тема в настоящее время далека от исчерпывающего освещения. Анализируется работа поэта в ЧСК главным редактором стенограмм допросов высших сановников царского режима и выявляются документальные источники очерка «Последние дни императорской власти». Впервые публикуется автограф со списком документов к главе отчета «Последние дни старого режима». Рассматриваются условия задания, полученного поэтом, в виде написания главы отчета ЧСК Учредительному собранию. На основе изучения материалов фонда ЧСК, личных фондов Блока в Пушкинском Доме и в РГАЛИ обосновывается вывод, что в работе над очерком поэт опирался на стенограммы допросов президиума ЧСК и на весь комплекс следственных материалов. Анализируются автографы с выписками из стенограмм допросов, включающие характеристики представителей «темных сил», входивших в ближайшее окружение царской семьи — конфидентки императрицы А.А. Вырубовой, дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова. На основе личных записей поэта анализируется его отношение к Февральской революции.

Ключевые слова: Февральская революция, Чрезвычайная следственная комиссия, Временное правительство, биография А. Блока, очерк «Последние дни императорской власти», редактор, документы, стенограммы.

Информация об авторе: Елена Ивановна Гончарова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: el-goncharova@yandex.ru

Для цитирования: *Гончарова Е.И.* Александр Блок: опыт историографии Февраля (по материалам архивных разысканий) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 191–213. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213

Исследователи не раз обращались к изучению обстоятельств и результатов деятельности Блока в Чрезвычайной следственной комиссией (далее ЧСК)[1] Временного правительства, однако и в настоящее время тема далека от исчерпывающего освещения[2]. Это касается не только непосредственной работы Блока в Комиссии в качестве редактора, а затем и главного редактора стенограмм допросов подследственных и привлеченных к дознанию лиц, но и выявления комплекса документальных источников будущего очерка[3]. Между тем два упомянутых аспекта изучения общественной и творческой биографии поэта связаны между собой самым тесным образом.

Решение связать ближайший период своей жизни со службой в учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссией далось Александру Блоку не сразу. Оказавшись в отпуске в революционном Петрограде в марте 1917 г., угнетенный «бестолковым» пребыванием в прифронтовом тылу, в должности табельщика инженерно-строительной дружины, поэт застал в столице атмосферу общественного подъема и надежд на кардинальные перемены в существовавшем порядке. Эти настроения захватили поэта, воспевавшего идею «возмездия» старому миру еще до его крушения. Симпатии Блока, при всей «аморфности» его тогдашних мировоззренческих представлений [19, с. 250], были всецело на стороне «революционного народа» и «победившей демократии». Однако активно погружаться в водоворот общественно-политических событий Блок не спешил. Поэту понадобилось время для вживания в новую обстановку, прежде чем он смог сделать осознанный выбор в пользу безоговорочного служения «революции». Причины раздумий раскрыты Блоком в личных записях и письмах к близким ему людям: положение военнообязанного не позволяло поэту строить планы вне его пребывания в дружине. Поиски возможных альтернатив военной службе не приносили результатов. Все занимавшие его в этой связи помыслы были так или иначе связаны со стремлением вернуться к своему «настоящему» делу — литературному творчеству: «Мне

[1] Полное название: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств.

[2] См.: [15, с. 76–86; с. 220–222; 20, с. 298–365; 21, с. 467–514]; [12].

[3] См.: [2, с. 324–343; 3, с. 432–451; 25, с. 113–129].

надо заниматься *своим делом*, надо быть внутренне свободным, иметь время и средства для того, чтобы быть художником» (*ЗК*49, л. 2 об.)[4]. Однако возможности для реализации этого намерения в ближайшем будущем для Блока не предвиделось.

Несколько дней спустя после появления в Петрограде Блок получает предложение — через временное откомандирование из дружины перейти на службу в ЧСК; однако поэт, рассчитывавший на более предпочтительный вариант освобождения от военной службы, не откликнулся на это предложение. Лишь исчерпав в бесплодных поисках отпущенный ему лимит времени он отзывается на повторный запрос из ЧСК и входит в деловые отношения с её председателем, известным московским присяжным поверенным и общественным деятелем Н.К. Муравьевым. Результатом коротких переговоров стал переход Блока в группу литературных редакторов при ЧСК. 8 мая 1917 г. Блок уже занят ознакомлением с находившимися в распоряжении следствия материалами. Так началось второе «служебное» полугодие (до начала декабря 1917 г.) в жизни поэта, не оставившее, на первый взгляд, заметных следов в его художнической биографии и продлившее еще на несколько месяцев и без того затянувшуюся «творческую паузу».

Вместе с тем, будет ошибкой предположение, что повседневная рутинная работа, связанная с редактированием обширного, уникального по исторической значимости документального комплекса, ничего не дала поэтическому сознанию Блока. Внимательное изучение характера и особенностей его литературного труда, анализ его оценок наблюдаемого и суждений по поводу узнаваемого со всей убедительностью свидетельствуют о подспудно происходившем процессе непрерывного обогащения творческой мысли поэта и укреплении в нем «тираноборческих» настроений, которые затем найдут свое мировоззренческое и образное отражение в послереволюционных произведениях.

Однако первым итогом творческих усилий Блока по разработке следственных материалов ЧСК станет подготовленный им на документальной основе очерк «последних дней» старого режима, первоначально представлявший собой один из разделов обширного отчета ЧСК Учредительному собранию, и лишь со временем обретший

[4] В связи с привлечением фрагментов, не публиковавшихся ранее в издании, подготовленном В.Н. Орловым (Блок А. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965), записные книжки цитируются по автографам: РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 360 — $ЗК_{49}$; № 361 — $ЗК_{50}$; № 362 — $ЗК_{52}$; № 363 — $ЗК_{53}$. Далее — в тексте статьи: *ЗК*, с указанием номера и листа.

форму самостоятельного законченного произведения «Последние дни императорской власти».

По обстоятельствам времени и условиям выполнения порученной ЧСК задачи творческий путь Блока к написанию очерка не мог оказаться простым, так как изначально предполагал принципиально новую для поэта целевую установку — не на привычное ему самостоятельное (индивидуальное) художественно-образное воспроизведение действительности, а на выполнение строго определенных, идеологически заданных предписаний, в которых не могло быть места ни субъективным оценкам, ни привнесенному личному осмыслению фактов. Тем важнее было для автора очерка опираться в своем изложении на строго документированные данные. Для выполнения последнего условия у Блока имелась вполне реальная возможность, так как со временем в его распоряжении оказался практически весь комплекс следственных материалов ЧСК. Сложнее обстояло дело с совпадением общественно-политических ориентиров. Пестрый состав новой верховной власти не способствовал росту осознания политической программы её действий, а одного разделяемого «революционного пафоса» для глубокого понимания совершавшихся на глазах событий явно не доставало. «Я не имею ясного взгляда на происходящее, — признавался поэт в апреле 1917 г., — тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, т<о> е<сть> свидетель» (*ЗК*49, л. 3). Став непосредственным участником поистине исторических перемен, Блок отразит (в том числе и свое) их осмысление в подготовленном им «обвинительном акте» старой власти, где выступит не только в роли фактографа и летописца наблюдаемого, но и подкрепит изложение собственным авторитетом очевидца и «свидетеля истории».

Творческим усилиям Блока по написанию главы отчета предшествовала продолжительная литературно-техническая подготовка, включавшая в себя редакторскую обработку следственного материала (расшифрованных стенограмм допросов подследственных и показаний свидетелей), ознакомление с комплексом привлеченных к дознанию документов (в их оригиналах), накопление соответствующих выписок, выдержек, заметок (в том числе по результатам личных наблюдений), составление вспомогательных хронологических, служебных таблиц и проч. Уже приступив к литературной шлифовке первого материала — стенограммы допроса бывшего министра внутренних дел Н.А. Маклакова, Блок ощущает потребность сохранить в записях для себя не только свое восприятие узнаваемого, но и саму

фактическую, содержательную основу показаний. К работе над протоколами допросов Блок подошел с представлениями человека, чье сознание формировалось не только собственными наблюдениями и выводами, но и в значительной степени под влиянием циркулировавших в обществе мнений и оценок действительности. В этой связи показателен его очевидный интерес к теме так называемых «темных сил», т. е. к сведениям о Г.Е. Распутине, его ближайшем окружении и влиянии этих «сил» на императорскую фамилию[5]. В первый же день занятий в ЧСК (8 мая) Блок отмечает в записной книжке: «…прошу Вырубову» (*ЗК*49, л. 13). Повышенное личное внимание к допросу конфидентки императрицы весьма показательно: Анна Вырубова рассматривалась ЧСК как главная соучастница инкриминируемых высочайшим особам и ряду должностных лиц «преступлений». Блок не просто знакомится с доступным ему материалом, но посещает 12 мая узницу в каземате Петропавловской крепости, а затем делает для себя выписки о ней на отдельных листах — пока, вероятно, просто для памяти, чем с ясно сознаваемой творческой целью. Примечательно, что все суждения его о личности арестованной выдержаны в негативной тональности:

> В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды <…> Она считает себя *православной*, твердо считает. Как<ая> же интересная комбинация, если она, действит<ельно>, как говорят, жила с Николаем II[6].

Обращает на себя внимание категоричность оценки признаний Вырубовой на допросе и ссылка на слухи («как говорят») в качестве аргумента для возможного сомнения в достоверности показаний подследственной.

Многие из задержанных оказались в Петропавловской крепости без предъявления им обвинений и постановления судебной инстанции на арест. Они содержались в крайне тяжелых условиях. Красноречивым свидетельством невыносимой тюремной обстановки и полной беззащитности заключенных перед произволом «охранявшего» их «революционного гарнизона» являются воспоминания той же Вырубовой, описывавшей ужасы пребывания в одиночной камере Трубецкого бастиона: «…вокруг на каменном полу — лужи воды, по стенам текла вода, мрак и холод; крошечное окно у потолка не пропускало ни света, ни воздуха, пахло сыростью и затхлостью. <…> солдаты

[5] О расследовании ЧСК деятельности «темных сил» см.: [10, с. 3–15].

[6] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 6. Л. 8, 10.

сорвали тюфячок с кровати, убрали вторую подушку и потом начали срывать с меня образки, золотые кольца. <…> один из солдат ударил меня кулаком, и, плюнув мне в лицо, они ушли, захлопнув за собой железную дверь» [27, с. 192–193]. После завершения работы над стенограммой допроса подследственной Блок вместе с Муравьевым снова посещает Вырубову в камере и по-прежнему не находит для беспомощной больной женщины слов сочувствия. «…эта блаженная потаскушка и дура, — пишет он матери на следующий день, — сидела со своими костылями на кровати», в ней ему виделось лишь «что-то ужасное» [6, с. 497].

Основная работа по допросу задержанных велась специальными следственными частями ЧСК[7]. Рассмотрение деятельности «темных сил» было возложено на следственную часть № 13, получившую и свое название по выполняемой задаче: «Обследование деятельности темных сил». Центральными фигурами расследования этого подразделения ЧСК был Г.Е. Распутин, убитый в декабре 1916 г., считавшийся олицетворением «темных сил», вдохновлявшим самодержавную власть. С возглавлявшим работу отдела следователем В.М. Рудневым Блок имел неоднократные беседы. «Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по “темным силам”). <…> Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил. <…> Следователь — русский, бородатый — тяготится “темными силами”», — отметил он 8 июня [5, с. 213].

Протоколы следователей (наряду с попадавшими в распоряжение ЧСК многочисленными официальными документами) выборочно оглашались во время допросов, проводившихся президиумом ЧСК; получал их для ознакомления и Блок. Так, А.А. Вырубова допрашивалась, по её словам, в следственной части «15 раз, по четыре часа каждый раз» [27, с. 203], тогда как Блок редактировал единственный её допрос, который проводил 6 мая 1917 г. президиум ЧСК во главе с Муравьевым. Эта подписанная Блоком стенограмма на 39 страницах машинописи (с обложкой) сохранилась в личном фонде поэта в Пушкинском Доме[8]. Подчеркнем еще раз, что Блок присутствовал только на допросах подследственных и свидетелей, которые велись президиумом ЧСК.

Не проходит Блок мимо и другого представителя «темных сил» — дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова. Расшифрованная стенограмма его допроса также попала к Блоку на редакторскую обработку и, как в случае с Вырубовой, перед началом своего труда

[7] О следственных частях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства см.: [11, с. 78–83].

[8] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 57.

он заходит в камеру к задержанному, а затем фиксирует свое впечатление от знакомства с ним: «...это ничтожное довольно существо, не похож на командира гусарского полка, но показания его крайне интересны» [6, с. 497]. В записных книжках Блока сохранилась запись с указанием номеров камер этих узников: «70 *Вырубова*, 71 *Воейков*» (*ЗК*52, л. 17 об.). В процессе редактирования стенограммы допроса Воейкова, состоявшегося 29 апреля, у Блока также формируется негативное отношение к подследственному, которому он дает вполне уничижительную характеристику:

> Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересует спрашивающих[9].

К числу первых документов, с которыми пришлось познакомиться Блоку в самом начале его служебной деятельности, относится комплекс ценных в политическом и историческом отношении материалов из архива императорской фамилии, включая личную переписку Николая II. По свидетельству современника, император сам подготовил её для передачи в ЧСК, разложив письма и документы по конвертам и надписав их [24, с. 8]. Под впечатлением прочитанного Блок после первого дня службы сообщал матери: «Сейчас читал собственноручную записку Николая II к Воейкову, о том, что он требует, чтобы газеты перестали писать “о покойном Р” <Распутине>. Почерк довольно женский — слабый; писано в декабре. Его же — телеграмму, чтобы прекратить дело Манасевича-Мануйлова. Скучный господин» [6, с. 492–493]. Запись для памяти от 25 мая: «Я читал телеграммы царя и царицы — взаимно любящие» (*ЗК*49, л. 31) и в дневнике от 2 июня: «Письма царя, царицы, Штюрмера, Илиодора…» [5, с. 211–212].

Блок, вероятно, сам выбирал «кандидатов», чьи показания ему предстояло редактировать. Возможно, такая свобода действий стала следствием повышенного доверия руководителей ЧСК к работе поэта. Входившая в состав редакторской группы Л.Я. Гуревич отмечала, что «в противоположность некоторым другим, Блок постоянно появлялся в помещении Комиссии и принимал в ее делах самое активное участие» [13, с. 846]. Пометы в записных книжках и дневнике того времени позволяют предположить, что с самого начала службы

[9] Там же. № 6. Л. 2.

в ЧСК Блок не ограничивал свою деятельность литературным редактированием, но вполне сознательно стремился быть полезным в исполнении и других функций. Так уже 13 мая он отметил: «…говорил с Муравьевым <...> Муравьев предложил мне, когда он будет обходить камеры, сопутствовать ему в кач<естве> секретаря, а в понедельник, перед допросом Белецкого, присутствовать на допросе Горемыкина» (*ЗК*49, л. 15 об.). На допросы в Петропавловскую крепость президиум ЧСК выезжал в полном составе, и накануне, 12 мая, Блок получает документ, позволявший ему посещать Петропавловскую крепость и принимать участие в проводившихся там допросах задержанных:

> Удостоверение
>
> Дано сие состоящему при Чрезвычайной Следственной Комиссии Александру Александровичу Блоку в том, что ему по служебной надобности разрешается пропуск в Петроградскую крепость на время заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии.
>
> Председатель Комиссии Н. Муравьев.
>
> Секретарь Э. Лесневский[10].

Впервые поэт окажется в Трубецком бастионе на допросе бывшего директора департамента полиции С.П. Белецкого, также подозревавшегося ЧСК в тесных связях с «темными силами». В тот же день он завел отдельную записную книжку — специально для занесения в нее выдержек из проводимых в крепости допросов. Подробные письменные показания Белецкого, изложенные им по личной инициативе, дополнят стенограммы допросов, а позже станут для Блока одним из важных документальных источников при работе над составлением Очерка.

Содержимое записей «крепостной» книжки позволяет проследить работу творческого сознания поэта, отмечавшего в своих заметках многое из того, что ускользало от внимания людей, не наделенных наблюдательностью художника. «Передо мной Белецкий, умный дир<ектор> деп<артамента> полиции, недавний, на чьей совести есть преступления <…> он рассказал много интересного, но не *признался* ни в чем» (*ЗК*50, л. 5, 15). Характерно, однако, что, как и в случае с Вырубовой, Белецкий, несмотря на твердость занятой им в отношении обвинений позиции и отсутствие склонности к самооговору, всё равно предстает в восприятии поэта как преступник, хотя вина его еще никак не доказана. Внимание Блока не привлекает существо самих

[10] РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 7. Л. 1.

разбирательств, хотя он подробно фиксирует в отдельной записной книжке целых четыре допроса подследственного. «…В течение 5 с лишним часов с небольшим перерывом присутствовал на допросе директора департамента полиции Белецкого, которого тоже возьму себе», — пишет он матери, отмечая важность происходившего [6, с. 494]. Позже, просматривая еще раз содержание допросов Белецкого, Блок сделает в одной из сводных служебных таблиц (отражавших ход работы над стенограммами) констатирующие пометы: «ничего», «ничего для меня»[11], позволяющие отнести их появление ко времени подготовительных трудов по сбору материала для написания порученной ему главы отчета ЧСК.

Отношение Блока к попавшим в Крепость при новой власти «бывшим» было однозначно критическим. Для него они — всего лишь арестованные «пошляки» [1, с. 620], «подонки общества» [6, с. 480]. Без видимого сострадания, если не сказать с презрением, описывает он обход «клиентов» ЧСК в крепости: «Были “раздирающие” сцены. <…> Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважение (Макаров, Климович), но большей частью — какая все это старая шваль! Когда они захлебываются от слез или говорят что ниб. очень для них важное, я смотрю всегда с каким-то особенным внимательным чувством: революционным» [6, с. 505]. Глупым и жалким представляется поэту поведение бывшего директора департамента полиции К.Д. Кафафова («дрожит и плачет, что сойдет с ума») [6, с. 497]. На этом крайне тяжелом психологическим фоне кажется более чем неуместной жестокой насмешкой смакование Блоком «эстетических» впечатлений от увиденного. Подводя итог одному из своих обходов тюремных казематов, он пишет: «…надеюсь, что еще пойду, навещу всех главных обитателей Трубецкого бастиона. Очень красивы на некоторых из них синие халаты со стоячими воротниками» [6, с. 497].

Сомнений в правовой обоснованности деятельности ЧСК у Блока не возникало. Поэт не разделял мнение приглашенных в Комиссию юристов, что правовые нормы священны в любых обстоятельствах. В такой позиции он усматривал «не всегда уловимую тягу к контрреволюции» [6, с. 501]. М.В. Бабенчиков, редактор ЧСК с осени 1917 г., вспоминал: «Помню, как Ал.Ал. “укорял” меня за недопустимую словесную “мягкость” в отношении к некоторым “жертвам” старого режима. Лично сам Блок в этом смысле не знал “пощады”, веря в точность и непреложность исторического возмездия» [4, с. 53].

[11] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26.

В архиве Блока отложились копии документов, которые своим фактическим содержанием могли бы скорректировать изначально предвзятое отношение поэта к «бывшим». Так, среди прочего, он хранил выписку из расследования ЧСК «сомнительной деятельности» императрицы, которую раздраженное против неё общественное мнение обвиняло в государственной измене[12]. И хотя вполне клеветнические измышления не подтвердились, Блок продолжал верить порочащим слухам, не находя для жертвы политических инсинуаций иных чувств, кроме насмешливой иронии с оттенком злорадства. «Frau Alexandra Romanow, — сообщал он матери вскоре после начала службы в ЧСК, — получила наивное немецкое письмо погостить в каком-то замке в Германии. Конечно, письмо это получили мы, а не она» [6, с. 498].

Между тем, доказательно подтвердить фактами прозвучавшие в устах Н.К. Муравьева в июне 1917 г. на первом съезде Советов громогласные заявления о несомненной виновности подследственных [14], оказалось не просто. В ходе политически ангажированного разбирательства постепенно отпали, одно за другим, обвинения в государственной измене, казнокрадстве, аморальном поведении. Из-за несогласия с деятельностью Комиссии ее в разное время покинули заместитель председателя ЧСК С.В. Завадский, члены президиума прокуроры А.Ф. Романов и Б.Н. Сми́ттен, следователь В.М. Руднев. И хотя собрать против подследственных надежную доказательную базу их политических или криминальных проступков явно не удавалось, Блок в целом продолжал упорно держаться вполне определенной «умственной позиции» [1, с. 629] и его взгляды на «старый режим» и его верховных представителей не претерпели существенных изменений за время службы в ЧСК. Рассуждая о предстоящем отчете Комиссии Учредительному собранию, Блок останавливается на форме именно политического доклада как наиболее подходящей для проведения вполне определенной, заранее заданной обличительной тенденции. Отчет видится ему как «сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом)» [5, с. 236].

И всё же было бы упрощением утверждать, что наблюдаемые Блоком события, включая деятельность самой ЧСК, не подвергались им критическому осмыслению. Несмотря на энтузиазм по поводу свержения монархии в России, события, беспрецедентного по своей исторической значимости, обостренный слух художника улавливал в «музыке революции» отчетливые диссонансы. Довольно быстро поэтом овладевают сомнения в определении существа наблюдаемых

[12] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 39.

им событий. «Если даже не было революции, т. е. то, что было, не было революцией, если революц<ионный> народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только углубляет русскую трагедию», — не без горечи писал Блок о возникших сомнениях уже 26 мая (*ЗК*49, л. 36). Революция — или прозаический политический переворот? глубинные сдвиги в сознании людей или тривиальная смена «верхов»?

Процесс переосмысления наблюдаемого начался с критического восприятия очевидного — общественного поведения новых политических деятелей. Отношение Блока к оказавшимся у власти партийным лидерам постепенно становится всё более скептическим. «Любимец Февраля» и тогдашний глава Временного правительства А.Ф. Керенский вызывал у Блока иронию (его речь полна «лирики, слез, пафоса») [5, с. 247]. Лидер кадетов весьма напоминал ненавистный поэту тип буржуа. Блок слушал его показания 4 августа и вынес из своего наблюдения не самое лестное впечатление: «Пришел Милюков, начали его спрашивать (розовый, гладко выбритый и сделанный подбородок, иронически кривящиеся усы, припухшие глаза, розовые пальцы с коротко обстриженными ногтями, мятый пиджачок, чистое белье)» [5, с. 243]. Примечательно, что именно с речи Милюкова, прозвучавшей 1 ноября 1916 г. на открытии заседаний (последней) IV Государственной думы, Блок собирался хронологически начать свой Очерк «последних дней старого режима» [5, с. 243]. Тогда с думской трибуны прозвучали шокирующие обвинения высшей власти в государственной измене, а за самой речью тогда же «установилась репутация штурмового сигнала к революции» [18, с. 445]. Делая на отдельных листах для себя выписки из показаний Милюкова, Блок отметил: «Речь 1 ноября — стр. 32, материалы для нее»[13]. Вместе с тем, поэт был осведомлен, что в ходе расследований ЧСК выдвинутые лидером кадетов обвинения подтверждения не получили. Возможно, с учетом этого обстоятельства Блок в дальнейшем отказался от мысли сдвинуть в очерке повествование именно к ноябрю и отдал предпочтение временному рубежу более общего характера — «на исходе 1916 года» [22, с. 7]. Как бы то ни было, итогом размышлений Блока могло стать известное переосмысление существа февральских событий и как следствие появление в названии заключительной главы очерка определения: «Переворот». Именно «переворот», а не Революция.

[13] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 15. Л. 1.

Положенная в основу деятельности ЧСК политическая доминанта с нескрываемой обвинительной тенденцией заставляет задуматься и над вопросом о степени редакторского вмешательства в текст расшифрованных стенограмм и обоснованности предпринимавшейся литературной правки. Сомнения в точности записей стенографисток, аутентичности расшифровок текста допросов и отредактированного варианта предназначавшихся к публикации стенограмм возникали. Член президиума ЧСК А.Ф. Романов писал впоследствии: «Будущий исследователь должен, однако, отнестись к этим стенограммам с особенной осторожностью. Они никем не подписывались, никому из допрошенных предъявляемы не были и редактировались четырьмя литераторами, в числе коих был и Блок, впоследствии певец большевизма, написавший гнусную поэму “Двенадцать”» [24, с. 37]. Лейб-хирург Императорского двора Г.Е. Рейн также отмечал, что стенограммы не показывались допрашиваемым и не подписывались ими. «Просьба моя о предъявлении мне стенографической записи допроса не была удовлетворена. Председатель Комиссии заявил, что по прочтении им стенограммы я буду еще раз приглашен для дальнейших разъяснений. Но вторичного приглашения не последовало» [23, с. 292–293]. Прочитав стенограмму своего допроса, опубликованную в пятом томе издания «Падение царского режима», вышедшем в 1926 г., он писал, что стенограмма требует значительных поправок: «Я обнаружил в нем ряд неточностей, неправильных передач мысли, различных недомолвок и умолчаний. Видимо, и редакторский карандаш не отличался подобающим беспристрастием» [23, с. 293]. Между тем, именно тексты отредактированных при участии Блока стенограмм будут воспроизведены в семитомном издании П.Е. Щеголева «Падение царского режима»[14]. Как показала выборочная сверка опубликованных документов с редакторской правкой Блока, тексты после его работы не подвергались дополнительным изменениям со стороны Щеголева. Однако объективный ответ на вопрос о том, в какой степени расшифрованные стенограммы несли на себе следы идеологической правки, возможен только по результатам проведения фронтальной сверки напечатанных текстов с исходными записями стенографисток.

В целом, Блок проделал, несомненно, колоссальную работу по литературной обработке стенограмм и овладел собранными ЧСК материалами в большей степени, чем кто-либо из членов Комиссии.

[14] Примечательно, что П.Е. Щеголев в названии издания «Падение царского режима» остался в рамках смысловой парадигмы Тарле — Блок, сообщив названию книги очевидный дублетный характер.

Помимо уже упомянутых, он редактировал стенограммы допросов — члена Совета министра внутренних дел С.Е. Виссарионова, последнего военного министра М.А. Беляева, лейб-хирурга Е.Ф. Рейна, государственного секретаря С.Е. Крыжановского, министра императорского двора В.Б. Фредерикса, сенатора И.М. Золотарева, московского городского головы М.В. Челнокова, главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Н.И. Иванова, министра внутренних дел А.Н. Хвостова, министра юстиции Н.А. Добровольского, главноначальствующего Отдельным корпусом жандармов А.А. Хвостова, товарища министра внутренних дел В.М. Волконского, управляющего делами министерства внутренних дел И.Н. Лодыженского, руководителя «Союза русского народа» Н.Е. Маркова, товарища министра иностранных дел А.А. Нератова, сенатора А.Н. Веревкина, А.И. Гучкова, придворного историографа Д.Н. Дубенского, члена Государственной думы А.И. Шингарева, основателя партии кадетов Ф.А. Головина[15]. А в начале июня он получает от Н.К. Муравьева задание «привести в порядок» все имеющиеся стенограммы (*ЗК*52, л. 25 об.), что дало ему возможность просмотреть и ознакомиться с содержанием всех восьмидесяти восьми проведенных президиумом ЧСК допросов. Обработанный и упорядоченный Блоком материал стал стержневой документальной основой будущего Очерка.

Черновой автограф «Последних дней старого режима» сохранился в архиве поэта в Пушкинском Доме. На обороте одного из листов рукописи имеется запись, раскрывающая состав привлеченных для написания Очерка документальных материалов:

> [*Источники.*
>
> 88 стенографических отчетов допросов, произведенных “Чрезвычайной Следственной Комиссией”.
>
> Записки арестованных членов царского правительства, писанные в Петр<опавловской> Крепости (главн<ым> образом, Записки Протопопова и Белецкого)][16].

Заголовок «Последние дни старого режима» впервые встречается в предложенном историком Е.В. Тарле в конце июля или в самом начале августа 1917 г. плане отчета ЧСК Учредительному собранию как название одного из его разделов [15, с. 81–82]. После многочисленных совещаний и обсуждений в специальной подкомиссии по составлению отчета по главе с академиком С.Ф. Ольденбургом

[15] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26.

[16] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 20.

написание этой важнейшей части «обвинительного акта» «300-летнему режиму» было доверено Блоку [5, с. 227]. Свое представление о содержательном составе отчета и его стилистической коннотации он изложил в записи, сделанной на заседании в Зимнем дворце еще 20 июня:

> Он должен соединить в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет, пользующийся тщательно проверенным матерьялом, добытым в течение работы комиссии, должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней (*ЗК*52, л. 51).

К «предварительному» этапу труда Блок приступает 2 августа. Промежуточным итогом сложной и кропотливой работы стала подготовленная им на основе газетных сообщений «общественно-политическая хронология» — объемная рукопись, получившая название «Сводка событий с сентября 1916 года по 26 февраля 1917 года»[17]. Одновременно с работой над хронологической канвой Блок обдумывал план написания своего раздела в отчете и 19 августа представил Е.В. Тарле план главы «Последние месяцы <так!> старого режима» [5, с. 248]. Автограф сохранился в архиве ЧСК[18]. Здесь же отложились планы статей других сотрудников, привлеченных к написанию отчета. Общее политическое введение поручалось подготовить самому Е.В. Тарле; автограф с краткими тезисами введения также представлен в архивном собрании документов ЧСК[19].

Позже Блок подготовил общий список необходимых для составления порученной ему главы документов. Автограф не имеет датировки, но судя по упоминанию второго допроса П.Н. Милюкова (допрос состоялся 7 сентября) Блок начал готовить этот документ позже этой даты. Приводим текст этого документа:

> *К последним дням.*
> Телеграммы Хабалова, Беляева — у Южика-Компанейца <так!>.
> Свид<етельские> показания (гл<авным> о<бразом>, о пулеметах).
> Всеподданнейший доклад М.В. Родзянко 10 февраля 1917 года.

[17] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 28; опубл.: [7, с. 233–285].
[18] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. № 222. Л. 7–7 об.
[19] Там же. Л. 39.

Секретное письменное объяснение Н.А. Маклакова Председателю Чр<езвычайной> Сл<едственной> Ком<иссии> 23 авг<уста> 1917 г. (в Петроп<авловской> Крепости).

Письмо Д. Дубенского 28 февраля к С.П. <Фёдорову>.

(Дальше Тосны поезда не пойдут).

Записка конца 1916 г. из кружка Римского-Корсакова («Так как в настоящее время…»).

Объяснительная записка к п<ункту> II ее («Будет ли собрана Гос<ударственная> Дума в январе…»).

Записка председателя главного совета патриотического Союза Орлова — о Гос<ударственной> Думе и политич<еском> устр<ойстве> России. Надпись: «Я очень прошу дорогую Анну Александровну просить доложить»[20].

Записка Белецкого о необходимости принятия мер по продовольствию (отправлена Вырубовой в Царское).

Рапорты начальника охр<анного> отдел<ения> и директора деп<артамента> полиции Протопопову перед 14 февраля.

Письмо Штюрмера и предс<едателя> Гос<ударственной> Думы 31 октября 1916 г.

Записка Говорухи-Отрока, переданная им Маклакову.

Доклад Трепова царю 26 XI 1916 г.

(«Несмотря на сочув<ственное> отношение Гос<ударственной> Думы…»).

См. стеногр<амму> Милюкова II, стр. 58 (полностью?).

Записка, представленная Голицыным через императрицу.

Записка, составленная Гурлядом <так!> и подписанная Протопоповым, посланная им императрице в конце 1916 года, по поводу письма Клопова.

Письменные показания Белецкого[21] (вред рабочей группы — 2-е показ<ание>, стр. 28—37).

Письменные показания Протопопова.

[Камер]-фурьерский журнал (напр<имер>, 10 февраля).

Думские стенограммы

Письм<енные> показания Сазонова

Голицына

Дневник Дубенского

3 желтых листочка (10 вопросных пунктов Иванова Хабалову).

Объявление Хабалова 24 февраля

[20] Сбоку приписка: какое время?

[21] Приписка сверху: пять?

Письмо в<еликого> кн<язя> Александра Мих<айловича> (?) к царю 25 XII–4 II 1917 года.

Представление князя Николая Голицына 13 февраля 1917 года.

Письмо Протопопова к Хабалову с резолюцией последнего 9 января 1917 г., № 173.

Изречения Распутина, в которых он рекомендует Протопопова, неизвестно кем занесенные на листки почтовой бумаги для передачи царю.

Записки Киевского отдела С<оюза> Р<усского> Народа, переданные царю Щегловитовым в январе.

Письмо Маклакова к царю 17 дек<абря> 1916 г.

Письмо Маклакова к царю 9 фев<раля> 1917 г.

Маклаковский проэкт манифеста о роспуске Думы в феврале.

Записка Бадмаева «на нескольких листиках», переданная Воейковым царю «в самое последнее время».

Доклады охранного отделения ми<нистру> в<нутренних> д<ел> 23 февраля (№ 5727), 25 февр<аля> (№ 5823), 26 февраля (№ 5865), 27 февраля (№ 5855).

Телегр<амма> царя императрице 28 II из Вязьмы.

Записка 26 февраля (4 стр<аницы>, начин<ается> словами: «В устроении возможности революц<ионными> деятелями»…).

Ведомость о происшествиях по гор<оду> Петрограду 27 II 1917.

Свод сведений о ходе рабочих беспорядков в Петр<ограде> (23–25 II). По 6-ти отделениям — на 18 листах.

Две телеграммы Хабалова Алексееву (25 и 26 II).

Две телеграммы Протопопова Воейкову (25 и 26 II).

Постановили использовать в тексте (следств<енная> ч<асть> № 10)[22].

Все перечисленные материалы будут использованы в очерке; часть из них войдет в раздел «Приложения». Документы находились в распоряжении Следственной части № 10[23]. На обороте чернового автографа очерка сохранилась помета о недополученных материалах (в начале записи упомянут следователь В.О. Ювжик-Компанеец):

«Не хватает:

Дело Ювжика-Компанейца (пулеметы).

Еще телегр<амма> Хабалова.

“Представление” кн<язя> Голицына 13. II 1917.

Запись Протопопова о посл<едних> днях»[24].

[22] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 30. Л. 2–5.

[23] Следственная часть № 10 занималась расследованием противозаконных по должности действий высших должностных лиц в их борьбе с народным движением в феврале-марте 1917 г. и делом о стрельбе полиции в февральские дни.

[24] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 19 об.

Впервые опубликованный в журнале «Былое» в 1920 г. под заглавием «Последние дни старого режима» очерк сопровождался редакционным примечанием, в котором отмечалось, что фактическая часть его содержания основана на официальных показаниях и материалах, собранных в ходе расследования различными подразделениями ЧСК, а приводимые в тексте цитации (суждений, оценок и т. п.) заимствованы из подлинных документов. Помимо этого анонсировалась публикация в одной из ближайших книг «Былого» специальных документальных приложений к очерку, так, однако, и не появившихся в журнале [8, с. 3].

Отдельное издание очерка с несколько измененным заглавием «Последние дни императорской власти» и дополненное в виде приложений документальным материалом, вышло ровно через год — поздней осенью 1921 г., уже после кончины поэта. В заметке «От составителя» Блок еще раз подтвердил строго фактографический (документальный) характер книги и подчеркнул, что вся её «деловая часть» опирается на подлинные данные, в большей части своей еще не ставшие к тому времени достоянием печати [22, с. 5].

Читателями очерк был воспринят неоднозначно. Весьма критично отнесся к работе поэта историк В.Н. Сторожев, автор исследований о Февральской революции. Отметив обилие и общественно-историческую важность привлеченных документов, он упрекнул составителя в пренебрежении указанием на их местонахождение. «Будь даны на этот счет точные сведения, — писал историк, — и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником» [26, с. 243].

Высказанные в адрес составителя отдельные критические замечания не снизили документальной ценности и исторической значимости проделанной Блоком работы, и в дальнейшем подготовленный им очерк воспринимался историками Февральской революции как в целом надежный первоисточник сведений о последних днях существования «старого режима». Особая важность признавалась при этом за разделом «Приложения», куда вошли шесть документальных материалов, предназначавшихся императору Николаю II: письмо великого князя Александра Михайловича; записка монархического кружка А.А. Римского-Корсакова и объяснительная записка к ней; письмо Н.А. Маклакова; совещание членов прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, последний всеподданнейший доклад председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Во всех этих содержательно ценных документах, хронологически относившихся к кануну Февральской революции, речь шла о надвигавшейся на историческую

власть в России политической катастрофе. Между тем, автографы вышеназванных материалов (кроме письма великого князя Александра Михайловича) до сих пор остаются не разысканными, в связи с чем их публикация Блоком в Приложении к очерку фактически придала им в настоящее время значение первоисточника[25].

Современники без труда увидели в идеологически заостренном содержании блоковского очерка желаемый (в том числе и вдохновителям деятельности ЧСК) «приговор» старому режиму. «Читатель убеждается, что самодержавие сгнило…», — констатировал в своей рецензии на издание Ив. Книжник [17, с. 443]. Существенной особенностью отдельного издания стало заявленное в нем изменение авторского статуса: поэт в 1921 г. «понизил» его до роли составителя. Относительно возможных побудительных к тому мотивов остается только строить предположения. В этой связи не лишним будет вспомнить, что основная подготовительная и творческая работа над очерком велась в то время, когда настроение поэта находилось под воздействием послереволюционной эйфории, а окончательное завершение очерк получал уже в пору крушения питавших Блока прежде романтических надежд. Еще в июне 1919 г. он оставляет исполненную пессимизма запись: «За рабовладельцем Лениным придет рабовладелец Милюков, или другой, и т. д.» (*ЗК*60, л. 39 об.), а рядом с крайне резким отзывом о Вырубовой («лгунья» и «отвратительна») позднее появится характерная помета: «Когда я это писал, *еще была* революция»[26]. О каком кардинальном изменении сознания современников можно было продолжать мечтать, если высоко вознесенный Блоком «революционный народ» не смог разглядеть заурядную смену форм «рабовладения» под вывеской «победившей демократии». И был ли смысл Блоку заявлять о своей личной сопричастности к вынесению приговора одной форме самодержавной власти, когда на глазах поднималась и крепла — другая.

Литература

1. А.А. Блок и Л.Д. Менделеева-Блок: Переписка 1901–1917 / науч. ред. А.В. Лавров. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 720 с.

2. *Александров А.С.* О документальной основе очерка «Последние дни императорской власти» // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. С. 324–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343

[25] На приложения очерка, как на первоисточник, ссылается ряд исследователей: [9, с. 791; 16, с. 25].

[26] РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 6. Л. 5.

3. *Александров А.С.* «Я выбрал для пробы главу о Протопопове...»: Из истории очерка «Последние дни императорской власти» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 3. С. 432–451. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451

4. *Бабенчиков М.М.* Ал. Блок и Россия. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 92 с.

5. *Блок А.А.* Дневник / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Гришунина. М.: Сов. Россия, 1989. 510 с.

6. *Блок А.А.* Письма к родным / предисл. М. Бекетовой. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 672 с.

7. *Блок А.А.* Последние дни Императорской власти / сост. С.С. Лесневский и З.И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.

8. *Блок А.А.* Последние дни старого режима // Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 3–50.

9. *Варун-Секрет С.Т.* А.Д. Протопопов и последние дни Государственной думы / публ. А.А. Иванова и С.В. Машкевича // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 774–796.

10. *Варфоломеев Ю.В.* «Прокаженная дворцовая камарилья»: расследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // Известия Саратовского университета. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. 2010. Вып. 1. С. 3–15.

11. *Варфоломеев Ю.В.* Следственные части Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Вып. 1. С. 78–83.

12. *Гончарова Е.И.* Летописец последних дней императорской власти (А.А. Блок в работе над документами Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Русская литература. 2025. № 1. С. 113–135.

13. *Гуревич Л.Я.* Из воспоминаний о Блоке // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92, кн. 3. С. 839–849.

14. Доклад Муравьева // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 18 июня. № 95. С. 4–7.

15. *Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 604 с.

16. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России 1911–1917. М.: Росспэн, 2001. 464 с.

17. *Книжник Ив.* <Рец.> Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Петербург. 1921. Изд. Алконост // Красная летопись. 1922. № 2/3. С. 443–445.

18. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 598 с.

19. *Минц З.Г.* Поэма «Двенадцать» и мировоззрение А. Блока эпохи революции // Ученые записки Тартуского государственного университета: Труды по русской и славянской филологии. Тарту: Тартуский ун-т, 1960. Вып. III. С. 247–278.

20. *Перегудова З.И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А.А. Последние дни Императорской власти / сост. С.С. Лесневский и З.И. Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 298–365.

21. *Перегудова З.И.* Материалы Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Пути и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева. М.: Росспэн, 2021. С. 467–514.

22. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921. 168 с.

23. *Рейн Е.Ф.* Из пережитого, 1907–1918: в 2 т. Берлин: Парабола, [1935]. Т. 2. 312 с.

24. *Романов А.Ф.* Император Николай II и Его Правительство: (По данным Чрезвычайной Следственной Комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 1–38.

25. *Спивак М.Л.* К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А.А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный...Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 113–129.

26. *Сторожев В.Н.* <Рец.> Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Изд. «Алконост», СПб., 1921 // Печать и революция. 1922. № 1. С. 243–244.

27. *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы моей жизни. СПб.: Царское дело, 2020. 320 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Alexander Blok: An Essay on the Historiography of the February 1917 Revolution in Russia

© 2025. Elena I. Goncharova
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the results of Alexander Blok's work in the Extraordinary Investigative Commission (EIC) of the Provisional Government. Researchers have addressed the study of this period in the poet's biography but the issue is currently far from exhaustive coverage. The article analyses the poet's work in the EIC as the chief editor of the transcripts of interrogations with the tsarist's highest dignitaries. It also identifies documentary sources for the essay "The Last Days of the Imperial Power." For the first time, an autograph with a list of documents for the chapter of the report "The Last Days of the Old Regime" is published. The article considers the conditions of the assignment received by the poet in the form of writing a chapter of the EIC report to the Constituent Assembly. Based on the study of the materials of the EIC fund, Blok's funds in the Pushkin House, and the Russian State Archive of Literature and Art, the research concludes that in working on the essay, the poet relied on the transcripts of interrogations of the presidium of the EIC and the entire complex of investigative materials. The article analyzes autographs with

extracts from interrogation transcripts, including characteristics of representatives of the "dark forces" who were part of the royal family's inner circle — the empress's confidante A.A. Vyrubova, and the palace commandant General V.N. Voeikov. The poet's notes allow us to reveal his attitude to the February Revolution.

Keywords: February Revolution, Extraordinary Investigative Commission (EIC), Provisional Government, Alexander Blok's biography, essay "The Last Days of the Emperial Power," editor, documental data, transcripts.

Information about the author: Elena I. Goncharova, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: el-goncharova@yandex.ru

For citation: Goncharova, E.I. "Alexander Blok: An Essay on the Historiography of the February 1917 Revolution in Russia." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 191–213. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-191-213

References

1. Lavrov, A.V., editor. *A.A. Blok i L.D. Mendeleeva-Blok: Perepiska 1901–1917* [*A.A. Blok and L.D. Mendeleeva-Blok: Correspondence, 1901–1917*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 720 p. (In Russ.)

2. Aleksandrov, A.S. "O dokumental'noi osnove ocherka 'Poslednie dni imperatorskoi vlasti'." ["On the Documental Basis of A. Blok's Essay 'Poslednie dni imperatorskoi vlasti' ('The Last Days of Imperial Power')"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 324–343. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-324-343 (In Russ.)

3. Aleksandrov, A.S. "'Ia vybral dlia proby glavu o Protopopove...': Iz istorii ocherka 'Poslednie dni imperatorskoi vlasti'." ["'I Choose the Chapter About Protopopov for Testing...' (From the History of A. Blok's Essay 'The Last Days of Imperial Power')"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 432–451. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-432-451 (In Russ.)

4. Babenchikov, M.M. *Al. Blok i Rossiia* [*Alexander Blok and Russia*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 92 p. (In Russ.)

5. Blok, A.A. *Dnevnik* [*Diary*], text prep., introd. article and notes by A.L. Grishunin. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 510 p. (In Russ.)

6. Blok, A.A. *Pis'ma k rodnym* [*Letters to Relatives*], preface by M. Beketova. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2015. 672 p. (In Russ.)

7. Blok, A.A. *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti* [*The Last Days of Imperial Power*], comp. S.S. Lesnevsky and Z.I. Peregudova. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012. 560 p. (In Russ.)

8. Blok, A.A. "Poslednie dni starogo rezhima" ["The Last Days of the Old Regime"]. *Byloe*, no. 15, 1919 [1920], pp. 3–50. (In Russ.)

9. Varun-Sekret, S.T. "A.D. Protopopov i poslednie dni Gosudarstvennoi dumy" ["A.D. Protopopov and the Last Days of the State Duma"], publ. by A.A. Ivanov and S.V. Mashkevich. *Noveishaia istoriia Rossii*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 774–796. (In Russ.)

10. Varfolomeev, Iu.V. "'Prokazhennaia dvortsovaia kamaril'ia': rassledovanie deiatel'nosti 'temnykh sil' Chrezvychainoi sledstvennoi komissiei Vremennogo

pravitel'stva" ["'Leper Palace Camarilla': Investigation of the Activities of the 'Dark Forces' by the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriia: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 10, no. 1, 2010, pp. 3–15. (In Russ.)

11. Varfolomeev, Iu.V. "Sledstvennye chasti Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva" ["Investigative Units of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriia: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 9, no. 1, 2009, pp. 78–83. (In Russ.)

12. Goncharova, E.I. "Letopisets poslednikh dnei imperatorskoi vlasti (A.A. Blok v rabote nad dokumentami Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva)" ["Chronicler of the Last Days of Imperial Power (A.A. Blok in the Work on the Documents of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2025, pp. 113–135. (In Russ.)

13. Gurevich, L.Ia. "Iz vospominanii o Bloke" ["From the Memoirs of Blok"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 839–849. (In Russ.)

14. "Doklad Murav'eva" ["Muravyov's Report"]. *Izvestiia Petrogradskogo soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*, June 18, no. 95, 1917, pp. 4–7. (In Russ.)

15. Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [*Alexander Blok: The Last Years of His Life*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)

16. Kir'ianov, Iu.I. *Pravye partii v Rossii 1911–1917* [*Right-Wing Parties in Russia, 1911–1917*]. Moscow, Rosspen Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)

17. Knizhnik, Iv. "<Rets.> Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok" ["Review of: The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok Based on Unpublished Documents. Petersburg. 1921. Alkonost Publishing House"]. *Krasnaia letopis'*, no. 2/3, 1922, pp. 443–445. (In Russ.)

18. Miliukov, P.N. *Vospominaniia* [*Memories*]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 598 p. (In Russ.)

19. Mints, Z.G. "Poema 'Dvenadtsat'' i mirovozzrenie A. Bloka epokhi revoliutsii" ["The Poem 'Twelve' and A. Blok's Worldview in the Era of the Revolution"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*: *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*, issue 3. Tartu, Tartu University Publ., 1960, pp. 247–278. (In Russ.)

20. Peregudova, Z.I. "Chrezvychainaia sledstvennaia komissiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok" ["Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok"]. Blok, A.A. *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti* [*The Last Days of Imperial Power*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2012, pp. 298–365. (In Russ.)

21. Peregudova, Z.I. "Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok" ["Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry to Investigate the Illegal Actions of Former Ministers and Other Senior Officials and Alexander Blok"]. *Puti i vybor istorika: K 80-letiiu professora V.V. Shelokhaeva* [*Ways and Choices of a Historian: To the 80th Anniversary of Professor V.V. Shelokhaev*]. Moscow, Rosspen Publ., 2021, pp. 467–514. (In Russ.)

22. *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok* [*The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok According to Unpublished Documents*]. Petersburg, Alkonost Publ., 1921. 168 p. (In Russ.)

23. Rein, E.F. *Iz perezhitogo, 1907–1918: v 2 t.* [*From the Experienced, 1907–1918*], vol. 2. Berlin, Parabola Publ., [1935]. 312 p. (In Russ.)

24. Romanov, A.F. "Imperator Nikolai II i Ego Pravitel'stvo: (Po dannym Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii)" ["Emperor Nicholas II and His Government: (According to the Extraordinary Commission of Inquiry)"]. *Russkaia letopis'*, book 2, pp. 1–38. (In Russ.)

25. Spivak, M.L. "K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v 'Poslednikh dnyakh imperatorskikh vlasti' A.A. Bloka: 'Tsar', imperatritsa, Vyrubova, Rasputin' i 'nedruzhnyi... Sovet ministrov'." ["On Sources of Characteristics in the 'Last Days of Imperial Power' by A.A. Blok: 'Tsar, Empress, Vyrubova, Rasputin' and 'Unfriendly...The Council of Ministers'."] Polonsky, V.V., editor. *Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury: Issledovaniia i materialy* [*The Turning Point of 1917: The Revolutionary Context of Russian Literature: Research and Materials*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 113–129. (In Russ.)

26. Storozhev, V.N. "Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok" ["The Last Days of Imperial Power. Compiled by Alexander Blok According to Unpublished Documents"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 1, 1922, pp. 243–244. (In Russ.)

27. Taneeva (Vyrubova), A.A. *Stranitsy moei zhizni* [*Pages of My Life*]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.12.2024
Одобрена после рецензирования: 17.02.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.12.2024
Approved after reviewing: 17.02.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.1
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-214-230
https://elibrary.ru/KKFENC

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Александр Блок об эмигрантской печати: А.Ф. Даманская vs А.С. Ященко

© 2025, А.Д. Савина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается поздняя заметка Блока об эмигрантской печати, написанная для невышедшей «Литературной газеты». Контекст, повлиявший на создание заметки, восстанавливается благодаря привлечению отложившихся в архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН протоколов заседаний редколлегии издательства «Всемирная литература», в котором сотрудничал Блок. Установлено, что этот текст стал отдаленной репликой в полемике, которая развернулась после приезда Г. Уэллса в Россию осенью 1920 г. (публикации Д.С. Мережковского, И.С. Бунина и др. эмигрантских авторов с одной стороны, ответы Н.С. Гумилева и К.И. Чуковского — с другой). Кроме того, как показывает анализ протоколов, за тезисами Блока стоит знакомство поэта не только с материалами вышедшего в Софии журнала «Русская мысль» (как отмечал в мемуарном очерке Е.И. Замятин), но также с газетой «Народное дело» (Ревель) и журналом «Русская книга» (Берлин). Так, критикуя эмигрантскую печать, Блок называет фамилию переводчицы и журналистки А.Ф. Даманской, чьи публикации в ревельской газете обсуждались на заседаниях редколлегии «Всемирной литературы». В то же время, отмечая позитивный сдвиг в отношении зарубежных русскоязычных изданий к оставшимся в России литераторам, Блок ориентируется на критико-библиографический журнал «Русская книга», издаваемый А.С. Ященко. В статье подчеркивается, что в стремлении «перекинуть мост понимания между зарубежными литераторами и оставшимися» Блок оказывается созвучен А.Н. Тихонову, несмотря на антипатию к последнему.

Ключевые слова: А.А. Блок, Г. Уэллс, К.И. Чуковский, Н.С. Гумилев, А.Ф. Даманская, А.С. Ященко, издательство «Всемирная литература», периодическая печать русской эмиграции, литературная полемика, публицистика.

Информация об авторе: Анфиса Даниловна Савина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8081-5159
E-mail: anfisa.savina@yandex.ru
Для цитирования: *Савина А.Д.* Александр Блок об эмигрантской печати: А.Ф. Даманская vs А.С. Ященко // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 214–230. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-214-230

Перелом 1917 г. и последовавшие за ним события сделали эмиграцию неизбежной для многих представителей русской интеллигенции; по разные стороны границы оказались литераторы, ранее принадлежавшие к одному кругу. По словам современного исследователя, «силовые линии» литературной борьбы в эмиграции «получили иную конфигурацию, нежели в метрополии, выстраиваясь в типовые оппозиции “мы и они”, “здесь и там”» [19, с. 345]. Стоит однако отметить, что в начале 20-х гг. XX в. эти оппозиции были остроактуальны и для оставшихся в России авторов, хоть и вынужденных *служить* в различных аффилированных с новым строем учреждениях молодой страны Советов, но поначалу питавших надежды на возможность вести независимую от политики культурную работу.

В данной статье мы обратимся к поздней заметке Александра Блока, в отличие от многих своих соратников на первых порах поверившего в «музыку Революции», что определило глубокий драматизм его отношения к происходящему в стране в дальнейшем. Текст, написанный для так и не увидевшей свет «Литературной газеты»[1], не озаглавлен автором, и в советских собраниях сочинений поэта печатался под названием «<Отрывок статьи о белоэмигрантской печати>». В Полном собрании сочинений и писем А.А. Блока в 20-ти тт. заметку решено печатать как «<Набросок статьи об эмигрантской печати>»[2]. При всем многообразии блоковедческих штудий этой заметке уделяется мало внимания, меж тем она явилась откликом на вопросы, живо волновавшие литературный мир в пореволюционную эпоху, — блоковской репликой в напряженном споре между покинувшими страну и оставшимися в Советской России авторами.

Цель данной работы — заполнить некоторые лакуны в истории создания и понимании блоковского текста. Это становится возможным благодаря привлечению не только мемуарных и дневниковых свидетельств современников, но и отложившихся в Архиве А.М. Горького

[1] Историю подготовки и запрета первого номера «Литературной газеты» см.: [14, с. 95–96]. По неясным причинам в корректурном экземпляре газеты блоковская заметка отсутствует (см.: [14, С. 96–112]).

[2] «<Набросок статьи об эмигрантской печати>» должен войти в девятый том академического издания.

протоколов заседаний редколлегии издательства «Всемирная литература» — утопического горьковского проекта, в раннесоветское время объединившего практически все литературные силы Петрограда. Блок был тесно связан с издательством, готовил собрание сочинений Гейне, редактировал переводы из Вагнера, состоял в Гетевской и поэтической Коллегии[3]. В дискуссиях на собраниях редколлегии вызревали тезисы таких значимых в послереволюционной прозе поэта статей, как «Гейне в России», «Крушение гуманизма», «О иудаизме Гейне»[4].

Вкратце история появления блоковской заметки отражена в воспоминаниях К.И. Чуковского и Е.И. Замятина. Оба мемуариста отмечают, что статья писалась для «Литературной газеты», и подчеркивают очень эмоциональное отношение Блока к теме. Так, Чуковский пишет: «К тем писателям, которые, убежав из России, клевещут на оставшихся в ней, он <Блок> относился с несвойственным ему раздражением и говорил о них так горячо, как, кажется, не говорил ни о ком. <…> Когда нынешней весной у Союза Писателей возникла мысль об издании “Литературной газеты”, Блок написал небольшую статью об эмигрантской печати, и предлагал поместить ее в нашей газете без подписи в качестве редакционной статьи»[5]. Замятин, кроме того, связывает появление заметки с «Русской мыслью»: «...он <Блок> только что прочитал “Русскую мысль” Струве — и я редко слышал, чтобы он брал такие грубые слова.

— Что они смыслят, сидя там? Только лают по-собачьи.

И написал об этом очень резкую статью для невышедшей “Литературной Газеты” Союза Писателей.

Это было в апреле 1921 года — перед последней его поездкой в Москву»[6].

Знакомство Блока с журналом подтверждается дневниковой записью от 20 апреля 1921 г., в которой поэт подробно останавливается на содержании первого вышедшего за рубежом номера (Русская мысль. София. 1921. Кн. 1–2). В частности, об опубликованном в нем «Дневнике» Гиппиус, Блок пишет: «Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но — своекорыстно. Она (они) слишком утяжелена личным, тут нет широких, обобщающих точек зрения. Может быть, на обобщения такого размера, какие сейчас требуются, они и вовсе неспособны <…> Это — правда, но только

[3] О работе Блока во «Всемирной литературе» см.: [11, с. 70–112;5; 12; 13] и др. работы.

[4] Подробнее см.: [9, с. 282–311].

[5] *Чуковский К.И.* Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 168.

[6] *Замятин Е.И.* Воспоминания о Блоке // Русский современник. 1924. № 3. С. 192.

часть. У Зинаиды Николаевны — много скверных анекдотов о Горьком, Гржебине и др.» [3, т. 7, с. 416].

Вполне вероятно, что чтение «Русской мысли» послужило толчком для написания блоковской заметки, однако, как мы постараемся показать, Блок опирался отнюдь не только на это издание. Кроме того, «<Набросок статьи об эмигрантской печати>» содержит помимо критики и позитивную оценку «перелома, наступившего за границей в области русской мысли»[7].

«Жестокая, неблоковская злоба» по отношению к «заграничным ругателям»[8] проявилась в следующих строках: «Первые бежавшие за границу были из тех, кто совсем не вынес тяжелых ударов исторического молота; когда им удалось ускользнуть <…>, они унесли с собой самые сливки первого озлобления; они стали визгливо лаять, как мелкие шавки из-за забора; разносить вместе с обрывками правды — самые грязные сплетни и небылицы. Теперь голоса этих г-д и г-ж “Даманских” всякого рода замолкают; разумеется, отдельные сплетники еще не унимаются; но их болтовня — обыкновенный уличный шум» (л. 1).

Появившаяся в тексте фамилия обращает нас к публикациям писательницы, переводчицы и сотрудницы «Всемирной литературы» А.Ф. Даманской[9]. В 1920 г., получив в Петроградском университете командировку в Псков для чтения лекций на летних курсах для народных учителей, она нелегально перешла эстонскую границу [16, с. 152]. Даманской удалось вывезти из России свои записи о жизни в большевистском Петрограде — эти заметки легли в основу ее публичных лекций и печатных выступлений в эмигрантских изданиях (прежде всего ревельской газете «Народное дело» и пражской «Воле России»). В октябре — первой половине ноября 1920 г. очерки Даманской печатались через номер, а то и в каждом номере «Народного дела», потом, после ее переезда в Берлин, несколько реже. Среди публикаций Даманской встречаются разные по жанру тексты: и статьи-памфлеты о культурных и социальных начинаниях Советской власти, легшие в основу книги «Карточные домики советского строительства» [8][10], и отражающие время бытовые зарисовки,

[7] РО ИРЛИ Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 18. Л. 1 об. Здесь и далее текст блоковской заметки цитируется по рукописи с указанием номера листа.

[8] *Чуковский К.И.* Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 168.

[9] О биографии и творчестве А.Ф. Даманской см. вступительную статью О.Р. Демидовой [7, с. 5–17] и др. работы исследовательницы.

[10] Совр. изд.: [7, с. 423–464].

и рецензии на вышедшие книги о Советской России, и эмоционально-патетические обобщения[11].

Ее публицистические высказывания оказывались в поле зрения оставшихся в Петрограде соратников и, в частности, Блока: так, 18 февраля 1921 г. поэт присутствовал на заседании редколлегии издательства при обсуждении «помещенной А.Ф. Даманской заметки в “Ревельском Народном Деле” о “Всемирной литературе”»[12].

По всей видимости, речь шла о статье «Издатели и писатели Советской России» (Народное дело. 1920. № 58. 12 окт. С. 2–3)[13]. С самого начала подчеркнув, что большевистская власть быстро уничтожила свободную печать, Даманская в своей заметке уделяет внимание трем издательствам — Госиздату, «Всемирной литературе» и издательству З.И. Гржебина, при этом «Всемирная литература» охарактеризована подробнее всего.

Рассказывая о деятельности издательства, связанной с выпуском книжной продукции, автор отмечает, что из-за внешних условий работа имеет скорее «платонический характер» («книг напечатано <…> мало»), но подчеркивает высокое качество подготовленных изданий: «если когда-либо увидят свет все эти, с толком и вкусом выбранные книги, переведенные квалифицированными русскими переводчиками и такими литературными силами, как Блок, Гумилев, Вячесл. Иванов, Бальтрушайтис <sic!>, Брюссов <sic!>, проф. Гревс, А. Горнфельд, проф. Холодковский, Кузьмин <sic!> и др., то вся эта работа и принимавшие в ней участие помянуты будут добрым словом. <…> Немногие вышедшие книги изданы прекрасно»[14]. Кроме того, Даманская уделяет внимание царящей в издательстве атмосфере (исподволь характеризуя атмосферу за его пределами): «Редакция “Всемирной литературы” на Моховой, светлое, симпатичное помещение — место встречи для петроградских писателей, свой дом для них, где обо всем можно говорить, не озираясь, не взвешивая каждого слова. Все друг друга знают, все одинаково томятся условиями жизни, в которых прозябают, и знают, что предателя среди них нет». И, наконец, она указывает на практическую роль издательства в выживании интеллигенции: «“Всемирная литература” объединила в общей работе всех без исключения оставшихся в Советской России

[11] О работе в «Народном деле» см.: [10, с. 187–189].

[12] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1.

[13] Под тем же названием заметка с небольшими изменениями опубликована в «Воле России» (1920. № 31. 17 окт. С. 4–5).

[14] *Даманская А.* Издатели и писатели Советской России // Народное дело. 1920. № 58. 12 окт. С. 2.

писателей, и спасло их от голодной смерти в подлинном, а не литературном понятии этих слов»[15].

Очевидно, считая важным как можно обстоятельнее представить быт, Даманская подробно останавливается на соотношении гонораров и актуальных цен и приходит к неутешительному выводу: «роста этих цен гонорары, конечно, не догоняют, и сколько бы сотрудники "Всемирной литературы" ни выколачивали денег, сводить концы с концами на получаемые из кассы груды бумажек все же немыслимо»[16]. В заключение автор подчеркивает критическое положение представителей интеллигенции: «Писатели, художники живут — если можно назвать жизнью жалкое прозябание — под знаком единого, опоганивающего душу вопроса: "Как прокормиться? Как раздобыть немного дров, мыла, мыла кусок где достать? Что делать, чтобы не погибнуть от голода, холода и грязи?.."»[17].

Контекст, в котором фамилия писательницы вновь появляется в статье Блока («<…> с Россией и со всем миром случилось нечто гораздо более важное и значительное, чем то, что г-жам Даманским приходилось читать лекции проституткам, есть капусту, и т. п.» (л. 1 об.)) свидетельствует о том, что поэту были известны другие ее очерки. Еще 1 февраля 1921 г. А.Н. Тихонов сообщил на заседании, что «Изд-ву удалось получить иностранные газеты, просматривать которые можно в помещении библиотеки <…>».[18] Вероятно, среди полученных иностранных газет была подшивка «Народного дела». Попыткам организовать культурную жизнь в женской трудовой колонии посвящена статья Даманской «Борьба с преступностью в Советской России» (Народное дело. 1920. 16 окт. № 62. С. 2–3), в которой автор язвительно описывает, как показавшаяся многим «увлекательной, обещающей результаты» работа обернулась нелепейшей комедией, заведомо обреченной на провал из-за некомпетентного и равнодушного партийного руководства. Позднее об этой просветительской деятельности вспоминал К.И. Чуковский — в мемуарном очерке о Гумилеве он в скобках вставляет: «Забуду ли те осенние месяцы, когда вместе с беллетристкой Даманской я вел на станции Разлив по Финляндской железной дороге литературный кружок в общежитии двухсот проституток, собранных с проспектов Петрограда?» [17, т. 5, с. 448].

---

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 3.

[18] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.

Что касается того, что «г-жам Даманским», по выражению Блока, «приходилось <…> есть капусту», стоит отметить, что Даманская на самом деле много внимания уделяет рациону петроградцев — описывает пайки ученых, питание школьников, обеды в Доме искусств. Эмоциональнее всего об этом сказано в очерке «Как я укрепляла Петроград»: «Пшенная каша — национальное блюдо в Советской России. Пшенную кашу едят — кроме нескольких высокопоставленных коммунистов, — все, везде, всегда. С отвращением, со злобой, с чувством брезгливости, но едят, едят, едят, потому что больше есть нечего»[19]. Капуста же, вероятно, вспомнилась Блоку, потому что в 1919 г. сотрудники «Всемирной литературы» могли получить ее среди «предметов первой необходимости» («Моховая — *за капустой*», — отмечает Блок 5 ноября 1919 г. [1, с. 479]) и именно в нее трансформировался «голубой цветок» в его шуточном стихотворении «В альбом Чуковскому (“Нет, клянусь, довольно Роза…”)» [2, т. 5, с. 89–90].

Блок, как и Даманская, сполна испытавший все тяготы, выпавшие на долю петроградской интеллигенции в первые пореволюционные годы, не мог не понимать, что очерки писательницы соответствуют реальному положению вещей. Скорее всего ее фамилия появилась в «<Наброске...>», так как была на слуху у Блока из-за обсуждений на заседаниях редколлегии, а его нелестные оценки вызваны разницей художественного мировосприятия: внимание Даманской к деталям быта, скрупулезное описание продуктов питания, цен и т. п., значение, которое Даманская придает в своих очерках бытовым сложностям, вызывали отторжение Блока, стремившегося увидеть произошедшие события в другой оптике. Вероятно, с точки зрения поэта, тяготевшая к фактографичности Даманская еще менее, чем Гиппиус, была способна на «обобщения такого размера, какие сейчас требуются».

Как свидетельствуют записные книжки и письма Блока, ему самому трудности жизни в «красном» Петрограде давались далеко не просто (ср., например: «Свету тоже лишили окончательно. Это страшно угнетает, как и безумные деньги на пропитание. Что же делать?» [1, с. 482]). Однако поэт предпочитал говорить о «переходящих мелочах революционного быта» [17, т. 8, с. 96] в ироничном ключе (см. его шуточные стихотворения «Enjambements», «В альбом Чуковскому», «Продолжение “Стихов о предметах первой необходимости” (В альбом Чуковскому)»).

[19] *Даманская А.* Как я укрепляла Петроград // Народное дело. 1920. 10 окт. № 57. С. 2.

При всем уважении, с которым А.Ф. Даманская высказывалась по отношению к коллегам по «Всемирной литературе», ее отзыв не вызвал сочувствия у членов редколлегии, о чем свидетельствует реплика заведующего редакцией А.Н. Тихонова на заседании 25 марта 1921 г. Сообщая, что его знакомый отправляется в Париж и готов «осветить за границей деятельность “Всемирной литературы”», Тихонов подчеркивает: «Я ему указал, что если он будет писать, чтобы он нас не хвалил, [как хвалит Даманская][20], а чтобы имел в виду письмо Мережковского и то клеветническое, озлобленное отношение к русской литературе, к оставшимся литераторам, которое питают иностранцы, и постарался бы разрушить предубеждение против тех, кто остался в России, [что они или продались большевикам, или работают черт знает как], — чтобы перекинуть мост понимания между зарубежными литераторами и оставшимися»[21].

И без того болезненный вопрос отношения уехавших литераторов к оставшимся особенно обострился в конце 1920 года из-за реакции эмигрантской прессы на пребывание в России Г. Уэллса и последовавшие затем печатные выступления английского писателя.

Как отмечает О.А. Казнина, «от этой поездки многого ждали и англичане, надеявшиеся узнать правду о России из авторитетных уст, и русские эмигранты, верившие в то, что картина голода и разрухи лишит Уэллса иллюзий о построении в России нового благополучного общества, а правдивый рассказ писателя повлияет на позицию политических деятелей и на общественное мнение в Англии в отношении России» [4, с. 501]. Первоначально свои впечатления от увиденного Уэллс изложил в цикле статей, печатавшихся с конца октября по конец ноября 1920 г. в газете «Sunday Express», чуть позднее на основании этих заметок вышла книга «Россия во мгле» («Russia in the Shadows»). Оказавшись отнюдь не антибольшевистскими, уэллсовские публикации вызвали целый ряд негативных откликов в эмигрантской прессе. Критике подверглись и сам английский писатель, и его «старый друг» Горький, и связанные с именем последнего культурные начинания. Не забыт был даже сопровождавший Уэллса в петроградских поездках К. Чуковский.

В числе известных писателей-эмигрантов, выступивших с возражениями знаменитому фантасту, оказались А.И. Куприн[22], И.А. Бу-

[20] В квадратных скобках приводится текст, зачеркнутый в машинописном протоколе.

[21] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-изд 4-4-7. Л. 1–2.

[22] *Куприн А.И.* Два путешественника // Общее дело. 1920. 24 окт. № 101. С. 2.

нин[23], Д.С. Мережковский[24]. Как свидетельствует запись Блока [1, с. 509–510], к середине декабря в России стало известно «Открытое письмо Уэллсу» Мережковского, опубликованное в парижской газете «Последние новости» (позднее — в варшавской «Свободе»). Среди обвинений, брошенных Мережковским Горькому, был и выпад против «Всемирной литературы»: «“Всемирная литература”, основанная Горьким, “величественное” издательство, восхищает вас, как светоч просвещения небывалого. Я сам работал в этом издательстве и знаю, что это — сплошное невежество и бесстыдная спекуляция»[25].

Всерьез задевавшее сотрудников издательства, письмо Мережковского обсуждалось на заседаниях редколлегии 21 и 28 декабря. Составление «проекта ответа» в иностранные газеты было поручено Гумилеву, который, по воспоминаниям современника, филиппикой Мережковского «был оскорблен смертельно»[26]. Кстати сказать, в отличие от Блока, заметившего Чуковскому, что «Мережковский прав» [17, т. 11, с. 310]. Впрочем, вероятно, это была скорее реакция на содержание всего письма, нежели на процитированный выше пассаж, и связана она с осложнившимися отношениями поэта с Горьким.

К вопросу о составлении ответного письма члены Коллегии вернулись 8 февраля в связи с «сообщением Волынского о том, что в заграничной печати появились заметки относительно Члена Коллегии К.И. Чуковского»[27]. Рассказывая о поездке, Уэллс описывает встречу с учениками Тенишевского училища, якобы заранее подготовленную Чуковским[28], что было превратно истолковано русскими литераторами за рубежом. Так как проект ответа Мережковскому еще не был готов «за отсутствием в распоряжении Гумилева необходимых материалов», на заседании постановили «просить Н.О. Лернера подобрать все необходимые материалы и передать их Н.С. Гумилеву для составления одной общей заметки по поводу всех нападок на “Всемирную литературу” и отдельных ее членов»[29].

Раньше Гумилева — 11 февраля — с письмом в собственную защиту от «появившихся в заграничной печати нападок»[30] перед

[23] *Бунин И.А.* Несколько слов английскому писателю // Общее дело. 1920. 24 ноября. № 132. С. 2; 25 ноября. № 133. С. 2.

[24] *Мережковский Д.С.* Открытое письмо Уэллсу // Последние новости. 1920. 3 дек. № 189. С. 2.

[25] Там же.

[26] *Левинсон А.Я.* Блаженны мертвые // Последние новости. 1921. 20 окт. № 464. С. 2.

[27] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1.

[28] Годы спустя Чуковский изложил этот эпизод в очерке «Фантасмагория Герберта Уэллса» [17, т. 4, с. 574–577].

[29] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1.

[30] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. Фонд А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1.

членами редколлегии выступил Чуковский. Тогда же, 11 февраля, его протест рассматривался в Доме литераторов после торжественного Пушкинского вечера, на котором Блок читал свою знаменитую речь «О назначении поэта»[31]. Протестное письмо Чуковского, появившееся под названием «Свобода клеветы» в «Вестнике литературы», сводится к трем основным тезисам. По мнению автора, предположив, что сцена с учениками «подстроена», Уэллс, во-первых, оскорбил самого Чуковского «как независимого русского писателя, облеченного доверием своих сотоварищей». Во-вторых, «обидел детей», решив, что «русские дети, дети русских профессоров, юристов, учителей, докторов, литераторов, так развращены, что способны по чужому приказу симулировать восторг перед человеком, о котором они не слыхали». И, наконец, сам того не желая, Уэллс дал повод журналистам эмиграции назвать Чуковского «большевистским агентом»: «Оказывается, по русским газетам, издающимся в Париже, Берлине и Праге, давно уже гуляет эта ложь»[32]. Публикация письма сопровождалась постановлением правления Всероссийского профессионального союза писателей, в котором отмечалось: «травля, предпринятая против К.И. Чуковского, обусловливается не индивидуальными особенностями его литературно-общественной деятельности, но тем обстоятельством, что Чуковский принадлежит к той группе русских писателей, которые остались в России и продолжают заниматься литературным трудом»[33]. (Это же постановление должно было войти в раздел «Хроника» «Литературной газеты» [14, с. 108]). Подчеркнуто значимым оказывается вопрос отношения литераторов-эмигрантов к оставшимся в метрополии собратьям по перу. Очевидно, именно эту историю имел в виду Чуковский, отмечая в «Воспоминаниях о Блоке»: «Когда в феврале этого года Всероссийский Союз Писателей рассматривал в особом заседании те небылицы и вздоры, которые в заграничных газетах распространяли обо мне мои друзья, Блок, вместе с покойным Гумилевым, принял этот дело до странности близко к сердцу <…>»[34].

18 февраля Гумилев представил свое открытое письмо в защиту «издательства “Всемирная литература” и лиц, работающих в нем» от обвинений в «невежестве сотрудников и неблаговидной политической роли, которую они играют». Первый упрек кажется автору

[31] Подробнее о датировке этого события и обсуждении жалобы Чуковского см. статью С.В. Федотовой [15].

[32] Чуковский К.И. Свобода клеветы // Вестник литературы. 1921. № 2 (26). С. 16

[33] Вестник литературы. 1921. № 2 (26). С. 16.

[34] *Чуковский К.И.* Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 168.

слишком безосновательным, чтобы о нем распространяться. В ответ на второй он утверждает, что «Всемирная литература» — «издательство не политическое», а члены коллегии экспертов, придерживаясь разных взглядов на многие вопросы, «сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасенье духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде» [6, т. 8, с. 218–219]. Письмо это не удовлетворило А.Н. Тихонова, и 1 марта — после нескольких обсуждений — было решено его не публиковать:

> Председатель <А.Л. Волынский >. <…> Остается только один вопрос – о письме Николая Степановича.
>
> Тихонов. Может быть, его еще раз огласить.
>
> Гумилев. (Читает письмо).
>
> Председатель. Мне кажется, мы опоздали с этим делом.
>
> Тихонов. Я тоже думаю, что мы опоздали.
>
> Председатель. А письмо нужно спрятать в наших делах.
>
> Чуковский. Я возьму, а сюда дам переписанное[35].

Фраза Чуковского объясняет, как письмо Гумилева попало в «Чукоккалу» (впервые оно было опубликовано без подписи в первом издании альманаха (1979) [18, с. 195]).

Все эти прения, предшествующие созданию блоковского <Наброска…>, позволяют понять, почему ключевым вопросом в нем становится проблема взаимоотношений между литераторами, оказавшимися по разные стороны границы. Однако Блок отмечает позитивный сдвиг; кроме того, в соответствии с жанром (редакционная статья), «<Набросок…>» содержит конструктивную программу: «Зарубежная русская печать разрастается. Следует отметить значительное изменение ее тона по отношению к России и к литературным собратьям, которые предпочли остаться у себя на родине. <…>“Литературная Газета” намерена в будущем по мере возможности освещать этот перелом, наступивший за границей в области русской мысли. Она радуется тому, что в Европе раздались, наконец, настоящие русские голоса, что с людьми можно, наконец, спорить или соглашаться серьезно» (л. 1–1 об.).

За этими тезисами стояло знакомство с конкретным изданием. В протоколе заседания 1 марта зафиксирована реплика Блока, поддержавшего отказ от публикации письма Гумилева: «За границей

[35] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-изд 4-4-2. Л. 2.

стремятся к объективности. Я получил журнал “Книга в России” из Берлина под редакцией Ященко. Там приведена довольно подробная библиография всех нас, по алфавиту, сказано, что мы делаем, что выпускаем… Сведения довольно верные…»[36].

Блок неточно указывает название берлинского журнала, имея в виду критико-библиографический журнал «Русская книга», который в 1921 г. начал издавать А.С. Ященко. В четвертом разделе первого номера, освещавшем деятельность многих литераторов (в том числе членов редколлегии «Всемирной литературы»), фигурировало и имя Блока, о котором сообщалось: «Поэт Ал-р Ал-рович Блок живет в Петрограде, редактирует перевод сочинений Гейне для “Всемирной литературы”. Принимал участие в “Вол. Фил. Ас.”, где 16 ноября 1919 года читал доклад: “Крушение гуманизма”. В последн. (15) номере “Былого” напечатал статью “Последние дни старого режима”. Для “Секции Историч. Картин” написал одноактную пьесу “Рамзес”. Держится в стороне, замкнуто»[37]. Далее перечислялись произведения Блока, вышедшие в 1918–1920 гг. в издательстве «Алконост».

Кроме того, журнал открывался статьей Ященко «Русская книга после октябрьского переворота», в которой сделана попытка охарактеризовать литературную ситуацию в России и за ее пределами, и в том числе дать объективную оценку издательскому делу. Автор останавливается на таких нашедших «поддержку в правительственных кругах» «обширных издательских предприятиях» как «“Всемирная литература” Горького и находящееся с ним в связи издательство Гржебина». Отмечая их благотворительный характер («для поддержания и кормления русских писателей») и отсутствие масштабных результатов («до сих пор им были суждены главным образом благие порывы, совершить же пока ничего не дано, или во всяком случае очень мало»), Ященко достаточно критично оценивает сам замысел: «Обращение снова к усиленной переводческой деятельности обозначает лишь несомненный регресс самостоятельного творчества. <…>. Во всех этих будто бы грандиозных издательских планах сказывалась лишь убогая бедность наша. А между тем, шесть лет тому назад мы вовсе не были бедны»[38].

---

[36] Там же.

[37] *Ященко А.С.* Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 гг. // Русская книга. 1921. № 1. С. 17.

[38] *Ященко А.С.* Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга. 1921. № 1. С. 3–4.

Обращаясь к «области создания новых произведений», Ященко указывает: «Писатели, оставшиеся в России, разбились на два лагеря: одни “приняли” октябрьский переворот, другие же остались в открытой или безмолвной к нему оппозиции. Среди первой категории, по-видимому, нечто ценное дали лишь поэты, сгруппировавшиеся вокруг Александра Блока с его “Двенадцатью” и “Скифами”, теоретиком которых является Иванов-Разумник <…>. Все их революционные восторги, по-видимому, были лишь нервным раздражением не слишком уравновешенных натур. И они как-то в дальнейшем замолкли»[39].

Почти через год после смерти поэта К.И. Чуковский писал А.С. Ященко: «Знаете ли Вы, как любил Ваш журнал покойный Блок? Он читал мне вслух однажды вечером — каждую строчку из первого номера (это была первая книга из-за границы) и восклицал простодушно:

— Откуда *они* это знают?!

Его удивляли те сведения, которые вы сообщали о каждом из нас» [17, т. 14, с. 509].

Таким образом, среди эмигрантских изданий, на которые ориентировался Блок при написании своей статьи, должны быть названы по меньшей мере три печатных органа: возобновленная за рубежом «Русская мысль» (София), эсеровская газета «Народное дело» (Ревель) и критико-библиографический журнал «Русская книга» (Берлин).

«<Набросок…>» Блока был создан после обсуждений ответов Н.С. Гумилева и К.И. Чуковского на выпады писателей эмиграции и стал отдаленным отзвуком «уэллсовской истории», обострившей вопрос взаимодействия между оказавшимися «на разных берегах» литераторами. При всей эмоциональности текста, основной его интенцией можно назвать призыв к возможному диалогу. В стремлении «перекинуть мост понимания между зарубежными литераторами и оставшимися» Блок оказывается созвучен А.Н. Тихонову, несмотря на всю антипатию к последнему («<…> все, что я вижу в г. Тихонове, — меня бесит», — отмечает Блок в январе 1921 г. [3, т. 7, с. 390]).

Небольшая заметка («только схема статьи», — приводит Чуковский слова Блока [17, т. 8, с. 100]) вписывается в позднее творчество поэта с одной стороны, своей язвительной остротой, «фельетонностью», к которой он тяготел в конце жизни, а с другой — внезапно возникшей в последних строках темой «свободы»: «разговаривать

[39] *Ященко А.С.* Русская книга после октябрьского переворота. С. 4–5.

свободно, насколько мы сможем, с людьми, говорящими по-человечески, — мы хотим» (л. 1 об.). Эта оговорка — «свободно, насколько мы сможем» — одновременно напоминает читателю о внешних запретах, с которыми приходится считаться писателям в России, и о внутренней «тайной свободе» художника, над которой размышлял Блок в речи «О назначении поэта».

Вынужденные подстраиваться под изменившиеся реалии, совмещать интеллектуальную работу с поиском пайков, дров, бумаг, спасающих от уплотнения, и т. д. петроградские литераторы очень болезненно воспринимали упреки в политической ангажированности и беспринципности. Потому, например, бурное обсуждение членов редколлегии вызвала публикация эмигрировавшего в феврале 1921 г. А.Я. Левинсона, названная председателем Коллегии А.Л. Волынским «моральной некорректностью»[40]. Предположительно, речь идет о статье «“Назад в Россию”», в которой бывший заведующий Французским отделом издательства утверждал, что в Советской России «ложью каждый час покупаешь право на жизнь: от подложной хлебной карточки до проданной совести. <…> каждый обязан стать соучастником обмана, каждый принудительно обращен в преступника»[41]. Но это уже предмет отдельного разговора.

Литература

1. *Блок А.А.* Записные книжки 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.

2. *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997–.

3. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.

4. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова М.: Наследие, 1998. 640 с.

5. *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Александр Блок в «Пантеоне» и «Всемирной литературе»: письма к З.И. Гржебину и П.О. Морозову // Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: статьи и публикации. СПб.: Скифия — ТАЛАС, 2004. С. 316–332.

6. *Гумилев Н.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. / ред. кол. Н.Н. Скатов (гл. ред.) и др. М.: Воскресенье, 1998–.

7. *Даманская А.Ф.* Где-то там… / подгот. текста, вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб.: [Б. и.], 2021. 480 с.

[40] ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-изд 4-4-10. Л. 1.

[41] *Левинсон А.Я.* «Назад в Россию» // Руль. 1921. 16 (3) марта. № 100. С. 2.

8. *Даманская А.Ф.* Карточные домики советского строительства. Берлин: Тип. «Нейе Цейт», 1921. 40 с.

9. *Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 604 с.

10. *Исаков С.Г.* Из истории русской периодической печати в Эстонии. Эсеровские издания 1920–1922 гг. // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I (Новая серия). Тарту: Тартуский ун-т, 1994. С. 176–203.

11. *Ланда Е.В.* Мелодия книги: Александр Блок — редактор. М.: Книга, 1982. 143 с.

12. *Орлицкий Ю.Б.* Гейне, Блок и Виктор Коломийцов. Приложение. Северное море. Перевод В. Коломийцова с правкой Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. [Т. 6]. С. 251–307.

13. *Савина А.Д., Чечнёв Я.Д.* Заседание памяти А.А. Блока во «Всемирной литературе» 26 августа 1921 года. Приложение. Заседание редакционной коллегии «Всемирной литературы», посвященное памяти А.А. Блока // Русская литература. 2023. № 3. С. 178–195. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-178-195

14. *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–112.

15. *Федотова С.В.* Откуда 13-е? (загадки датировки выступлений А. Блока с речью «О назначении поэта») // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 223–245. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245

16. *Чуваков В.Н.* Даманская Августа Филипповна // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. С. 152–153.

17. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агенство ФТМ, 2012–2013.

18. Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979. 447 с.

19. *Янгиров Р.* «Услужающие в людской»: Сервилизм советской литературы глазами пореволюционной эмиграции // Новое литературное обозрение. 1999. № 6 (40). С. 345–359.

Research Article

Alexander Blok on the Émigré Press: A.F. Damanskaya vs A.S. Yashchenko

© 2025. Anfisa D. Savina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article examines Alexander Blok's late note on the émigré press, written for the unpublished *Literaturnaya Gazeta* [*Literary Gazette*]. The context that influenced the creation of the note is reconstructed through the use of archival materials preserved in the A.M. Gorky Archive of the IWL RAS, specifically the protocols of editorial board meetings of the *Vsemirnaya Literatura* [*World Literature*] publishing house, where Blok was involved. The research establishes that the text was a distant

response to a polemic that unfolded after H.G. Wells' visit to Russia in the autumn of 1920 (publications by D.S. Merezhkovsky, I.S. Bunin, and other émigré authors on one side, and responses by N.S. Gumilyov and K. Chukovsky on the other). Furthermore, as the analysis of the protocols shows, Blok's theses reflect his familiarity not only with the materials of the journal *Russkaya Mysl* [*Russian Thought*] published in Sofia (as noted in E.I. Zamyatin's memoir essay) but also with the newspaper *Narodnoye Delo* [*The People's Cause*] (Reval) and the journal *Russkaya Kniga* [*The Russian Book*] (Berlin). Thus, criticizing the émigré press, Blok names the translator and journalist A.F. Damanskaya, whose publications in the Reval newspaper were discussed at meetings of the editorial board of *Vsemirnaya Literatura*. At the same time, noting a positive shift in the attitude of foreign Russian-language publications towards writers who remained in Russia, Blok refers to the critical-bibliographic journal published by A.S. Yashchenko. The article emphasizes that in his attempt to "build a bridge of understanding between émigré writers and those who remained," Blok aligns himself with A.N. Tikhonov, despite his antipathy towards the latter.

Keywords: A. Blok, H. Wells, K. Chukovsky, N. Gumilyov, A. Damanskaya, A. Yashchenko, *Vsemirnaya Literatura* [*World Literature*] publishing house, periodical press of the Russian emigration, literary polemics, journalism.

Information about the author: Anfisa D. Savina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8081-5159

E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

For citation: Savina, A.D. "Alexander Blok on the Émigré Press: A.F. Damanskaya vs A.S. Yashchenko." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 214–230. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-214-230

References

1. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki 1901–1920* [*Notebooks, 1901–1920*], comp., text prep., preface and notes by Vl. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 664 p. (In Russ.)

2. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*]. Moscow, Nauka Publ., 1997–. (In Russ.)

3. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, and K.I. Chukovskii. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960–1963. (In Russ.)

4. Bunin, I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [*Journalism of 1918–1953*], ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, Nasledie Publ., 1998. 640 p. (In Russ.)

5. Grechishkin, S.S., and A.V. Lavrov. "Aleksandr Blok v 'Panteone' i 'Vsemirnoi literature': pis'ma k Z.I. Grzhebinu i P.O. Morozovu" ["Alexander Blok in 'Pantheon' and 'World Literature': Letters to Z.I. Grzhebin and P.O. Morozov"]. Grechishkin, S.S., and A.V. Lavrov. *Simvolisty vblizi: Stat'i i publikatsii* [*Symbolists Up Close: Articles and Publications*]. St. Petersburg, Skifiia — TALAS Publ., 2004, pp. 316–332. (In Russ.)

6. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [*Complete Works: in 10 vols.*], ed. by N.N. Skatov et al. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998–. (In Russ.)

7. Damanskaia, A.F. *Gde-to tam…* [*Somewhere Out There…*], text prep., introd., and notes by O.R. Demidova. St. Petersburg, [S. n.], 2021.480 p. (In Russ.)

8. Damanskaia, A.F. *Kartochnye domiki sovetskogo stroitel'stva* [*Cardboard Houses of Soviet Construction*]. Berlin, Neie Tseit Publ., 1921. 40 p. (In Russ.)

9. Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [*Alexander Blok: The Last Years of His Life*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)

10. Isakov, S.G. "Iz istorii russkoi periodicheskoi pechati v Estonii. Eserovskie izdaniia 1920–1922 gg." ["From the History of Russian Periodicals in Estonia: Socialist-Revolutionary Publications 1920–1922"]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. I (Novaia seriia)* [*Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies. I (New Series)*]. Tartu, Tartu University Publ., 1994, pp. 176–203. (In Russ.)

11. Landa, E.V. *Melodiia knigi: Aleksandr Blok — redaktor* [*The Melody of the Book: Alexander Blok as an Editor*]. Moscow, Kniga Publ., 1982. 143 p. (In Russ.)

12. Orlitskii, Iu.B. "Geine, Blok i Viktor Kolomiitsov. Prilozhenie. Severnoe more. Perevod V. Kolomiitsova s pravkoi Bloka" ["Heine, Blok, and Viktor Kolomiitsov. Appendix. The North Sea. Translation by V. Kolomiitsov with Blok's Edits"]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [*Alexander Blok: Research and Materials*], [vol. 6]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2020, pp. 251–307. (In Russ.)

13. Savina, A.D., and Ia.D. Chechnev. "Zasedanie pamiati A.A. Bloka vo ʻVsemirnoi literature' 26 avgusta 1921 goda. Prilozhenie. Zasedanie redaktsionnoi kollegii ʻVsemirnoi literatury', posviashchennoe pamiati A.A. Bloka" ["The Meeting in Memoriam of A.A. Blok at the ʻVsemirnaia Literatura' Publishing House, August 26, 1921"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2023, pp. 178–195. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-178-195 (In Russ.)

14. Ustinov, A., and V. Sazhin. "Ozhog. K istorii nevyshedshei ʻLiteraturnoi gazety' 1921 goda" ["The Burn: On the History of the Unpublished ʻLiterary Gazette,' 1921"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1991, pp. 95–112. (In Russ.)

15. Fedotova, S.V. "Otkuda 13-e? (zagadki datirovki vystuplenii A. Bloka s rech'iu ʻO naznachenii poeta')" ["Where Is the 13th One from? (Riddles About the Date of A. Blok's Speech ʻOn the Destiny of a Poet')"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 223–245. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-223-245 (In Russ.)

16. Chuvakov, V.N. "Damanskaia Avgusta Filippovna" ["Augusta Filippovna Damanskaia"]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940): v 4 t.* [*Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora (1918–1940): in 8 vols.*], vol. 1: Pisateli russkogo zarubezh'ia [Writers of the Russian Diaspora]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, pp. 152–153. (In Russ.)

17. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

18. *Chukokkala: rukopisnyi al'manakh Korneia Chukovskogo* [*Chukokkala: Kornei Chukovsky's Handwritten Almanac*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 447 p. (In Russ.)

19. Iangirov, R. "'UsluzhaiUshchie v liudskoi': Servilizm sovetskoi literatury glazami porevoliutsionnoi emigratsii" ["'Servants in the Servants' Quarters': The Servility of Soviet Literature Through the Eyes of Post-Revolutionary Emigration"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (40), 1999, pp. 345–359. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025
Одобрена после рецензирования: 07.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.02.2025
Approved after reviewing: 07.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252
https://elibrary.ru/HNEORY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Советские корреспонденты Р. Роллана: случай А.Я. Аросева (по материалам писем и дневников)

© 2025, М.А. Ариас-Вихиль
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимоотношений Р. Роллана с одним из его советских корреспондентов — дипломатом, писателем и партийным деятелем А.Я. Аросевым. На основе писем и дневников Роллана и Аросева воссоздаются ключевые события советско-французского диалога в 1930-е гг., связанные с изменением позиции Роллана по отношению к СССР: от критики итогов Октябрьской революции писатель переходит к ревизии собственных политических взглядов и решается на путешествие в страну, которая строит «новое общество». Важную роль в подготовке его приезда сыграл Аросев, занявший в 1934 г. пост председателя ВОКС. В статье впервые публикуется письмо Роллана Аросеву от 12 мая 1935 г., в котором изложены требования писателя к его размещению, питанию и медицинскому обслуживанию в СССР. В письме Роллан высказывает озабоченность задержкой выхода очередных томов полного собрания его сочинений, а также просит уточнить возможность встреч в Москве с Горьким и Сталиным. В статье прослеживается дальнейшее развитие отношений Роллана с Аросевым: после кризиса доверия, связанного с попыткой Сталина и Аросева разместить Роллана не в доме Горького, а на охраняемой правительственной даче, Аросеву удается вернуть расположение Роллана и продолжить дружескую переписку и встречи с ним в Швейцарии, на вилле Роллана. Переписка писателя с Аросевым заканчивается с арестом последнего. Впервые вводятся в научный оборот неизданные на русском языке «Дополнения (октябрь-декабрь 1938 года)» к «Московскому дневнику» Роллана.

Ключевые слова: Ромен Роллан, М. Горький, И. Сталин, А. Аросев, ВОКС, путешествие в СССР, советско-французские литературные связи, «Московский дневник» Р. Роллана.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4182-8213

E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: *Ариас-Вихиль М.А.* Советские корреспонденты Р. Роллана: случай А.Я. Аросева (по материалам переписка и дневников) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 231–252. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252

Одним из самых именитых европейских писателей, посетивших СССР в 1930-е гг., был нобелевский лауреат 1915 г. Ромен Роллан. Поклонник творчества и личности Л. Толстого, Роллан испытывал особый интерес к России и русской культуре. Три русские революции не могли оставить равнодушным автора драм «Театра революции», его знакомство в Швейцарии с русскими эмигрантами П.И. Бирюковым, Н.А. Рубакиным, А.В. Луначарским, многолетняя переписка с Горьким, женитьба на М.П. Кудашевой лишь усилили его стремление понять происходящее в революционной, а затем в Советской России. С конца 1920-х гг. Роллан готовился посетить СССР, чтобы своими глазами увидеть страну, строящую социализм под руководством советских вождей. Во многом под влиянием переписки с Горьким Роллан постепенно приходит к мысли о неизбежности погружения России в хаос без сильного руководства и начинает ревизию своих политических взглядов, связанных с осуждением диктатуры в СССР. Он, как и Горький, готов принять происходящее в СССР как единственную возможность избежать социального и политического хаоса, привнести рациональное начало в общественную жизнь и построить новое общество на справедливых основаниях. После 10 лет полемики с большевиками о цели и средствах революции в 1927 г. Роллан поздравляет советский народ с 10-летием Октября, откликается на предложение напечатать в СССР полное собрание его сочинений и задумывается о поездке в СССР. В скандале, разгоревшемся во французской прессе в связи с распространением обращения «Писателям мира» (1927) о положении творческой интеллигенции в СССР Роллан занимает просоветскую и просталинскую позицию по отношению к писателям русской эмиграции, со многими из которых состоял в переписке, фактически отказывая им в своей поддержке [3]. Горький, остававшийся до 1933 г. в Со-

рренто, окончательно возвращается в СССР и приглашает Роллана с его женой Марией Кудашевой посетить «страну победившего пролетариата». Из переписки Роллана с Горьким следует, что личной встречи они ждали почти 20 лет. Встреча постоянно откладывалась, пока Горький не принял решение вернуться на родину. С 1928 г. Горький проводит летние месяцы в Москве (за исключением лета 1930 г.). Партийное руководство в это время прилагало огромные усилия для того, чтобы «привязать его канатами к партии», по выражению Сталина, запомнившемуся его литературному эмиссару И.М. Гронскому [8, с. 143]. В этом контексте просоветская позиция Роллана была всячески поддержана, с ним в переписку вступили директор издательства «Время» И.В. Вольфсон [9], а также опытный партийный деятель А.Б. Халатов (Арташес Багратович Халатянц; 1894–1938, репрессирован), член коллегии Наркомата просвещения, председатель правления Госиздата и ОГИЗа. Как типичный партийный функционер, Халатов слабо разбирался в художественных достоинствах произведений литературы, при этом сыграл значительную роль в становлении советской цензуры. По линии Госиздата он взял на себя переписку с Ролланом по поводу его приезда в СССР, хотя непосредственно по делам издания своего собрания сочинений Роллан переписывался с сотрудниками ленинградского кооперативного издательства «Время», которое было поглощено Госиздатом в 1934 г., а его основные пайщики подверглись арестам и репрессиям (Вольфсон, Г.П. Блок).

В Архиве А.М. Горького сохранились три письма Роллана Халатову 1931 г. по поводу его возможной поездки в СССР, видимо, пересланные Горькому для ознакомления. В письме от 22 мая 1931 г. Роллан пишет Халатову:

> Я благодарю Вас за Ваше дружеское письмо от 18 мая. Я совсем не уверен в том, что смогу этим летом приехать в СССР. В любом случае, если бы я приехал, то только в Москву и на весьма ограниченный срок. <…> Итак, если я приеду, освободите меня от утомительных вещей, мои дорогие друзья! Будет лучше — я думаю, — если мне будет предоставлена свобода выбора местожительства и передвижения — и отдыха, если это будет для меня необходимо. В особенности, мне хотелось бы пожать руку моим близким друзьям, таким, как Горький, — и всем вам своим пребыванием в Москве засвидетельствовать непосредственно мою братскую симпатию и преданность. В ближайшие дни я должен посоветоваться с моим врачом, в Цюрихе, — для того, чтобы он мне точно сказал, что я могу делать и что

> он мне позволяет. От его ответа будет зависеть мое решение. И я о нем сейчас же извещу моих московских друзей [2, с. 339].

Из Цюриха Роллан сообщает Халатову: «Мой престарелый отец умер. Мы будем сопровождать его прах на родину, в Ниверне. Сейчас я вынужден отказаться от поездки в Москву. Я сожалею об этом еще больше, чем мои московские друзья. Но я рассчитываю вознаградить себя в один прекрасный день, и мой приезд в СССР лишь откладывается на другое время, надеюсь, не слишком отдаленное» [2, с. 340]. В ответ Халатов направляет Роллану посылку с книгами Госиздата, которые приводят писателя в восхищение:

> Я получил ящик с книгами, которые Вы так любезно распорядились послать мне. Поздравляю и благодарю Государственное издательство за эти чудесные издания. Мне доставляет огромное удовольствие перелистывать эти великолепные репродукции музейных полотен, — произведения Толстого, изданные со строгой элегантностью, — изысканное и прелестное издание Вольтера, — любопытные иллюстрации к роману Достоевского, — и иллюстрированные брошюры, прекрасный образчик популярных изданий, ясно и тщательно сделанных. Все это делает честь СССР и тем, кто стоит во главе его интеллектуальной культуры [2, с. 340].

В этом письме от 26 июня 1931 г. Роллан подтверждает свое намерение посетить СССР:

> Я уже писал Вам о том, как сожалею, что вынужден отказаться от запланированной на это время поездки в Москву. Смерть отца, здоровье сестры, подорванное напряжением последних недель, необходимость хоть немного отдохнуть заставляют меня отложить путешествие на более поздний срок. Можете быть уверены, что я его осуществлю, но в другое время. Я этого очень хочу, так же, как и мои московские друзья [2, с. 340].

В 1930 г.[1] в переписку с Ролланом вступил советский партийный деятель, дипломат и писатель Александр Яковлевич Аросев (1890–1938, репрессирован). Аросев принимал активное участие в Октябрьской революции, был членом Военно-революционного

[1] Два письма Аросева Роллану за 1930 г. находятся в фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции в Париже. Однако нельзя исключать, что им могли предшествовать другие письма.

комитета в Москве, руководил артобстрелом Кремля, находившегося в руках юнкеров. В 1920-е работал в ВЧК, а с 1927 г. занимал высокие дипломатические должности: в 1927–1928 гг. — полпреда СССР в Литве, в 1929–1933 гг. — полпреда в Чехословакии, затем был на дипломатической работе во Франции. Его дочь, известная актриса О.А. Аросева, издавшая его дневники тех лет, вспоминает: «Отец вообще был натурой артистической. <…> Совсем молодым увлекся революционными идеями. За свою подпольную большевистскую деятельность 4 раза был в ссылке, трижды сидел в тюрьме. В первые годы советской власти стал крупным культурным деятелем, был на дипломатической работе за рубежом. В 1934 г. возглавил ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. По его приглашению в СССР приезжали Андре Жид, Анри Барбюс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер. Благодаря ему в Россию вернулся граф Алексей Толстой, бывший до этого в эмиграции. В квартире бывали Немирович-Данченко, Таиров и Коонен, молодой Борис Ливанов» [5].

В 1933 г. Аросев был отозван в Москву, а в 1934-м назначен на пост председатель ВОКС[2]. Их переписка с Ролланом носит довольно регулярный характер, Роллан поздравляет его с этим назначением. Аросев становится одним из главных действующих лиц, готовивших приезд Роллана в СССР, а затем принимавших чету Роллан в Москве. Он посещает Роллана в Швейцарии на вилле «Ольга», знакомится с его женой М.П. Кудашевой-Роллан, в дальнейшем помогает получить визу для поездки в Швейцарию ее 17-летнему сыну Сергею Кудашеву (1917–1941), остававшемуся в Москве. Аросев считал себя другом Роллана после нескольких лет переписки и личного знакомства в январе 1935 г. В фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции сохранилось 9 писем и 2 телеграммы Аросева Роллану, а также два письма Роллана Аросеву. В Российской государственной библиотеке хранятся 4 письма Роллана Аросеву. На основе этой никогда не публиковавшейся переписки можно воссоздать историю знакомства и личных отношений между Ролланом и Аросевым, в которых Аросев

[2] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было основано в 1925 г. для пропаганды советской культуры и искусства за рубежом, а также с целью осуществления контактов с иностранными деятелями культуры, искусства, литературы, науки. Первым председателем правления стала Ольга Каменева (сестра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева). Общество занималось организацией международных выставок, фестивалей и конкурсов, поездок в СССР зарубежных делегаций, а также отдельных видных деятелей науки и культуры (П. Ланжевена, Р. Роллана, М. Андерсен-Нексе, Р. Тагора и др.). В 1958 г. ВОКС было преобразовано в Союз советских обществ дружбы (ССОД). В 1925–1931 г. Общество располагалось в Москве по адресу: Малая Никитская, 6, а после передачи особняка Горькому, с 1932 по 1954 гг. по адресу: Большая Грузинская, 17. В 1935 г. здесь состоялась встреча Ромена Роллана с московской творческой интеллигенцией, описанная в его «Московском дневнике».

предстает, прежде всего, как собрат по перу, а не только как советский дипломат и партийный функционер. Письма Роллана Аросеву дают представление о том, какой видел Роллан свою поездку, кого писатель хотел повидать в СССР, какие условия он считал необходимыми для того, чтобы его путешествие состоялось. Аросев приехал встретить Роллана в Варшаву, чтобы сопровождать его в Москву, по приезду разместил чету Роллан в своей квартире в знаменитом Доме на набережной. Именно Аросев стал организатором встречи Роллана со Сталиным, а затем и переводчиком их беседы в Кремле. Однако в ходе пребывания Роллана в СССР возникли разного рода сложности, которые имели для Аросева неприятные последствия и, как он считал, ускорили его надвигавшуюся опалу. В письмах обсуждается возможность публикации записи беседы Роллана со Сталиным, разрешение на которую Роллан ждал, но так и не дождался, получив год спустя через Аросева отрицательный ответ советского вождя.

Публикуемое ниже письмо написано Ролланом незадолго до его поездки в СССР и содержит несколько важных сюжетов, которые во время его пребывания в Москве получат свое развитие и завершение.

Villeneuve (Vaud) villa Olga
12 mai 1935

Cher camarade Arosseff

Je vous remercie de votre lettre, qui confirme malheureusement mes regrets exprimés au sujet des retards considérables (plus d'une année) apportés par les raisons d'Etat à la publication de mes "Oeuvres complètes".

Maintenant, je dois vous écrire, au sujet de notre projet de venue à Moscou. Le médecin que j'ai consulté, à Zürich, m'en a accordé l'autorisation, — non sans de très sérieuses réserves: car l'examen a révélé une situation (pulmonaire et intestinale) toujours grave, qui m'impose la nécessité absolue de règles très strictes. — Permettez-moi donc de vous les exposer et ayez la bonté de me dire, au plus tôt, si ces conditions pourraient être réalisées, sans trop d'incommodité.

1/ En premier lieu, il m'est tout à fait nécessaire d'avoir à notre disposition, une auto fermée, pour toute la durée de notre séjour à Moscou (environs 3 semaines);

2/ un logement de deux chambres à coucher, communicantes, avec cabinet de toilette (WC.) également communicant, — pouvant, en cas de refroidissement de la température, être chauffées;

3/ toutes garanties d'être bien défendu contre les visites, et l'assurance que je pourrai ne recevoir qu'un petit nombre de visiteurs choisis. Le médecin m'interdit toute conference, et m'ordonne de prendre un jour de repos sur cinq;

4/ pour le régime, je crois qu'avec la surveillance de ma femme, et ne serait pas trop difficile à organiser: car il s'agit surtout de cuisine au beurre (viandes grillées), légumes et fruits seulement sous forme de jus (carottes, raisins), oeufs et poisons frais;

5/ je pense que je pourrai facilement consulter un bon médecin spécialiste des maladies intestinales. Mon docteur de Zürich m'a remis pour lui une lettre explicative de mon état.

Notre intention serait de venir à Moscou, vers le 15–17 juin, via Zürich-Autriche: car le transit par l'Allemagne me serait refusé, comme il l'a été à plusieurs de mes amis intellectuels français qui ont pris part publiquement contre Hitler. Et d'autre part, il est mieux que je puisse faire le voyage par étapes, avec de courtes haltes à Vienne et à Varsovie.

Mais mon plus grand désir étant, vous le savez, de me rencontrer à Moscou avec Gorki, et d'avoir un court entretien avec Staline, il ma faut savoir si j'ai quelque chance de les voir, à cette date. Je sais que Gorki est invité au Congrés des écrivains, à Paris; et la date de ce Congrès, encore incertaine, est fixée environ vers le 21 juin. Pourrais-je savoir si Gorki s'y rendra directement, et s'il aurait l'intentation de faire un séjour à Paris, ou, s'il reviendra avant la fin de juin, à Moscou? Je calculerais les dates de mon voyage, d'après ces données, car, de toute façon, je ne pourrai rester à Moscou plus de trois semaines.

Dites-moi aussi s'il n'est pas trop indiscret de demander à Staline s'il veut bien m'accorder quelques instants. Vous savez combien je l'admire. Et ce serait pour moi une occasion unique de lui dire ce que je ne pourrais lui exprimer par écrit.

Je vous serre cordialement la main, mon cher ami. Marie Pavlovna me charge de vous transmettre ses amitiés.

Votre dévoué

Romain Rolland.

P.S.

J'ai bien reçu vos reflexions au sujet de l'arrangement de *Colas Breugnon* par Mescheriakov. Elles me semblent justes; (mais Mescheriakov ne m'a jamais soumis son scénario). C'est à des hommes compétants tels que vous et les directeur des firmes cinématographiques de décider si l'arrangement convient ou non. Je ne puis être un bon juge. Merci pour l'envoi du beau discours de Staline!

[Перевод:]

Вильнёв (Во) вилла Ольга
12 мая 1935 г.

Дорогой товарищ Аросев,

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое, к сожалению, подтверждает мои огорчения, которые я высказывал по поводу значительных задержек (более года), вызванных государственными причинами, с публикацией моего «Полного собрания сочинений».

Теперь я должен написать Вам о нашем плане приезда в Москву. Врач, к которому я обращался в Цюрихе, дал мне разрешение — не без очень серьезных оговорок: поскольку обследование выявило все еще серьезную проблему (с легкими и кишечником), которая налагает на меня абсолютную необходимость соблюдения очень строгих правил. — Позвольте мне тогда объяснить их вам и, пожалуйста, будьте так любезны сообщить мне как можно скорее, можно ли выполнить эти условия без особых неудобств.

1) Прежде всего, мне абсолютно необходимо иметь в своем распоряжении закрытый автомобиль на весь срок нашего пребывания в Москве (около 3 недель);

2) жилье с двумя смежными спальнями, с прилегающей ванной комнатой (туалетом), которая может отапливаться в случае понижения температуры;

3) все гарантии надежной защиты от посещений и уверенность в том, что я смогу принять только небольшое количество избранных посетителей. Врач запрещает мне какие-либо выступления и рекомендует брать день отдыха раз в пять дней;

4) что касается диеты, то я считаю, что под присмотром моей жены ее не составит большого труда организовать: поскольку в основном это приготовление пищи на сливочном масле (мясо на решетке), овощи и фрукты только в виде сока (морковь, виноград), яйца и свежая рыба;

5) я надеюсь, что мог бы консультироваться с хорошим врачом, специализирующимся на кишечных заболеваниях. Мой врач в Цюрихе дал мне письмо для него с объяснением моего состояния.

Мы хотели бы приехать в Москву примерно 15–17 июня через Цюрих и Австрию, поскольку в транзите через Германию мне скорее всего откажут, как это было со многими моими друзьями, французскими интеллектуалами, которые публично выступили против Гитлера. С другой стороны, будет лучше, если я смогу совершить путешествие в несколько этапов, с короткими остановками в Вене и Варшаве.

Но, как вы знаете, мое самое большое желание — встретиться в Москве с Горьким и иметь короткую беседу со Сталиным, мне нужно знать, есть ли у меня шанс увидеть их в эти дни. Я знаю, что Горький приглашен на Конгресс писателей в Париж; и дата этого Конгресса, пока не точная, назначена примерно на 21 июня. Могу ли я узнать, поедет ли Горький прямо туда и намерен ли он остаться в Париже, или же вернется в Москву до конца июня? Исходя из этой информации, я рассчитаю даты своей поездки, так как в Москве в любом случае я не смогу находиться больше трех недель.

Скажите мне также, не будет ли слишком нескромно спросить Сталина, сможет ли он уделить мне несколько минут. Вы знаете, как я им восхищаюсь. И это была бы для меня уникальная возможность сказать ему то, о чем я не смог бы написать ему.

Сердечно жму Вашу руку, мой дорогой друг. Мария Павловна просила меня передать Вам ее наилучшие пожелания.

Преданный Вам

Ромен Роллан.

P.S.

Я получил Ваши соображения об обработке Мещерякова «Кола Брюньона». Мне они кажутся справедливыми (но Мещеряков не представил мне свой сценарий). Компетентные люди, такие как Вы или директора кинокомпаний, должны решить, подходит ли эта обработка или нет. Здесь я не могу быть хорошим судьей. Спасибо за то, что прислали мне прекрасную речь Сталина![3]

Письмо, написанное 12 мая 1935 г., начинается с замечания Роллана о задержке издания его полного собрания сочинений, предпринятого ленинградским кооперативным издательством «Время» под редакцией профессора западноевропейской литературы Московского университета, президента ГАХН П.С. Когана в конце 1920-х гг. (первый том вышел в 1930 г. под редакцией П.С. Когана и С.Ф. Ольденбурга, с предисловиями М. Горького, А. Луначарского и С. Цвейга) и завершенного Госиздатом к юбилею Роллана в 1936 г. (всего вышло 20 томов). После ареста в 1930 г. по «академическому делу» [1, с. 350] директора и основного пайщика издательства И.В. Вольфсона[4], издательство возглавил Луначарский. Лучшими достижениями издательства, помимо полного собрания сочинений Роллана, стали научно-популярная серия «Занимательная наука», полное собрание сочинений Стендаля, авторизованное собрание сочинений С. Цвейга в 12 томах.

Литературным секретарем П.С. Когана была М.П. Кювилье-Кудашева [2, с. 376–396], которая написала Роллану после прочтения его открытого письма «Ромэн Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину» в ответ на обращение «Писателям мира», а в дальнейшем вела переписку с Ролланом по делам издания и вскоре стала его женой [2, с. 380]. Большую часть своего гонорара за издание Роллан распорядился отдавать в пользу нуждающихся советских студентов, другую часть получал по доверенности его пасынок Сергей Кудашев. Задержка, по-видимому, объяснялась тем

[3] НИОР РГБ. Ф. 252 (Ромен Роллан). Карт. 4. Ед. хр. 2. Перевод с франц. автора статьи. Подчеркивания в письме принадлежат Роллану.

[4] И.В. Вольфсон (1882–1950) был осужден по ст. 58 и по ст. 169 УК РСФСР (в редакции 1926 г.) и приговорен к трем годам лишения свободы (работал на строительстве Беломорканала). Освобожден в марте 1935 г. В мае 1989 г. реабилитирован. Историк советской цензуры А.В. Блюм опубликовал донесение ОГПУ, в котором Вольфсон был назван одним из инициаторов антисоветского обращения «Писателям мира» [6].

фактом, что накануне Первого съезда советских писателей 1 августа 1934 г. кооперативное издательство «Время» было ликвидировано и вошло в состав Госиздата. Важную роль в организации и редакции этого издания играл Г.П. Блок, один из основателей и главный редактор издательства «Время», арестованный 25 февраля 1935 г. и приговоренный к ссылке в Казахстан (его судьба будет волновать Роллана, и его имя неоднократно встречается на страницах «Московского дневника» [13], написанного в результате поездки в СССР в 1935 г., Роллан хлопотал о смягчении его участи). Арест Блока, который как главный редактор и переводчик курировал собрание сочинений Роллана, не мог не сказаться на сроках выхода очередных томов и привел к задержке издания. Роллан был встревожен этой ситуацией. Спасло положение только то, что в январе 1936 г. на правительственном уровне было решено праздновать юбилей Роллана, и в спешном порядке Госиздат завершил издание полного собрания сочинений, которое и стало главным подарком к 70-летию писателя.

Второй важный сюжет письма связан с просьбой Роллана о согласовании встреч в Москве с Горьким и Сталиным, а также дат поездки Роллана в зависимости от Конгресса писателей в защиту культуры в Париже. В архиве А.М. Горького сохранилось письмо Аросева Горькому с выпиской из этого письма Роллана. Посылая (с грифом «секретно») перевод абзаца письма с вопросами Роллана о желании встретиться в Москве с Горьким и Сталиным, Аросев просил:

> Москва, 17 Мая 1935 г.
>
> Дорогой Алексей Максимович,
>
> Посылаю Вам выдержку из письма Ромэн Роллана и прошу Вас поставить меня в известность, как Вы будете реагировать на просьбу Ромэн Роллана, так как я с ним по поводу приезда и не только, в связи с приездом, нахожусь в длительной и систематической переписке.
>
> С товарищеским приветом
>
> *А. Аросев* [2, с. 327].

На письме — записка Горького карандашом его многолетнему секретарю и другу П.П. Крючкову: «Дорогой П<етр> П<етрович>. Пожалуйста, ответьте Аросеву. А<лексей> П<ешков>» [2, с. 328].

Как мы знаем, поездка Горького в Париж не состоялась, главным образом, из-за нежелания самого Горького участвовать в Конгрессе. О причинах его отказа мы подробно писали ранее [2, с. 328–330]. О том, как и кем согласовывались даты поездки Роллана существуют

различные версии, но из приводимого письма видно, что Роллан связывал их с присутствием Горького в Москве и встречей со Сталиным. Месяцем раньше, в письме от 15 апреля 1935 г., Роллан уже изложил Горькому свою просьбу увидеться со Сталиным [2, с. 302], о чем Горький поставил в известность куратора Союза писателей по линии ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова[5], прося сообщить Сталину о желании Роллана встретиться с ним [2, с. 303]. 22 мая Горький сообщает Щербакову, занимающемуся организацией парижского Конгресса, о своем отказе от участия в нем, что вызывает обеспокоенность Кремля. 31 мая Сталин и Молотов лично обращаются к Горькому, отправив в Тессели телеграмму: «Алексею Максимовичу Горькому. Копия: Щербакову. *По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволяет. Сталин. Молотов.* 31.5.35. 14 ч. 35 мин.» [7, с. 385]. 8 июня Горький получает заграничный паспорт, но своего решения не меняет[6]. Эта телеграмма опровергает сложившееся мнение, что Горького не выпустили в Париж: напротив, Сталин был заинтересован в его поездке, так как отказ Горького заставлял пересмотреть концепцию поездки и состава делегации, лишавшейся главной фигуры.

Интересен упомянутый в письме факт написания киносценария по повести Роллана «Кола Брюньон», которую любили в СССР, благодаря ее жизнеутверждающему пафосу и главному герою, человеку из народа. В разные годы на основе сюжета этой повести ставились театральные и радиоспектакли, снимались кинофильмы. В письме Роллана речь идет об одном из первых обращений к повести кинематографистов. Фильм снят не был, но по драматургической адаптации Т.С. Мещерякова в 1936 г. был поставлен спектакль в Центральном театре Красной армии. В начале 1938 г. в Малом оперном театре состоялась премьера оперы Д.Б. Кабалевского «Мастер из Кламси» («Кола Брюньон»), которая прошла с большим успехом, хотя сам композитор считал либретто В.Г. Брагина излишне политизированным (спектакль заканчивался народным восстанием, которого не было у Роллана). Роллан пристально следил за постановками, в том числе и благодаря Аросеву. Так, в письме от 12 апреля 1937 г. Аросев сообщал Роллану о постановке Н.П. Охлопкова:

5 А.С. Щербаков (1901–1945) в 1934–1935 гг. занимал должность зам. зав. Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б). С 1934 г. был оргсекретарем Союза писателей СССР (председатель А.М. Горький), с 1935 г. по совместительству заведующим Отделом культпросветработы ЦК.

6 Факт получения Горьким заграничного паспорта упоминает Б.Ф. Фрезинский, давший свою версию работы Парижского конгресса [12, с. 318].

> Как раз на днях я видел премьеру «Кола Брюньон» в Реалистическом театре. Об этом спектакле трудно говорить, но, если Вы позволите, скажу, что спектакль посредственный. В нем нет ни глубины сцены, ни света. С начала до конца спектакля на сцене остается Брюньон, говорит все время в повышенно-радостном тоне — надоедает ужасно. В середине спектакля вдруг скачок в прошлое: Брюньон делается молодым, влюбляется в Ласочку, а через 10 минут они оба пожилые и сентиментально вспоминают свою молодость. Все так ложно, без жизни, без крови. Не уверен, будет ли спектакль иметь успех. И, признаться, жалел, потому что Вашего «Брюньона» так же исковеркали, как Герцог исковеркал фигурки, сделанные Брюньоном [4, с. 336–337].

Из писем и дневников Аросева видно, что он не скрывает своего искреннего восхищения творчеством Роллана, его личностью. В январе 1935 г. он приезжает в гости к Роллану на виллу «Ольга» в Швейцарии, наслаждается интеллектуальной атмосферой его дома:

> Человек неисчерпаемого благородства. Лицо его все в сиянии. Глаза светлые, большие, исключительной доброты. Брови сосульками по краям, свисают вниз. У него даже в улыбке много мысли. Прост. Нет, я никогда еще так сильно не вдыхал атмосферу работы мысли и литературы, как здесь у него. Этот великий художник, спаянный в одном человеке с мыслителем, живет так, как будто направляет всего себя, всю свою мысль и художественное мастерство вперед, независимо от тела <…> Уехал я от этого человека, как от большой совести нашего века. Образ его крепко запечатлелся во мне [4, с. 126–129].

Аросев тонко подмечает разницу между писателем-созерцателем, каким он считает Роллана, и собой — тоже писателем, как ему представляется, но при этом человеком дела. В дневник он записывает диалог с М.П. Кудашевой по дороге на вокзал Монтре:

> Провожая меня на вокзал, жена Р. Роллана рассказала следующее:
> — Вы такое огромное впечатление произвели на Роллана вашим живым изображением жизни революционеров, что, ложась спать, он грустно сказал: «Ну, вот, видишь, как люди боролись, а я такую неинтересную прожил жизнь». Мне даже жалко стало. Роллан ни с кем из СССР не говорил с таким интересом, как с Вами. Все прошлые разговоры были скорее официальными или полуофициальными. И никогда Р. Р. не смеялся так, как с Вами.

> А мне, признаться, от этих слов Марии Павловны и самому стало стыдно. Я сам свою жизнь считаю скучной и очень внешней, мне хотелось бы также жить мыслью, как он, хотя бы в тысячной доле [4, с. 129].

Аросев едет в Варшаву, чтобы встретить там Роллана и сопровождать его до Москвы (он предложил Роллану приехать за ним в Швейцарию, но Роллан отказался). Однако после их приезда в Москву 23 июня 1935 г. характер общения Аросева с Ролланом изменился: Аросев пытается в точности выполнить указания Сталина, но при этом его действия не встречают понимания ни со стороны Сталина, ни со стороны Роллана. О «неловкости» Аросева, его «интригах» идет речь в «Московском дневнике» (1935), а затем и в «Дополнениях (октябрь–декабрь 1938 года)» к нему [11; 13, p. 275–295]. Роллан рассказывает о планах разместить его на правительственной даче в Подлипках (до 28 июня они с женой жили в гостинице «Савой»), череде недоразумений и конфликтов. Не менее подробно излагает собственную версию событий Аросев в своих дневниках.

Роллан не мог избавиться от чувства недоверия к Аросеву, ему казалось, что Аросев использует его («монополизирует меня»)[7] из соображений собственной карьеры. Роллан фиксирует проявления его грубости и мстительности по отношению к персоналу. Он неприятно поражен двуличием Аросева в момент приезда в его квартиру в Доме на набережной А.С. Серафимовича (история с горничной и клопами: «она еще поплатится» [13, p. 280]), несправедливостью по отношению к медсестре Роллана, которую уволили за отказ выполнить приказ Аросева, идущий вразрез с требованием врача («я понял, что это была месть Аросева» [11, № 4, с. 241]). Роллан комментирует этот факт: «Неблагоразумно давать отдельным людям слишком большую власть. Когда власть одного ограничивается исключительно властью другого, возникают неизбежные ссоры и соперничество, начинается борьба не на жизнь, а на смерть». Роллан наблюдает еще несколько эпизодов бестактного поведения Аросева (в частности, его ожесточенную ссору в присутствии Роллана с секретарем Горького П.П. Крючковым), фиксирует негативные мнения об Аросеве писателей («Поразительна была бурная реакция Третьякова и Динамова, которые пришли встретить меня по прибытии к поезду в Москве. Когда они узнали, что мы собираемся остановиться

[7] Здесь и далее текст «Московского дневника» цитируется по публикации [11]; текст «Дополнений к “Московскому дневнику”» — по изданию [13, p. 275–295] в переводе автора статьи.

у Аросева, они отвели меня в сторону и предупредили: “Главное, не ходите к Аросеву! Я говорю вам очень серьезно”» [13, p. 280]) и партийного руководства (30 июня: «На великолепном празднике молодежи на Красной площади Сталин, увидев нас, попросил нас с женой подняться на мавзолей Ленина, — Аросев хотел последовать за нами, что было бы как бы естественно. Но офицер, который должен был проводить нас туда, запретил ему это сделать. Жгучая обида. Знак того, как мало благосклонности или уважения оказывали ему “великие товарищи”» [13, p. 282–283]). Роллан отмечает, что, возможно, Аросев «неплохой человек, но ограниченный и холерик». В дневнике Роллана возникает характеристика Аросева в одном слове: «Вепрь» [11, № 3, с. 216]. Роллан по-своему сочувствует Аросеву, наблюдая признаки его близкой опалы: «Почти все, с кем я о нем говорил в Москве, отзывались презрительно: “Дурак”[8]. Он не дурак. Но его непоправимо бестактные поступки, которые он совершает из-за своего уязвленного самолюбия, превращаются в опасные промахи. Из-за этого он потерял пост посла. Боюсь, по этой же причине он потеряет и пост председателя ВОКСа» [11, № 3, с. 216].

Однако главное опасение, связанное с желанием Аросева взять Роллана под свое покровительство, состоит вовсе не в его характере, каким бы он ни был, а в его близости к спецслужбам («Боюсь, он был из тайной полиции <…> неосмотрительная болтовня Аросева в дороге произвела на нас впечатление, что у него были хорошие связи с секретной полицией» [13, p. 280].). Роллан опасается давления со стороны Аросева, подозревая, что тот не только «орудие ЦК и Сталина» [13, p. 280], но и «тайной полиции». Особенно тяжелое впечатление на Роллана произвела попытка Аросева увезти их с женой на правительственную дачу прямо из Большого театра (где они смотрели спектакль «Бахчисарайский фонтан»): «Он явился в сопровождении начальника личной охраны Сталина — огромного великана с квадратными плечами, кудрявого, с широким улыбающимся лицом. <…> Он выразил желание забрать нас посреди ночи, чтобы увезти, — сказал он, — на предложенную Сталиным дачу в нескольких километрах от Москвы. Я категорически отказался. Маша даже волновалась, возвращаясь из театра в гостиницу “Савой”, что машина увезет нас, без нашего согласия, из Москвы» [13, p. 281].

На следующий день Аросев предпринял еще одну попытку добиться переезда Роллана на правительственную дачу: «В четверг вечером, 27 июня, без моего ведома, Маша, которую Аросев продол-

[8] Написано в дневнике по-русски латиницей.

жал уговаривать принять гостеприимство Сталина и переехать на его дачу, несмотря на мой категоричный отказ, не смогла уклониться от настойчивой просьбы Аросева хотя бы посмотреть на эту дачу. Пока я лежал в постели, после ужина, и думал, что она в театре, она поехала на дачу. Ни в чем не уверенная, она попросила Лидию Павловну[9] сопровождать ее. Она рассказала, что дача была очень красивой, в стиле дома Горького, но поменьше, и в ней жил военный. (Меня бы хорошо охраняли!) В машине Аросев расписывал все преимущества дачи и настойчиво просил, чтобы мы приехали, "хотя бы на день или два, чтобы товарищ Сталин не обиделся"» [13, p. 281]. Суть этих настойчивых просьб Аросева с самого начала была понятна Роллану. Она состояла в стремлении оторвать Роллана от Горького, под гарантии которого писатель ехал в СССР и гостеприимством которого рассчитывал воспользоваться: «И он удвоил свои просьбы, чтобы мы не ехали в дом Горького. Но я держался, и Маша была полностью со мной согласна, — Аросеву пришлось смириться со своим проигрышем» [13, p. 281]. Роллан связал провал этой попытки с дальнейшей опалой Аросева: «У меня были все основания полагать, что Сталин его не простил (не простил ему особенно того, что он впутал сюда Сталина и проиграл дело). Во время беседы 28 июня Сталин отрицал, что у него есть дача и что он хотел пригласить меня к себе, сведя разговор о приглашении к банальному предложению Совнаркома, в распоряжении которого есть несколько дач для приема почетных гостей, и я понял, что таким образом он дезавуировал неудачную попытку Аросева; но я вовсе не уверен, что это была его инициатива и что он поощрял Аросева» [13, p. 281].

Аросев дает свою версию произошедшего, описывая в дневнике беседу со своим старым другом, одноклассником по казанской гимназии В.М. Молотовым:

> Мне инкриминируется также и то, что я не сумел вместе с Румянцевым (человек из охраны Сталина) сагитировать Р.Р. переехать на дачу правительства.
>
> — Вяча, Вяча, — ответил я моему обвинителю, — ведь ты не знаешь, до твоего прихода я беседовал на квартире Сталина в присутствии Кагановича и Ворошилова, ночью, когда был вызван из театра, где Р.Р. смотрел «Бахчисарайский фонтан». Тогда Сталин настаивал, чтоб я взял с собой Румянцева и, вопреки моим возра-

[9] Жена директора Малого театра Амаглобели.

жениям, настоял, чтоб я предложил Р.Р. немедленно переселиться на дачу правительства (Липки). Это было невозможно.

Старик, усталый от бдения, от спектакля, от московских впечатлений, живший всю жизнь на одном месте, давно не видевший публики, большого скопления людей, а поэтому страшно утомленный, ночью получает странное приглашение переселиться, да еще при этом присутствует специальный человек в военной форме! Конечно, провал был обеспечен, я предупреждал об этом. Меня не послушали. Только пришедший Вяча, сам по себе, без моих доводов, понимал, что ночью делать такие гостеприимные предложения не следует. Я это предложение сделал потому, что настаивали и тем самым сорвал возможность пригласить его в подходящий момент разговора, на другой день.

Кажется, Вяча понял, что меня нельзя осуждать. Мария Павловна <Кудашева-Роллан> все же во многом виновата, она ведет свою линию. Вяча ко мне лучше относится, чем она. Обо всем этом нужно написать Сталину [4, с. 177–178].

Аросев пишет в своем дневнике, что попал в немилость к Сталину не только из-за провала с дачей, но и из-за своего участия в беседе Роллана с вождем в качестве переводчика:

2 июля <1935>. У Вячи М<олотова> на даче. В.М. попрекает тем, что чересчур услужлив Ромэну Роллану — до надоедливости. «Знаю, — говорит он, — твои манеры. Они могут показаться навязчивыми». Значит, и это дело, которое я делал с таким вдохновением, завистники хотят испортить. Ничего конкретного, просто навязчив. А я почти что не бывал с Ролланом, я максимально держался в стороне.

Вяча говорил, что Сталин остался недоволен моим переводом и думает, что я передавал неточно и кое-что вставлял от себя, что меня часто поправляла Мария Павловна. Она меня поправила всего два раза и только потому, что ей легче понимать мужа, она лучше слышит и разбирает дикцию, кроме того, она, безусловно, была самим Р.Р. подготовлена к разговору. Я же — совершенно нет, я не мог и не говорил с Ролланом о том, о чем он предполагает беседовать со Сталиным. Понятно, что мой перевод был сырой.

Решили, что я был не бесстрастен и сух, как обычный переводчик, а вставлял свои замечания, но этого не было. Может быть, просто кому-то надо, чтобы мой перевод не понравился? Может быть, против меня продолжается страшная и большая интрига, и, может быть, поэтому-то и вызывали меня к Сталину для беседы, чтобы поиграть со мной, как тигр с маленьким мышонком? [4, с. 39].

Сложное отношение Роллана к тому, что он называет «интригами» Аросева, тем не менее, не изменило дружеского расположения к нему писателя, он убежден, что Аросев «искренне дружил с нами», хотя и стремился «хвастать» этой дружбой «в своих интересах» [13, p. 281].

После переезда в дом Горького общение Роллана с Аросевым сошло на нет, да и сам Аросев был отправлен в командировку в Европу, где по поручению Сталина он занимался покупкой архивов Маркса и Энгельса, о чем он подробно рассказал в четвертой тетради своих дневников. На обратном пути из Москвы в Варшаву Роллана сопровождал Крючков. В начале 1936 г. Аросев нашел возможность вновь увидеться с Ролланом в его доме в Швейцарии. Роллан и его жена оказали Аросеву теплый прием и подтвердили свои дружеские чувства к нему. Аросев подытоживает свои впечатления: «Вообще, как я и предвидел: внутренний мир Роллана точного и очень чистого сложения политику принял за этическую деятельность и не вынес московского ловкачества. Он слишком нетерпеливый человек, чтоб равнодушно проходить мимо явления, которое еще не слишком ясно освещено. Роллан слишком глубоко впитал и нашего Льва Толстого, и Ганди, и слишком он француз — потомок благородных римлян, тех, кто без страха перед казнью переходили к христианству» [4].

С Аросевым Роллан передает многостраничное письмо Сталину (от 27 декабря 1935 г.), целиком посвященное вопросам репрессий в СССР. Роллан приводит цитаты из их беседы в Кремле, надеясь получить ответ на накопившиеся на Западе обвинения в адрес внутренней политики, проводимой в СССР. Роллан подчеркивает, что это его третье письмо вождю, на первые два он не получил ответа. Аросев передает письмо Сталину 16 января 1936 г. Из писем Аросева Роллан узнает и о нежелании Сталина дать разрешение на публикацию их беседы в Кремле. Нет ничего удивительного в том, что Сталин отказался от публикации этой беседы в каком бы то ни было виде, отвечая молчанием на все призывы Роллана предать огласке аргументацию вождя по поводу репрессивной политики по отношению к гражданам СССР. Став активным корреспондентом Горького, Роллан надеялся, что таким путем можно будет гуманизировать советскую политику, в основе которой лежал принцип «цель оправдывает средства». Тема репрессий в СССР становится в 1930-е гг. основной в его письмах Горькому и главной — в беседе со Сталиным. 1936 год стал переломным для Роллана: 18 июня умер Горький, влияние и помощь которого давали возможность Роллану получать хоть какие-то ответы на волнующие его общественно-политические вопросы и защищать

тех, кто подвергался преследованиям. Его контакты с СССР с этого момента начали приобретать формальный характер.

«Московский дневник» Роллана 1935 года, увидевший свет по воле автора лишь полвека спустя, стал глубоким размышлением писателя над увиденным и услышанным в СССР. Противник европейского союза, Роллан не был и сторонником интеграции СССР и Европы: Советский союз рассматривался им как альтернативная сила, способная противостоять наступлению европейского фашизма. В целом «советский проект» представлялся Роллану достойным реализации, несмотря на явное неблагополучие проводимой государством внешней и внутренней политики. Об этом говорит публицистика писателя тех лет. И только в своих эго-документах (письмах и дневниках) Роллан откровенно высказывает сомнения в методах осуществления декларируемых достижений по строительству «нового общества» и воспитанию «нового человека».

Как мы видим, Аросев сыграл важную роль в подготовке путешествия Роллана в СССР, в его приеме и в беседе писателя с советским вождем. Будучи творческим человеком и одновременно стремясь в точности выполнять указания Сталина, Аросев оказался в сложном положении. Однако не служебные промахи стали причиной его опалы и ареста в 1937 г., а тот факт, что он принадлежал к числу так называемых старых большевиков, как и Н.И. Бухарин, которого отметил своим расположением Роллан (о нем также идет речь в «Московском дневнике»). Именно в их защиту выступил писатель, написав Сталину письма в связи с их арестом (в защиту Бухарина письмо от 18 марта 1937 г. и Аросева — от 4 августа 1937 г.). Письмо в защиту Аросева показывает, что Роллан был хорошо осведомлен о частной жизни Аросева, его здоровье и здоровье его близких, знал его детей, знал даже о сложностях в семье «иностранной» жены Аросева Г. Фройнд, которую тот привез из Праги. Письмо наполнено глубоким сочувствием и симпатией к Аросеву и его близким. Это говорит о том, что Аросев вызывал у Роллана подлинный, а отнюдь не формальный интерес. Роллан писал Сталину: «За многие годы, в течение которых я имел с Аросевым частые встречи и переписку, он всегда проявлял по отношению к Вам абсолютную верность и привязанность. Ни слова, которое выдало бы колебания или недоверие. Он говорил о Вас с любовью и гордостью. Между тем, Аросев не из тех, кто способен скрывать свои чувства, независимо от того, “за” он или “против”» [10, с. 287]. Все письма Роллана остались без ответа (он

ходатайствовал также об освобождении микробиолога О. Гартоха, неоднократно подвергавшегося арестам).

После смерти Горького в Москве набирают оборот политические репрессии. Наблюдая за московскими процессами, за уничтожением в ходе третьего московского процесса окружения Горького, Роллан делится своими размышлениями в «Дополнениях (октябрь–декабрь 1938 года)» к «Московскому дневнику». Он не верит официальной версии об участии в убийстве Горького людей из его окружения (врачей Плетнева и Левина, секретаря Крючкова). Не верит Роллан и в виновность Аросева и Бухарина, как и других своих знакомых в СССР, с которыми ему довелось лично общаться.

Переписка Роллана с Аросевым, еще не введенная в научный оборот, является важной страницей франко-русского культурного диалога. Разумеется, она не так значительна, как переписка Роллана с Горьким, продолжавшаяся 20 лет. Во время путешествия в СССР Роллан познакомился со многими известными представителями советской культурной и политической элиты. Однако в 1930-е гг., помимо Горького, именно Аросев стал наиболее близким Роллану корреспондентом и собеседником. Несмотря на все опасения и подозрения, Роллан верил в искренность Аросева, в его доброе расположение, в его дружбу и отвечал ему тем же. Их переписка началась за четыре года до назначения Аросева на пост председателя ВОКС как переписка двух творческих людей, писателей, глубоко верящих в возможность построения общества на справедливых началах. Творчество Аросева сейчас забыто, его книги, посвященные бурному революционному прошлому, ни разу не переиздавались после его гибели в 1938 г. Не помогла вернуть его книги читателю и реабилитация писателя в 1956 г. Его дневники, предусмотрительно переданные им на хранение сестре Августе, были изданы его младшей дочерью Ольгой Аросевой в 2012 г. Издание его переписки с Ролланом внесет большой вклад в понимание общественно-политической обстановки 1930-х гг., литературных и культурных приоритетов тех лет.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс, 1992. 511 с.

2. *Ариас-Вихиль М.А.* Буревестник versus Альбатрос. М.: А Темп, 2018. 534 с.

3. *Ариас-Вихиль М.А.* Встречный взгляд: переписка Р. Роллана и И.С. Шмелева. К 150-летию И.С. Шмелева // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 221–231. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231

4. *Аросева О.А*. Прожившая дважды. М.: Астрель, 2012. 416 с.

5. *Аросева О.А.* «Читая дневники отца, я едва не ослепла от слез» // Вечерняя Москва. 2013. 20 октября.

6. *Блюм А.В*. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 319 с. URL: https://litlife.club/books/323259/sections/24?page=9 (дата обращения: 25.01.2025).

7. Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956. Документы. М.: МФД, 2005. 753 с.

8. *Гронский И.М.* Из прошлого. М.: Известия, 1991. 363 с.

9. *Заборов П.Р.* Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время». 1928–1934 // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011). URL: http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ff_GUp6qD2g%3D&tabid=10460 (дата обращения: 25.01.2025).

10. Письма Р. Роллана И.В. Сталину // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920–1970). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–289.

11. *Роллан Р.* Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. № 3–5. С. 190–246; 219–254; 151–190.

12. *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. М.: Эллис Лак, 2008. 661 с.

13. *Rolland R.* Voyage a Moscou (juin-juillet 1935), suivi de Notes complementaires (jctibre-decembre 1938) / ed. B. Duchatelet. Paris: Albin Michel, 1992. Cahier 29. 363 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Soviet Correspondents of R. Rolland: The Case of A.Ya. Arosev (Based on Letters and Diaries)

© 2025. Marina A. Arias-Vikhil
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West: A Counter View. Literature in the Context of Culture and Politics in the 20th Century” (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Abstract: The article examines the relationship between R. Rolland and one of his important Soviet correspondents, the Soviet diplomat, writer, and party activist A. Arosev. Based on the letters and diaries of Rolland and Arosev, the research reconstructs the crucial events of the Soviet-French dialogue in the 1930s, associated with the change in Rolland’s position on what was happening in the USSR. From criticizing the results of the October Revolution, Rolland revises his

political views and decides to travel to the country that is building a "new society." Arosev, who received the post of chairman of VOKS in 1934, played a significant role in preparing for his arrival. For the first time, the article publishes a letter from Rolland to Arosev dated May 12, 1935, in which Rolland sets out his demands for his accommodation, food, and medical care. In the letter, Rolland expresses concern about the delay in the publication of the next volumes of his complete works, as well as a desire to receive confirmation of the possibility of meeting with Gorky and Stalin in Moscow. The article traces the further development of Rolland's relations with Arosev: after a crisis of trust associated with Stalin and Arosev's attempt to place Rolland not in Gorky's house, but in a guarded government dacha, Arosev manages to regain Rolland's favor and continue friendly correspondence and meetings with him in Switzerland, at Rolland's villa. The writer's correspondence with Arosev ends with the latter's arrest. For the first time, the unpublished Russian translation of "Supplements (October–December 1938)" to Rolland's *Moscow Diary* is introduced into scientific circulation.

Keywords: Romain Rolland, M. Gorky, I. Stalin, A. Arosev, VOKS, travel to the USSR, Soviet-French literary connections, Romain Rolland's *Moscow Diary*.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4182-8213

E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias Vikhil, M.A. "Soviet Correspondents of R. Rolland: The Case of A.Ya. Arosev (Based on Letters and Diaries)." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 231–252. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252

References

1. Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [*From Thoughts About the Past: Memories*]. Moscow, Feniks Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)

2.Arias-Vikhil', M.A. *Burevestnik versus Al'batros* [*Petrel Versus Albatross*]. Moscow, A Temp Publ., 2018. 534 p. (In Russ.)

3. Arias-Vikhil', M.A. "Vstrechnyi vzgliad: perepiska R. Rollana i I.S. Shmeleva. K 150-letiyu I.S. Shmeleva" ["Counter View: Correspondence of R. Rolland and I.S. Shmelev. To the 150th Anniversary of I.S. Shmelev"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 221–231. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231 (In Russ.)

4. Aroseva, O.A. *Prozhivshaia dvazhdy* [*Lived Twice*]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)

5. Aroseva, O.A. "'Chitaia dnevniki ottsa, ia edva ne oslepla ot slez'." ["'Reading My Father's Diaries, I Almost Went Blind from Tears'."] *Vecherniaia Moskva*, October 20, 2013. (In Russ.)

6. Blum, A.V. *Za kulisami "Ministerstva pravdy": Tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917–1929* [*Behind the Scenes of the "Ministry of Truth": The Secret History of Soviet Censorship, 1917–1929*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 319 p. Available at: https://litlife.club/books/323259/sections/24?page=9 (Accessed 25 January 2025). (In Russ.)

7. *Bol'shaia tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v strane Sovetov. 1917–1956. Dokumenty* [*The Great Censorship. Writers and Journalists in the Land of Soviets. 1917–1956. Documents*]. Moscow, MFD Publ., 2005. 385 p. (In Russ.)

8. Gronsky, I.M. *Iz proshlogo* [*From the Past*]. Moscow, Izvestiia Publ., 1991. 363 p. (In Russ.)

9. Zaborov, P.R. "Romain Rolland v ego perepiske s izdatel'stvom 'Vremia'. 1928–1934" ["Romain Rolland in His Correspondence with the Publishing House 'Time.' 1928–1934"]. *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam (2011)* [*Leningrad Cultural Institutes at the Turning Point from the 1920s to the 1930s (2011)*]. Available at: http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ff_GUp6qD2g%3D&tabid=10460 (Accessed 25 January 2025). (In Russ.)

10. "Pis'ma R. Rollana I.V. Stalinu" ["R. Rolland's Letters to I.V. Stalin"]. *Dialog pisatelei. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh sviazei XX veka (1920–1970)* [*Dialogue of Writers. From the History of Russian-French Cultural Relations of the 20th Century (1920–1970)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 277–289. (In Russ.)

11. Rollan, R. "Moskovskii dnevnik" ["Moscow Diary"]. *Voprosy literatury*, no. 3–5, 1989, pp. 190–246, 219–254, 151–190. (In Russ.)

12. Frezinsky, B. *Pisateli i sovetskie vozhdi* [*Writers and Soviet Leaders*]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2008. 661 p. (In Russ.)

13.Rolland, Romain. *Voyage à Moscou (juin–juillet 1935), suivi de Notes complémentaires (octobre-décembre 1938)*, ed. B. Duchatelet. Paris, Albin Michel, 1992. Cahier 29. 363 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 26.04.2025
Одобрена после рецензирования: 02.06.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.04.2025
Approved after reviewing: 02.06.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0, 802.091
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273
https://elibrary.ru/HHDFEQ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей

© 2025, А.В. Добряшкина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Аннотация: Анна Зегерс (1900–1983) — не только ключевая фигура литературы ГДР, но и важнейший участник послевоенного советско-германского диалога — до последнего времени мало интересовала исследователей, как германских, так и российских. На немецком языке ее наиболее полная биография и два тома избранных писем были изданы американским германистом австрийского происхождения К. Цель Ромеро; фундаментальные исследования жизни и творчества Зегерс в отечественной германистике отсутствуют. В настоящей статье представлена история отношений Зегерс с Союзом советских писателей СССР (ССП) в послевоенный период. А. Зегерс регулярно приезжала в СССР по приглашению ССП, Комитета по международным Ленинским премиям или по собственной инициативе, не только с творческими целями, но и на отдых и лечение. Писательница состояла в переписке с большим числом советских авторов и литературоведов (Т. Мотылевой, Л. Копелевым, В. Стеженским, И. Эренбургом и др.). Сотрудничество немецкой писательницы и ССП определялось обеими сторонами как «дружба». На материале сохранившихся в двух архивах (в московском РГАЛИ и берлинском Архиве Анны Зегерс) писем в статье рассматриваются основные линии отношений писательницы с советскими коллегами. Несмотря на то, что в истории послевоенных советско-германских контактов понятие дружбы, будучи идейной доминантой культурной политики СССР, означало деловое партнерство, автор статьи приходит к выводу о действительно теплых и доверительных отношениях между Анной Зегерс и ее советскими друзьями.

Ключевые слова: Анна Зегерс, Т. Мотылева, И. Эренбург, В. Стеженский, Л. Копелев, межкультурная коммуникация, Союз советских писателей, Иностранная комиссия, эмиграция, Общество германо-советской дружбы.

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9654-4744

E-mail: annica@list.ru

Для цитирования: *Добряшкина А.В.* «Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 253–273. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273

Анна Зегерс (1900–1983), масштабная фигура в истории немецкой литературы XX в. и символ литературы ГДР, прожила долгую жизнь, половина которой была тесно связана с Советским Союзом и значительная часть которой была проведена в Советском Союзе.

Писательница регулярно приезжала в СССР — чаще всего в Москву или Подмосковье — не только с творческими целями, но и на отдых и лечение. Однако ее взаимоотношения с гостеприимной советской страной носили особый характер: по воспоминаниям сына, Пьера Радваньи, Анна Зегерс «до конца жизни оставалась преданной своим надеждам» и «верила в социализм» [9, S. 139], но при этом она сохраняла — при молчаливом согласии Союза советских писателей (ССП) — определенную внутреннюю дистанцию к официальным установкам, что позволяло ей в целом чувствовать себя достаточно свободной и в русле собственного творчества, и в общении с советскими коллегами.

Сотрудничество Зегерс с ССП, продолжавшееся долгие годы, определялось обеими сторонами как «дружба». В истории послевоенных советско-германских контактов понятие дружбы, будучи идейной доминантой культурной политики СССР, отличалось подвижностью своих смысловых границ. В 1949 г. воплощением идеи взаимной симпатии и единства интересов стало «Общество германо-советской дружбы (ОГСД)» (Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft, DSF), что автоматически возводило в статус «друзей» всех участников непростого послевоенного советско-германского диалога. В 1950 г. в структуре восточно-немецкого Культурбунда появился Союз немецких писателей; в 1952 г., когда он оформился в самостоятельную организацию (Deutscher Schriftstellerverband, Немецкий союз писателей, НСП, 1950–1990) и его возглавила как раз Анна Зегерс (писательница оставалась председателем НСП до 1978 г.), он

стал официальным партнером ССП в проводимой литературной политике. Наконец, в немецком партийном обиходе понятие «друзья» уже давно было общепринятым для коллегиального общения. И все же, если для большинства «друзей Советского Союза», приезжавших из Германии, контакты с ССП носили однозначно деловой характер, то в случае Анны Зегерс, для которой советская мечта рано стала жизненным приоритетом, речь шла (при безусловном осознании прагматической стороны такого партнерства) о действительно очень теплых отношениях с М. Аплетиным, И. Эренбургом, Т. Мотылевой, В. Стеженским, Б. Полевым. Сохранившаяся в архивах, прежде всего, в московском РГАЛИ и берлинском Архиве Анны Зегерс (Anna-Seghers-Archiv), переписка писательницы с советскими коллегами — свидетельство многолетней, по-своему уникальной дружбы.

Первая встреча Анны Зегерс с будущими советскими друзьями произошла довольно рано, на Второй международной конференции пролетарских писателей (7–15 ноября 1930 г.), где она познакомилась с переводчицей Тамарой Мотылевой (1910–1992), ставшей впоследствии ее биографом и постоянным корреспондентом, и юным Львом Копелевым (1912–1997), семья которого незадолго до этого переехала из Киева в Харьков. С Ильей Эренбургом Зегерс познакомилась в 1933 г. в Париже, куда она перебралась из нацистской Германии. В следующем году писательница, несмотря на свое тогдашнее увлечение «советской мечтой» (в 1928 г. она вступила в компартию Германии), отклонила приглашение на Первый Всесоюзный съезд советских писателей в Москве, поскольку планировала совершить в это время другую поездку и менять свой маршрут не захотела.

Доверительные отношения А. Зегерс с ССП начали складываться в послевоенный период, в течение не менее пяти лет после ее возвращения на родину из Мексики (1947 г.). Процесс упрочения отношений между писательницей-коммунисткой и Москвой, проходил, на первый взгляд, естественно и просто, однако, скорее всего, ситуация была несколько более сложная. Поколение авторов-эмигрантов, которые провели в СССР в среднем десять лет и составляли Немецкую секцию ССП, после своего переезда в 1945 г. в Германию в определенном смысле ушло в тень. И.Р. Бехер, первый президент Культурбунда, возглавлявший в советской эмиграции Немецкую секцию, жаловался в сентябре 1946 г. в письме С.И. Тюльпанову, начальнику Управления пропаганды СВАГ, на глубокий «кризис доверия» «со стороны русских инстанций» [5, с. 143], который, безусловно, касался не только Бехера, но и остальных немецких авторов-антифашистов, вернувшихся на родину после длительного пребывания

в СССР. Очевидно, что для проведения активной межкультурной политики Союзу писателей были нужны новые лица. Анна Зегерс, воодушевленная идеями социализма, с юности любившая русскую литературу и заинтересованная в сотрудничестве с Москвой, была для такой деятельности подходящей кандидатурой. Поэтому бегство писательницы не в СССР, а сначала во Францию (1933–1940), затем в Мексику (1940–1947) лишь способствовало постепенному установлению и дальнейшему поддержанию диалога с советскими коллегами.

Интересно, что именно этот факт биографии — несостоявшаяся эмиграция в СССР — писательницу не устраивал, поэтому со временем он переродился в миф о желанном, но не получившемся переезде в Советский Союз.

Немецкие исследователи [1, с. 702] ссылаются на воспоминания литературоведа Т.Л. Мотылевой, согласно которым писательница хотела перебраться из оккупированной Франции в СССР. Летом 1940 г. перед отъездом из Парижа Зегерс удалось попасть в советское посольство. «Судьбе было угодно, — вспоминал на склоне лет Пьер Радваньи, — чтобы в посольстве она встретила писателя Илью Эренбурга, которого она знала еще с довоенных времен. Она попросила его передать информацию о ее положении всем друзьям, однако официальные сотрудники посольства сказали ей, что не в их власти переправить ее с детьми в южную зону» [9, S. 51]. Сам Эренбург лишь отметил в своих мемуарах: «Тринадцатого июля в посольство пришла Анна Зегерс. За ней следили, ей грозила смерть. Она просила помочь ей перебраться в “свободную зону”. Львов[1] дал ей немного денег, помог с документами»[2].

Этот эпизод Зегерс рассказывала и Т. Мотылевой, и Л. Копелеву, добавляя, что Эренбург в июле 1940 г. спас ей и ее детям жизнь. Единственное письменное упоминание советских документов есть в письме самому Эренбургу 1944 г. (это первое письмо в их эпистолярном диалоге): Зегерс благодарила за оформленные для нее визы, которые, однако, прибыли, когда она уже находилась на пути в Мексику[3]. Т. Мотылева в вышедшей в 1984 г. книге об Анне Зегерс выражала уверенность в ее желании остаться в СССР. Пьер Радваньи встречался с Зегерс в августе 1982 г. в Берлине, за год до смерти

[1] Л.П. Василевский — советский разведчик, полковник госбезопасности, в 1939–1941 гг. — сотрудник посольства СССР в Париже. Его упоминание в издании на немецком языке отсутствует.

[2] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Тревога за будущее. М.: АСТ, 2024. Т. 2. С. 293.

[3] См. Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Mexiko-Stadt, 6.5.1944. РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 1. Пер. с франц. наш.

писательницы, и «подтвердил, что его мать ходатайствовала о визе на въезд в Советский Союз» [4, с. 190]. Есть все основания предполагать, что Зегерс, даже оформив запрос на визы в посольстве, никогда не собиралась оставаться в Советском Союзе (через полгода после этого эпизода она писала коллеге в Нью-Йорк: «В любом случае мы хотим в Соединенные Штаты» [7, S. 434]), и творческий вымысел о ее несостоявшемся переезде — скорее поздний психологический штрих, добавившийся к советской мечте писательницы в результате долгой дружбы с СССР.

Такое же происхождение имел, по всей вероятности, и миф о спасении Эренбургом семьи Зегерс в оккупированной Франции. Эренбург не был спасителем Зегерс, но именно он стал самым близким из всех ее советских друзей. Помимо человеческого обаяния советского писателя, их сопричастности одним и тем же событиям, объединявших их литературной и общественно-политической деятельности (после войны Эренбург и Зегерс часто встречались на различных конгрессах, участвуя в движении за мир), для А. Зегерс было важно некое общее творческое поле, в котором их историческая реальность переходила на страницы издаваемых произведений. Не удивительно, что стимулом к многолетней переписке послужил роман Эренбурга «Падение Парижа», о чем Зегерс сообщала Эренбургу в 1944 г., находясь еще в Мексике: «Он произвел на меня такое сильное впечатление, что я сразу же должна Вам написать, а это то, что я давно собиралась сделать»[4].

Вполне возможно, что мифологизация Эренбурга даже была своеобразным творческим ответом писательницы на его роман. Еще более сильное впечатление на А. Зегерс произвело десятилетия спустя чтение второй части мемуаров Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь. (1923–1941)», переведенной в 1965 г. на немецкий язык[5]. Писательница нашла в книге, в которой Эренбург продолжал «любящими глазами»[6] (mit liebenden Augen) оживлять дорогих ему людей, помимо множества общих знакомых, также теплое воспоминание о себе: «Мне понравилась сразу Анна Зегерс, взбалмошная, очень живая, близорукая, но все замечавшая, рассеянная, но великолепно помнившая каждое оброненное слово»[7].

---

[4] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Mexiko-Stadt, 6.5.1944 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 1.

[5] *Ehrenburg Ilja*. Menschen, Jahre, Leben / Übers. von Alexander Kaempfe. München: Kindler Verl., 1965. 600 S.

[6] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Под колесами времени. М.: АСТ, 2023. Т. 1. С. 28.

[7] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Тревога за будущее. Т. 2. С. 33. В нем. переводе А. Кэмпфе: «Anna Seghers gefiel mir auf den ersten Blick: kapriziös, quicklebendig, kurzsichtig

Анна Зегерс восприняла воспоминания советского автора не просто как свидетельство симпатии или короткий фрагмент своей биографии, а как почти собственные воспоминания. Диалог с Эренбургом для Зегерс — это случай своеобразной эстетической коммуникации, в которой была важна не столько передача информации (их переписка отличалась в общем-то низкой степенью информативности), сколько причастность к общему творческому процессу:

> Илья, я очень взволнована твоей книгой, твоей биографией. Это действительно памятник эпохе. Роди[8] говорит: и ты тоже. И все люди, которые упоминаются в этой книге, я говорю особенно о войне в Испании, о Великой войне и о времени после, то есть о периодах, которые я пережила сама, и я знаю тех же людей, которые снова оказались рядом со мной, во второй раз, потому что я испытываю те же чувства, что и автор. К сожалению, я не способна выразить свои чувства точнее на французском языке[9].

Переписка с Эренбургом, тем не менее, велась именно на французском языке. Эренбург владел французским вполне хорошо, Зегерс знала его значительно хуже, в ее письмах много ошибок, неудачных формулировок и синтаксических конструкций. Как замечал исследователь ее творчества В.Д. Седельник, Зегерс могла бы писать по-немецки, который немного понимал Эренбург, а он ей уже по-французски, и оба могли бы более точно выражать свои мысли [6, с. 462]. Однако Зегерс предпочитала плохой французский, который ее не столько сковывал, сколько позволял придавать имевшимся в ее распоряжении языковым средствам более глубокий смысл, и, по всей видимости, Эренбург понимал этот смысл.

Если помощь Эренбурга была некоторым художественным преувеличением, то помощь Союза писателей была совершенно реальной.

Переписка с М. Аплетиным, заместителем председателя Инокомиссии, началась не позднее 1942 г. «Мне бы очень хотелось поддерживать с Вами общение»[10], — писала Зегерс в августе 1944 г., восстанавливаясь после серьезной нейрохирургической операции (полученная травма давала о себе знать всю последующую жизнь)

---

und dennoch hundertäugig, zerstreut und trotzdem eines jeden ausgesprochenen Wortes eingedenk» (S. 11).

[8] Муж Анны Зегерс, Ласло Радваньи (Radványi László, 1900–1978).

[9] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg. Berlin, 22.5.1966 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 31. Пер. с франц. наш.

[10] Зегерс — Аплетину, Мехико, 14.8.1944 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 506. Л. 7. Пер. с нем.

и находясь, как и все немецкие авторы-эмигранты в Мексике, в очень тяжелом материальном положении. По всей видимости, именно издательские перспективы — возможность перевода на русский язык успешного романа «Седьмой крест» — побудили писательницу сообщить Аплетину, что осенью 1946 г. она, покинув Мексику, сначала поедет в Москву и только потом в Германию. При этом возвращаться в Германию через СССР на советском судне с немецкими коммунистами (П. Меркером, В. Янкой, А. Абушем и др.), которые недавно продемонстрировали внутрипартийный раскол, писательница отказалась. Ей было важно сохранять статус независимого, признанного автора, кроме того, она стремилась попасть во Францию: во-первых, чтобы увидеться с недавно уехавшим туда сыном, во-вторых, чтобы просто оказаться в стране, где ей хотелось бы жить. Американскую транзитную визу Зегерс смогла получить с трудом, несмотря на свою известность в Америке: «Седьмой крест» был там не только опубликован, но и экранизирован (поэтому на США снова возлагались большие надежды). В Москве писательницу так и не увидели, ни в 1946 г., ни в 1947 г., хотя в феврале 1947 г., находясь уже в Швеции, она запрашивала в посольстве советскую транзитную визу для возвращения на родину через СССР и виза была одобрена.

В СССР Зегерс приехала только через год, весной 1948 г., с первой послевоенной делегацией немецких писателей и деятелей культуры по приглашению ССП. Несмотря на прекрасные характеристики членов делегации, все участники, кроме руководителей группы, вызывали те или иные сомнения в своей благонадежности. Среди них была и Анна Зегерс, тяжело переносившая свое возвращение на родину и не скрывавшая своего нежелания там оставаться.

Писательница, шокированная состоянием Германии и немцев, недавно узнавшая о смерти матери в немецком концлагере, обеспокоенная судьбой мужа Ласло Радваньи, оставшегося в Мексике, поселилась в западной части Берлина и, сохранив свое мексиканское гражданство, старалась при любой возможности ездить во Францию, где учились ее дети.

Много лет спустя, в июле 1965 г., когда Л. Копелев встречался с А. Зегерс в Берлине, он ошибочно истолковал ее воспоминание о ее кризисе того периода и первой послевоенной поездке в Москву, выраженное фразой на смеси немецкого и французского «Ich war so degouté vor allem» [3, с. 113][11], как негативное впечатление от по-

[11] Перевод в сноске в книге Копелева имеет грамматическое расхождение с произнесенной фразой. Правильно: «Ich war so degouté vor allem», что переводится, как и указано: «Мне было все так отвратительно».

сещения СССР[12]. В действительности эта поездка, хотя, конечно, и не решила все проблемы, связанные с реэмиграцией, позволила писательнице почувствовать себя «сильной и радостной»[13], открывала в переломный момент ее жизни новые горизонты, в том числе, предлагала ей участие в международном движении за мир.

В случае «дружбы» Зегерс и ССП можно говорить об изначальной установке советской стороны на создание оптимальных условий для жизни и творчества немецкой писательницы. Советские структуры были готовы во всем идти навстречу и оказывать писательнице любую помощь, в том числе такую, которая не была нормой в советско-немецкой коммуникации (подобные исключения делались, пожалуй, только для братьев Манн).

Весной 1948 г. Зегерс оставила в Москве две рукописи для издания на русском языке («Седьмой крест» и «Мертвые остаются молодыми»), причем «Седьмой крест», уже переведенный к тому времени на русский с английского издания (в журнале И.Р. Бехера "Internationale Literatur" роман был частично опубликован на немецком языке в 1939 г.), Зегерс настойчиво рекомендовала перевести заново — с языка оригинала. Вместе с тем именно этот роман был упомянут в ее почти идеальной характеристике как вызывающий сомнения: «В США эта книга разошлась в количестве 400 тысяч экземпляров. Книга, имевшая большой успех, страдает некоторой идеализацией “хороших немцев”»[14].

Сразу после возвращения делегации в Германию К. Симонов, в то время заместитель генерального секретаря ССП, обратился к А.Я. Вышинскому, заместителю министра иностранных дел СССР, с просьбой ускорить возвращение в Германию Ласло Радваньи, преподававшего в мексиканском университете. В августе 1948 г. писательница была приглашена во Вроцлав на Первый Международный конгресса деятелей культуры в защиту мира, который ставил перед ней новые цели. Тогда же у Зегерс появилась еще одна просьба, к А. Фадееву, — перевести гонорар за ее публикации на парижский счет, и в этот раз Союзу писателей пришлось обращаться к В. Молотову. После публикации «Седьмого креста» Зегерс действительно получила деньги в Париже.

---

[12] Этот фрагмент дневника Копелева до сих пор дает повод исследователям ошибочно связывать слова о депрессии с впечатлениями от Советского Союза. См., напр.: [1, с. 707].

[13] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 2. 1967 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 37. Пер. с франц. наш.

[14] Справка о делегации немецких писателей и деятелей культуры, прибывающих в СССР 7 апреля 1948 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 537. Л. 23.

СССР с его отзывчивыми коллегами, возможностью издавать книги и даже отправлять гонорары за них за границу (что позволяло Зегерс и помогать переехавшим во Францию детям, и самой жить во Франции) становился, по сравнению с разочаровывающей писательницу послевоенной Германией, символом идейной и материальной стабильности. О высокой степени воодушевления путешествием в СССР свидетельствовала и новая мечта Зегерс, о которой она говорит с А. Дымшицем и А. Фадеевым и пишет К. Симонову — встретиться в Москве сразу со всеми членами своей семьи. Воплотить последнюю мечту Анне Зегерс так и не удалось, однако члены ее семьи в разное время были радушно приняты в Москве.

В последующие годы Анна Зегерс много времени проводила в СССР. ССП принимал активное участие в судьбе писательницы, которая из-за мужа и его общения в Мексике с оппозицией В. Ульбрихта, оказалась на родине в эпицентре внутрипартийных конфликтов. В марте 1950 г. стало известно о том, что Зегерс получит Сталинскую премию мира, это обеспечивало ей значительную неприкосновенность в ГДР; в том же месяце она была избрана действительным членом Немецкой академии наук; в июле она сменила место жительства и поселилась в Восточном Берлине; осенью 1950 г. Л. Радваньи получил визу на въезд в ГДР; в Москве 19 марта 1951 г. Анне Зегерс торжественно была вручена золотая медаль академиком Скобельцыном[15]. В 1952 г. Л. Радваньи наконец-то переехал в ГДР, и в том же году Зегерс отказалась от мексиканского гражданства в пользу гражданства ГДР. Уже в следующем году, когда лауреатами Сталинской премии стали Эренбург и Бехер, в день присуждения премии Эренбургу Зегерс выступила с речью, отмеченной в газете «Правда»[16]. В 1954 г. в связи со смертью немецкого писателя Б. Келлерманна Анна Зегерс сама вошла в Комитет по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», что позволяло писательнице чаще приезжать в Москву и в меньшей степени зависеть от приглашений ССП.

Несмотря на все симпатии советских коллег, именно к этому же периоду 1950–1952 гг. относятся обсуждения двух произведений писательницы, вызвавших довольно критические отзывы. В мае 1950 г. состоялось заседание Инокомиссии, посвященное роману «Мертвые остаются молодыми», которое проводил консультант по немецкой

[15] Вручение международной Сталинской премии немецкой писательнице Анне Зегерс // Правда. 1952. 20 марта, № 80.

[16] Вручение международной Сталинской премии советскому писателю Илье Эренбургу // Правда. 1953. 8 янв., № 28.

литературе В.И. Стеженский, будущий друг А. Зегерс. В момент обсуждения теплых отношений с писательницей еще не было, поэтому именно от него поступило первое замечание относительно романа. Стеженский указывал на нечеткие акценты в вышедших критических статьях, в том числе публициста Альфреда Канторовича, давнего соратника писательницы, который считал «заслугой то, что она не осуждает и не восхваляет своих героев, показывает их как бы по ту сторону добра и зла»[17]. С точки зрения Стеженского, это не могло быть достоинством романа, к тому же, если «враждебный лагерь изображен более выпукло и ярко», то, «напротив, такой видный герой книги, как подпольщик и руководитель антифашистской борьбы Мартин лишен живых человеческих черт. Это очень схематичный и блеклый образ»[18]. Тем не менее Стеженский высказался за издание книги, но с соответствующим комментированием во вступлении всех названных моментов. Интересно, что наиболее резкая критика исходила от двух присутствовавших на заседании немецких коллег, все еще остававшихся в Советском Союзе: немецкая пролетарская писательница Берта Ласк (вернулась в ГДР в 1953 г.) полностью поддержала Стеженского, выразив сожаление, что Зегерс, как и многие, боится «делать какие-то политические утверждения»[19]. Немецкий автор Франц Лешницер (вернулся в ГДР в 1959 г.) взял слово последним и с помощью переводчика заметил, что «не следует также очень захваливать этот роман, так как это может привести Зегерс к достоевщине, к увлечению психологизмами и углублению в психологические детали»[20]. Эти выпады были сглажены советским литературоведом И.М. Фрадкиным, который назвал роман случаем редкого исторического ясновидения:

> Зегерс прекрасно понимает социальную, классовую природу фашизма. Это не является комплиментом для писателя-коммуниста, но то, как она умеет эту историческую и ясную концепцию превратить в ткань художественных образов, — это можно сказать с уверенностью, до нее не удавалось ни одному немецкому писателю[21].

Очень ценным было и указание Фрадкина на то, что «немецкие товарищи еще до сих пор <…> не сумели должным образом

[17] Стенограмма заседания Иностранной комиссии по обсуждению романа Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 548. Л. 1.

[18] Там же. Л. 2.

[19] Там же. Л. 3.

[20] Там же. Л. 22.

[21] Там же. Л. 5.

осветить свою историю за период с 1933 до 1945 г.»[22], поэтому некоторые требования к книге Зегерс он счел исторически некорректными: нельзя было, например, показать в изображаемый период доминирующую роль коммунистов и руководящую роль партии, поскольку сопротивление не было массовым и партия была подпольной.

Второй случай обсуждения с пристрастием касался новеллы «Возвращение» («Die Rückkehr»), начатой писательницей в 1948 г. и законченной в 1950 г. О степени досады, вызванной требованием ССП внести в произведение существенные изменения, свидетельствует письмо Зегерс (написанное на не особо элегантном французском языке предположительно во время болезни) Эренбургу, который навещал ее в Берлине и с которым этот инцидент, по всей видимости, горячо обсуждался:

> Еще я забыла у тебя кое-что спросить насчет той проклятой немецкой новеллы, о которой мы с тобой говорили. Наши друзья серьезно требуют от меня, чтобы я выпустила страницы, где немецкие солдаты маршируют по Москве, не упоминала их. Мне говорят, что теперь напоминать об этих прошлых делах — мешать работе в защиту *мира*. Все же считаю, что, поскольку мы занимаемся не только ангелами, то хорошая работа в защиту мира — напоминать людям, как закончилась война, которую против нас развязали[23].

Среди документов РГАЛИ это единственное свидетельство возмущения писательницы действиями советских коллег во имя «дружбы» и мира. Еще раз эта новелла будет упомянута в письме В. Стеженскому:

> В сборнике новелл, который выйдет только в январе (издание задерживается по вине типографии, ибо у меня давно уже все было готово), Вы найдете и для себя кое-что новое, например, новую редакцию новеллы «Возвращение», без шествия военнопленных по улицам Москвы. Вы увидите, что в этом сборнике многое переделано[24].

[22] Там же. Л. 6.

[23] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 1951 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 34, 34 об. Пер. с франц. наш.

[24] Зегерс — Стеженскому. Берлин, 3.12.1952 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1323. Л. 16. Пер. с нем. В. Стеженского.

Первое сохранившееся в РГАЛИ письмо к Стеженскому датируется 29 июня 1951 г. Оно также открывает переписку Зегерс и Стеженского, включенную австрийско-американской исследовательницей Кристиане Цель Ромеро [7, S. 388] в немецкое двухтомное издание избранных писем Анны Зегерс.

Владимир Иванович Стеженский (1921–2000), бывший военный переводчик и литературовед, занимал в Инокомиссии должность консультанта по немецкой литературе. В его обязанности входило множество компетенций, связанных с современной литературной жизнью Германии: составление «материалов по Германии» (сейчас они хранятся в РГАЛИ), чтение новых произведений, проведение литературных вечеров, переписка с авторами, сопровождение их во время визитов в Советский Союз. В случае А. Зегерс, к которой в ССП все относились с большой симпатией, В. Стеженский, хорошо образованный и деликатный, выполнял свою работу на том высоком уровне, на котором профессионализм переходил в человеческую сердечность (это слово особенно часто употребляется в обширной переписке Зегерс и ССП).

Дружеские отношения между Зегерс и Стеженским складывались в течение многих лет. Начало их сотрудничества представляло собой исключительно деловое партнерство. Судя по корреспонденции 1951–1952 гг., писательница не сразу смогла понять ту роль, которая отводилась консультанту Инокомиссии в их межкультурной коммуникации. В своих письмах Зегерс использует испанское слово «пистолеро» в качестве иронично-шутливого прозвища Стеженского. Однако при первом обращении писательницы к Стеженскому в этом титуле советского охранника-германиста гораздо меньше метафорического смысла, чем может показаться. Зегерс очевидно предлагает не метафору, а иллюзию метафоры, употребляя «пистолеро» в буквальном смысле, правда, одновременно удивляясь той любезности и предупредительности, с которой к ней отнесся контролирующий ее представитель ССП.

> Предорогой Pistolero, вы были ко мне так внимательны, что было бы глупо благодарить вас с официальными церемониями. Все ваши советы, начиная от замечаний по моим рабочим планам до выбора детских книг и почтовых марок, и маленьких шоколадок, на которых изображены белки, были так хороши, правильны и любезны. К сожалению, нас теперь разделяют большие расстояния. Я прошу также

передать мою благодарность и привет товарищу Аплетину и друзьям, которых я не видела[25].

Зегерс делится со Стеженским своими планами, останавливается, иногда вполне подробно, на творческих проблемах, часто упоминает факты личной жизни. Постепенно, сначала неуверенно, в письма начинают просачиваться просьбы:

> Некоторое время тому назад я получила русскую инсценировку «Седьмого креста» <…>. Я действительно не знаю, удачна ли эта инсценировка или, напротив, ничего не стоит. Я думаю, что очень важно, чтобы инсценировка была сделана добросовестно. Может быть, это и так, но я не могу об этом судить. Не знаю также, входит ли в Ваши служебные обязанности заботиться об этом. Может быть, Вы посмотрите сами, может быть, Тамара Мотылева[26].

Письма Стеженского, по сравнению с письмами Зегерс, всегда выдержаны в достаточно строгом, но доброжелательном тоне, кроме того, это всегда именно ответы на полученную корреспонденцию. Стеженский иногда делится своим впечатлением от прочтения ее новых книг, однако это односторонние замечания, в переписке Зегерс и Стеженского дело никогда не доходит до обсуждения литературного материала, как это было, например, в переписке с Л. Копелевым.

Событием, сблизившим представителя Инокомиссии ССП и его подопечную, к тому времени председателя СНП, стала смерть Сталина, которая, как опасалась А. Зегерс, могла внести нежелательные изменения в международное движение за мир. Если Эренбургу Зегерс писала именно об этом: «…необходимо больше, чем когда-либо, сплотиться друзьям, получившим премию мира[27], усилить их ответственность и самоотдачу друг другу и нашему движению»[28], — то Стеженский получил от писательницы весьма эмоциональное признание в симпатии и выражение благодарности Союзу писателей:

---

[25] Зегерс — Стеженский, Берлин, 29.6.1951 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 8. Л. 115. Пер. с нем. В. Стеженского.

[26] Зегерс — Стеженский, Берлин, 17.6.1952 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1323. Л. 6. Пер. с нем. В. Стеженского.

[27] Имеются в виду писатели, получившие Сталинскую премию мира, с которыми дружила Зегерс: Жоржи Амаду (1951) и Пабло Неруда (1953).

[28] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 15.3.1953 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 3. Пер. с франц. наш.

Милый, дорогой товарищ Стеженский!

<…> Прошедшую неделю я больше, чем когда-либо, думала о Вас, дорогой товарищ Стеженский. Когда такое горе, то особенно хочется думать о людях, которые чувствуют то же самое, что и я, о людях, которые в работе и жизни помогают друг другу.

<…> Вчера я получила посылку от Аплетина и благодарю вас. Я благодарю вас от всего сердца за все то, что вы сделали для меня в Москве и всегда для меня делаете. Вы – мои лучшие друзья в целом свете[29].

1950-е гг. были, пожалуй, временем самого насыщенного общения с Союзом писателей. Б. Полевой, посвятивший в 1954 г. немецкой коллеге свой рассказ «Улыбка друга», заканчивал свои письма витиевато, с явным удовольствием свидетельствуя о коллективной симпатии к писательнице:

Передаю Вам от Ваших многочисленных московских друзей и почитателей целую охапку самых сердечных приветов, а от моей жены и семейства особенные. Низко кланяется Вам генеральный консул по делам немецкой литературы великолепный Владимир Иванович Стеженский, который, наверное, не переведет этой фразы на немецкий язык со свойственной ему скромностью, но я полагаю, Вы прочтете ее по подлиннику, а также свидетельствует Вам свое почтение министр Иностранных дел Союза советских писателей Михаил Яковлевич Аплетин, Ваш старейший и добрый друг[30].

Зегерс, помимо прочих поездок в СССР, участвовала во Втором (15–26 декабря 1954) и Третьем (18–23 мая 1959) съездах советских писателей. Летом 1955 г., по просьбе писательницы, ССП включил ее дочь Рут, получившую в Париже медицинское образование и переехавшую в ГДР, в группу, совершившую поход в Кавказские горы. Письмо, в котором Зегерс благодарила Аплетина, было самым теплым за всю историю их переписки:

Вы не можете себе представить, как много значило для Рут (а тем самым и для меня) ее пребывание в Советском Союзе. Но Вы понимаете, как я рада, что отныне наш товарищ Аплетин стал

[29] Зегерс — Стеженский, Берлин, 13.3.1953 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1340. Л. 3. Пер. с нем. В. Стеженского.

[30] Полевой — Зегерс, Москва, 15.11.1954 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1350. Л. 31. Машинописн. копия.

для моей дочери не только определенным понятием, но человеком, который навсегда останется в ее сердце. Она рассказывает о Вас больше, чем Вы могли бы себе представить, и преисполнена к Вам благодарности и даже нежности. Я не знаю, написала ли она Вам уже, во всяком случае я хочу Вам сказать об этом.

Меня огорчает, что Вы, вероятно, имели много хлопот с ее приездом. Я не знала об этом и мне очень жаль, что у Вас было столько сложностей и что Вы потеряли столько времени.

К сожалению, я еще никогда не видела цветов «за окном у товарища Аплетина». И в этом году я их тоже не увижу, ибо приеду в Москву только после нашего Съезда писателей, в декабре на заседание Комитета по международным Сталинским премиям[31].

В эти годы Стеженский уже не столько сопровождал писательницу в качестве «пистолеро», сколько помогал ей в ее творчестве: искал материалы, направлял запросы в музеи, занимался организацией поездок Зегерс в Ясную Поляну, когда она писала эссе о Л. Толстом, в Коломну и Ленинград, когда она писала о Ф. Достоевском. Последние письма, хранящиеся в РГАЛИ, относятся к 1960 г. Сравнение с избранными письмами, составившими двухтомник К. Цель Ромеро, позволяет предположить, что в московский архив были переданы официальные письма, в то время как письма более частного характера — а со временем их становилось все больше, поскольку переписка представителей двух Союзов писателей постепенно превратилась в дружескую переписку с обращением на «ты» в 1970-х — остались в Архиве Анны Зегерс в Берлине.

Письма 1960–1970-х гг. представляют собой важный штрих к портрету писательницы и ее дружбе с советскими друзьями. А. Зегерс делится со своим «Стежи» и «пистолерито» соображениями относительно таких опасных вопросов, которые могли быть подняты только в личной переписке с очень близкими людьми. Одна из тем этих лет — Копелев и Эренбург. В 1960 г. началась, безусловно, интереснейшая переписка Зегерс с Л. Копелевым, которую можно проследить до 1974 г. Несмотря на то что Зегерс и советский германист быстро перешли на «ты», их отношения завершились разрывом в 1976 г., когда в ФРГ вышла книга Копелева «Хранить вечно» («Aufbwahren für alle Zeit», Hamburg: Hoffmann und Campe) с критикой действий советской армии весной 1945 г. при вхождении в Восточную Пруссию.

[31] Зегерс — Аплетину, Берлин, 20.9.1955 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1360. Л. 12. Пер. с нем. В. Стеженского.

27 февраля 1960 г. Копелев, работавший над предисловием к роману Зегерс «Транзит», впервые написал автору, получил ответ и включил значительную его часть в свой текст. Поскольку одно из первых писем было подписано Копелевым «человек транзита» («Transitmann»), Зегерс продолжила его так называть, словно предвидя будущую эмиграцию Копелева. Писательница не без иронии обыгрывала и любовь германиста к ее роману, и его определение «транзита» в написанном предисловии: «проезд через определенную территорию и вместе с тем — переход от одного состояния к другому» [2, с. 8]. Конфликт в отношениях был заложен изначально, к тому же он усиливался антагонизмом Копелева и Эренбурга. Письма Зегерс Копелеву и немногие сохранившиеся рукописные черновики писем Копелева писательнице показывают существенные мировоззренческие расхождения. Речь шла не только о несовпадении литературных предпочтений и взглядов на литературный процесс (Копелев любил Гёте, Зегерс признавалась ему, что Гёте ей совершенно не близок; Копелев считал литературу разделенной Германии единой, Зегерс доказывала невозможность такого единства), но и о совершенно разном восприятии жизни. Позицию Зегерс в первые годы их дружбы можно было бы выразить ее формулой, которую сохранили воспоминания Копелева и Р. Орловой: «Я с тобой не согласна, но я тебя люблю» [3, с. 96].

К 1965 г. «неприятные недоразумения» («Ärgernisse» [8, S. 448]) между Зегерс и Копелевым достигли такого уровня, что стали просачиваться в письма к третьим лицам (Стеженскому, Т. Мотылевой). В начале 1965 г. Зегерс просит Стеженского передать сердечный привет Копелеву с уточнением: «если вы еще не перессорились, т.к. у меня нет ни малейшего желания с ним ссориться» [8, S. 149]. В письме Стеженскому уже от 23 сентября 1965 г. Зегерс сообщает о «друзьях», «старом» и «молодом», имея в виду Эренбурга и Копелева, о, по всей видимости, уже упомянутой летней встрече с Копелевым в Берлине и конфликте с ним из-за Эренбурга, а также вышедшем переводе второй части мемуаров Эренбурга (которая ее потрясла) и советской критике:

> Вы определенно вполне правы, когда говорите, что мой старый друг видит сегодня многие вещи иначе, чем раньше, и, возможно, даже уже в точности и не помнит, как он их раньше видел, или, и это вероятнее всего, он окончательно не разобрался в этих вещах и всегда смотрел на них по-разному. В сущности, такое было с каждым из вас. Я, по крайней мере, хотя я не принадлежу к поколению самых моло-

дых, не встречала никого, с кем бы это было по-другому. Что касается молодого друга, то я считаю верхом несдержанности, когда человек в присутствии двух людей, которых он видит впервые в жизни <…>, без всякого контроля выплескивает наружу все, что ему только что пришло в голову. Но дело не только в этом, меня коробило намного раньше — и, наверное, моей ошибкой было не открыть рот, — когда этот человек, который сам пережил столько неприятного, снова готов поверить всему, просто решительно всему <…>. У меня будет возможность все это ему сказать лично, и, само собой разумеется, мне было после очень жаль, что наши пути разошлись так резко. Вы, дорогой Стежи, именно Вы, знаете лучше других, что Вы все для меня значили и значите, и это напоминает мне одно довольно романтическое, но правильное изречение, которое мне где-то встретилось: «он же спутник моей юности, свидетель тяжелых лет, и если бы твоя любовь была такой же большой, имела бы крылья ангела и скорость урагана, она все равно не смогла бы одолеть тот путь, который проделала наша дружба». — Видите, у меня так же со многими из вас по сравнению с новыми живыми организмами, которые то и дело возникают рядом со мной. И поэтому также верно то, что старый друг ощущает: что совсем великие дела могли делаться только тогда, в то время, конечно, при этом страшные, но и великие, без которых мы определенно не могли бы выжить. Прошу Вас от всего сердца объяснить мне очень коротко — поскольку другие источники объясняют по-другому, — почему вы видите <у Эренбурга> меньше любви к правде, чем, например, у Твардовского? [8, S. 162].

За два года до этого, в 1963 г., Зегерс уже защищала Эренбурга: в беседе с советским послом в ГДР она высказала, хотя и в более сдержанной форме, примерно те же доводы, что и в письме Стеженскому. Это был смелый шаг со стороны писательницы, но ССП избегал любого конфликта, ограничивался лишь разъяснительными беседами через советского посла.

В сентябре 1966 г. состоялась одна из последних и самых приятных поездок А. Зегерс и Л. Радваньи в СССР. ССП связался с Союзом писателей Армении и организовал для них отдых в одном из лучших домов творчества. Зегерс, судя по переписке, не смогла увидеться с Эренбургом, однако Иностранная комиссия устроила ей встречу с Г. Бёллем, личностью и произведениями которого писательница давно интересовалась. В мае 1967 г. она в последний раз была в Советском Союзе — на Четвертом съезде советских писателей (22–27 мая 1967 г.), который в письме к Эренбургу иронично

был назван «кордебалетом»[32]. Понимая, тем не менее, что это одно из последний посещений, Зегерс в своей речи вспомнила о первых впечатлениях и подытожила, что за почти четыре десятилетия ее отношение к СССР не изменилось: «Я ехала в страну, о которой уже слышала от друзей, что там люди и вещи раскрываются в совершенно особом свете. И пусть тогда там еще были и беспризорные, и голод, и холод, и вообще немало плохого, — свет этой страны необычайно сильно воздействовал на меня, и это воздействие длится всю жизнь»[33].

Встреча с Эренбургом снова не состоялась.

О его смерти в конце августа 1967 г. А. Зегерс узнала из австрийской газеты во время отпуска в Тироле. Успеть на похороны — сначала надо было добраться до Вены — было уже невозможно. В двух письмах, в которых она рассказывала Стеженскому (от 13 сентября 1967 г.) и Копелеву (от 19 октября 1967 г.) о своем приятном отдыхе с семьей и предстоящей работе, она отвела этому потрясшему ее событию всего несколько фраз: в письме Стеженскому — в лирической манере:

> Он сочинил стихотворение о наступившем мире, о том, как две души, которые во время войны были близки, внезапно расстаются <…>. Ну, его-то я точно узнаю всегда, где бы ни произошла встреча.
>
> Вы точно сейчас думаете: Анна чудит в своей тирольской деревне. Да! Наверное [8, S. 188],

в письме Копелеву — в полемической:

> Могу себе представить: тогда тебя это тоже взволновало и сейчас ты правильнее понимаешь то, что ты до этого в нем не понимал. Об этом нам надо будет с тобой как-нибудь поговорить. Твое восприятие его взглядов в его великолепных мемуарах, с моей точки зрения, тоже было неправильным[34].

Смерть Эренбурга примирила на некоторое время Копелева и А. Зегерс: молодой друг написал письмо с соболезнованиями, которые были безоговорочно приняты писательницей.

---

[32] Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 7.5.1967 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 39. Пер. с франц. наш.

[33] Четвертый съезд писателей СССР 22–27 мая 1967 г. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1968. С. 114.

[34] Anna Seghers an L. Kopelev, Berlin, 19.10.1967 // РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 15. Пер. с нем. наш.

Последующие годы А. Зегерс много болела, путешествия были ей уже не по силам, и в 1969 г. она не смогла осуществить свою давнюю мечту — посетить Москву вместе со всеми членами своей семьи, — несмотря на приглашение ССП. Продолжался постоянный обмен письмами с Т. Мотылевой и В. Стеженским. Последнее письмо к Стеженскому, включенное в издание К. Цель Ромеро, датировано 26 марта 1974 г. В нем 74-летняя писательница, вспоминая последнюю встречу в Берлине, разуверяет своего «пистолеро» в том, что в их дружбе что-то могло измениться: «Это неправда. Мы знаем друг друга с приснопамятных времен» [8, S. 251].

Книга Т. Мотылевой «Анна Зегерс. Личность и творчество» была сдана в печать еще при жизни писательницы, но вышла через год после ее смерти. Т. Мотылева навещала Зегерс, которая была «живой личностью, дорогим ей человеком, знакомым в течение долгих лет по встречам, переписке, обмену мыслями» [4, с. 4] практически до конца жизни писательницы.

Дружба Анны Зегерс с ССП, включавшая и официальные, и частные отношения, — одно из самых интересных явлений в истории советско-германских послевоенных контактов, а советская мечта писательницы, преодолевшая политические и идеологические хитросплетения второй половины XX в. — безусловно, один из редких случаев в биографиях «друзей Советского Союза».

Литература

1. *Вагнер Ф.* «На пустом месте, по-новому». Образ России и Советского Союза глазами Анны Зегерс // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Фольперт. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 3: Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 г. С. 690–719.

2. *Копелев Л.З.* Победа над страхом и одиночеством // Зегерс А. Транзит / пер. Л. Лунгиной. М.: ГИХЛ, 1961. С. 5–19.

3. *Копелев Л.З.*, *Орлова Р.Д.* Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990. 447 с.

4. *Мотылева Т.Л.* Анна Зегерс. Личность и творчество. М.: Худож. лит., 1984. 399 с.

5. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты 1945–1949: сб. документов / отв. ред., сост. Н.П. Тимофеева, Я. Фойтциг. М., РОССПЭН, 2006. 976 с.

6. *Седельник В.Д.* Анна Зегерс и русские (советские) писатели // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 451–469.

7. *Seghers A*. Briefe: 1924–1952 / Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin: Aufbau Verlag, 2008. 747 S.

8. *Seghers A*. Briefe: 1953–1983 / Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin: Aufbau Verlag, 2010. 645 S.

9. *Radvanyi P*. Jenseits des Stroms. Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers. Berlin: Aufbau Verlag, 2006. 153 S.

Research Article

“You Are My Best Friends in the Whole World”: Anna Seghers and the Soviet Writers’ Union

© 2025. Anna V. Dobryashkina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgement: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West: A Counter View. Literature in the Context of Culture and Politics in the 20th Century” (https://rscf.ru/project/23-18-00393/).

Abstract: The writer Anna Seghers (1900-1983) is a crucial figure in the literature of the GDR and a major participant in the post-war Soviet-German dialogue. Until recently, researchers, both German and Russian, had little interest in her. In German, the American Germanist of Austrian origin K. Zehl Romero published her most complete biography and two volumes of selected letters. In Russian German studies, there are no fundamental studies of the life and work of Seghers. This article presents the history of Seghers’s relations with the Soviet Writers’ Union in the post-war period. Seghers regularly came to the USSR at the invitation of the SWU, the Committee for International Lenin Prizes, or on her initiative, not only for creative purposes but also for recreation and treatment. The writer corresponded with a large number of Soviet authors and literary scholars (T.L. Motyleva, L. Kopelev, V. Stezhensky, I. Ehrenburg, et al.). The collaboration between the German writer and the SWU was defined by both parties as “friendship.” Based on letters preserved in two archives (in the Moscow RGALI and the Berlin Anna-Seghers-Archive), the article examines the main lines of the writer’s relations with her Soviet colleagues. Despite the fact that in the history of post-war Soviet-German contacts the concept of friendship, being the ideological dominant of the cultural policy of the USSR, meant business partnership, the author of the article comes to the conclusion about truly warm and trusting relations between Seghers and her Soviet friends.

Keywords: Anna Seghers, T. Motyleva, I. Ehrenburg, L. Kopelev, V. Stezhensky, intercultural communication, Soviet Writers’ Union, Foreign Commission, Society for German-Soviet Friendship.

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9654-4744
E-mail: annica@list.ru

For citation: Dobryashkina, A.V. "'You Are My Best Friends in the Whole World': Anna Seghers and the Soviet Writers' Union." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 253–273. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273

References

1. Vagner, F. "'Na pustom meste, po-novomu'. Obraz Rossii i Sovetskogo Soiuza glazami Anny Seghers" ["'From Scratch, in a New Way'. The Image of Russia and the Soviet Union through the Eyes of Anna Zegers"]. *In Rossiia i Germaniia v XX veke* [*Russia and Germany in the 20th Century*], vol. 3: Ottepel', pokholodanie i upravliaemyi dialog. Russkie i nemtsy posle 1945 [Thaw, Frost and Guided Dialogue. Russians and Germans after 1945], ed. K. Eimermacher, G. Bordiugov, and A. Volpert. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2010, pp. 690–719. (In Russ.)

2. Kopelev, L.Z. "Pobeda nad strakhom i odinochestvom" ["Victory over Fear and Loneliness"]. Zegers, A. *Tranzit* [*Tranzit*], trans. by L. Lungina. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961, pp. 5–19. (In Russ.)

3. Kopelev, L.Z., and R.D. Orlova. *My zhili v Moskve: 1956–1980* [*We Lived in Moscow: 1956–1980*]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 447 p. (In Russ.)

4. Motyleva, T.L. Anna Seghers. Lichnost' i tvorchestvo [Anna Seghers. Personality and Work]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1984. (In Russ.)

5. Timofeeva, N.P., and Ia. Foittsig, editors. *Politika SVAG v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniia: tseli, metody, rezul'taty 1945–1949: sbornik dokumentov* [*SMAG's Policy in the Field of Science, Art, and Education: Goals, Methods, Results 1945–1949: Collection of Documents*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 976 p. (In Russ.)

6. Sedel'nik, V.D. "Anna Zegers i russkie (sovetskie) pisateli" ["Anna Seghers and Russian (Soviet) Writers"]. Kudriavtseva, T.V., editor. *Rossiia — Germaniia: literaturnye vstrechi (1880–1945)* [*Rossiia and Germany: Literary Encounters (1880–1945)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 451–469. (In Russ.)

7. Seghers, Anna. *Briefe: 1924–1952*, Hrsg. von Ch. Zehl Romero. Berlin, Aufbau Verlag, 2008. 747 S. (In German)

8. Seghers, Anna. *Briefe: 1953–1983*, Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin, Aufbau Verlag, 2010. 645 S. (In German)

9. Radvanyi, Pierre. *Jenseits des Stroms. Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers*. Berlin, Aufbau Verlag, 2006. 153 S. (In German)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025
Одобрена после рецензирования: 26.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 18.03.2025
Approved after reviewing: 26.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-274--297
https://elibrary.ru/IBZDID

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Поэтический сборник «Звукоподобие» и рецепция творчества К. К. Вагинова во второй половине XX в.

© 2025, А.С. Пахомова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в АНЧО ВПО «Петербургский институт иудаики» за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01583 «Записные книжки и дневники Даниила Хармса: текстология, научный комментарий, издание» (https://rscf.ru/project/24-28-01583/).

Аннотация: Статья посвящена особенностям рецепции последнего поэтического сборника К.К. Вагинова «Звукоподобие» в 1960–1990-х гг. Не будучи завершенной при жизни автора, поэтическая книга долгие годы оставалась неизвестной широкому читателю и исследователю и распространялась в списках и копиях, сделанных вдовой писателя, А.И. Вагиновой, а также друзьями и знакомыми автора. Это создало ситуацию, когда основного текста сборника не существует, что подтверждает приведенный в статье список источников с краткой характеристикой. Открытие «Звукоподобия» в 1960-х гг. было значимо как для читателя, знакомившегося с творчеством позабытого поэта, так и для исследователей, которые использовали сборник для легитимации Вагинова в истории советской литературы. В статье разобраны два основных сценария такой легитимации. Первый, представление Вагинова как писателя, освободившегося от влияния модернизма и пришедшего к классической поэтике, разделяли современники и первые исследователи Вагинова, обращавшиеся к идеологически нейтральным культурным моделям. В то же время в неофициальной культуре бытовал противоположный способ рецепции Вагинова — как замолчанного писателя, неизвестный сборник которого встраивался в череду «возвращенных» текстов первой половины XX в. «Звукоподобие» лежало в основе читательской и исследовательской рецепции жизни и творчества Вагинова, что подтверждает анализ периодизаций творчества писателя.

Ключевые слова: К.К. Вагинов, «Звукоподобие», текстология, неофициальная культура, история рецепции, литературный канон.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова — PhD, старший преподаватель, департамент филологии Санкт-Петербургской школы гуманитар-

ных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, наб. Канала Грибоедова, 119–121, 123 А, 190069 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2145-754X

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Для цитирования: *Пахомова А.С.* Поэтический сборник «Звукоподобие» и рецепция творчества К.К. Вагинова во второй половине XX в. // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С.274–297. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-274-297

Фантомная книга

Последнее на настоящий момент собрание стихотворений К.К. Вагинова 2012 года «Песня слов» [5] составлено достаточно необычно. Как известно, при жизни Вагинова вышли в свет три сборника его стихотворений: дебютное «Путешествие в хаос» (1921) и две книги зрелой лирики — безымянный сборник 1926 г. (в исследовательской литературе он известен как <Стихотворения> или, по посвящению, <А. Федоровой>) и «Опыты соединения слов посредством ритма» (1931). Остался неопубликованным сборник «Петербургские ночи», который планировался к выходу в 1922 г.; в рукописях сохранились тетрадь юношеской лирики Вагинова (названная по внешнему виду «Парчовой тетрадью») и его последние стихи.

«Песня слов» выстраивает творческий путь Вагинова-поэта так: он — автор юношеского сборника «Путешествие в хаос», относительно зрелой книги «Петербургские ночи», позднего сборника «Звукоподобие» и юношеских опытов «Парчовая тетрадь». Хронологический принцип, избранный составительницей издания А.Г. Герасимовой, представляет творческий путь Вагинова в его полярных точках — самой ранней и самой поздней лирикой. При этом два сборника, 1926 и 1931 гг., в собрании не отмечены, и если в случае первого это можно объяснить биографическими обстоятельствами (книга была составлена не самим автором, а М.А. Фроманом, его другом, поэтом и секретарем Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, на деньги членов которого и был издан сборник[1]), то отсутствие в собрании книги «Опыты соединения слов посредством ритма» непонятно, как так фактически это — единственный сборник зрелой лирики поэта, в составлении которого он принимал непосредственное участие. О последнем говорит ее усложненная композиция,

[1] Об истории издания книги см.: *Берберова Н.* Из петербургских воспоминаний: Три дружбы // Опыты. 1953. № 1. С. 166.

дающая представление о том, как Вагинов мыслил построение своих поэтических книг[2].

В то же время в собрание 2012 года входят книги, статус которых не так однозначен. «Парчовую тетрадь» невозможно считать сборником в принципе: это собрание стихотворений, по всей видимости, никогда не планировалось к публикации и осталось не более чем юношеским экспериментом. Гораздо сложнее ситуация с текстами, объединенными под заголовком «Звукоподобие». Согласно свидетельству вдовы писателя, А.И. Вагиновой из письма 1983 г., «эту книгу мы собирали вместе за две недели до его <Вагинова> смерти, потом он очень страдал»[3]. Авторизованной рукописи сборника не существует, как не существует ни одного упоминания о том, что книга в каком бы ни было виде существовала при жизни автора как полноценный сборник, а не как набор разрозненных стихотворений. Даже круг друзей поэта не был осведомлен о завершении «Звукоподобия». В некрологе Вс.А. Рождественский назвал последней книгой поэта его сборник 1931 г.: «Последняя книга стихов К. Вагинова “Опыты соединения слов посредством ритма” (Из<дательст>во писателей в Ленинграде, 1931 г.) как бы подводит итоги всего творческого пути»[4].

Подлинная история «Звукоподобия» начинается после смерти автора, когда сборник получил хождение в копиях и списках. В копии «Звукоподобие» читал О.Э. Мандельштам во время своей воронежской ссылки в 1935 г.: сборник ему привез С.Б. Рудаков, сестра которого была замужем за старшим братом Вагинова[5]. Значительно позднее машинописные и рукописные копии сборника вдова поэта создавала для друзей и исследователей. Такие копии появлялись с начала 1960-х до начала 1980-х гг. О текстологическом статусе этих копий и круге проблем, связанных с ними, мы уже писали ранее[6]; позволим себе еще раз проговорить основные выводы.

---

[2] Композиция этой книги сложна: она образует два хронологических кольца. Открывается книга стихотворением, датированным ноябрем 1923 г., далее в хронологическом порядке идут тексты до 1928 г., затем начинаются тексты 1921 г., которые в хронологическом порядке расположены вплоть до ноября 1923 г.: «Таким образом, первое и последнее стихотворения “Опытов” одновременны, а книга завершает круг, как бы втягивая внутрь начала-конца все, написанное после и до отмеченной точки — ноября 1923 года» [4, с. 196].

[3] Цит. по: [8, с. 456].

[4] *Рождественский В.* Константин Вагинов // Литературный Ленинград. 1934. № 20 (42). 20 апреля. С. 3.

[5] См.: О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / вступ. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца; публ. и подг. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб.: Академический проект, 1997. С. 36, 48, 50.

[6] См., например: [11; 12; 13].

На настоящий момент известно 16 источников как всего текста, так и отдельных стихотворений из «Звукоподобия». Эти источники можно разделить на три группы. Первая, самая большая и внутренне однородная, выделяется на основании происхождения: это машинописи и рукописи А.И. Вагиновой:

1. Правленая Вагиновой машинопись из собрания Н.С. Тихонова и М.К. Неслуховской, перешедшая затем в собрание И.Ф. Мартынова. ОР РНБ. Ф. 1325. № 1. Предположительно датируется 1930-ми гг.;

2. Правленая Вагиновой машинопись из ее личного собрания. РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 4. № 268. Сборная копия, составленная из листов трех разных групп, присутствуют как листы 1930-х, так 1970–1980-х гг.;

3. Машинопись из архива М.Н. Чуковской. РО ГЛМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 744.

4. Машинопись из архива Л.Н. Рахманова. Частное собрание. Машинописи 3 и 4 созданы в 1970-х гг. и идентичны друг другу (без учета помет, проставляемых владельцами копий), при этом имеют самые значительные отличия в ряду других копий сборника.

5. Копия из архива Д.Е. Максимова, созданная в 1983 г. Местонахождение неизвестно.

6. Копия из архива Е.Н. Залесского, выполненная в 1970–1980-х гг. Архив О.А. Юрьева.

7. Тетрадь, в которую был переписан сборник «Звукоподобие», подаренная Вагиновой Т.Л. Никольской и Л.Н. Черткову в начале 1960-х гг. Местонахождение неизвестно.

8. Списки отдельных стихотворений из «Звукоподобия», сделанные вдовой поэта (всего 8 текстов).

Вторую значимую группу копий образовали варианты, идущие не от Вагиновой.

1. Список из архива В.Н. Петрова. РО ИРЛИ. Ф. 809. № 90. Выполнен в 1930-х гг. Копия не завершена: переписано 10 стихотворений, оставлены чистые листы;

2. Машинопись К.А. Афанасьева. Архив А.Л. Дмитренко. Копия неполная (13 стихотворений). Одним из источников этой копии послужил список Петрова (первые 10 стихотворений). Еще 3 стихотворения могли быть перепечатаны с любого существующего на тот момент источника (ввиду нейтрального характера текста). Копия была подарена Афанасьевым Вагиновой 1 января 1979 г., о чем сви-

детельствует дарственная надпись на обложке. Скорее всего, ранее Афанасьев не контактировал с Вагиновой — иначе бы не стал дарить ей копию сборника, который у нее уже имелся.

Наконец, третью группу составляют немногочисленные автографы и авторизованные копии отдельных стихотворений из сборника: часть из них хранится в ОР РНБ (Ф. 1325. № 6–9), Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме и в частном собрании. Также в эту группу входят прижизненные публикации шести стихотворений[7].

Состояние источников указывает на то, что основной текст книги (или текст, в котором выражена последняя авторская воля) отсутствует и ни один из существующих источников не может считаться в полной мере авторитетным, поскольку не несет на себе следов авторизации или авторского одобрения. Более того, невозможно с уверенностью утверждать, что дошедший до нас текст и сборник с заглавием «Звукоподобие», задуманный или написанный Вагиновым, идентичны, а изменения, внесенные после смерти автора, незначительны. При этом ни одна существующая копия не обладает явными преимуществами перед другими (авторской правкой, более ранним временем создания или однозначно более достоверным текстом) и выбор между ними — заведомый выбор из нескольких недостоверных источников одного, менее недостоверного. Отдельные тексты возможно выправить по сохранившимся автографам, авторизованным машинописям и прижизненным публикациям, однако для двух третей стихотворений это невозможно. В итоге следует либо полностью отказаться от идеи воссоздания законченного сборника «Звукоподобие», помещая «бесспорную» часть в раздел «Стихотворения 1930-х гг.» или «Стихотворения из сборника “Звукоподобие”», либо сделать допущение, что сборник существовал именно в таком виде и дошел без существенных изменений.

Отчасти снимает вопрос о предпочтении одного из источников тот факт, что значительных разночтений между ними не существует и изменения затрагивают слово, строку или датировку, но никогда не больший объем текста[8]. Критический взгляд на разночтения позволяет с большой долей уверенности отнести почти две трети из них

[7] *Вагинов К.* Стихотворения // Звезда: Литературно-художественный альманах. Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 176–177; *Вагинов К.* Три стихотворения // Звезда. 1933. № 1. С. 85–86.

[8] Едва ли не самое спорное место в разных копиях — чтение седьмой строки стихотворения «Он с юностью своей, как должно, распрощался…»: «И хор цветов, и голоса зверей…». Копии, идущие непосредственно от А.И. Вагиновой, дают чтение «голоса дверей», в то время как копии, хранящиеся в архиве Чуковской и Рахманова, предлагают более традиционное чтение «голоса зверей». В книге 2012 г. [5] отдано предпочтение второму варианту.

к ошибкам переписчика, и тогда доля собственно разночтений оказывается незначительной и легко может быть указана в примечаниях к публикации. Поэтому в качестве основного текста «Звукоподобия» можно использовать любую из существующих копий, сделанных вдовой писателя, — незначительный приоритет будет за копией из архива Н. Тихонова как самой ранней по времени создания.

Текстология «Звукоподобия», хотя и не сводится к простому решению, на деле не так сложна. Однако создавшаяся ситуация не лишена парадоксальности: работа по реконструкции «Звукоподобия» не имеет цели, так как исследователь не знает, что именно он реконструирует. Что это за текст — сборник, цикл, не собранное воедино множество стихов? Строго говоря, нет даже уверенности, что все эти стихотворения действительно написал Вагинов. На наличие «Звукоподобия» в итоге можно только указать, оговорив при этом, что все попытки исследовать его поэтику имеют не много смысла.

Не будучи цельным сборником и оказавшись в ситуации бытования вне авторской воли, «Звукоподобие» обрело собственную жизнь и прагматику, войдя в корпус текстов Вагинова. Сборник существовал как текст, тиражируемый поверх публикации; материальная незакрепленность окончательного варианта компенсировалась большим количеством рукописных и машинописных копий, которые циркулировали внутри тесного круга знакомых и почитателей Вагинова, во многом определяя границы этой группы. Несмотря на проблемы текста и сомнительный статус копий, именно со «Звукоподобия» во многом началась история «возвращения» Вагинова в литературу и культурное пространство Ленинграда во второй половине XX в. В настоящей статье мы хотим проследить, как «Звукоподобие» использовали различные акторы для выражения определенных, нередко противоположных, идей; какое влияние оказала фантомная книга на мифологизированный образ Вагинова, который сложился к 1960-м гг. и который во многом транслируется и по сей день, постепенно преодолевая границы «антиканона».

Значимое отсутствие

История «культа Вагинова» (по аналогии с «культом Гумилева», детально описанным Р.Д. Тименчиком, см.: [15]) реконструирована Д.М. Бреслером, который собрал богатый свод документальных материалов и интервью с первыми читателями Вагинова, описал основные механизмы рецепции творчества и личности писателя в 1960–1980-е гг. [2] и выделил тенденции обращения к автору в кру-

гах неофициальной литературы, гуманитарной академии, книгоиздания, а также среди «антикварного читателя» [1]. Согласно выводам исследователя, «история изучения и чтения Вагинова — это во многом социоисторическая модель экспертного (элитарного) сообщества советского времени, пусть и институционально маргинального» [2, с. 237]; чтение и распространение произведений Вагинова накладывалось на дихотомию неофициальной и официальной культур, для первой из которых Вагинов оказывается «конструктивной единицей, не столько фундирующей эрудицию и начитанность, сколько обуславливающей стратегии литературного поведения и в конечном счете воспроизводящей культурные практики взаимодействия с “архивным” автором, без попыток его канонизировать», в то время как представители академической среды пытались «вернуть» Вагинова в литературный процесс (создавая при этом «антиканон русской литературы») [2, с. 255].

Вокруг Вагинова начиная с 1960-х гг. формировалось определенное рецептивное поле, которое, по наблюдениям Бреслера, не исчерпывалось простым чтением, распространением или публикацией его текстов. В пространстве ленинградской культуры второй половины XX в. Вагинов существовал как миф, а приобщение к нему приобретало характер постижения сакрального знания, обеспечивало пропуск в герметичный мир иного, «несоветского» культурного потребления:

> …творчество Константина Вагинова, малоинтересное, труднодоступное в советских реалиях и большей частью непонятное даже для искушенного читателя, требовало антикварного типа рецепции, в процессе которого чтение граничит с коллекционной страстью обладания артефактом, представляется артистическим вчувствованием в атмосферу текста, предполагает перформативное воспроизведение нарративных сценариев в быту и подразумевает включенность в специальные культурные сообщества, внутри которых поддерживалась память о неконвенциональной советской литературе [1, с. 107].

Нам особенно важно указать на отмеченный в работах предшественника процесс мифологизации, в который Вагинов был включен в двух ролях: при жизни — активный участник формирования пореволюционного «петербургского» мифа, описывающий принципиально иной Петербург, город чудаков и «бывших»; после смерти — один из героев ленинградской потаенной культуры, обладатель собственного биографического мифа, аккумулирующего важные для

носителей этой культуры смыслы, тексты которого создали особое силовое поле, удерживая и привлекая людей конкретного типа. Как справедливо указывает Бреслер, Вагинов становится не столько автором «для чтения», сколько фоном для зарождения определенных стратегий восприятия довоенной литературной культуры.

Представляется, что к концепции Бреслера, сосредоточенной преимущественно вокруг рецепции романов Вагинова, можно добавить еще один штрих, несколько усложнив общую картину. С момента открытия творчества Вагинова для исследователей и читателей, произошедшего с первыми работами Т.Л. Никольской и Л.Н. Черткова во второй половине 1960-х гг., энтузиасты «культа Вагинова» прилагали усилия, пытаясь вернуть автора в историю русской литературы, составить его жизнеописание и опубликовать тексты, в том числе полностью неизвестное ранее «Звукоподобие».

Если предположить, что «Звукоподобие» так и осталось бы незнакомым исследователям и читателям, то творческий путь Вагинова выглядел бы так: поэт, бывший в юношеские годы эпигоном символизма, прошел множество литературных школ, заслужил одобрение Н.С. Гумилева и признание многих петроградских литераторов и постепенно перестал писать стихи, сосредоточившись на создании самобытной прозы. Этот путь отчасти дублировал бы писательские траектории ровесников Вагинова — В.В. Набокова и А.П. Платонова. С такой стратегией согласуется и динамика создания Вагиновым стихотворений: в период с 1919 по 1922 годы он писал в среднем по 23 текста в год, в период 1923–1926 — 14 текстов, в 1927–1928 — 3 текста, 1929 годом не датировано ни одного стихотворения[9]. Переломным моментом выступает конец 1920-х, когда Вагинов сосредоточился на написании прозы (роман «Козлиная песнь» вышел в 1927–1928 гг.) и взял паузу в создании поэтических текстов. Если рассматривать творческий путь Вагинова так, то к нему вполне приложимы следующие слова А.Г. Герасимовой: вагиновская проза «это и есть настоящий Вагинов, а то, что вы только что прочли (то есть стихотворения автора. — *А.П.*), — по большей части предисловие, разминка, по недоразумению совершившаяся на глазах почтеннейшей публики» [5, с. 357].

Репутация талантливого и самобытного юноши начала складываться уже на раннем этапе поэтической карьеры Вагинова. Если посмотреть на прижизненную рецепцию его творчества, то можно заметить, что одним из лейтмотивов его оценки современниками

[9] См. подсчеты в: [9].

становится своеобразие, обособленность Вагинова в ряду других петроградских поэтов и создание им уникального художественного языка:

> Тем не менее, в каждой строке Вагинова чувствуется сырая, еще не нашедшая себя, но подлинная поэтическая острота[10];
>
> Стихи Вагинова есть одно из самых странных явлений, которые мне известны в искусстве. Единственное, на что они похожи, — это живопись Чурляниса[11];
>
> Но в самой несвязице вагиновских стихов было что-то «свое», она была как-то своеобразно окрашена. <…> Словом, казалось, что из Вагинова может получиться некоторый толк. <…> Так смотрели на стихи Вагинова многие, в том числе покойный Гумилев… [12];
>
> Стихи К. Вагинова резко отличаются от характера поэзии наших дней. <…> И это свое зрение, «своя рука» во всем делает стихи Вагинова однородными и крепкими, как обломки одной горной породы[13].

С начала 1920-х Вагинову прочили большую поэтическую славу: «…обращаю ваше внимание на стихи и прозу Константина Вагинова, зная вашу привычку следить за всем значительным с самого начала»[14]; «…в литературном Петрограде <...> крайне мало талантливой молодежи <…> но несомненно двое из них не пройдут бесследно для истории русской поэзии нашей эпохи — и эти двое Николай Тихонов и Константин Вагинов»[15]; «Книжка его вызвала много толков, она взбудоражила всю литературную публику. Только теперь они заметили, что это “крупное явление” в русской литературной жизни»[16] и др. Любопытно, что истоки этой славы, равно как и представление

---

[10] *Лунц Л.* Новые поэты. <Материалы для несостоявшегося издания: Ирида. Литературная газета под редакцией А.Г. Фомина, 1922> / публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 406.

[11] *Адамович Г.* Поэты в Петербурге // Адамович Г. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2. С. 25. Впервые: Звено. 1923. № 32. С. 2.

[12] *Ходасевич В.* Парижский альбом. II // Ходасевич В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 2. С. 357. Впервые: Дни. 1926. 13 апр.

[13] *Спасский С.Д.* О стихах К. Вагинова. Цит. по: [5, с. 289–290].

[14] *Кузмин М.* Письмо в Пекин // Кузмин М. Проза и эссеистика: в 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3. С. 616. Впервые: Абраксас. 1922. [Вып. 2].

[15] *Лурье В.* Петроградское // Дни. 1923. № 232. 5 авг. С. 12.

[16] *Наппельбаум И.* Из письма к Н. Берберовой в Париж (1926 г.). Цит. по: *Берберова Н.* Из петербургских воспоминаний. С. 166.

об уникальном творческом методе Вагинова, были тесно связаны с его участием в поэтической студии Гумилева «Звучащая раковина» — согласно отзывам большинства современников, Вагинов будто бы не вынес оттуда какого-либо влияния мэтра. Репутация Вагинова в те годы строилась на «преодолении Гумилева» — творческом скачке, который не смогли сделать другие участники студии:

> Константин Вагинов совсем определившийся и совершенно законченный мастер, может быть, один из крупнейших поэтов наших дней. Вагинов умеет находить и нашел настоящие слова и не носит той поэтической маски, созданной Гумилевым для своих учеников и называемой акмеизмом[17];

> Стихи Вагинова вызывали в нем (Гумилеве. — *А.П.*) сдержанное, бессильное раздражение. <…> Но за чепухой вагиновского текста жила и звенела какая-то мелодия <…> Гумилев это чувствовал. Он понимал, что у других его учеников, только что продекламировавших стихи гладкие и безупречные, нет именно того, что есть у Вагинова[18];

> Наш Мэтр (Гумилев. — *А.П.*) — истый акмеист, чья поэзия была закована в стальные рамки формы, чьи строфы, строки, слова отщелкивались, как градинки о железный лист подоконника, он — наш Мэтр <…> он замирал и, не противясь, входил в призрачный сад поэзии Константина Вагинова[19].

Немногочисленные мемуары также выстраивают литературную репутацию молодого поэта — талантливого и самостоятельного. Формирование такой славы стало возможным благодаря особенностям литературной жизни 1920-х гг., когда в одном только Петрограде существовало несколько десятков литературных групп и кружков — и Вагинов, согласно его автобиографии 1923 г., «состоял во всех петербургских поэтических объединениях»[20]. См. в воспоминаниях Н.К. Чуковского: «Вообще он давал стихи всем, кто желал их печатать, читал их с любой эстрады и в любом доме, куда его звали. Со всеми он был ровно мягок, удивительно вежлив, уважителен,

---

[17] *Тизенгаузен О.* Салоны и молодые заседатели Петербургского Парнаса // Абраксас. 1922. Вып. 1. С. 60.

[18] *А<дамович> Г.* Памяти К. Вагинова // Последние новости. 1934. № 4830. С. 3.

[19] *Наппельбаум И.М.* Памятка о поэте // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1988. С. 91.

[20] Цит. по: [5, с. 272].

доброжелателен, но не сливался ни с кем»[21]. Множество входивших в разные группы поэтов, не оставивших заметного следа в истории литературы, составили для Вагинова тот «фон», на котором рельефнее проступило его своеобразие — позднее И.М. Наппельбаум так резюмирует этот бурный период петербургской литературной жизни: «Если оглянуться и спросить, кого же дала русской литературе поэтическая студия 20-х годов при Доме искусств? Кого выдвинула “Звучащая раковина”? Ответ однозначен — Константина Вагинова»[22].

Сборник «Звукоподобие» не встраивается в эту репутацию. Алогичная, ассоциативная поэзия раннего Вагинова, изобилующая сложными образами, почерпнутыми из античности и культур древности, повинующаяся прихоти фонетического строя языка и почти лишенная сюжета[23] — поэзия «преодолевшего символизм» автора, которого приветили обэриуты, узнав в его языке близкий им, — выделяла Вагинова в ряду его современников. Однако в 1930-х гг. она коренным образом меняется и превращается в аскетичную, скупую на краски и интонации. Общий эмоциональный тон стихотворений становится заметно более мрачным и почти безысходным, тогда как форма — классически четкой. Хотя некоторые особенности образной и мотивной системы, а также языка остаются, столь же заметно, каким существенным изменениям они подверглись.

Стихи «Звукоподобия» предельно не-вагиновские, в том числе и потому, что их рецепция просто не сумела полноценно состояться при жизни автора. Радикальная смена поэтических ориентиров совпала с моментом критики Вагинова в советской печати, с созданием его оригинальной прозы, с попыткой «вписаться» в советскую действительность, ведя занятия в заводской литстудии и участвуя в масштабном проекте по созданию истории фабрик и заводов Ленинграда[24], наконец — с его смертью. Несколько лет, пришедшихся на создание «Звукоподобия», Вагинов почти не выступал как лирик (не считая немногих публикаций отдельных стихотворений), что усилило разрыв между его ранней и поздней поэзией, мифологизируя первую и проблематизируя статус второй. Следовательно, перед современниками поэта, а затем и исследователями, встала задача создать новую рецепцию, вписав в нее не только существующие тек-

[21] *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1989. С. 186.

[22] *Наппельбаум И.М.* Памятка о поэте. С. 92.

[23] О ней см. статью-рецензию Б.Я. Бухштаба на сборник стихотворений 1926 г.: *Бухштаб Б.* Вагинов / публ. Г.Г. Шаповаловой; вступ. ст. и примеч. А.Г. Герасимовой // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 273–277.

[24] Об этом см.: [3].

сты, но и «Звукоподобие», придав фигуре Вагинова, его биографии и его репутации телеологичность.

Центральное место в построении новой репутации занял сборник «Звукоподобие». Книга, рецепция которой не состоялась при жизни автора, оказалась после его смерти в пространстве неопределенности, открытая ко многим интерпретациям и потому позволяющая вписать тексты и прагматику их создания в различные культурные конвенции и сценарии построения «писательской биографии».

Траектории легитимации

Первыми читателями Вагинова в 1960-х гг. были молодые представители «второй» культуры (особенно поэты круга «Малой Садовой») и близкие к ним филологи — все те, кто ощущал свою живую причастность к дореволюционной литературной культуре и культивировал эту связь, в том числе через контакты с современниками начала века. В эти годы изустная передача культурной памяти — через посредничество домашних кружков и собраний — превратилась в отличительную черту «второй» культуры. К примеру, именно выходцы из круга М. Кузмина А.Н. Егунов и И.А. Лихачев стали мэтрами для ленинградских поэтов и филологов 1960-х гг. (Л.Н. Черткова, Т.Л. Никольской, Анри Волохонского и др.). Приведем характерный, хотя и несколько более поздний, мемуар А.А. Тимофеевского о посещении квартиры Н.Я. Рыковой — еще одного неофициального центра ленинградской культурной жизни 1960–1970-х гг.:

> …мне достаточно прийти на Казанскую (ул. Плеханова) и позвонить в дверь. Там будет мир, которого 60 лет как нет. <…> Я думаю, со всеми частными особенностями это последний кузминский мир, творец которого умер в 1936 году — от старости скончался тот проказник. Я попал туда ровно сорок лет спустя, там все жило и пело, и ничто, буквально ничто еще не стало музеем. Мир этот был, прежде всего, свободным[25].

Ценности представителей этой культуры — свобода, автономия искусства и самоценность творческого акта — повышали значимость текстов и авторов, выпадавших из советского литературного канона. Вместе с тем современниками Вагинова и исследователями ощущалась необходимость вернуть писателя в историю литературы, но

[25] *Тимофеевский А.А.* Книжка-подушка. СПб.: Мастерская «Сеанс», 2017. С. 443.

вернуть «на своих условиях» — вписать его в тот сценарий, который бы не дискредитировал вагиновскую поэтику и эстетику, не сказался бы негативно на сложившемся к 1960–1970-м гг. культурном мифе. Вероятно, именно по этой причине для первой спустя 30 с лишним лет после смерти автора подборки его произведений, вышедшей в 1967 г., были выбраны неизвестные ранее стихотворения из «Звукоподобия»: «Ленинград» и «Норд-ост гнул пальмы, мушмулу, маслины…»[26]. Эта публикация стала отправной точкой возвращения Вагинова в историю литературы; в дальнейшем этот процесс пошел двумя путями, и в начале каждого из них оказалось «Звукоподобие».

Прежде всего стоит отметить, что хранители копий «Звукоподобия» осмысляли биографию и творческий путь писателя иначе, чем те, кому остались известны только его ранние стихи и проза. Приведем воспоминания писателя Л.Н. Рахманова: «Постепенно поэт избавлялся от туманных аллегорий, писал проще, понятнее, и я бережно храню его последний, так и оставшийся в рукописи сборник стихов “Звукоподобие”»[27], и Н.К. Чуковского «Именно тогда, когда он разделался с туманными аллегориями, достиг зрелости и почувствовал влечение к изображению живой жизни, болезнь отняла у него силы и повела к смерти»[28]. Здесь «Звукоподобие» встраивается в нарратив о творческой зрелости поэта, внутри которого приобретает ореол недовоплотившегося шедевра. Оба мемуариста трактуют эту творческую зрелость вполне в духе советского литературного канона — как «простоту» и «приближение к жизни», пытаясь представить путь Вагинова как траекторию писателя, освободившегося от модернистского влияния и стремящегося к реалистичному изображению действительности. Можно сказать, что и Чуковский, и Рахманов предпринимают попытку легитимизировать творчество Вагинова посредством доступных им «безопасных» культурных моделей.

Схожим образом поступают и первые исследователи творчества Вагинова. В преамбуле к публикации в альманахе «День поэзии» Никольская и Чертков так представили творческий путь своего героя: один «из талантливых и своеобразных ленинградских поэтов 20–30-х годов», «чья молодость совпала с революцией», Вагинов был участником многих литературных кружков, но «наибольшее значение для него, однако, имело участие в группе “Островитяне”,

[26] Константин Вагинов / публ., вступ. ст. Т Никольской, Л. Черткова // День поэзии. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 77–78.

[27] Три стихотворения Константина Вагинова / вступ. заметка и публ. Леонида Рахманова // Нева. 1982. № 6. С. 200.

[28] *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. С. 197.

куда он входил вместе с Н.С. Тихоновым и С.А. Колбасьевым» (отметим, что публикаторы выбирают из множества групп, в которых участвовал Вагинов, именно ту, где он соприкасался с классиком советской литературы Н. Тихоновым). Его поэзия «глубоко лирична», однако Вагинова «волнуют не только проблемы стихотворного слова, но и стремление приблизиться к действительности из своего книжного, несколько рафинированного мира». В полной мере это удается сделать в сборнике «Звукоподобие», наиболее «зрелом» его создании, в котором «стихи делаются ярче, завершеннее. Вагинов все больше приближается к классическому русскому стиху. Наконец, в его поэзии появляются злободневные ноты»[29].

На рубеже 1980–1990-х гг. вышли еще две подборки стихов Вагинова[30]. Обе включали как лирику писателя из первых сборников, так и стихотворения из «Звукоподобия», что выстраивало прямую перспективу творчества поэта от ассоциативной поэтики юности — к классическому поэтическому языку зрелости: «…его поэзия прошла путь от романтической ностальгии сборников “Путешествие в Хаос” и “Петербургские ночи” к многоплановой усложненности итоговой книги “Опыты соединения слов посредством ритма”, а затем в предсмертных стихах, восхищавших О. Мандельштама, пришла к ясности и прозрачности»[31]. Смысловой потенциал «посмертной книги», который аккумулировало «Звукоподобие», был использован для того, чтобы «отвязать» Вагинова от модернизма и показать становление его как неоклассика, мастера простой формы и злободневного содержания. В этом сценарии легитимации «Звукоподобие» становилось своего рода поэтическим аналогом работы Вагинова над историей завода «Светлана» — шагом к простоте и широкому читателю.

В то время как в официальной периодике выстраивался идеологически нейтральный образ писателя, в редких изданиях неофициальной культуры Вагинов представал прямо противоположно — одним из насильственно замолчанных авторов, «не упоминаемый нынче в толстых академических советских талмудах»[32]. Публикация части текстов из «Звукоподобия» была подготовлена Дж.Э. Малмстадом и Г.Г. Шмаковым для парижского альманаха русского авангарда «Аполлонъ-77», задуманного как памятник «искусству, которое

[29] День поэзии. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 77–78.

[30] *Вагинов К.* Стихи / публ. Т.Л. Никольской // Нева. 1989. № 4. С. 64–67; *Вагинов Конст.* Неопубликованное и малоизвестное / предисл. и публ. Т.Л. Никольской; подгот. текста В.И. Эрля // Звезда. 1992. № 2. С. 168–172.

[31] *Вагинов Конст.* Неопубликованное и малоизвестное. С. 169.

[32] *Малмстед Д., Шмаков Г.* О поэте Константине Вагинове // Аполлонъ-77 / ред. М. Шемякин. Париж, 1977. С. 34.

удалось вынести на свет Божий и суд человеческий из глубокого подполья»[33]. «Аполлонъ-77» не только стремился вернуть в историю русской культуры изъятые из нее имена — он широко выстраивал генеалогию и традицию неподцензурной культуры, включая в число ее предшественников многих известных авторов: рядом с произведениями Э. Лимонова, Вс. Некрасова, В. Уфлянда, К. Кузьминского, И. Холина и др. были опубликованы неизвестные тексты М. Кузмина, Д. Хармса, А. Введенского и Вагинова. Отсутствие прижизненной публикации[34] и полноценной рецепции, а также невключение в «академические талмуды» было достаточным для причисления автора к «неподцензурным» писателям.

Однако Вагинов никогда не был «замолчанным» или «подпольным» писателем. Его книги выходили на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг., и хотя позднее не переиздавались, никогда не запрещались и не перемещались в спецхраны, на что указывает Д.М. Бреслер [2, с. 237]. Тем не менее волна «возвращенной» литературы подхватила и произведения Вагинова, а «Звукоподобие» приобрело ореол потайной книги, не дошедшей до своего читателя-современника. Немаловажную роль в конструировании такой репутации сыграла посмертная судьба архива писателя — после его смерти он был изъят при обыске и исчез. Среди конфискованного была рукопись романа «1905 год», подготовительные материалы к которому, неверно прочитанные следователем как свидетельства знакомства Вагиновых с членами Государственного совета, послужили одним из поводов для высылки матери писателя в Сибирь. «Звукоподобие», избежавшее судьбы остального архива, приобретало статус книги, спасенной от печальной судьбы, что также повышало ценность сборника. Его приватное распространение и сосуществование нескольких копий текста, незакрепленность и непечатность которого дискурсивно сближало сборник 1930-х гг. с «самиздатом», позволяли рассматривать «Звукоподобие» в контексте «потаенной» литературы XX в.

Первой большой и текстологически выверенной публикацией «Звукоподобия» стала подборка в книге «Поэты группы ОБЭРИУ» в серии «Библиотека поэта» (1994). Задача публикаторов — представить творчество Вагинова, относящееся «ко времени его участия

[33] *Петров В.* В порядке информации // Аполлонъ-77. С. 4.

[34] См. в мемуарной статье В.Б. Кривулина: «любое слово, проникшее в печать, воспринималось <...> с недоверием и едва ли не с омерзением, как фарш, пропущенный сквозь цензорскую мясорубку. Независимая культура вырастала из фундаментального недоверия к любым подцензурным формам художественной деятельности» (*Кривулин В.* У истоков независимой культуры // Звезда. 1990. № 1. С. 186).

в группе ОБЭРИУ и предшествующих ей объединений»[35] — придала включенным в книгу стихотворениям дополнительный смысл. Так сборник «Звукоподобие» стал «обэриутским» текстом, примером творчества одной из самых авангардных, потаенных и мифологизированных литературных групп первой трети XX в. — несмотря на то что контакты Вагинова с обэриутами, бывшие интенсивными в конце 1920-х гг., ко времени написания «Звукоподобия» сошли на нет и поэтика поздних стихов Вагинова не несет на себе обэриутского влияния.

Таким образом, уже на начальном этапе посмертной рецепции и легитимации творчества Вагинова «Звукоподобие» задает два магистральных сценария: публикация неизвестного сборника равно причисляла поэта к сонму «непонятых» при жизни талантов и к числу «замолчанных» в советские годы дарований. При этом образ, конструировавшийся в этих нарративах, можно назвать внешним по отношению к самому писателю и его книге. С художественной точки зрения «Звукоподобие» едва ли могло претендовать как на статус неоклассического шедевра, так и на славу жемчужины русского андеграунда. Существование «Звукоподобия» было важно для становления культа Вагинова, однако сам сборник воспринимался как символ определенной культурной ситуации и объект, сплачивающий людей, разделяющих общую память и ценности, а не как оригинальный художественный текст. Контекст создания и обстоятельства распространения последней книги Вагинова постепенно вышли на первый план, тогда как содержание стихотворений и их поэтика приняли подчиненный бытованию характер. Можно сказать, что сам сборник сопротивлялся тому способу, которым его автор возвращался в историю литературы, что и породило смысловую неопределенность, которая окружала эту книгу с момента ее обнародования и стимулировала возникновение конкурирующих сценариев ее рецепции.

Постепенно к уже отмеченным двум добавился еще один сценарий легитимации «Звукоподобия». Исследовательская рецепция сборника в это же время развивалась иным образом. Показательно, как в работе В.Н. Топорова «Петербург и “петербургский текст” русской литературы» (1971, 1993) осмысляется роль Вагинова в построении и осмыслении локального текста. Писатель предстает как один из завершителей темы Петербурга, «стихи и проза которого представляют своего рода отходную по Петербургу, как бы уже по сю сторону

[35] Поэты группы «ОБЭРИУ» / общ. ред. М.Б. Мейлаха. СПб.: Сов. писатель, 1994. С. 619.

столетнего Петербургского текста» [16, с. 24]. Хотя тексты Вагинова 1920-х гг. часто цитируются ученым, стихотворения из «Звукоподобия» не упоминаются вовсе, несмотря на наличие в них темы Петербурга/Ленинграда (о знакомстве Топорова с неопубликованными текстами Вагинова говорит тот факт, что в комментариях к работе он упоминает поэму «1925», бытовавшую в составе «Звукоподобия» [16, с. 106]). Немногим больше одного абзаца занимает «Звукоподобие» в монографической статье Т.Л. Никольской, написанной в соавторстве с Вл. Эрлем — одной из первых полноценных научных работ, восстанавливающих не только жизненный, но и творческий путь писателя[36]. Так научная рефлексия предложила третий сценарий — обойти существование «Звукоподобия» стороной, ограничив творчество Вагинова стихотворениями 1920-х гг. и прозой.

Попытки исследователей справиться с фактом существования «Звукоподобия» заметны при построении различных периодизаций, предложенных для объяснения эволюции поэтики Вагинова. Нам известно четыре периодизации — внушительное число для автора, период писательской деятельности которого едва охватывает 15 лет. Если в осмыслении общей эволюции Вагинова исследователи единодушны (в 1920-е — участие в бурной литературной жизни; в 1930-е — попытка встроиться в советский культурный процесс), то именно последний период, на который пришлось создание «Звукоподобия», разделяет их на две большие группы.

Согласно первой, поэзия Вагинова 1930-х гг. — его собственное «преодоление символизма», приближение к классической простоте стиха и стиля. Такую трактовку можно увидеть в периодизации, которая была предложена Л.Н. Чертковым. Он выделил четыре периода в творчестве Вагинова: первый, «символистско-романтический» (1919–1923), второй, обеспечивший автору «особое место в русской поэзии» (1922–1925), третий — «обэриутско-формалистический» (1926–1930) и четвертый — «синтетический» (1931–1934). Последний охватывает время работы над стихотворениями «Звукоподобия», когда все «темное, мрачное словно оседает в его прозе <...> в то время как поэзия достигает поразительной ясности, напряженности и чистоты» [17, с. 227]. Созвучны мнению Черткова выводы Т.Л. Никольской, которая говорит о последнем пятилетии поэта так: «… очевидна эволюция поэтики Вагинова, проявившаяся, в частности, в отходе от принципа сопоставления несопоставимых понятий. <…>

[36] [10]. Отметим, что в этом номере журнала «Звезда» на задней странице обложки были опубликованы три стихотворения Вагинова, два из которых входили в состав «Звукоподобия».

он отказывается не только от подобных метафор, но также от использования архаизмов и риторической лексики; синтаксис проясняется, стих приближается к разговорному языку, подчас приобретая черты классической ясности, но сохраняя при этом многоступенчатость ассоциации» [10, с. 193]. Творческий путь писателя воспринимается как эволюция, 1930-е — как расцвет, прерванный внезапной смертью автора. «Звукоподобие» предстает как знак творческого подъема, обещание радикально новой поэтики, сочетающей экспериментальный подход к слову с классической простотой и ясностью.

Иную версию можно найти в периодизациях, предложенных А.А. Пуриным и А.Г. Герасимовой, которые видят в последних стихотворениях поэта следы усталости и отказа от поэтического постижения мира. По мнению Пурина, опыт прозы деформировал отношение Вагинова к действительности, вызвав разочарование в художественном слове. В его романах мелькает безликий герой, которому в поэзии соответствует ожившая статуя: «Неверно было бы думать, что “Звукоподобие” — возвращение к классическому искусству, к поэзии XIX века, столь отчетливо слышной в этих стихах, к Тютчеву, Баратынскому… <…> Искусства нет, остаются слепки и копии» [14, с. 233]. В 1933 г., когда Вагинов уезжает в Крым на лечение, «им были написаны стихи, которые могли бы стать началом нового — алхимического — периода его творчества» [14, с. 232], но болезнь и ранняя смерть не дали его лирике переродиться в нечто существенно иное, и Вагинов остался автором преимущественно прозы. А.Г. Герасимова пишет о «Звукоподобии» дважды и оба раза говорит о поэтике Вагинова 1930-х гг. как о закате его творчества: «И в стихах, и в прозе этого периода — какая-то усталость, вялость, слово словно бы истекло кровью» [6, с. 13]; «Слова, некогда поражавшие невероятностью сочетаний, завораживавшие нездешней музыкой, теперь побледнели, потускнели, притихли; от прошлого осталась одна лишь неистребимая странность тающих смыслов. Но есть в этих стихах, более похожих на тени стихов, и некая последняя свобода и легкость, хотя уже никакой надежды на “жизнь”» [7, с. 161].

В двух траекториях выстроены два принципиально разных жизненных и творческих пути Вагинова: эволюция и деградация, новый этап и оскудение — причем текстом, от которого зависит направление исследовательской мысли, становится именно «Звукоподобие». При этом нарратив эволюции выбран первыми исследователями творчества Вагинова, знакомыми с теми, кто знал писателя лично, помнил и хранил его стихи. Можно предположить, что семантический и эмоциональный ореол, созданный вокруг «Звукоподобия» современниками Вагинова

и его читателями, представителями неофициальной культуры, ретроспективно повлиял на осмысление всего его творческого пути и выдвижение на первое место его оригинальной лирики. В то же время другие исследователи, не подпавшие под обаяние «Звукоподобия», писали о творческом пути Вагинова как о радикальной переориентации и уходе в прозу: самобытный последний сборник в этом контексте прочитывается как бесплотная попытка вернуться к поэзии. С этой точки зрения Вагинов остается оригинальным прозаиком, состоявшимся на рубеже 1920–1930-х гг. и замкнутом в этом времени.

Поздние стихи Вагинова стали доступны тогда, когда уже сложились магистральные сценарии осмысления петроградского литературного процесса начала века и возникла необходимость вписать Вагинова в один из уже готовых сценариев. Из этой перспективы проза писателя более органично встраивалась в общее движение литературы конца 1920-х, будучи подкреплена схожими прецедентами — романом А. Николева (А.Н. Егунова) «По ту сторону Тулы», прозой обэриутов и др. «Звукоподобие» не имело контекста: его строгая и лаконичная поэтика не давала возможности причислить Вагинова ни к авангардистам, ни к открывателям нового поэтического языка. Подлинная рецепция «Звукоподобия» состоялась спустя несколько десятилетий после создания книги: именно последний сборник был предложен вдовой и близкими Вагинова для распространения внутри узкого круга посвященных лиц; именно с этой книгой неофициальная среда знакомила первых исследователей-литературоведов; именно стихотворения из «Звукоподобия» стали первыми публикациями Вагинова в журналах второй половины XX века. Можно сказать, что именно факт существования целой неизвестной поэтической книги стимулировал живую реакцию на нее, а в отсутствие иной рецепции легитимной стала та, которая наконец состоялась: самиздатовское бытование «Звукоподобия» послужило причиной для отнесения его автора к числу «неподцензурных» поэтов, а наличие почти трех десятков неоклассических стихотворений — к созданию репутации рано умершего большого таланта.

Итак, «Звукоподобие» как неизвестный, недошедший до современников сборник, образовало вокруг себя пространство семиотической и рецептивной пустоты, которое стремились восполнить мемуаристы, публикаторы и исследователи. В отсутствие воли автора и материального воплощения книга, безотносительно ее содержания, вписывалась в несколько расхожих моделей легитимации писателя, не переиздаваемого на протяжении советских лет: она поддерживала репутацию «замолчанного» автора; встраивалась в сценарий создания незамеченного шедевра; была осенена славой «посмертной

книги», поэтического завещания. Отдельным путем рецепции стало помещение «Звукоподобия» и всего творчества Вагинова в историю неподцензурной литературы, когда открытие неизвестной ранее поэтической книги сопоставлялось с открытием текстов обэриутов.

Мы начали наш анализ с вопроса: уместно ли помещать «Звукоподобие» в число бесспорных авторских сборников Вагинова, венчая им собрание его стихотворений? Представляется, что в этом случае значимость и важность книги выходят далеко за границы ее текста. «Звукоподобие», не сказавшееся на судьбе своего автора при жизни, сыграло определяющую роль в закреплении его статуса в литературном каноне. Отсутствие основного текста и выраженной авторской воли позволило тексту, долгие годы существовавшему в виде машинописных и рукописных копий, свободно войти в пространство неофициальной литературы, сблизившись по значимости с объектами самиздата. Публикация «Звукоподобия» сопровождала и формировала осмысление творчества Вагинова в истории русской литературы, став связующим звеном между прижизненной репутацией писателя и мифом о нем. Особенности поэтики делали позднее творчество Вагинова уникальным, а отсутствие прижизненной рецепции позволяло вписывать эти стихотворения в самые разные контексты. Поэтому позднее творчество писателя предстает одновременно и как продукт усвоения им языка советской «злободневности» и как авангардные опыты в «неподцензурной» литературе, а сам Вагинов — как неоклассик, обэриут, авангардист.

Литература

1. *Бреслер Д.М.* Библиотека, в которой одна полка: Как можно было прочитать К.К. Вагинова в 1960–1980-е гг. // Russian Literature. 2023. Vol. 140. P. 107–144. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.11.011

2. *Бреслер Д.М.* Советские «эмоционалисты»: чтение Вагинова в 1960–1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (164). С. 233–260. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.11.011

3. *Бреслер Д.М., Дмитренко А.Л.* Вагинов в диалоге с пролетариатом (литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) // Русская литература. 2013. № 4. С. 212–234.

4. *Бройтман С.Н.* Заглавие в книге К. Вагинова «Опыты соединения слов посредством ритма» // Контрапункт: Книга статей памяти Г.А. Белой. М.: Изд. центр РГГУ, 2005. С. 195–203.

5. *Вагинов К.* Песня слов / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Герасимовой. М.: ОГИ, 2012. 368 с.

6. *Герасимова А.* О собирателе снов // Вагинов К. Стихотворения и поэмы. Томск: Водолей, 1998. С. 3–14.

7. *Герасимова А.* Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 131–166.

8. *Дмитренко А.Л.* Статья Д.Е. Максимова о К.К. Вагинове: Контур неосуществленного замысла // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. 3, № 2. С. 454–470.

9. *Монахова Г.Р.* Метрика и строфика К.К. Вагинова // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 431–466.

10. *Никольская Т., Эрль В.* Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Звезда. 1999. № 10. С. 185–200.

11. *Пахомова А.* Источники текста последней поэтической книги К.К. Вагинова «Звукоподобие» // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3. С. 250–261.

12. *Пахомова А.* Константин Вагинов и его «Звукоподобие»: проблема состава посмертной поэтической книги // Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей: сб. ст. М.: Лидер, 2015. С. 125–135.

13. *Пахомова А.* Последний поэтический сборник Константина Вагинова «Звукоподобие»: Проблема основного текста // Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов. 2016. Вып. XVI. С. 102–115.

14. *Пурин А.* Опыты Константина Вагинова // Новый мир. 1993. № 8. С. 221–242.

15. *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.

16. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 7–118.

17. *Чертков Л.* Поэзия Константина Вагинова // Вагинов К. Собр. стихотворений / сост., послесл., примеч. Л. Черткова, предисл. В. Казака. München: Verlag Otto Sagner in Commission, 1982. С. 213–230.

Research Article

The Poetry Collection *Zvukopodobie* and the Reception of Konstantin Vaginov's Work in the Second Half of the 20th Century

© 2025. Aleksandra S. Pakhomova
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the St. Petersburg Institute of Jewish Studies under the grant of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-

01583 “Notebooks and Diaries of Daniil Kharms: Textology, Scientific Commentary, Edition” (https://rscf.ru/project/24-28-01583/).

Abstract: The article examines the particularities of the reception of Konstantin Vaginov’s last collection of poems *Zvukopodobie* in the 1960s–1990s. Since the book of poems was not completed during the author’s lifetime, it remained unknown to the general reader and researcher for many years. It was distributed in lists and copies made by the author’s widow, Aleksandra Vaginova, as well as by the author’s friends and acquaintances. This created a situation where the main text of the collection does not exist, which is confirmed by the list of sources with a brief characterization given in the article. The discovery of *Zvukopodobie* in the 1960s was significant both for readers familiarizing themselves with the work of the forgotten poet and for researchers who used the collection to legitimize Vaginov in the history of Soviet literature. The article identifies two main scenarios of such legitimization. The first, the representation of Vaginov as a writer who freed himself from the influence of modernism and came to classical poetics, was shared by contemporaries and early researchers of Vaginov who appealed to ideologically neutral cultural models. At the same time, the unofficial culture had the opposite perception of Vaginov as a silenced writer whose unknown collection was embedded in the series of “returned” texts of the first half of the 20th century. The reception of Vaginov’s life and work by readers and researchers was based on the *Zvukopodobie.* This is confirmed by the analysis of the periodization of the writer’s work.

Keywords: Konstantin Vaginov, *Zvukopodobie*, textology, the history of reception, Russian unofficial literature, literary canon.

Information about the author: Aleksandra S. Pakhomova, PhD, Senior Lecturer, Department of Philology, St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Kanal Griboyedov Emb., 119–121, 123 A, 190069 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2145-754X

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

For citation: Pakhomova, A.S. “The Poetry Collection *Zvukopodobie* and the Reception of Konstanitn Vaginov’s Work in the Second Half of the 20th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 274–297.(In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-274-297.

References

1. Bresler, D.M. “Biblioteka, v kotoroj odna polka: Kak mozhno bylo prochitat’ K.K. Vaginova v 1960–1980-e gg.” [“The One-Shelf Library: How One Could Read K.K. Vaginov in the 1960s–1980s”]. *Russian Literature*, no. 140, 2023, pp. 107–144. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.11.011 (In Russ.)

2. Bresler, D.M. “Sovetskie ‘emotsionalisty’: chtenie Vaginova v 1960–1980-e” [“Soviet ‘Emotionalists’: Readings of Vaginov from the 1960s–1980s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (164), 2020, pp. 233–260. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.11.011 (In Russ.)

3. Bresler, D.M., and A.L. Dmitrenko. “Vaginov v dialoge s proletariatom (literaturnyi kruzhok zavoda ‘Svetlana’ i rabota nad istoriei Narvskoi zastavy)” [“Vaginov in Dialogue with the Proletariat (Literary Circle of the ‘Svetlana’ Fabric and Work on the History of the Narvskaya Zastava)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2013, pp. 212–234. (In Russ.)

4. Broitman, S.N. “Zaglavie v knige K. Vaginova ʻOpyty soedineniia slov posredstvom ritma’.” [“The Title of the Book ʻExperiments in Connecting Words Through Rhythm’ by K. Vaginov”]. *Kontrapunkt: Kniga statei pamiati G.A. Beloi* [*The Counterpoint: Collection of Articles in Memoria of G.A. Belaya*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005, pp. 195–203. (In Russ.)

5. Vaginov, K. *Pesnia slov* [*The Song of Words*], comp., text prep., introd. article and notes by A. Gerasimova. Moscow, OGI Publ., 2012. 368 p. (In Russ.)

6. Gerasimova, A. “O sobiratele snov” [“About the Collector of Dreams”]. Vaginov, K. *Stikhotvoreniia i poemy* [*Poems and Verses*]. Tomsk, Vodolei Publ., 1998, pp. 3–14. (In Russ.)

7. Gerasimova, A. “Trudy i dni Konstantina Vaginova” [“Konstantin Vaginov’s Works and Days”]. *Voprosy literatury*, no. 12, 1989, pp. 131–166. (In Russ.)

8. Dmitrenko, A.L. “Stat’ia D.E. Maksimova o K.K. Vaginove: Kontur neosushchestvlennogo zamysla” [“Article by D.E. Maksimov About K.K. Vaginov: Outline of an Unfulfilled Plan”]. *Russian Studies: Ezhekvartal’nik russkoj filologii i kul’tury*, vol. 3, no. 2, 2000, pp. 454–470. (In Russ.)

9. Monakhova, G.R. “Metrika i strofika K.K. Vaginova” [“Konstantin Vaginov’s Metrics and Stanzas”]. *Peterburgskaia stikhotvornaia kul’tura: Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov: sbornik satei* [*Petersburg Poetic Culture: Materials on Metrics, Stanzas and Rhythm of Petersburg Poets: Collection of Articles*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008, pp. 431–466. (In Russ.)

10. Nikol’skaia, T., V. Erl’. “Zhizn’ i poeziia Konstantina Vaginova” [“Konstantin Vaginov’s Life and Poetry”]. *Zvezda*, no. 10, 1999, pp. 185–200. (In Russ.)

11. Pakhomova, A. “Istochniki teksta poslednei poeticheskoi knigi K.K. Vaginova ʻZvukopodobie’.” [“Textual Sources of K.K. Vaginov’s Last Poetry Book ʻZvukopodobie’.”] *Letniaia shkola po russkoi literature*, vol. 11, no. 3, 2015, pp. 250–261. (In Russ.)

12. Pakhomova, A. “Konstantin Vaginov i ego ʻZvukopodobie’: problema sostava posmertnoi poeticheskoi knigi” [“Konstantin Vaginov and His ʻZvukopodobie’: The Problem of the Composition of a Posthumous Poetic Book”]. *Tekstologiia i istoriko-literaturnyi protsess: III Mezhdunarodnaia konferentsiia molodykh issledovatelei: sbornik statei* [*Textology and the Historical-Literary Process: III International Conference of Young Researchers: Collection of Articles*]. Moscow, Moscow State University Publ., 2015, pp. 125–135. (In Russ.)

13. Pakhomova, A. “Poslednii poeticheskii sbornik Konstantina Vaginova ʻZvukopodobie’: Problema osnovnogo teksta” [“Konstantin Vaginov’s Last Poetry Collection ʻZvukopodobie’: The Problem of the Main Text”]. *Studia Slavica. Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov*, issue 16, 2016, pp. 102–115. (In Russ.)

14. Purin, A. “Opyty Konstantina Vaginova” [“Konstantin Vaginov’s Works”]. *Novyi mir*, no. 8, 1993, pp. 221–242. (In Russ.)

15. Timenchik, R. *Istoriia kul’ta Gumileva* [*The History of Gumilev’s Cult*]. Moscow, Mosty kul’tury Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

16. Toporov, V.N. “Peterburg i ʻPeterburgskii tekst russkoi literatury’ (Vvedenie v temu)” [“Petersburg and the ʻPetersburg Text of Russian Literature’ (Introduction to the Topic)”]. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [*Petersburg*

Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003, pp. 7–118. (In Russ.)

17. Chertkov, L. “Poeziia Konstantina Vaginova” [“Konstantin Vaginov’s Poetry”]. Vaginov, K. *Sobranie stikhotvorenii* [*Selected Poems*], ed. by L. Chertkova, foreword by V. Kazak. München, Verlag Otto Sagner in Commission Publ., 1982, pp. 213–230. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.11.2024
Одобрена после рецензирования: 03.04.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.11.2024
Approved after reviewing: 03.04.2025
Date of publication: 25.06.2025

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-298-313
https://elibrary.ru/HOBVFN

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Д.И. Фонвизин в журнальных полемиках 1805–1806 гг.

© 2025, Л.А. Трахтенберг
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: В статье показано, что в 1805–1806 гг. в русских литературных журналах разворачивается обсуждение творческого наследия и личности Д.И. Фонвизина. О нем пишут «Журнал российской словесности» Н.П. Брусилова, «Северный вестник» И.И. Мартынова, «Журнал для пользы и удовольствия» А. Варенцова, «Друг просвещения» П.И. Голенищева-Кутузова, Г.С. Салтыкова и Д.И. Хвостова. «Журнал для пользы и удовольствия» и «Вестник Европы» М.Т. Каченовского в это же время публикуют ранее не издававшиеся произведения Фонвизина. Все, кто пишет о Фонвизине, едины в главном — в высшей оценке его творчества. Брусилов ставит его рядом с Мольером, а также с русскими классическими авторами, в том числе Карамзиным. Здесь можно видеть жест уважения к Карамзину в то время, когда его литературная репутация вызывает споры. Дискуссия начинается вокруг личности Фонвизина. В «Северном вестнике» появляется анекдот, показывающий не только его остроумие, но и самообладание, с которым он переносит болезнь. В «Журнале для пользы и удовольствия» этот анекдот подвергается критике; вскоре в этом издании публикуется «Рассуждение о суетной жизни человеческой», написанное Фонвизиным в конце жизни, которое иллюстрирует другую сторону его характера — христианское смирение. Этот же взгляд отражает статья о Фонвизине для словаря русских писателей еп. Евгения (Болховитинова), помещенная в «Друге просвещения». Она затрагивает и языковую концепцию комедиографа, представляя его как предшественника архаистов — литературной «партии» А.С. Шишкова. В «Вестнике Европы» печатаются письма Фонвизина к П.И. Панину из Франции. Высказанные в них критические суждения о французах в момент публикации приобретают особую актуальность, будучи созвучны настроениям русского общества после Аустерлица. Наконец, Хвостов в оде «К Денису Ивановичу Фонвизину», представляя драматурга как образцового сатирика, обращается к нему в своей критике современного общества и словесности России. Таким образом, сторонники разных литературных лагерей, от карамзиниста Брусилова до шишковиста Хвостова, апеллируют к произведениям, а главное — к образу Фонвизина, чтобы его авторитетом подкрепить свои позиции. Споры об интер-

претации наследия Фонвизина становятся возможны благодаря единогласному признанию его классиком русской комедии.

Ключевые слова: русская литература XVIII – начала XIX в., история критики, полемика, литературная репутация.

Информация об авторе: Лев Аркадьевич Трахтенберг — доктор филологических наук, доцент, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4345-0955

E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

Для цитирования: *Трахтенберг Л.А.* Д.И. Фонвизин в журнальных полемиках 1805–1806 гг. // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 298–313. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-298-313

В истории русской словесности 1805–1806 гг. — время поляризации мнений, формирования литературных групп и ожесточенной полемики [17, с. 186–198; 4]. Продолжается первый этап спора о языке, начатого статьей Н.М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» и книгой А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

В это время в журналах разных направлений появляется несколько публикаций, посвященных Д.И. Фонвизину. Они относятся к разным жанрам: словарной статьи, исторического анекдота, в котором драматург выступает как персонаж, послания, где он становится адресатом. В это же время впервые публикуются некоторые его произведения: «Рассуждение о суетной жизни человеческой», посвященное кончине Г.А. Потемкина, и несколько писем из Франции.

Хронологическая близость всех этих публикаций кажется необычной и неслучайной. Можно думать, что каждая следующая публикация становится ответом на предыдущие. Идет новый спор о Фонвизине (чье творчество вызывает полемику уже при его жизни [31]). Создается впечатление, что журналы соперничают за наследие Фонвизина и за сам его образ. Этот образ каждый из журналов интерпретирует в соответствии с собственной литературной программой; интерпретации, конечно, оказываются разными. Задача статьи — реконструировать ход спора, попытаться понять, каким предстает Фонвизин на страницах журналов 1805–1806 гг. и как они используют его образ в полемических целях.

Кажется, первым в этом небольшом временном промежутке Фонвизина упоминает Н.П. Брусилов в «Журнале российской словесности» (см.: [1]). Февральский номер, второй по счету в истории журнала (который выходит ежемесячно на протяжении всего лишь одного года — 1805), открывается «Письмом к приятелю о русском

театре» [10, № 2, с. 59–70][1]. Оно опубликовано анонимно и традиционно атрибутируется издателю [20, с. 105–107; 26, с. 57; 22, с. 54; 27, с. 525]. Это программная работа, заметная в спорах о театре этого периода.

Несмотря на широкое заглавие, основная тема статьи — не театр в целом, а комедия. Автор считает ее в первую очередь дидактическим, а не развлекательным жанром. Фонвизин занимает здесь первое место среди работающих в этом жанре русских писателей. С точки зрения автора, на вершине литературной иерархии стоят два комедиографа: Мольер и Фонвизин [10, № 2, с. 63–64, 67]; Фонвизина «по справедливости можно назвать *русским* Мольером» [10, № 2, с. 64].

Так же назван Фонвизин и в аллегорической статье «Путешествие в храм вкуса» [10, № 3, с. 126–139], которая открывает следующий, мартовский номер журнала. Здесь он упомянут рядом с Ломоносовым, Сумароковым, Державиным, Херасковым как автором «Россиады» и, не в последнюю очередь, Карамзиным [10, № 3, с. 137]. Упоминание Карамзина в этом ряду — немаловажный факт литературной полемики: Брусилов, его сторонник, таким образом поддерживает лидера своей группы в то время, когда архаисты выступают против него. Авторитет Фонвизина, как и других образцовых писателей, призван подтвердить статус Карамзина.

Это еще не начало спора. Но это знак того, как воспринимают Фонвизина в начале XIX века. Несмотря на небольшую временную дистанцию (прошло всего 13 лет после его смерти и 23 — после премьеры «Недоросля»), он уже признанный классик. Критическая оценка отражает театральную судьбу его комедий — «Бригадира» и «Недоросля», которые на протяжении многих лет не сходят со сцены [33, с. 8–12; 12, с. 310–312, 441, 454; 3; 28, с. 66–67].

Повод для дискуссии подает журнал «Северный вестник», который издает И.И. Мартынов. В июне 1805 г. там печатается статья «Опыт русских анекдотов» — подборка из четырех сюжетов с предисловием. Под статьей стоят литеры «*Г-й В-ъ*» — по данным В.С. Карцова, М.Н. Мазаева [13, с. 35] и И.Ф. Масанова [19, с. 225], таким криптонимом пользуется актер Григорий Волков, младший брат Федора Волкова. Сюжет первого по счету анекдота косвенно поддерживает такую атрибуцию: его действующие лица — Фонвизин и артист Иван Дмитревский, его давний друг (см.: [15, с. 39–40, 155]); их обоих Волков хорошо знает [16].

[1] Здесь и далее при ссылках на журналы начала XIX века указываются их номера; при ссылках на журнал «Друг просвещения» — также год издания, поскольку цитируются материалы за 1804–1806 гг.

Анекдот изображает Фонвизина на одре болезни. Дмитревский приезжает к нему и говорит: «“Я стою твоих упреков как непотребный!” — “К чему *как*!”, — подхватил сатирик дрожащим голосом, протягивая к нему дружески руку» [29, № 6, с. 320].

Как и многие другие образцы жанра, анекдот повествует об остроумном ответе. Однако в этом случае суть рассказа не в нем и не он заканчивает сюжет. Финал здесь — не слово, а дружеский жест протянутой руки. Это жест символический: он меняет смысл сказанного, снимая грубость шутки, и вместе с ним раскрывается подлинное значение сюжета. Анекдот говорит не столько об остроумии Фонвизина, которое всем известно, сколько о его стойкости, способности сохранить самообладание даже во время болезни.

Завершает подборку из четырех анекдотов в «Северном вестнике» еще один, имеющий отношение к Фонвизину. Здесь драматург — уже не действующее лицо, но сюжет движется вокруг его произведения — комедии «Бригадир». Артист Рахманов на следующий день после спектакля приходит в присутственное место. Он спешит, пробиваясь сквозь толпу ожидающих приема. На вопрос, кто он, Рахманов отвечает: «…вчера был я бригадиром, а завтра не знаю, чем пожалуют» — и названия комедии Фонвизина достаточно, чтобы открыть перед ним двери [там же, с. 322]. Это еще одно подтверждение той славы, которой заслуженно пользуется комедиограф.

Однако первый анекдот, о самом Фонвизине, все же допускает разные толкования: слишком обидные слова произносит в нем драматург. И это становится поводом для критики в «Журнале для пользы и удовольствия», издаваемом А. Варенцовым. В июльском номере помещена статья «Рассмотрение “Опыта российских анекдотов”» [9, № 7, с. 69–75]. Она подписана криптонимом «*А… — …а*». Кто скрывается под ним — неясно. Поскольку дополнительных данных для атрибуции нет, можно предположить, что это сам издатель, зашифровавший таким образом свои имя и фамилию в родительном падеже, обозначив каждой точкой пропущенный слог (*Алексея Варенцова)*; в последнем номере он признается, что большинство прозаических статей в журнале принадлежит ему [9, № 12, с. 294].

Автор критикует «Опыт русских анекдотов» за неуважение к Дмитревскому, говоря, что этот знаменитый, уже престарелый артист и достойный человек не заслуживает быть назван непотребным в каком бы то ни было контексте и смысле, «в анекдоте едва ли не вымышленном» [9, № 7, с. 71]. Эти последние слова важны. Рецензент упрекает не Фонвизина, а издателя. Подразумевается, что

рассказ из «Северного вестника» оскорбляет не только Дмитревского — подвергая его несправедливому осуждению, пусть его же устами; этот рассказ оскорбляет и Фонвизина — представляя его как человека, способного обидеть товарища. С точки зрения рецензента, анекдот создает неправильный образ Фонвизина, изображая его не таким, каким его следует помнить.

И издатель решает это исправить, представив читателю иной, по его мнению истинный, облик Фонвизина. Но это не статья, не анекдот, а публикация; теперь Фонвизин говорит сам за себя. Через два месяца, в сентябре, в «Журнале для пользы и удовольствия» печатается «Рассуждение о суетной жизни человеческой» [9, № 9, с. 152–156]. Это первая публикация произведения [34, с. 669].

Как следует из подзаголовка, поводом для создания «Рассуждения…» служит смерть Потемкина. Но покойному вельможе посвящен не весь текст; в заключительной части Фонвизин говорит о самом себе. Это сочинение позднее, как и «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Фонвизин пишет его, уже тяжело больной, — то есть в то самое время, к которому, видимо, относится и действие анекдота из «Северного вестника». Свою болезнь — четыре последовавших друг за другом апоплексических удара, приведших к частичному параличу, — писатель принимает как христианин. Он пишет, что это испытание ниспослано ему на благо, чтобы отвратить его от греха гордыни, в который он готов был впасть. Главная тема текста — смирение; Фонвизин заканчивает его цитатой из псалма, говорящей о том, что смирение — это благо (Пс. 118:71). Таким образом, здесь Фонвизин выступает иным — не светским острословом, а человеком верующим.

Одновременно с этой публикацией, тоже в сентябре 1805 года, в журнале «Друг просвещения», который издают П.И. Голенищев-Кутузов, Г.С. Салтыков и Д.И. Хвостов, выходит еще один материал о Фонвизине. Это посвященная драматургу статья епископа Евгения (Болховитинова) для словаря русских писателей ([8, 1805, № 9, с. 245–255]; см. об этой работе: [14, с. 23]). Материалы словаря публикуются в «Друге просвещения» регулярно, и статья о Фонвизине помещена на своем месте по алфавиту — на букву В (имя писателя в названии статьи представлено двумя вариантами: «ВИЗИН или ФОН ВИЗИН» [8, 1805, № 9, с. 245]). Статья опубликована в соответствии с графиком, то есть нет причин полагать, что ее создание инспирировано вышедшими летом 1805 года материалами о Фонвизине. Однако ее содержание дает основания думать, что автор учитывает эти публикации и откликается на них.

Это сказывается, например, в трактовке «Недоросля». Еп. Евгений полагает, что в его эпоху таких сельских дворян, каких изображает Фонвизин, уже трудно встретить; но для будущих поколений «Недоросль» сохранит значение исторического документа — как и пьесы Мольера [8, 1805, № 9, с. 250]. Это рассуждение заставляет вспомнить статью из «Журнала российской словесности». Ее автор также сопоставляет Фонвизина с Мольером, но при этом отказывает «Недорослю» в актуальности, поскольку «теперь Митрофанов и Скотининых совсем у нас нет» [10, № 2, с. 63].

Еп. Евгений пишет не только о творчестве комедиографа, но и о его личности, характеризуя ее с разных сторон. Он не раз говорит об *остроте* Фонвизина. На языке эпохи это слово обозначает одновременно ум и остроумие [21, с. 72–75]. Из этих качеств первое, конечно, достоинство, но о втором Евгений пишет иногда не без осуждения, например так: «Сатирическая острота его заставляла всех уважать и даже бояться его. Но один случай острого слова навлек и самому ему беспокойство, от которого выпросил он себе отпуск и в 1777 году, отправясь путешествовать по Европе, около года провел в сем странствовании» [8, 1805, № 9, с. 248]. (Амбивалентность этого качества осознает и сам Фонвизин, говоря в «Чистосердечном признании…» о своем чувстве юмора, принесшем ему светскую известность, но многим причинившем обиды и потому опасном для него самого [34, с. 90].)

На этом фоне особое значение приобретает цитируемая Евгением автохарактеристика драматурга, взятая из «Рассуждения о суетной жизни человеческой». Пространный фрагмент этого произведения — самая длинная цитата в статье. Он занимает почти страницу при общем объеме статьи в десять с половиной страниц. Более того, он помещен в сильном месте текста — в конце основной, биографической части. Затем следует лишь одна фраза о том, что Фонвизин скончался с такими чувствами, о которых он говорит, то есть с чувством смиренной веры [34, с. 251–252]. Далее идет библиографический раздел.

Получается, что для Евгения «Рассуждение…» становится ключом к пониманию характера Фонвизина — очевидно, потому, что позволяет оправдать его. «Рассуждение…» показывает, что Фонвизин если и впадал в нравственные заблуждения, то раскаялся и оставил их в прошлом.

В статье сказано, что «Рассуждение…» еще не опубликовано. И действительно, оно печатается в другом журнале одновременно со статьей Евгения. Вероятно, о подготовке этой публикации он не знает.

Евгений не оставляет в стороне и вопроса о языке, который в это время оживленно обсуждается. («Друг просвещения», как известно, со второй половины 1804 года занимает в этом споре консервативную, шишковистскую позицию [2, с. 105; 4, с. 143].) Уже после библиографии сказано о том, что сам Фонвизин приписывал достоинства своего слога раннему знакомству со «славенским языком» [8, 1805, № 9, с. 255].

Обращает на себя внимание и еще одно место в тексте. Евгений пишет о путешествии Фонвизина: «Он не заразился в самом Париже тою *галломаниею*, которой печать на себе носят большая часть соотечественников его, бывших в сем городе, и описал его такими беспристрастными чертами, какими до него никто еще из русских не описывал» [8, 1805, № 9, с. 249], — а в библиографии справедливо указывает, что из писем, присланных Фонвизиным из-за границы, пока опубликованы всего два [8, 1805, № 9, с. 253–254].

Но это упущение очень скоро исправляется. Еще несколько писем Фонвизина печатает в «Вестнике Европы» М.Т. Каченовский. Они выходят в 1806 году в № 7, 8 и 9, то есть в апреле и начале мая [5, № 7, с. 161–175; № 8, с. 241–260; № 9, с. 3–22], под заглавием «Письма из Франции к одному вельможе в Москву». Имя вельможи в журнале не названо; адресат писем — П. И. Панин. Это те самые письма, где Фонвизин сурово критикует французскую культуру (см.: [18, с. 126–127, 132–144; 7, с. 312–318]). Например, в одном из них он произносит известные слова: «Рассудка француз не имеет, и иметь его почел бы несчастьем своей жизни; ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться» [5, № 9, с. 4].

В отличие от «Друга просвещения», для «Вестника Европы» националистическая позиция в целом нехарактерна; он стремится сохранить нейтралитет между лагерями ее сторонников и противников. Но в атмосфере антифранцузских настроений в период наполеоновских войн, тем более после Аустерлица, и этот журнал следует общему направлению [11, с. 70–72]. Публикуя идейно значительную часть путевых заметок Фонвизина, Каченовский доверяет ему высказать особенно актуальную в историческом контексте мысль.

Наконец, одновременно с публикацией в «Вестнике Европы», также в апреле 1806 г., фонвизинскую тему продолжает «Друг просвещения». На этот раз здесь публикуется ода «К Денису Ивановичу Фонвизину», принадлежащая Д.И. Хвостову [8, 1806, № 4, с. 12–15]. Для него это не первое поэтическое обращение к фигуре классика комедии: еще в первом по счету номере «Друга просвещения», за январь 1804 г., помещена его надпись «К портрету Дениса Ивановича Фонвизина». Эта надпись в журнале составляет цикл с другой — «К портре-

ту генералиссима князя Италийского графа Суворова-Рымникского» [8, 1804, № 1, с. 14]; такое соседство само по себе свидетельствует о том, насколько высоко их автор оценивает место комедиографа в русской культуре. Хвостов знает Фонвизина лично: в свое время драматург — нередкий гость его родителей [24, с. 151].

Ода напечатана за полной подписью. По форме это действительно ода, состоящая из девяти правильных децим стандартной рифмовки (AbAbCCdEEd). Но по смыслу она скорее напоминает сатиру; отвечают этому и сниженно-комические элементы стиля: «Есть новые для сцены лицы, / Неутомимые игрицы; / Есть в мире славны чудаки»; «Ты жил, Фонвизин, с музой ладно» [8, 1806, № 4, с. 14, 15]. Содержание стихотворения литературно-полемическое. Хвостов, как обычно, выступает с классицистических позиций [23, с. 71–75; 6]. Он критикует жанр драмы (это, по его словам, «…сплетни лишь любовны, / Иль преступленья уголовны; / Не царь над ними Аполлон» [8, 1806, № 4, с. 13]) — как критикует его еще Сумароков в письме к Вольтеру [32, с. 62–64]. Не нравится Хвостову и положение французской литературы после эпохи Людовика XIV, причем в сноске он ссылается на «мнение <…> благоразумнейших ценителей из французов, жалующихся на порчу вкуса и несовместное немецким писателям подражание» [8, 1806, № 4, с. 15].

Некоторые мотивы оды, возможно, отражают знакомство Хвостова с недавно вышедшими статьями о Фонвизине, прежде всего из «Журнала российской словесности». Впрочем, уверенности в этом нет, так как речь идет об общих местах метатекстовой поэзии. Фонвизин снова сближается с Мольером [8, 1806, № 4, с. 13]. О «храме вкуса» из мартовской статьи в журнале Брусилова напоминают два аллегорических образа: Геликон, где происходит встреча русского и французского драматургов [8, 1806, № 4, с. 13], и «храм природы», куда «забыли путь» современные модные писатели (судя по сноске — французские, хотя по тексту можно понять и так, что русские [8, 1806, № 4, с. 14–15]).

Основное содержание оды Хвостова — обличение современного положения русского общества и русской литературы. Автор призывает Фонвизина восстать из гроба, чтобы снова «научить нелепых чад» [8, 1806, № 4, с. 12], но заканчивается стихотворение грустной насмешкой: «Но ах! хотя из гроба встанешь, / Опять зачахнешь и увянешь, / Умрешь наверное с тоски» [8, 1806, № 4, с. 15].

Можно заметить, что позиция Хвостова по вопросу об актуальности фонвизинской сатиры противоположна той, которую занимает «Журнал российской словесности». Прогрессист Брусилов полагает,

что темы Фонвизина уже неактуальны. Напротив, консерватор Хвостов считает, что в России по-прежнему все те же характеры, которые обличал автор «Недоросля», и они все так же нуждаются в исправлении. Как многие предшественники, он перечисляет в своем стихотворении привычные комические типажи (такое перечисление — топос сатирической поэзии [35, с. 592–599]).

Образ Фонвизина, встающего из гроба, вызывает в памяти «Тень Фонвизина» Пушкина. На то, что ода Хвостова, вероятно, является источником стихотворения Пушкина, указал в 1989 г. Л.С. Сидяков [30] (см. тж. комментарий в изд.: [25, с. 653]).

Итак, меньше чем за полтора года на страницах пяти журналов появляется восемь публикаций, объединенных образом Фонвизина. Прежде всего надо отметить, что, несмотря на интенсивность литературных споров в это время, в отношении Фонвизина журналы единодушны: для всех, от Брусилова до Хвостова, он образцовый писатель, его авторитет не оспаривается. Видимо, именно это и вызывает к нему особый интерес. Каждый издатель пытается словно привлечь Фонвизина на свою сторону, используя его биографию и творчество, чтобы проиллюстрировать свою позицию — не только литературную, но и языковую, и общественную, и нравственную.

Именно нравственная сторона его образа становится поводом к полемике между «Журналом для пользы и удовольствия» и «Северным вестником». На самом деле ни тот, ни другой не пытаются его дискредитировать. Спор идет вокруг одного и того же этапа его жизни — заключительного и вокруг одного и того же качества — его духовной стойкости, с которой он переносит болезнь. Но в чем проявляется эта стойкость? Анекдот из «Северного вестника» создает светский образ человека, который, даже страдая, не теряет присутствия духа; чувство юмора — внешнее проявление внутренней собранности. «Журнал для пользы и удовольствия» освещает образ драматурга с другой стороны — религиозной. Публикуя «Рассуждение о суетной жизни человеческой», Варенцов показывает: Фонвизин встречает невзгоды как христианин, смиренно сознавая, что испытания посланы ему ради духовного блага. Сходную позицию занимает епископ Евгений в «Друге просвещения». Он создает амбивалентный образ Фонвизина, не умалчивая о светской стороне его облика, но делая акцент на другой — религиозной.

Позиция Фонвизина по вопросу языка также оказывается интересна Евгению. Как приверженец архаизма, он призывает себе на помощь Фонвизина, аргументируя необходимость изучения церковнославянского языка как основы русского.

В эстетическом отношении важно то, что творчество Фонвизина воспринимается как литературный эталон в жанре комедии. Ряд высказываний о нем начинается апелляцией к его авторитету в статьях Брусилова и ею же заканчивается в оде Хвостова. Характерно, что их позиции в литературной борьбе противоположны: Брусилов выступает с апологией Карамзина, а Хвостов — с критикой жанра драмы, выдающей его подлинно архаические литературные симпатии. Но в оценке Фонвизина оба единодушны: лучшего обличителя русских нравов не было и нет. Вопрос лишь в том, насколько актуальна сегодня, в начале XIX века, его сатира. Брусилов отвечает на этот вопрос отрицательно, Хвостов — положительно.

Наконец, в общественном плане важны антифранцузские выступления Фонвизина. Здесь он интересен не как комедиограф, а как путешественник — внимательный наблюдатель и строгий судья иностранных нравов. Его оценка Франции в начале XIX столетия оказывается едва ли не более актуальной, чем в его собственную эпоху. В этом вопросе согласны епископ Евгений, который лишь кратко характеризует его позицию по этому вопросу, и М.Т. Каченовский, который публикует несколько важнейших писем Фонвизина из-за границы.

Таким образом, борьба за Фонвизина оказывается по меркам своей эпохи мирной. Позиции противников различаются в частностях, тогда как в главном — в признании его классиком — они едины.

Литература

1. *Акутин Ю.* Метаморфозы Николая Брусилова // Альманах библиофила. М.: Книга, 1979. Вып. 6. С. 103–125.

2. *Альтшуллер М.Г.* Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский зритель») // XVIII век. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти П.Н. Беркова. С. 98–106.

3. *Андрущенко Е.А.* Материалы к сценической истории комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» // XVIII век. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 276–293.

4. *Вацуро В.Э.* И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 139–179.

5. Вестник Европы, издаваемый Михайлом Каченовским. 1806. Ч. XXVI. № 7. С. 161–240; Ч. XXVI. № 8. С. 241–317; Ч. XXVII. № 9. С. 1–80.

6. *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛО, 2017. 352 с.

7. *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.

8. Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств. 1804. Ч. I. № 1. С. 1–90; 1805. Ч. III. № 9. С. 175–261; 1806. Ч. II. № 4. С. 1–86.

9. Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. III. № 7. С. 1–75; Ч. III. № 9. С. 141–204; Ч. IV. № 12. С. 181–271.

10. Журнал российской словесности, издаваемый Н. Брусиловым. 1805. Ч. I. № 2. С. 59–125; Ч. I. № 3. С. 126–188.

11. *Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ, 1998. 129 с.

12. История русского драматического театра: в 7 т. / гл. ред. Е.Г. Холодов. М.: Искусство, 1977. Т. 1: От истоков до конца XVIII века / авт. В.Н. Всеволодский-Гернгросс; репертуарная сводка сост. Т.М. Ельницкой. 485 с.

13. *Карцов В.С., Мазаев М.Н.* Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1891. [6], 158 с.

14. *Клочкова М.Ю.* Митрополит Евгений (Болховитинов) в контексте русского просветительства: дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 356 с.

15. *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984. 238 с.

16. *Кочеткова Н.Д.* Фонвизин и Волковы // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 114–120.

17. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Тарту: Tartu Ülikool, 1975. Т. XXIV. С. 168–322.

18. *Люстров М.Ю.* Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. 316 с.

19. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. Т. 1: Псевдонимы русского алфавита. А–И. 440, [4] с.

20. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: АН СССР, 1959. 431 с.

21. *Николаев С.И.* Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 71–76.

22. Очерки истории русской театральной критики / под ред. А.Я. Альтшуллера. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1975. [Кн. 1]: Конец XVIII – первая половина XIX века. 383 с.

23. *Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989. 176 с.

24. *Пигарев К.В.* Творчество Фонвизина. М.: АН СССР, 1954. 316 с.

25. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения, 1813–1817 / тексты подгот. и примеч. сост. В.Э. Вацуро, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова. 839 с.

26. *Родина Т.М.* Русское театральное искусство в начале XIX века. М.: АН СССР, 1961. 319 с.

27. Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С росписью содержания / ред. тома Е.К. Соколинский. 853, [2] с.

28 *Савенкова М.С.* Театральная судьба одной комедии («Бригадир» Д.И. Фонвизина в русском театре) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. № 2. С. 66–69.

29. Северный вестник. 1805. Ч. VI. № 6. С. 237–377.

30. *Сидяков Л.С.* Из комментария к лирике Пушкина. «Тень Фонвизина» // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 23. С. 90–98.

31. *Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204–229.

32. *Сумароков А.П.* Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе / собраны и изданы... Н. Новиковым. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. Ч. IV. [3], 356 с.

33. *Троянский М.П.* К сценической истории комедий Д.И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» в XVIII веке // Театральное наследство. Сообщения. Публикации. М.: Искусство, 1956. С. 7–23.

34. *Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: в 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 742 с.

35. *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 720 с.

Research Article

D.I. Fonvizin in the Journal Polemics of 1805–1806

© 2025. Lev A. Trakhtenberg
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The paper shows that in 1805–1806, there was a discussion about Denis Fonvizin's oeuvre and personality in Russian literary magazines. He was mentioned by Nikolai Brusilov's *Zhurnal rossiiskoi slovesnosti*, Ivan Martynov's *Severnyi vestnik*, Aleksei Varentsov's *Zhurnal dlia pol'zy i udovol'stviia* and *Drug prosveshcheniia* edited by Pavel Golenishchev-Kutuzov, Grigorii Saltykov and Dmitrii Khvostov. At the same time, *Zhurnal dlia pol'zy i udovol'stviia* and Mikhail Kachenovskii's *Vestnik Evropy* published Fonvizin's works, which had remained in manuscript. Although Fonvizin (1745–1792) was near-contemporary, he was already unanimously recognised as a classic writer. In two articles printed in February and March 1805, Brusilov equalled him to Molière, including him in a list of the best

Russian men of letters together with Karamzin. This was probably more to honour the latter than the former, as Karamzin's reputation as an exemplary author, accepted by many, including Brusilov himself, was questioned by their literary rivals — the Archaists led by Alexander Shishkov. The discussion began around Fonvizin's personality. In June, *Severnyi vestnik* came forward with an anecdote that illustrated not only his wit but also the self-command he showed when facing illness. *Zhurnal dlia pol'zy i udovol'stviia* criticized this anecdote in a July review and in September published Fonvizin's *Discourse on the Vain Life of Man*, written in his later years, which demonstrated another side of his character — his Christian humility. The same view on Fonvizin was reflected in an entry about him for the dictionary of Russian writers by Bishop Eugene (Bolkhovitinov), which appeared at the same time, in September 1805, in *Drug prosveshcheniia*. This entry also mentioned the playwright's vision of language, presenting him as a predecessor of the Archaists in recognising Church Slavonic as a basis of Russian. Then, in April and May 1806, Fonvizin's letters from France to General Pyotr Panin came out in *Vestnik Evropy*. They expressed a highly critical view on French life and national character, so at the moment, shortly after Napoleon's army defeated the Russians at Austerlitz, the publication was quite in tune with the times. Simultaneously, in April 1806, Khvostov's ode *To Denis Ivanovich Fonvizin* was printed in *Drug prosveshcheniia.* Its author, a staunch Classicist, addressed Fonvizin as a supposed ally in his satire on Russian morals and letters of today. Notably, at the time of heated literary debate as it was, all who wrote about Fonvizin, from the Karamzinist Brusilov to the Shishkovist Khvostov, were united in his highest esteem. Everyone appealed to his works and his very image, attempting to strengthen their positions with his authority. The diverse interpretations of his legacy were possible so long as admiration for him was universal.

Keywords: Russian literature of the 18th and early 19th century, history of criticism, polemics, literary reputation.

Information about the author: Lev A. Trakhtenberg, Dr. Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4345-0955

E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

For citation: Trakhtenberg, L.A. "D.I. Fonvizin in the Journal Polemics of 1805–1806." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 298–313. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-298-313

References

1. Akutin, Iu. "Metamorfozy Nikolaia Brusilova" ["Metamorphoses of Nikolai Brusilov"]. *Al'manakh bibliofila* [*Bibliophile's Almanac*], issue 6. Moscow, Kniga Publ., 1979, pp. 103–125. (In Russ.)

2. Al'tshuller, M.G. "Neizvestnyi epizod zhurnal'noi polemiki nachala XIX veka ('Drug prosveshcheniia' i 'Moskovskii zhurnal')" ["An Unknown Episode of Magazine Polemics in the Early 19th Century ('Drug prosveshcheniia' and 'Moskovskii zhurnal')"]. *XVIII vek* [*The 18th Century*], issue 10. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 98–106. (In Russ.)

3. Andrushchenko, E.A. "Materialy k stsenicheskoi istorii komedii D.I. Fonvizina 'Nedorosl'." ["Materials for the Stage History of D.I. Fonvizin's Comedy 'The Minor'."]

XVIII vek [*The 18th Century*], issue 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 276–293. (In Russ.)

4. Vatsuro, V.E. "I.I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka" ["I.I. Dmitriev in the Literary Polemics of the Early 19th Century"]. *XVIII vek* [*The 18th Century*], issue 16. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 139–179. (In Russ.)

5. *Vestnik Evropy, izdavaemyi M. Kachenovskim*, pt. 26, no. 7, 1806, pp. 161–240; pt. 26, no. 8, 1806, pp. 241–317; pt. 27, no. 9, 1806, pp. 1–80. (In Russ.)

6. Vinitskii, I. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura* [*Count of Sardinia: Dmitrii Khvostov and Russian Culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 352 p. (In Russ.)

7. Guminskii, V.M. *Russkaia literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [*Russian Travel Literature in the Context of International Cultural History*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 605 p. (In Russ.)

8. *Drug prosveshcheniia. Zhurnal literatury, nauk i khudozhestv*, pt. 1, no. 1, 1804, pp. 1–90; pt. 3, no. 9, 1805, pp. 175–261; pt. 2, no. 4, 1806, pp. 1–86. (In Russ.)

9. *Zhurnal dlia pol'zy i udovol'stviia*, pt. 3, no. 7, 1805, pp. 1–75; pt. 3, no. 9, 1805, pp. 141–204; pt. 4, no. 12, 1805, pp. 181–271. (In Russ.)

10. *Zhurnal rossiiskoi slovesnosti, izdavaemyi N. Brusilovym*, pt. 1, no. 2, 1805, pp. 59–125; pt. 1, no. 3, 1805, pp. 126–188. (In Russ.)

11. Zykova, G.V. *Zhurnal Moskovskogo universiteta "Vestnik Evropy" (1805–1830 gg.): raznochintsy v epokhu dvorianskoi kul'tury* [*"Vestnik Evropy", a Magazine of the Moscow University: Commoners in an Epoch of Nobles' Culture*]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998. 129 p. (In Russ.)

12. Kholodov, E.G. *Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 t.* [*History of Russian Drama Theatre: in 7 vols.*], vol. 1: Ot istokov do kontsa XVIII veka [From Its Origins to the End of the 18th Century], by V.N. Vsevolodskii-Gerngross, repertoire's overview comp. by T.M. El'nitskaia. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 485 p. (In Russ.)

13. Kartsov, V.S., and M.N. Mazaev. *Opyt slovaria psevdonimov russkikh pisatelei* [*Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers*]. St. Petersburg, I.A. Efron's Typolitography, 1891. [6], 158 p. (In Russ.)

14. Klochkova, M.Iu. *Mitropolit Evgenii (Bolkhovitinov) v kontekste russkogo prosvetitel'stva* [*Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov) in the Context of Russian Enlightenment: PhD Dissertation*]. Moscow, 2020. 356 p. (In Russ.)

15. Kochetkova, N.D. *Fonvizin v Peterburge* [*Fonvizin in Petersburg*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 238 p. (In Russ.)

16. Kochetkova N.D. "Fonvizin i Volkovy" ["Fonvizin and the Volkovs"]. *XVIII vek* [*The 18th Century*], issue 20. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 114–120. (In Russ.)

17. Lotman, Iu.M., and B.A. Uspenskii. "Spory o iazyke v nachale XIX v. kak fakt russkoi kul'tury" ["Debates About Language in the Beginning of the 19th Century as a Fact of Russian Culture"]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii* [*Works on Russian and Slavic Philology*], vol. 24. Tartu, Tartu Ülikool Publ., 1975, pp. 168–322. (In Russ.)

18. Liustrov, M.Iu. *Fonvizin* [*Fonvizin*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 316 p. (In Russ.)

19. Masanov, I.F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: v 4 t.* [*Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 vols.*], vol. 1. Moscow, All-Union Book Chamber Publ., 1956. 440, [4] p. (In Russ.)

20. Mordovchenko, N.I. *Russkaia kritika pervoi chetverti XIX veka* [*Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 431 p. (In Russ.)

21. Nikolaev, S.I. "Chto takoe ʻostrota telesnogo uma' protopopa Avvakuma?" ["What is the ʻSharpness of Bodily Wit' of Archpriest Avvakum?"]. Romodanovskaia, E.K., editor. *Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniia* [*Problems of the History of Russian Letters, Culture and Public Consciousness*]. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf Publ., 2000, pp. 71–76. (In Russ.)

22. Al'tshuller, A.Ia., editor. *Ocherki istorii russkoi teatral'noi kritiki* [*Essays in the History of Russian Theatre Criticism*], [book 1]: Konets XVIII – pervaia polovina XIX veka [Late 18th – 1st Half of the 19th Century]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1975. 383 p. (In Russ.)

23. Peskov, A.M. *Bualo v russkoi literature XVIII – pervoi treti XIX v.* [*Boileau in Russian Literature of the 18th – 1st Third of the 19th Century*]. Moscow, Moscow University Publ., 1989. 176 p. (In Russ.)

24. Pigarev, K.V. *Tvorchestvo Fonvizina* [*Fonvizin's Oeuvre*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954. 316 p. (In Russ.)

25. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 1: Litseiskie stikhotvoreniia, 1813–1817 [Lyceum Poems, 1813–1817], texts prep. and notes by V.E. Vatsuro, M.N. Virolainen, E.O. Larionova, Iu.D. Levin, O.S. Murav'eva, N.N. Petrunina, S.B. Fedotova, and I.S. Chistova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 839 p. (In Russ.)

26. Rodina, T.M. *Russkoe teatral'noe iskusstvo v nachale XIX veka* [*Russian Theatrical Art in the Early 19th Century*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1961. 319 p. (In Russ.)

27. Zaitsev, V.N., editor. *Svodnyi katalog serial'nykh izdanii Rossii (1801–1825)* [*Summary Catalogue of the Serial Publications of Russia (1801–1825)*], vol. 2: Zhurnaly (G–Zh). S rospis'iu soderzhaniia [Journals (G–Zh). With List of Contents], ed. E.K. Sokolinskii. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2000. 853, [2] p. (In Russ.)

28. Savenkova, M.S. "Teatral'naia sud'ba odnoi komedii (ʻBrigadir' D.I. Fonvizina v russkom teatre)" ["The Theatre Fortune of One Comedy (D.I. Fonvizin's ʻThe Brigadier-General') in the Russian Theatre"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologiia. Zhurnalistika*, vol. 10, no. 2, 2010, pp. 66–69. (In Russ.)

29. *Severnyi vestnik,* pt. 6, no. 6, 1805, pp. 237–377. (In Russ.)

30. Sidiakov, L.S. "Iz kommentariia k lirike Pushkina. ʻTen' Fonvizina'." [From the Commentary to Pushkin's Lyrics. ʻFonvizin's Shadow'."] *Vremennik Pushkinskoi komissii*, issue 23. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 90–98. (In Russ.)

31. Stepanov, V.P. "Polemika vokrug D.I. Fonvizina v period sozdaniia ʻNedoroslia'." ["Polemics Around D.I. Fonvizin During His Work on ʻThe Minor'."] *XVIII vek* [*The 18th Century*], issue 15. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 204–229. (In Russ.)

32. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenii, v stikhakh i proze* [*Complete Works, in Verse and Prose*], pt. 4, ed. by N. Novikov. Moscow, University typography (N. Novikov), 1781. [3], 356 p. (In Russ.)

33. Troianskii, M.P. "K stsenicheskoi istorii komedii D.I. Fonvizina 'Brigadir' i 'Nedorosl'' v XVIII veke" ["On the Stage History of D.I. Fonvizin's Comedies 'The Brigadier-General' and 'The Minor' in the 18th Century"]. *Teatral'noe nasledstvo. Soobshcheniia. Publikatsii* [*Theatrical Heritage. Communications. Publications*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1956, pp. 7–23. (In Russ.)

34. Fonvizin, D.I. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*], vol. 2, ed. by G.P. Makogonenko. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959. 742 p. (In Russ.)

35. Shcheglov, Iu.K. *Antiokh Kantemir i stikhotvornaia satira* [*Antiokh Kantemir and Verse Satire*]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2004. 720 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.01.2025
Одобрена после рецензирования: 24.03.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 28.01.2025
Approved after reviewing: 24.03.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-314-325
https://elibrary.ru/HPMOHI

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

А. Ф. Смирдин и Цензурный комитет: об одном эпизоде редакционной истории «Библиотеки для чтения»

© 2025, А.А. Полякова
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Хотя журнал «Библиотека для чтения» прочно ассоциируется с именем О.И. Сенковского, известно, что в разное время в качестве его редакторов выступали и другие лица: Н.И. Греч, И.А. Крылов, Е.Ф. Корш. По всей видимости, эту должность они занимали формально, и в первые годы существования журнала их задача заключалась скорее в том, чтобы выступать гарантом благонадежности перед правительством. Кроме того, в какой-то момент имя редактора становилось своего рода «брендом» — и именно в такой «бренд» превратилось имя Сенковского в середине 1830-х гг. В этом контексте представляет особый интерес попытка Сенковского поставить весной 1840 г. на должность ответственного редактора «Библиотеки для чтения» Э.И. Губера — человека на литературной арене малозаметного. Вероятно, Сенковский действительно хотел по крайней мере разделить часть редакторских обязанностей с новым сотрудником, но это противоречило коммерческим интересам совладельца издания А.Ф. Смирдина. В присланном для Цензурного комитета уведомлении он не возражал против этого назначения, но лишь при соблюдении двух условий, одно из которых (запретить периодическим изданиям публиковать сообщения о новом редакторе «Библиотеки для чтения») оставило членов комитета в некотором недоумении, но прийти к компромиссу издателю и цензурному комитету не удалось.

Ключевые слова: А.Ф. Смирдин, О.С. Сенковский, Э.И. Губер, «Библиотека для чтения», цензура, история журналистики.

Сведения об авторе: Анна Александровна Полякова — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9483-7765

E-mail: anna-polyakova2008@yandex.ru

Для цитирования: *Полякова А.А.* А.Ф. Смирдин и Цензурный комитет: об одном эпизоде редакционной истории «Библиотеки для чтения» // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 314–325. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-314-325

Журнал «Библиотека для чтения» неразрывно связан с именем О.И. Сенковского, при этом в первые годы существования издания должность ответственного редактора недолгое время занимали Н.И. Греч, И.А. Крылов и Е.Ф. Корш; впрочем, если верить публичному заявлению самого Сенковского, сделанному в 1836 г. на страницах журнала, в реальности вся работа выполнялась исключительно им:

> С начала нынешнего года, то есть с перемещения Е.Ф. Корша по службе из Петербурга в Москву, звание редактора «Библиотеки для чтения» принял на себя О.И. Сенковский. Для отклонения неуместных догадок и толков, считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор и общий с издателем владелец его, О.И. Сенковский, и что *никто* в свете, кроме г. Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание «Б<иблиотеки> для ч<тения>». Все ея недостатки, равно как и достоинства, если какие были, должны быть приписаны ему одному. Те, которые носили звание редакторов «Б<иблиотеки> для ч<тения>», слишком невинны в ея недостатках, чтобы отвечать за них перед публикою, и слишком благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, в которых они не имели никакого участия. Весь круг их редакторского действия ограничивался чтением третьей, последней корректуры уже готовых, оттиснутых листов, набранных в типографии по рукописям, которые *никогда* не сообщались им предварительно <...> Сенковский, убедясь двухлетним опытом, что это этого рода содействие посторонних редакторов ни сколько не облегчало его в мучительных трудах директора, по согласию с издателем, решился соединить с званием директора «Б<иблиотеки> для ч<тения>» звание ее редактора, которого по-настоящему он нес все главные обязанности. Вот и все![1]

Однако некоторые эпизоды истории «Библиотеки для чтения» указывает на то, что по крайней мере Греч и Крылов играли немаловажную роль в судьбе издания: их имя и репутация служили своеобразным гарантом благонадежности перед правительством.

[1] Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. Отд. VI («Литературная летопись»). С. 23–24.

Так, буквально через месяц после выхода первого номера журнала, вызвавшего немалое раздражение С.С. Уварова[2], Сенковского на посту редактора сменил Греч, чья лояльность власти не вызывала сомнений[3]. Но меньше чем через год, когда проштрафился уже Греч[4] и журналу грозило закрытие, Смирдин, чтобы спасти свое издание, принял решение поставить на место редактора И.А. Крылова[5], с которым на тот момент уже давно сотрудничал, — «человека, само имя которого должно было успокоить правительство <...> главную роль здесь сыграли не сколько слава и опыт, сколько безупречная репутация “огосударствленного” баснописца» [3, с. 144]. Эту должность Крылов занимал только полгода и, кажется, не сильно утруждал себя[6] — но с возложенной на него миссией успешно справился[7].

На первый взгляд интересующий нас эпизод из истории «Библиотеки для чтения» — попытка в 1840 г. поставить на пост редактора журнала Э.И. Губера, переводчика и романтического поэта второго (если не третьего) ряда[8], — не имеет ничего общего с упомянутыми ранее назначениями. Хотя «Библиотека для чтения» и продолжала периодически раздражать Цензурный комитет и Министерство народного просвещения [1, с. 183–186], Губер очевидно не обладал тем

[2] См.: *Никитенко А.В.* Дневник. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 133–135.

[3] См.: [1, с. 57–61].

[4] На страницах декабрьского номера «Библиотеки для чтения» «по недосмотру» Греча и цензора Никитенко появилось «кощунственное» стихотворение М.Д. Деларю «Красавице» (вольный перевод из В. Гюго), а 19 декабря на страницах «Северной пчелы» Греча и Ф.В. Булгарина — рецензия на постановку оперы Дж. Мейера «Роберт Дьявол», где упоминалось об изменениях в оригинальном либретто (которые, как вскоре выяснилось, были сделаны Николаем I); см. об этом: [3, с. 144].

[5] 2 января 1835 г. в Комитете состоялось заседание по поводу отправленного 31 декабря 1834 г. в канцелярию письма Н.И. Греча, в котором тот сообщал, что «по причине умножившихся литературных трудов своих он отказывается от редакции издаваемой книгопродавцем Смирдиным “Библиотеки для чтения”, и потому просит больше не числить его более редактором оного журнала». По итогам слушания в заседании было принято следующее решение: «При сем г. Попечитель объявил Комитету, что он потребовал чрез канцелярию Комитета от книгопродавца Смирдина уведомления, кому именно он поручил после Статского Советника Греча редакцию “Библиотеки для чтения”» (РГИА. Ф. 777. Д. 1183. Л. 12; см. также л. 13). Вскоре в Цензурный комитет поступил ответ от Смирдина: «...после заведовавшего редакциею издаваемого мною журнала г. статского советника Греча предоставил оную Г. Библиотекарю Императорской публичной библиотеки Статскому Советнику Ивану Андреевичу Крылову. 8 января 1835 года» (РГИА. Ф. 777. Д. 1183. Л. 14; см. также л. 15, 16).

[6] См. запись в дневнике А.В. Никитенко от 9 января 1835 г. (*Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 166) и язвительную характеристику Сенковского, помещенную в «Библиотеке для чтения» после ухода Крылова (Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. Отд. VI («Литературная летопись»). С. 58).

[7] По предположению Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер, имя Крылова послужило защитой во время нового скандала, разразившегося в начале 1835 г. по поводу публикации в январском номере «Библиотеки для чтения» стихотворения М.А. Маркова «Русский Царь», где Николай I был назван «поборником грядущих зол» [3, с. 145].

[8] Прежде всего Губер известен своим переводом первой части «Фауста» Гете, вышедшем отдельным изданием в 1838 г. в Петербурге и вызвавшем неоднозначную оценку критиков; см.: [2, с. 53].

литературно-социальным капиталом, который мог бы обезопасить журнал. Возможно, он, в отличие от того же Крылова, должен был реально по крайней мере разделить с Сенковским обязанности редактора — и в этом качестве литературная «нетитулованность» была его преимуществом: как показала, например, история сотрудничества с «Библиотекой для чтения» Н.А. Полевого, опытного журналиста и издателя, работать на равных вместе с авторитарным Сенковским было практически невозможно[9], между тем как Губер со своими обязанностями сотрудника, по всей видимости, вполне справлялся[10].

Тем не менее на посту ответственного редактора «Библиотеки для чтения» Губер неофициально пробыл с апреля по июль 1840 г. (а официально, как будет показано дальше, он не был им ни дня). Говоря о причинах его ухода с этой должности, Г.И. Щербакова предположила, что они могли быть связаны с конфликтом с Сенковским: «Примером неудачных действий по работе с сотрудниками можно считать его (Сенковского. — *А.П.)* отношения с <...> Э. Губером. Этот никем не замеченный эпизод внутриредакционной борьбы говорит о том, что Сенковский хорошо знал силу своего имени для публики и умел использовать свое литературное значение. Здесь не так важно, какие мотивы заставили Сенковского действовать таким образом: честолюбие Губера или желание Смирдина сменить редактора из-за каких-то разногласий» [5, с. 51]. Но знакомство с делами Цензурного комитета показывает, что в случае с назначением (а, точнее, не назначением) Губера на должность ответственного редактора «Библиотеки для чтения» мы имеем дело с конфликтом интересов совладельцев журнала, Сенковского и Смирдина.

Итак, в апреле 1840 г., вскоре после того как Губер стал сотрудником «Библиотеки для чтения», от Сенковского в Цензурный комитет поступило прошение, о содержании которого можно узнать из отчета заседания Цензурного комитета 23 апреля 1840 г.:

> В заседании Цензурного комитета 23-го апреля 1840 года слушали: письмо Статского Советника Сенковского на имя Его Сиятельства г. Председателя Комитета, в коем он извещает, что здоровье его, расстроенное долговременными трудами, не позволяет ему долее исправлять звание редактора журнала «Библиотека для чтения», предпринятого им вместе с Смирдиным в 1833 году и принадлежа-

[9] См.: [4, с. 51–54].

[10] С 1840 до 1842 г. — до своего отъезда в Орловскую губернию по болезни — Губер заведовал отделами «Критики» и «Литературной летописи»; 1846 г., вернувшись в столицу, он продолжил работу в издании вплоть до своей смерти в 1847 г. [2, с. 53].

щего им обоим по праву общей собственности литературной, по силе законного условия, между ими заключенного, посему с первого января нынешнего года, по согласию с товарищем своим Смирдиным, он передал все дела по редакции «Библиотеки для чтения» г. Губеру, литератору, известному своим дарованием, который и остается отныне полным хозяином состава и содержания означенного журнала. Доводя о сем до сведения Его Сиятельство, г. Сенковский просит о предложении С. Петербургскому Цензурному комитету обращаться впредь по изданию «Библиотеки для чтения», если последует в чем-либо надобность, не к нему, но к новому редактору оной г. Губеру. Определено, пригласив г. Губера в Цензурный комитет, взять с него, на основании предписания г. Министра Нар<одного> Просв<ещения> от 20-го декабря 1834 года за № 1594, подписку, что он согласен принять на себя ответственность перед Правительством по изданию «Библиотеки для чтения» и довести о сем до сведения Главного управления цензуры[11].

Как понятно из приведенного выше документа, никаких возражений против назначения у Цензурного комитета не возникло — требовалось только предоставить подписку о том, что новый редактор обязуется нести ответственность перед правительством. Но по непонятным причинам в течение месяца Губер так и не дал о себе знать. Это затянувшееся молчание делало выход ближайшего № 5 журнала невозможным, о чем было сообщено владельцу «Библиотеки для чтения» Смирдину:

№ 78. 24 мая 1840 г.

Г. Издателю «Библиотеки для чтения» Смирдину

Гг. цензоры, рассматривающие журнал «Библиотеку для чтения», по неизвестности, кто ныне ответственный редактор этого журнала, затрудняются пропуском статей присылаемых нам для следующей книжки. Вследствие сего Канцелярия С. Петербургского Цензурного комитета, по приказанию Его Превосходительства господина Исправляющего должность Председателя, просит Вас доставить в оную решительное мнение, кого вы с своей стороны избираете ответственным редактором «Библиотеки для чтения»[12].

Смирдин ответил на запрос незамедлительно: он согласился на утверждение Губера, но только при условии, что об этом назна-

[11] РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 17.

[12] Там же. Л. 19.

чении не будет сообщено на страницах ни «Библиотеки для чтения», ни любого другого издания — и проследить за выполнением этого условия должен был Цензурный комитет:

> В Санкт-Петербургский Цензурный комитет
> от Книгопродавца Александра Смирдина
> Уведомление
>
> В следствие отношения Канцелярии сего комитета от 24 мая за № 78 имею честь донести Цензурному комитету, что я согласен с своей стороны на избрание ответственным редактором издаваемого мною журнала «Библиотеки для чтения» на сей 1840 год отставного инженер-капитана Эдуарда Ивановича Губера; но с тем вместе покорнейше прошу Цензурный комитет позволять ни г. Сенковскому, ни г. Губеру, равно как и прочим редакторам и издателям журналов и газет объявлять публике о сей временной перемене редакции: ибо такое объявление может иметь весьма вредные последствия для журнала, и тем причинить мне важные убытки.
>
> СПб., Книгопродавец Александр Смирдин.
> Мая 29 дня
> 1840[13]

Ответ Смирдина весьма показателен. Обращает на себя внимание уточнение про «временное назначение» (этой подробности не было в прошении Сенковского) — и, думается, оно неслучайно. После того, как в 1836 г., редактор «Библиотеки для чтения сделал публичное заявление о том, что «...*никто* в свете, кроме г. Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание “Б<иблиотеки> для ч<тения>”»[14], официально поставить на эту должность человека, на литературной арене совершенно незаметного, было бы для журнала убийственно.

Как можно судить по протоколу соответствующего заседания, выдвинутые издателем «Библиотеки для чтения» условия привели членов Цензурного комитета в некоторое замешательство:

> В заседании Комитета 4 июня 1840 года слушали: донесение книгопродавца Смирдина <...> Цензурный комитет, принимая в уважение, что книги и журналы могут быть издаваемы без огласки имени сочинителей, когда есть на то их желание, не вынуждает самого Смирдина к публикации, что «Библиотека для чтения» изда-

[13] Там же. Л. 20.

[14] Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. Отд. VI («Литературная летопись»). С. 24.

> ется новым редактором, но в то же время полагает, что обязывать гг. Сенковского, Губера и всех в России журналистов, газетчиков и вообще сочинителей к сохранению в тайне перемены редактора по изданию «Библиотеки для чтения», было бы действием не только стеснительным, но и недобросовестным: ибо цензурный комитет таким образом помогал бы книгопродавцу, для поддержания его выгод, содержать в обмане публику, не говоря уже о том, что он посягнул бы без всякой уважаемой причины на законные права всех авторов издателей книг. Итак, Цензурный комитет, разрешив статьи к напечатанию их в 5 номере «Библиотеки для чтения» положил объявить ея редакции, что по неосновательной просьбе Смирдина, который не соглашает г. Губера признать вполне ответственным редактором «Библиотеки для чтения», книга сия выпущена не будет в свет без разрешения высшего начальства, о чем и донести Главному управлению цензуры[15].

Недоумение членов комитета понятно: если умолчание на страницах «Библиотеки для чтения» о новом назначении действительно не противоречило цензурному уставу[16], то вторая часть условия противоречила даже здравому смыслу. Тем не менее Смирдин, очевидно, продолжал стоять на своем, задерживая выход пятого и следующих номеров журнала. Так как ни одна из сторон не собиралась сдавать позиций, в конфликт было вынуждено вмешаться Министерство народного просвещения в лице генерал-адъютанта графа Н.А. Протасова, который в связи с отъездом из Петербурга С.С. Уварова в июне–июле 1840 г. председательствовал в Главном управлении цензурой[17]:

---

[15] РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 21–21 об. См. также анонимную записку, также хранящуюся в «Деле об издании А. Ф. Смирдиным журнала “Библиотека для чтения”»: «Требование книгопродавца Смирдина, чтобы *Ц<ензурный> комитет никому не дозволял объявлять публике о новом редакторе “Б<иблиотеки> для ч<тения>”,* совершенно противозаконно. Можно выдавать книгу без означения имени автора; можно даже издавать журнал просто от редакции. В том и другом случае никто не обманывает никого: ибо всякому воли купить или не купить книгу. Но когда уже несколько лет журнал только и рекомендован был именем редактора, так что публика <...> и не подозревает подлога; то какую роль будет играть Комитет, потворствуя обману книгопродавца для умножения его барышей. Вот, что пришло мне в голову, когда я прочел бумагу Смирдина» (Там же. Л. 24–24 об.)

[16] См., например, § 36 Устава о цензуре 1828 г. («О порядке производства дел по внутренней цензуре»): «При представлении рукописи или книги в цезуру не требуется от представляющего никаких прошений или записок. Имя сочинителя, переводчика или издателя может быть и не объявлено на книге по его позволению; но издающий оную должен быть известен типографщику, коему поручено ее печатание» (Устав о цензуре. СПб.: В тип. Департамента народного просвещения, 1829. С. 22).

[17] Русский биографический словарь. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1910. Т. [15]: Притвиц — Рейс. С. 82.

Министерство народного просвещения
Канцелярия
10 июня 1840 года
№ 787
разрешение на № 91

С. Петербургскому Цензурному комитету

По представлению Комитета от 8 июня, за отсутствием Господина Министра Народного просвещения, предлагаю о разрешении выпуска в свет № 5 «Библиотеки для чтения» на основании прежнего порядка, так как книга эта составлена под руководством г. Сенковского, который до утверждения предполагаемой им редакции сего журнала остается ответственным пред правительством редактором оного. Что касается до передачи редакции Библиотеки для чтения г. Сенковским отставному инженер-капитану Губеру, то о заключении Главного управления Цензуры по сему предмету будет в свое время объявлено Комитету.

Генерал-Адъютант Граф Протасов[18].

Хотя благодаря вмешательству Протасова № 5 «Библиотеки для чтения» был пропущен[19], вопрос о назначении нового редактора по-прежнему оставался открытым. Видимо, уже после того, как ситуация была взята под контроль непосредственно Уваровым[20], Сенковскому (возможно, не без некоторого давления со стороны Смирдина, который как владелец журнала продолжал получать запросы от Цензурного комитета[21]) не оставалось ничего другого, как официально заявить, что он продолжит выполнять обязанности ответственного редактора, о чем он и сообщил комитету в уведомлении от 28 июля 1840 г., зарегистрированному в канцелярии 2 августа:

[18] РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 25.

[19] Формально цензурное разрешение на выход т. 40 «Библиотеки для чтения» было дано 30 мая 1840 г. (цензоры — Е. Ольдекоп и А. Крылов).

[20] См. следующее уведомление:
«Министерство народного просвещения
Канцелярия
18 июня 1840 года
№ 890

С. Петербургскому цензурному комитету

Усматривая из представления комитета от 8 июня № 91 о передаче редакции “Библиотеки для чтения” г. Сенковским инженер-капитану Губеру, что книгопродавец Смирдин не соглашается признать вполне Губера ответственным редактором “Библиотеки для чтения”, предлагаю Комитету потребовать от Смирдина и предоставить мне решительный отзыв его о том, на кого излагаются обязанности ответственного редактора сего журнала по сложению оной г. Сенковским. — Министр народного просвещения Уваров» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 28–28 об.).

[21] См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 30.

Санкт-петербургский цензурный комитет отношением от 14 июня 1840 года № 93 благоволил уведомить меня, что по приказанию г. Генерал-адъютанта графа Протасова, данному комитету от 10 июня, я должен до разрешения высшего начальства оставаться ответственным редактором журнала «Библиотека для чтения». Это неожиданное промедление изменило все прежние условия наши с г. Губером: я должен был опять вступить в дела редакции, г. Губер должен был их оставить и заняться другим делом. Таким образом я спешу сообщить нынче Санктпетербургскому цензурному комитету, что вследствие этого непредвиденного нами обстоятельства я остаюсь ответственным редактором «Библиотеки для чтения» *и на дальнейшее время*, не имея в виду никого, кому бы я мог передать эту обязанность, и в уважение желания г. Смирдина, который просит меня не слагать с себя редакции, по крайней мере до конца года. Если случится какая-нибудь надобность в сношениях с редакцией «Библиотеки для чтения», то я покорнейше прошу Санктпетербургский Цензурный комитет благоговить и впредь обращаться ко мне, по-прежнему.

Сенковский.

Санкт-Петербург, на Васильевском острове, в доме Усова, на Большой набережной, № 21.

28 июля 1840[22].

Дело осталось за малым: уведомить владельца «Библиотеки для чтения» Смирдина о готовности Сенковского продолжать выполнять обязанности редактора журнала — и не получить от него каких-либо возражений:

№ 118 8 августа 1840

Г. Издателю «Библиотеки для чтения» книгопродавцу Смирдину

Статский Советник Сенковский уведомил С. Петербургский Цензурный комитет, что он остается по-прежнему ответственным редактором «Библиотеки для чтения». А как журнал этот составляет общую с ним вашу собственность, то Канцелярия просит вас о доставлении в оную и с вашей стороны отзыва по сему предмету для донесения о том его Высокопревосходительству г. Министру Народного Просвещения.

Подписал секретарь Семенов[23].

[22] Там же. Л. 31.

[23] Там же. Л. 32.

Смирдин подтвердил свое согласие:

> В Санкт-Петербургский Цензурный комитета
> Издателя «Библиотеки для чтения»
> Книгопродавца Смирдина
>
> На отношение Канцелярии С. Петербургского цензурного комитета от 8-го августа за № 118 имею честь ответствовать, что и я на желание г. Статского Советника Сенковского быть на дальнейшее время ответственным редактором «Библиотеки для чтения» согласен; посему покорнейше прошу Цензурный комитет, если случится какая-либо надобность до редакции сего журнала, относиться к нему г-ну Сенковскому.
>
> СПб. Книгопродавец и издатель «Библиотеки для чтения» Александр Филиппович Смирдин[24].

Своего рода прецендент был создан. Стоит отметить, что когда летом 1847 г. в Цензурный комитет поступило прошение от Сенковского о назначении на пост редактора журнала В.В. Дерикера, то речь шла лишь о временном замещении в связи с отъездом Сенковского за границу[25].

Таким образом, мы видим, что и в случае с назначением Крылова, и не назначением Губера последнее слово оставалось за издателем журнала Смирдиным, который, в свою очередь, руководствовался своими представлениями о роли редактора, имя которого становилось своеобразным брендом, «визитной карточкой» издания.

Литература

1. *Каверин В.А.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М.: Наука, 1966. 239 с.

2. *Левин Ю.Д.* Губер Эдуард Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 52–53.

3. *Лямина Е., Самовер Н.* Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: НЛО, 2024. 759 с.

[24] Там же. Л. 33.

[25] «В заседании С. Петербургского Цензурного Комитета 24го июня 1847 слушали: донесение редактора “Библиотеки для чтения” Статского Советника Сенковского от том, что по случаю отъезда его заграницу в отпуск с Высочайшего соизволению за болезнею на 4 месяца, он оставил на все время отсутствия своего материалы для издания журнала “Библиотека для чтения” в порядке известному литератору, постоянному со многих лет его сотруднику г. Дерикеру, к которому и просит, в случае нужды, обращаться, так как все дела редакции поручены ему...» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1183. Л. 37).

4. *Табакарь Ю.И.* Н.А. Полевой и О.И. Сенковский: о чем молчат историки? // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 9. С. 47–63.

5. *Щербакова Г.И.* Журнал О.И. Сенковского «Библиотека для чтения» (1834–1856 гг.) и формирование массовой журналистики в России. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 226 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

F. Smirdin and the Censorship Committee: About Some Episode in the Editorial History of *The Library for Reading*

© 2025. Anna A. Poliakova
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences
St. Petersburg. Russia

Abstract: Although *The Library for Reading* is strongly associated with the name O.I. Senkovsky, it is known that at different times other people, such as N.I. Grech, I.A. Krilov, and E.F. Korsh acted as editors of the magazine. Apparently, this position was held by them formally, and in the first years of the journal, their task was more to be a guarantee of credibility with the government. Also, at some point the name of the editor became a kind of "brand" — and it is precisely this "brand" that the name of Senkovsky became in the middle of the 1830s. In this context, Senkovsky's attempt to place E.I. Guber, a person of little prominence in the literary sphere, as a responsible editor of The Library for Reading is of particular interest. Perhaps Senkovsky really wanted to share at least part of his editorial duties with the new employee, but this was contrary to A.F. Smirdin's commercial interests. In the notice sent to the Censorship committee, he did not object to this appointment, but only under two conditions, one of which (to prohibit periodicals from publishing reports about the new editor of The Library for Reading) left the committee members in some confusion. Nevertheless a compromise between the publisher and the Censorship committee never happened.

Keywords: A.F. Smirdin, O.S. Senkovsky, E.I. Guber, *The Library for Reading*, censorship, history of journalism.

Information about the author: Anna A. Poliakova, PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Russian Literature (Puskin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199004 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: 0000-0001-9483-7765. E-mail: anna-polyakova2008@yandex.ru.

For citation: Poliakova, A.A. "A.F. Smirdin, and The Censorship Committee: About Some Episode in the Editorial History of *The Library for Reading."* *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 314–325. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-314-325

References

1. Kaverin, V.A. *Baron Brambeus. Istoriia Osipa Senkovskogo, zhurnalista, redaktora "Biblioteki dlia chteniia"* [*Baron Brambeus. The Story of Osip Senkovsky, Journalist, Editor of the "Library for Reading"*]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 239 p. (In Russ.)

2. Levin, Iu.D. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*The Russian Writers. 1800–1917: The Biographical Dictionary*], vol. 2. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 52–53. (In Russ.).

3. Liamina, E., and N. Samover. *Ivan Krylov — Superstar. Fenomen russkogo basnopistsa* [*Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fabulist*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2024. 759 p. (In Russ.)

4. Tabakar', Iu.I. "N.A. Polevoi i O.I. Senkovskii: o chem molchat istoriki?" ["N.A. Polevoy and O.I. Senkovsky: What Are Historians Silent About?"]. *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 9, 2007, pp. 47–63. (In Russ.)

5. *Shcherbakova, G.I. Zhurnal O.I.* Senkovskogo "Biblioteka dlia chteniia" (1834–1856 gg.) i formirovanie massovoi zhurnalistiki v Rossii [The Senkovsky's Journal "Library for Reading" (1834–1856) and the Formation of Mass Fournalism in Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005. 226 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.10.2024
Одобрена после рецензирования: 24.03.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 11.10.2025
Approved after reviewing: 24.03.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357
https://elibrary.ru/HRJOWA

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

О «теоретичности» и «оригинальности». Евгений Чириков и журнал «Русское богатство»

© 2025, А.В. Геворкян, М. В. Строганов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: К литературным фактам относятся не только литературные тексты писателя, но и его бытовое поведение. Это очень наглядно проявляется при изучении отношений Е.Н. Чирикова и журнала «Русское богатство», в котором он начинал свою литературную деятельность. В период писательского ученичества Чириков с большим почтением просил В.Г. Короленко поделиться своими представлениями о соотношении «теоретичности» и «оригинальности» в литературном труде, а в 1894–1896 гг. постоянно печатался в журнале. После перехода Чирикова в «марксистские» издания критики «Русского богатства» (А.И. Потапов, Н.К. Михайловский, А.Г. Горнфельд, А.М. Редько и др.) постоянно подчеркивали «теоретичность» его сочинений в ущерб их «оригинальности». Общественно-бытовое поведение Чирикова было основано на самолюбии, что проявилось в конфликте с «Русском богатством» в связи с его задолженностью журналу и в пресловутом «чириковском инциденте» по поводу еврейского вопроса: игра самолюбия мешала ему занять уравновешенную позицию. Стремление к саморекламе было свойственно вообще всему литературному кругу М. Горького в 1903–1909 гг., что отразилось в публикации групповых фотографий участников кружка «Среды» и в карикатурах на них. Однако участвуя в общественно-политических акциях 1911 г. в связи с 50-летием отмены крепостного права (ответ на анкету в «Синем журнале», № 9; речь на банкете 19 февраля 1911 г.), Чириков проявил скорее «оригинальность», в то время как оценка этого участия авторами «Русского богатства» (В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов) страдала «теоретичностью», которую Чириков очень остро критиковал в своих частных письмах. Таким образом, «теоретичность» и «оригинальность» — это не заданные, а переменные свойства литератора.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков, «Русское богатство», национализм, еврейский вопрос.

Информация об авторах: Армен Варужанович Геворкян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2658-4580

E-mail: armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7618-7436

E-mail: mvstroganov@gmail.com

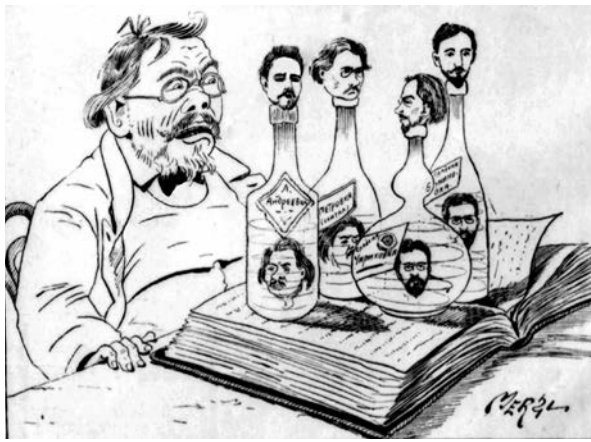
Для цитирования: *Геворкян А.В., Строганов М.В.* О «теоретичности» и «оригинальности». Евгений Чириков и журнал «Русское богатство» // Литературный факт. 20253. № 2 (36). С. 326–357. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357

В современных исследованиях, посвященных Е.Н. Чирикову, прочно установилось следующее мнение:

> …перед нами крупный художник, мыслящий исторически, но умеющий видеть и неповторимые подробности жизни России на рубеже XIX–XX веков. Социальная проблематика удачно «вписана» Чириковым в контекст нравственных размышлений о судьбах страны, глубоко укорененной в народно-религиозных основах [7, с. 4].

Но куда денешь карикатуру на титульном листе «еженедельного иллюстрированного журнала литературы, политики и общественной жизни» «Наше время»: «современный читатель» сидит перед раскрытой книгой, на развороте которой стоят четыре бутылки разных форм (псевдоним Mersu, автор не установлен). Две из них наполнены настойками на манер Горького, чья голова изображена на нижней части бутылок, а на этикетках написано «Л. Андреевка» и «Петровка (Скитал<ец>)», и пробки на этих бутылках сделаны в виде голов Андреева и Скитальца. В других двух бутылках напитки настояны на манер Чехова, чье лицо изображено на нижней части бутылок, а этикетки гласят «Сладкая Чириковка» и «Сладкая Буниновка», соответственно и пробки сделаны в виде голов Чирикова и Бунина. Обчитавшийся «современный читатель» говорит: «Уж как мне надоели эти горькие да сладкие настойки!.. На вид “крепко”, а распробуешь — “одна вода!..”»[1] (Илл. 1) Можно, конечно, списать эту карикатурную оценку на непонимание читателя, но это несомненно упростит ситуацию. В двух предлагаемых заметках мы публикуем материалы, которые позволят восстановить эту ситуацию в ее исторической сложности.

[1] *Mersu*. Современный читатель // Наше время: Еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и общественной жизни. 1903. № 5, 30 января. С. 33. Бесплатное приложение к «Петербургской газете».

Илл. 1.
Наше время.
1903. № 5,
30 января.

1

Е.Н. Чириков прошел достаточно обычный путь для писателя своего поколения. Во время учебы в Казанском университете он испытал влияние народников и социал-демократов. За участие в студенческих беспорядках в 1887 г. исключен из университета (вместе с В.И. Ульяновым) и выслан в Нижний Новгород. С 1885 г. сотрудничал в газете «Волжский вестник»[2], которая издавалась в Казани, по возвращении из ссылки был секретарем газеты; дважды арестован, состоял под надзором полиции в 1887–1902 гг.

Жизнь в Нижнем Новгороде и сотрудничество в «Волжском вестнике» предопределили знакомство Чирикова с В.Г. Короленко, который руководил его первыми литературными шагами. В связи с рассказом Чирикова, который в печати неизвестен, но, судя по надписи на первом письме Короленко, он назывался «“Тайна” помойной ямы», между ними шла переписка, имеющая большое значение для понимания всех последующих отношений.

В начале 1889 г. Чириков предложил Короленко для журнала «Северный вестник» свой рассказ, и 15 марта Короленко отвечал:

> Многоуважаемый Евгений Николаевич
>
> Так как с декабря м<еся>ца я уже не состою членом редакции «Сев<ерного> в<естни>ка», то участь рассказа от меня совершенно не зависит. Посылаю его в редакцию с просьбой возможно скорее

[2] Литературный сборник «Волжского вестника». Казань: [Изд. редакции «Волжского вестника»], 1885. Т. 1, вып. 2: 1884–1885. [6], 256, [3] с.

Вам ответить. «Возможно скорее» это все-таки будет не очень скоро, так как, кажется, всю беллетристику просматривает один Плещеев.

Вы, мне кажется, сделали ошибку, выбрав Петербург, которого вы, вероятно, не видели. Описывая картины столицы, Вы, очевидно, представляли себе какую-нибудь слободку губ<ернского> города и притом именно города вост<очной> России. Это отразилось и на <*нрзб*.>, и на языке. «<*нрзб*.> казав, <*нрзб*.>» — такие выражения Вы не услышите ни в П<етер>бурге, ни в Москве, или же в ср<едней> России. Кирпичный чай — совершенная диковинка в петербургском быту. По сюжету <?> вижу, что Вам нужна была столица, но <из>-за этого описания вышли неточными <?>, «местный колорит» извращен.

На случай, если бы Вы пожелали сделать в рукописи некоторые исправления — я задержу ее до получения Вашего ответа.

Влад. Короленко[3].

Но Короленко всё же передал рукопись в какой-то журнал, потому что из его письма от 29 марта следует, что текст был принят, но потребовались некоторые доработки. Сообщая о них, Короленко указывал и на другие недостатки рассказа:

Рассказ для исправлений высылаю. К тому, что писал ранее, могу присоединить еще следующие указания: в Петербурге вовсе нет конных полицейских, да и вообще, кажется, вам придется отказаться от столицы как места действия рассказа, потому что самый герой рассказа — субъект вовсе не столичный. Мелкий ремесленник, не работник на хозяина и не держащий работников, берущий заказы и сам разносящий их по давальцам, — в столицах или совсем искоренен фабриками и крупными мастерскими, или же сильно «искажен» и обладает специфическими чертами. Без «местного колорита» тут обойтись нельзя. У вас же — масса всевозможных мелочей — все тяготеют к небольшому городу (семь рублей в две недели при большой семье — это в Петербурге не «некоторое довольство», а голодная смерть).

Кроме этих мелочей — есть еще один недостаток, имеющий к ним близкое отношение и о котором, помнится, я уже вам писал: это некоторая *теоретичность*, отвлеченность, т<ак> сказать, всего рассказа и, пожалуй, вследствие этого отсутствие оригинальности [3, с. 486].

[3] РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 10. Л. 102. См. начало письма: [9, с. 627].

Поскольку публикация рассказа «“Тайна” помойной ямы» неизвестна (как можно понять по приводимому ниже письму Короленко 6 мая 1889 г., в нем шла речь о том, что в помойную яму на окраине города выбрасывали незаконнорожденных младенцев), следует полагать, что Чириков не стал дорабатывать его. Он отвечал Короленко (письмо без даты):

> Признаюсь, что рассказ — теоретичен. Писал я его с преднамеренным умыслом и при этом так увлекся своей целью, что попал впросак, который вы мне указали. Собственно говоря, описывая большой город, где происходит действие, я настолько отрешился от действительности, что не имел в виду вовсе какого-нибудь определенного города. Потому-то и вышла такая ерунда... Теперь я возьму местом действия город — мне известный. <…>
>
> Если будет у вас свободная минутка, — черкните мне вот о чем... Я не понимаю, в каком соотношении стоят между собою теоретичность и неоригинальность. Вы это связываете, — одно является следствием другого... Так ли это понять: что самая фабула шаблонна, развитие ее, обработка сюжета, или так, что при теоретичности невозможна оригинальность? Ведь самый факт выхвачен мною из самой заурядной категории общественных явлений. Я хотел только остановить на нем внимание, обобщить его и изобразить в картинах, оставляющих в читателе известное преднамеренное впечатление, причины и процессы одного из общественных грехов. Нового, конечно, я ничего не сказал, но на это я и не рассчитывал… Могла или нет здесь выразиться оригинальность? вот что мне интересно [4, с. 660].

И 6 мая 1889 г. Короленко писал:

> …Видите, в чем, по-моему, дело. Когда трактуется известная «категория явлений», то можно брать ее с разных, так сказать, точек зрения и различными приемами. Художник берет явление со стороны «конкретной». При этом, конечно, теоретические познания не помеха, и даже наоборот: они помогают наблюдать, и расширяют, и углубляют наблюдательную способность; но всё же главное для художника — образ, предмет. Нужно хорошо знать, так сказать, непосредственно ту категорию явлений, которую хотите описать, чтобы черты ее сложились в типический образ, и нужно отлично «вообразить» себе этот тип, чтобы придать ему значение и осязательность индивидуума. Таким образом, делая упрек в «теоретичности»,

> я имел в виду именно то обстоятельство, что Вы рисуете данное явление, почти ограничиваясь одними теоретическими познаниями об нем. Теперь, какое отношение имеет теоретичность к оригинальности? А вот какое: когда два человека имеют дело с хорошо обследованным и обобщенным явлением в его отвлечении, — то действие этого обобщения на обоих будет почти всегда одинаково. Оба мы с Вами согласимся, что проституция печальное явление и что не всегда детей кидают в яму злодеи, и если бы нам пришлось обоим писать на эту тему, *совсем* (беру крайность) не зная живых примеров, то весьма вероятно, что наши сочинения выйдут очень похожи одно на другое, потому что будут вращаться около положений, данных отвлеченною темою. Логику вообще называют безличною. Когда же два человека, даже совершенно сходных убеждений, имеют дело с живым «объектом», то очень редко их оценка будет одинакова. Тут гораздо более простора личным особенностям обоих. Таким образом, когда в произведении преобладают конкретные представления, — то гораздо более вероятности, что в их восприятии и воспроизведении скажутся личные *особенности* автора (а это-то и есть оригинальность), чем в том случае, когда он исходит не от живого факта, а от отвлеченной схемы. Не знаю, достаточно ли ясно я выразил свою мысль. Прибавлю, что это не отрицание *идеи* в произведении, а только известная постановка вопроса о *форме ее воспроизведения* [4, с. 487].

В позднейших воспоминаниях Чирикова всё это выглядело следующим образом:

> …меня сослали в Астраханскую губернию на три года. Отсюда я продолжал писать в «Волжском вестнике», здесь написал рассказ, впервые появившийся в журнале (в книжках Недели), и сделал попытку послать повесть Короленко. Повесть была слабая, а главное — я описывал в ней жизнь в Петербурге, где никогда отроду еще не был. Я вспоминаю об этом эпизоде потому, что с ним связано полученное письмо от Короленко и случай с рукописью, характеризующий деликатность Короленко. Письмо было написано очень ласково, со всеми предосторожностями не задеть авторского самолюбия, не поколебать веры автора в свою талантливость и вместе с тем показать все слабые места произведения таким образом, чтобы автору казалось, что это сам он видит теперь и догадывается. Между прочим Короленко в письме страшно извиняется предо мною: горничная, убирая на его письменном столе, опрокинула чернильницу, облила бумаги, в том

> числе и мою раскрытую рукопись, и потому пришлось восстановить несколько страниц. Перелистываю свою рукопись и вижу, что целые страницы написаны рукою самого Владимира Галактионовича, его красивым тонким мелким, но четким почерком! Письмо это, несмотря на мою неудачу, подействовало на мою музу самым неожиданным образом: мне захотелось еще больше писать и добиваться места в толстых столичных журналах, куда я попал спустя три года уже без всяких протекций: сперва в «Мир Божий», затем в «Русское богатство», где и очутился, таким образом, снова сотрудником Короленко (редактором был тогда Н.К. Михайловский)[4].

Мы обратим внимание на слова Чирикова об «авторском самолюбии», которые нам пригодятся для последующих сопоставлений, и на то, что Чириков совершенно опускает вопрос о «теоретичности» и «оригинальности», зато подчеркивает, что в «Русское богатство» он попал «без всяких протекций». Последнее, возможно, и справедливо, хотя с июня 1895 г. Короленко числился уже издателем журнала. Как бы то ни было, Чириков в 1894–1896 гг. опубликовал в «Русском богатстве» четыре рассказа[5]. История этих публикаций отразилась отчасти в письмах Короленко к Чирикову от 3 мая 1893 г. (частично опубликовано в: [1, с. 236]) и 9 января 1895 г. [9, с. 628]. Сам Чириков об этом и последующих событиях вспоминал так:

> Мои первые рассказы в толстых журналах появились в 1893 г. сразу в двух: «Русском богатстве» и «Мире Божьем» — «Гаудеамус игитур» и «Ранние всходы». Покойные Н.К. Михайловский и А.А. Давыдова прислали мне теплые письма и пригласили быть сотрудником. Скитаясь после изгнания из университета (в 1887 г.) по провинции, главным образом в Поволжье, я работал в газетах и продолжал писать в журналах вышеназванных. В 1894 г. в г. Самаре сгруппировался кружок новых интеллигентских «сектантов»-марксистов около газеты «Самарский вестник» и началась диффузия двух сред: народнической и марксистской; начался мой душевный перелом, последствием которого явилось мое сотрудничество в журнале «Новое слово», где в 1897 г. появилась моя повесть «Инвалиды», повлекшая за собой резкий разрыв с «Русским богатством» и свирепое

[4] *Чириков Е.* Каронин и Короленко (Из моих воспоминаний) // Сполохи: литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. 1922. № 8, июнь. С. 20–27.

[5] *Чириков Е.* Gaudeamus igitur! Из уездной жизни. Очерк [в содержании: Рассказ] // Русское богатство (далее: РБ). 1894. № 7. С. 5–24; *Чириков Е.* В лесу. (В летопись голодного года): Рассказ // РБ. 1895. № 1. С. 150–170; *Чириков Е.* Митька: Рассказ // РБ. 1895. № 10. С. 5–34; *Чириков Е.* На стоянке: Очерк // РБ. 1896. № 6. С. 95–115.

нападение народнической критики (прилагаю два уцелевших у меня отзыва Скабичевского и Скрибы) [10, с. 440–448].

Чириков упоминает о своем разрыве с «Русским богатством», но не говорит, что самая резкая и аргументированная критика повести «Инвалиды» («Новое слово», август-сентябрь) была напечатана именно в этом журнале. В конце обзора марксистского журнала «Новое слово» В.А. Мякотин уделает несколько слов беллетристическим произведениям, в том числе и этой повести Чирикова:

> Главный герой этого рассказа Крюков является в рекомендации автора человеком вполне определенным, хотя эта определенность достигается исключительно при помощи наклеиваемых на него ярлычков: перечня книг, какие он читал в юности, сообщения, что он «присоединился к программе деятельности по формуле: „всё для народа и всё посредством народа“», «был подхвачен волною движения» и т. д. После двадцатилетних странствий и знакомств с инородцами Крюков вернулся на родину. «Вернулся он с какими-то фантастическими надеждами, планами и замыслами, с горячею верою в свое прежнее дело и с непреодолимым желанием начать всё сызнова». Для этого человека с ярлыком автор находит два дела: составить артель рабочих на железной дороге, которая, конечно, сейчас же и рушится, и попытаться обмануть инженера, у которого он нашел место и который поручил ему заключить мировую сделку с отцом убитого на дороге крестьянина. Не отказываясь от поручения, Крюков уговаривает крестьянина не брать предложенных инженером на мировую 300 р., а стребовать судом 1.000 р. Обман обнаруживается, и Крюков должен покинуть место на железной дороге. Он — и писатель, но писанием своим просуществовать не может и потому берет место корректора при газете в некоем городке. Здесь он в доме своего бывшего университетского товарища встречается с его родственником, молодым студентом-«марксистом», уехавшим в эту далекую провинцию, и со второго слова они начинают говорить друг другу неприятности, а с третьего — обмениваются ругательствами. Измученный работой, тоской и последним оскорблением, Крюков заболевает, и товарищ-врач отвозит его в больницу. Скажите на милость, неужели это живой человек, а не деревянная марионетка, двигающаяся по воле автора, неужели это история, а не плохой анекдот? В качестве анекдота всё, конечно, возможно, но ведь в виде анекдота возможны и те эпизоды, которые происходят с героями романа г. Боборыкина <«По-другому»>. За что же «Н<овое> слово»

> сердится тогда на почтенного романиста? Или рассказ г. Чирикова тоже новые слова о старых деятелях? Плохо же будет, если много придется таких слов выслушивать[6].

И поскольку других оснований для «резкого разрыва с “Русским богатством”» не было, получается, что именно из-за этой маленькой заметки Мякотина Чириков с 1897 г. перестал печататься в журнале. Понятно, что «Русское богатство» ничего оскорбительного не сказало. Просто Чириков в результате внутренней эволюции ушел от «народничества», а заметка Мякотина стала лишь поводом.

«Русское богатство» на первую книгу его рассказов откликнулось статьей А.И. Потапова «О г. Чирикове»:

> Вообще нужно заметить, что в одиночку, каждый в отдельности, эти рассказы г. Чирикова производят гораздо лучшее впечатление, чем вместе взятые, — особенно если не подходить к ним с большой меркой и помнить, что автор их маленький человек, который не может протискаться вперед, а только следует за своим временем. Собранные же вместе, они носят явный отпечаток безвременья...[7]

Особое внимание Потапов уделил повести «Инвалиды», которая

> …производит впечатление вещи, написанной ad hoc <по случаю, *лат.*>, нарочно выдуманной для того, чтобы в общедоступной форме и на примерах, взятых якобы из жизни, доказать непогрешимость наших русских публицистов так называемого «марксистского» толка и оправдать их грубые полемические приемы. <…> …в лице Крюкова он говорит об инвалидах вообще. А так как Крюков — «народник», то и получается следующее тождество: народники = Крюкову = инвалидам. <…> Сущность повести заключается в следующем. С одной стороны взят Крюков, «народник вообще», человек уже пожилой, а с другой стороны — «марксист», юнец. Крюков в повести кое-что говорит и делает, а марксист — фигура совершенно безличная и исполняющая обязанности говорильной машины — ему возражает и его разделывает: скажет — и нет Крюкова, еще скажет — еще отрубит... и всё общими местами. Дальше общих мест тогда и теоретики не ходили, и уж, конечно, «втора» г. Чирикова не могла издавать других звуков. Но зато высмеивали шибко, высмеивали так, что

[6] *Мякотин В.А.* Новые слова о старых деятелях // РБ. 1897. № 11. Отд. 2. С. 113–114.
[7] *Потапов Ал.* О г. Чирикове // РБ. 1900. № 2. С. 170.

ничего почти от человека не оставалось. Постарался высмеять и г. Чириков. Он сочинил что-то в высшей степени жалкое, слезливое, смешное и глупое, нарисовал какую-то грубую карикатуру и подписал под ней: это — народники вообще. <…>

Но одного не мог отнять автор у Крюкова — его идейную стойкость. Каковы бы ни были его убеждения в подробностях, в основе их, как о том повествует г. Чириков, лежит счастье народа, для которого Крюков работал, ради которого пострадал, за которое и теперь, настрадавшись, он готов с горячностью нетронутого жизнью юноши отдать все свои силы и еще терпеть тяжелые испытания. А такие люди, эти убежденные интеллигенты, составляют нашу силу и надежду, красоту и гордость нашей жизни. Они нас будят, они мешают спать, они зовут нас вперед; и нам дорог их светлый образ. <…> … как ни жалок Крюков, нам не жалко Крюкова, а жалко г. Чирикова. Нам жалко его как жертву какого-то нравственного гипноза, и обидно, что партийное ослепление могло настолько сильно его поработить. Много нужно интеллигентному писателю этого ослепления, чтобы так кощунствовать, чтобы, соорудив себе искусственный фантом, так высмеивать и так грубо потешаться над теми, кто является носителем самых человечных стремлений и самых возвышенных, святых чувств...[8]

Через два года Н.К. Михайловский фактически повторил вслед за Потаповым те же претензии Короленко к Чирикову в «теоретичности» писательского мышления, которая мешает проявлению «оригинальности», и сожалел о том, что

…такой даровитый писатель разбрасывается на случайный темы, что нет в его распоряжении такой точки зрения, которая помогла бы ему ориентироваться в бесконечно разнообразных явлениях жизни, отличать в них важное и неважное, ценное и бросовое, а вместе с тем и ему самому придавала бы определенный индивидуальный облик.

Потапов и Михайловский пишут о том же, о чем говорил в 1889 г. Короленко — о зависимости художественных изображений Чирикова от заданных (теоретических) построений. Эта «теоретичность» проявилась, с точки зрения Михайловского, в зависимости Чирикова от внешних идеологических влияний:

[8] Там же. С. 172, 173.

<когда> над русской интеллигенцией пронеслось дыхание неомарксизма, <…> г. Чириков как будто нашел то, чего ему недоставало. Подобно многим, он решил, что «теперь пойдет уж музыка не та, у нас запляшут лес и горы»! И написал сравнительно большой рассказ «Инвалиды»[9].

Маркс и Энгельс — да простит мне г. Чириков сопоставление его с этими большими людьми — не разделяли фантастических мечтаний Фурье, но понимали и ценили его, потому что знали в его учении и кое-что кроме этих фантазий. Г. Чириков знает из учения «инвалидов» только надежды на общину и артель и гордый своими познаниями по части начатков в этой области, третирует Крюкова. <…> Бедный, жалкий «инвалид» Крюков сталкивается с молодым марксистом Игнатовичем, который кладет его в лоск главным образом насмешливо-презрительным вопросом — что делают его, Крюкова, единомышленники? «Твердят, как сорока про Якова, о том, что нужно поддерживать общину, и плачут, когда их не слушают? Поддерживают кустарей, уже разбившихся на группы зажиточных буржуа и простых наемных рабочих?» Понятно, что Крюков, у которого за душой нет ничего, кроме общины и кустарей, совершенно сражен этими вопросами и уклоняется от ответа, а начинает ругаться. Игнатович отвечает тем же, и — Крюков вскоре умирает. Перед смертью он пишет Игнатовичу письмо, в котором признает, что он, Крюков, действительно «никуда не годен», а Игнатович — «хороший, честный юноша». Он допускает, что всё его прошлое — «одна сплошная ошибка», но, говорит, «быть может, на смену вам придут новые люди, которые признают ваши взгляды и вашу деятельность тоже ошибкой». Словом, он сдается окончательно и только жалуется на то, что Игнатович был с ним жесток, оскорбил его и «этим оскорблением только напомнил ему о том, что он давно знал и о чем давно думал»[10].

Хотя Чириков сотрудничество с «Русским богатством» прекратил, но участвовал в сборнике «В защиту слова» (1905), организаторами которого были редакционный круг и авторы «Русского богатства»[11].

[9] *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь. О повестях и рассказах гг. Ф. Потехина, Ивана Щеглова, Н. Тимковского, Алексея Плетнева, кн. Барятинского, Евгения Чирикова, М. Горького, Антона Чехова. — Два слова о воспоминаниях М.А. Антоновича о Добролюбове // РБ. 1902. № 1. Отд. 2. С. 108–109.

[10] Там же. С. 110, 112.

[11] В защиту слова: Сборник 1. Статьи, стихотворения и заметки Н.К. Михайловского, А.В. Пешехонова, П.Н. Милюкова, К.К. Арсеньева, Вл.Г. Короленко, О.Н. Чюминой, Н.А. Рубакина, Дионео, С.Я. Елпатьевского, Ив. Наживина, В.И. Дмитриевой,

В это время он стал пайщиком издательского товарищества «Знание», где вышло его собрание сочинений в 8 томах (1903–1909). Критики же «Русского богатства» внимательно следили за его произведениями, но в оценке их сохраняли те же самые акценты. А.Г. Горнфельд в пьесах Чирикова видел ту же «теоретичность» писательского мышления, подавляющую его «оригинальность»:

> Сплошь и рядом нам приходится видеть в театре *не новые образы, новые положения, новые вопросы, а драматизированные разговоры о том, чем в данный момент полна наша бледная и односторонняя печать*; сплошь и рядом автор наблюдает жизнь не à travers le temperament <через темперамент, *фр.*>, как определяла натуралистическая критика, но à travers le journal <через газету, *фр.*>: «новости дня» стоят между ним и действительностью, и он переносит на сцену «маленькую хронику» — марксистов и декадентов, классическую гимназию и еврейский погром... Хорошо еще, когда автор знает что-нибудь, кроме своей газеты: он вносит в свое изображение хоть какие-нибудь свежие черточки из непосредственного наблюдения. Но это бывает не часто.
>
> Таким *перенесением на сцену знакомых мотивов представляется нам драматическое творчество* г. Чирикова. Он опытный литератор, и это хорошо отразилось на его произведениях. Он умело овладел драматической формой, и его пьесы со сцены могут произвести впечатление. Но когда вчитаешься в них, то белые нитки, не видные при свете рампы, выступают с достаточной очевидностью: это драма, пригодная и для чтения, и для исполнения, но в основных своих чертах она из вторых рук. <…>
>
> Между тем психологический анализ никогда не был сильной стороной дарования г. Чирикова: он хороший, хотя подчас тенденциозный наблюдатель бытовых черта, но области драматической характеристики ему лучше не касаться[12].

И те же самые недостатки отмечают в новых произведениях Чирикова другие критики «Русского богатства». А.М. Редько

П.Ф. Якубовича, В.А. Мякотина, П.В. Мокиевского, Ф.А. Щербины, Вл.А. Розенберга, Ф.Д. Батюшкова, Е.Н. Чирикова, М.В. Ватсон, Н. Гарина, В.Я. Богучарского, В.К. Агафонова, О.Н. Ольнем, Н.И. Коробки, А.И. Иванчин-Писарева, С.Н. Прокоповича, В. Смирнова, А.Б. Петрищева, К.С. Баранцевича, А.Г. Горнфельда, М.Н. Слепцовой, И.П. Белоконского, С.Ф. Русовой, Е.В. Святловского, П.И. Бларамберга. 4-е изд., без перемен. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1906; без указания издателя. 255 с. Предыдущие 1–3-е изд.: СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905; без указания издателя.

[12] *Б. п.* <*Горнфельд А.Г.*> Евгений Чириков. Пьесы. Изд. товарищества «Знание». СПб., 1904 // РБ. 1904. № 6. Отд. 2. С. 110–111.

и Е.И. Редько, которые писали под общей подписью А.Е. Редько, в рецензии на издания товарищества «Знание» указывают, что «теоретичность» (= тенденциозность) Чирикова вступает в противоречие с «оригинальностью» произведения:

> Недостатки «Ивана Мироныча» те же, что и всегда у г. Чирикова — наклонность к преувеличению и шаржу и в комических персонажах и положениях, и в драматических (вдовец-учитель в «Иване Мироныче»). Автор «Ивана Мироныча», если воспользоваться термином актеров, — слишком часто «переигрывает», не умея заставить себя остановиться вовремя при разработке деталей. Это, конечно, и портит впечатление, и мешает, если так можно выразиться, серьезному отношению к произведению со стороны читателя-зрителя[13].
>
> Рассказ <«В тюрьме»> в обычной манере г. Чирикова, который, не бичуя, вышучивает. Перед читателем скорее не рассказ, а юмористический фельетон о пяти свободах, приучивших смеяться над тюрьмой, и, если смотреть с этой точки зрения, рассказ г. Чирикова испорчен некоторыми шаржированными подробностями и, конечно, трагическим концом[14].

«Наклонность к преувеличению и шаржу», которая «портит впечатление, и мешает… серьезному отношению к произведению» и «юмористический фельетон о пяти свободах, приучивших смеяться над тюрьмой», — всё это отголоски той критики Короленко, которую он высказал в письме к Чирикову в письме от 6 мая 1889 г. И те же самые претензии в рецензии на документальную прозу Чирикова:

> Пытается ли автор осветить сущность процесса, именуемого войной, он и тут не идет дальше общих и избитых фраз вроде: «одни изобретают всё новые совершеннейшие орудия взаимного истребления, другие — средства противодействовать этим изобретениям, третьи, при помощи той же науки, стараются бороться с результатами усовершенствованных в области взаимоистребления машин — исправляют калеченных людей и стараются вернуть им готовую улететь жизнь» — и т. д.; а чтобы у читателя не оставалось

[13] *Редько А.Е.* Литературные наблюдения: Сборник «Знания», книги 4–6; гг. Куприн, Гусев-Оренбургский, Найденов и Чириков — о «стране отцов» и г. Андреев — о «воре» // РБ. 1905. № 10. Отд. 2. С. 68.

[14] *Редько А.Е.* Литературные наброски. «Савва» и «К звездам» — Л. Андреева. «В Америке» — М. Горького. «В городе» — С. Юшкевича. «В тюрьме» — Е. Чирикова. «Огарки» — Скитальца. «Генрик Ибсен» — Г. Плеханова // РБ. 1906. № 11 (ноябрь). Отд. 2. С. 137.

ни малейшего сомнения в шаблонности рисунка, автор приклеивает к нему ярлык: «рисуется сцена театра, Шаляпин в Мефистофеле из «Фауста» и дьявольская песенка:

В угожденье Богу злата
Край на край встает войной,
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.

Ни одной черты, ни одного слова, которых не знали бы все без исключения![15]

Как это ни удивительно, но все критики «Русского богатства» повторяют, развивают и углубляют те же самые замечания, которые Короленко высказал Чирикову в 1889 г. Как будто Короленко прочитал открытую лекцию в журнале, и все критики «Русского богатства» отчитывались об усвоенных знаниях. Для нас в данном случае не столь важно, в какой мере журнал был справедлив по отношению к Чирикову. Для нас важно, что все эти высказывания существенно корректируют то описание отношений «Русского богатства» и Чирикова, которое мы находим у современных исследователей:

…в повести «Инвалиды» Чириков, в конце 1890-х годов еще колебавшийся в том, к какому стану примкнуть — к народникам или марксистам, в уста марксиста Игнатовича вложил резкую, но справедливую критику народничества. За это писатель был «изгнан» из народнического журнала «Русское богатство» и обвинен в лакействе перед «новыми господами», к которым он поступил на службу (имелось в виду, что Чириков начал печататься в журнале марксистов «Новое слово»). Однако в написанной спустя два года повести «Чужестранцы» он скорректировал свою позицию, показав, как уже марксисты терпят поражение, пытаясь приспособить западную теорию к «местным условиям». <…>

Исходя из этого, можно сделать вывод, что, видя непрактичность, идеализм, порой даже некоторую зашоренность народников, их отказ признать неотвратимо наступающие изменения, Чириков уже тогда сумел выявить ряд отталкивающих черт у представителей марксистской идеологии. Он нарисовал их как самоуверенных, надменных, а порой и просто агрессивно настроенных по отношению

[15] *Б. п.* <*Дерман А.Б.*> Евгений Чириков. Поездка на Балканы: Заметки военного корреспондента. Московское кн-во, 1913 // РБ. 1913. № 9. С. 362–365.

к инакомыслящим людей. В этом произведении <«Чужестранцы»> уже нельзя было обнаружить ни «нарочитого осмеяния народничества», ни «прославления марксизма» [8, с. 22–23].

Мы видим, что авторы «Русского богатства» вовсе не обвиняли Чирикова «в лакействе перед “новыми господами”», из «Русского богатства» никто Чирикова не изгонял, а «критику народничества» в «Инвалидах» едва ли можно признать «справедливой». Более того, А.И. Богданович, на суждения которого опираются в своих оценках авторы, говорил в унисон с критиками «Русского богатства», разве только более мягко, признавая и достоинства Чирикова как писателя:

> Именно теперь, когда уже прошло время острых недоразумений, можно, как нам кажется, видеть в герое рассказа Крюкове скорее не вполне художественное создание. Автор — прекрасный наблюдатель, жизнь провинции он знает отлично, он сжился с нею, прекрасно изучил ее отрицательные стороны. Но у него есть один существенный недостаток. Он склонен к излишним обобщениям и скорым выводам. На основании одной-двух верных черт характера он готов построить целое здание выводов, запечатлев их в соответственные образы. Отсюда недоделанность, грубоватость образов, отсутствие тех тонких штрихов и оттенков, которые бы придали им жизненность и цельность истинного художественного произведения. Спешность и торопливость чувствуется в этом схватывании на лету, фигуры выходят типичны по верно схваченным чертам, но нередко карикатурны по резкости штрихов. <…>
>
> На празднестве и происходит столкновение Крюкова-народника с «марксистами». В этой сцене действительно автор пересолил и этим дал повод к многочисленным нападкам на себя. Чувство художника изменило ему, и вместо художественной сцены получилась публицистическая страничка, написанная под непосредственным влиянием настроения минуты. В небольшой, но умно и тепло написанной статье г. Потапова в «Русском богат.», посвященной г. Чирикову, есть очень верное, хотя и не новое замечание о неудобстве смешения публицистики с беллетристикой[16].

Позднее «Русское богатство» неоднократно откликалось на новые книги Чирикова, обычно повторяя те же претензии, которые выразил еще в 1900 г. А.И. Потапов:

[16] *А.Б. <Богданович А.И.>* Критические заметки // Мир Божий. 1900. № 4. Отд. 2. С. 6–7.

> Г. Чириков — это популяризатор ходячих общественных формул, суждений, настроений в их наиболее шаблонном выражении. В своих произведениях он отражает не самый предмет, не самое явление, а их уже готовое отражение, притом не зарождающееся, не новое, а именно ходячее. <…> Когда потребитель его рассказов или пухлых романов, с их удручающим многословием, не без удовольствия читает эти вещи, то он при этом впадает в психологический самообман: ему кажется, что в «Юности» Чирикова он видит черты собственной юности или юности своих друзей, в изображениях разных неудачников-интеллигентов — узнает знакомых своих неудачников, и т. д., — пред ним как бы воскресает прошлое, и читатель доволен, и у г. Чирикова много читателей... Но читатель узнает на самом деле не себя и не своих знакомых, а те господствующие представления о своей и чужой юности, об интеллигентах, о марксистах и народниках и т. д., которые почти всегда бывают сильнее личных, подлинно лирических воспоминаний и представлений[17].

Возможно, рецензенты «Русского богатства» ошибались, когда исходили из оценки каждого нового произведения Чирикова из раз навсегда устоявшейся презумпции преобладания теоретичности над оригинальностью. Когда это было сказано раз или три — это убеждало, но когда из отзыва в отзыв переходит одна и та же претензия — начинаешь думать о предвзятости рецензентов (Мякотин, Михайловский, Потапов, Горнфельд, Редько, Дерман). Хотя, наверное, известная и существенная доля правды в этих претензиях была, потому что позднее сам Чириков вернется к этой проблеме в предисловии к роману «Зверь из бездны» (мы еще обратимся к этому высказыванию). Так что ситуация была гораздо сложнее, чем она пока предстает перед нами, и требует дополнительных разысканий.

---

[17] *Б. п. <Дерман А.Б.>* Евгений Чириков. Житье-бытье. Московское кн-во. 1913; *<Чириков Е.>* Марька из Ям. Московское кн-во. 1914 // РБ. 1914. № 8. С. 304–306. См. также: *Редько А.Е.* Два сборника. I. Сборник «Земля». М. Арцыбашев. Рассказ об одной пощечине. — В. Винниченко. Заветы отцов. — Евгений Чириков. Гиблое место. — А. Федоров. Араб. Сборник четырнадцатый. Московское кн-во. 1914. — II. Первый драматический альманах. С. Юшкевич. Драма в доме. — Гр. Ал. Н. Толстой. Насильники. — Николай Архипов. Три этажа. — С. Ауслендер. Ставка князя Матвея. — С. Поляков. Лабиринт. — А. Вознесенский. Цветы на обоях. СПб.: Новая жизнь, 1914 // РБ. 1914. № 6. С. 316–321; *Б. п. <Редько А.М.>* Земля. Сборник семнадцатый: М. Арцыбашев. Женщина, стоящая посреди. — Евгений Чириков. Волжские скачки. — Иван Рукавишников. Убийство. Московское кн-во. М., 1915 // Русские записки. 1916. № 4. С. 308–310; *Б. п. <Горнфельд А.Г.>* Евгений Чириков. Общественная драма. 2-е изд. Московское кн-во, 1917 // Русские записки. 1917. № 11–12 [на обложке: РБ. С. 358–359].

2

Итак, Чириков перестал сотрудничать в «Русском богатстве» в 1897 г. Между тем в конторе журнала за ним числился небольшой долг, составившийся из авансов, которые он брал под предполагаемые произведения. И подводя баланс за 1907 г., контора журнала напомнила ему об этом десятилетнем долге, Чириков же 20 января 1908 г. написал письмо под названием «В контору “Русского богатства”», известное нам по копии, которую добросовестно снял Н.Ф. Анненский:

> На письмо Ваше об авансе в 25 р., который числится за мной со времен Царя Гороха, и на вопрос, в какой форме я думаю погасить сей аванс, имею счастие сообщить, что литератор погашает аванс, по обыкновению, своей работой. Едва ли в истории русской литературы бывали случаи, когда авторы погашали авансы деньгами. Бывали случаи, когда они ничем не погашали, но чтобы деньгами… докажите!.. Итак — деньгами погашать предосудительно. Остается погашение трудом, что я и выбираю… На сумму 25 р. я готов написать «Русскому богатству», однако вынужден предупредить, что получаю ныне не 60 р. с листа, как щедро оплачивало мой труд «Русс. богатство», а по 500 с листа, так что на 25 р. могу дать (500/16 (стр.) = 31 р. страница) 25/31 страницы или 0,8 страницы. Прошу уведомить, что Вам написать: повесть или драму в указанных размерах. <…>
>
> P.S. Быть может, журналу удобнее выдать еще 475 р. аванса? Тогда размер произведения достигнет листа[18].

Пересылая 29 января 1908 г. эту копию Короленко, Анненский комментировал:

> Утруждаю Вас чтением Чириковской глупости (прописанной на обороте) вот на какой конец. У нас в редакции наглый тон этой глупости вызвал желание дать сдачи. Хитрый А<ркадий> Г<еоргиевич> предложил напечатать письмо в «Случайных заметках» и затем сообщить Чирикову, что 0,8 его страницы напечатаны и долг покрыт. За это предложение схватились другие товарищи. Я его не разделял и не разделяю. Не говоря уже о том, правильно ли вообще печатать письмо, для печати не предназначенное, — я думаю, что связываться с Чир<иковым> и вступать в неизбежную полемику нам едва ли

[18] РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 55. Л. 6–6 об.

подходит. Говорят, что этот факт характерен для литературных нравов, теперь водворяющихся среди «молодых» писателей. Так это. Но если бы мы не были здесь стороною. А то получается ведь, что мы сильно задеты его глупостью, что демонстрировать едва ли требуется. Мне кажется, что к глупости надо отнестись спокойнее и ответить на оную презрением. Я предлагал поэтому просто сообщить от конторы, что его долг за безнадежностью списан в убыток. А от редакции ни слова.

Как Ваше мнение. Решено его запросить, ибо поднимать, так сказать, литературный скандал в журнале, Вами подписываемом, конечно, дело неподходящее[19].

Короленко отвечал 2 февраля 1908 г.; однако письмо его (как и весь архив Анненского) утрачено. Между тем о мнении Короленко свидетельствует то, что в письме Анненского он подчеркнул слова: «долг за безнадежностью списать в убыток». Предложение А.Г. Горнфельда было очень смешным и ядовитым, и «другие товарищи» по-своему справедливо поддержали его (из членов редакции в непременном порядке это были А.В. Пешехонов и В.А. Мякотин). Раздел «Случайные заметки», заведенный в «Русском богатстве» в 1904 г., включал в себя небольшие острые фельетоны скорее газетного, а не журнального типа. И помещение тут письма Чирикова было бы весьма уместным, но Короленко и Анненский всячески стремились держаться нравов старого доброго времени и избегать скандалов, которые становились в то время нормой литературной жизни. Поэтому «Русское богатство» списало долг Чирикова в убыток и продолжало писать о Чирикове так, как будто этого инцидента не было вовсе.

Со стороны же Чирикова торг из-за 25 рублей выглядел не самым привлекательным образом. Но объяснить такое поведение Чирикова можно достаточно просто: он в это время чувствовал себя на самом гребне новой волны, был упоен успехом и меры не ощущал. Еще в 1903 г. в журнале «Огонек» была помещена фотография под названием «Молодые литературные и художественные силы», на которой были запечатлены стоящими Скиталец (С.Г. Петров), М. Горький и сидящими Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов, Чириков[20] (Илл. 2). Эта фотография была сделана в один и тот же сеанс (в том же интерьере, в тех же одеждах), что и более извест-

[19] Там же. Л. 5–5 об.

[20] Огонек: Иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств: Приложение к «Биржевым ведомостям». 1903. № 13, 12 апреля. С. 104.

ная фотография той же группы под названием «Группа участников “Сред” Телешова» с датой 1902 г. [12, вклейка между с. 96 и 97, XVI] (Илл. 3). Сам Телешов вспоминал о ней:

> В конце 1902 года была сфотографирована Фишером группа из семи человек: Горький, Скиталец, Бунин, Андреев, Телешов, Чириков и Шаляпин. Эти снимки разошлись по всему миру. Не было, кажется, такого журнала, где бы не появились эти репродукции за всевозможными подписями. В одних заграничных изданиях называли группу «писателями», в иных изданиях — «русскими революционерами» и т. д. Русские иллюстрированные журналы буквально все, кроме ярко черносотенных, помещали у себя эту группу: это было как бы представление читателям авторского коллектива зарождавшегося тогда издательства «Знание» и сборников «Знание», имевших такое значительное отношение к 1905 году. Эти сборники были организованы Горьким у нас же, на одной из «Сред», когда Алексей Максимович, приехав на день в Москву, отбирал у нас рукописи для первого выпуска. В память этого начинания сборников Горький и предложил нам сняться товарищеской группой. Первый сборник был составлен исключительно из произведений членов «Среды»[21].

Между тем сам Телешов опубликовал третью фотографию, на которой та же группа была запечатлена в тех же интерьерах и в тех же одеждах [12, вклейка после оглавления] (Илл. 4). И комментарий Телешова, и само число сохранившихся одновременно сделанных фотографий указывает на рекламный характер этой акции: «представление читателям авторского коллектива». И реклама эта у участников содружества вызывала понятную в целом эйфорию, а

Илл. 2

[21] *Телешов Н.Д.* Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. С. 53.

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

у сторонних наблюдателей — вполне естественную пародию. Так появилась карикатура «Горький в неразлучной компании»[22] (Илл. 5).

Для нашего сюжета оставшийся втайне от всех финансовый инцидент Чирикова с «Русским богатством» имеет очень большое значение, потому что позволяет понять и вновь прокомментировать ставший всем хорошо известным громкий «чириковский инцидент» по еврейскому вопросу[23], хотя этот последний, в свою очередь, помогает понять финансовый русскобогатенский инцидент.

Как известно, в 1903 г. Чириков написал пьесу «Евреи», о которой М. Горький писал К.П. Пятницкому 20 августа 1903 г.:

[22] *Штейн Карл*. Пасхальные подарки // Петербургская газета. 1903. № 93, 5 апреля. С. 3.

[23] См. об этом: [6; 13].

> Рад я за русскую литературу, которая давно должна была дать что-нибудь крупное в этом направлении, и за Евгения — которого успех должен поднять на дыбы [3, т. 3, с. 190].

Для нас в этом высказывании важна не оценка пьесы, а попутное замечание, что «успех должен поднять на дыбы» Чирикова. Горький оказался прав: в феврале 1909 г. Чириков встал на дыбы. Вот как об этом рассказывает сам Чириков:

> В гостях у артиста Ходотова читалась пьеса г-на Шолома Аша «Белая кость». Пьеса, как правильно отмечено «Русским словом», вызвала среди русских писателей и журналистов некоторое недоумение тенденцией автора — идеализировать одно из главных действующих лиц, Розу, на наш взгляд, самую заядлую мещанку из мелкобуржуазного еврейского мирка, способную вызвать одну лишь антипатию.
>
> Начались споры. Недоумение русских писателей еще более усилилось, когда автор пьесы сказал искреннюю, горячую речь, смысл которой сводился к тому, что мы, русские, не можем понять этой бытовой пьесы, и, чтобы Роза предстала перед нами в надлежащем ореоле героини фанатического склада, спасающей еврейскую аристократическую кровь, — необходимо быть евреем или прожить с ними 5000 лет. Никто из присутствующих евреев писателей и журналистов на это Ш. Ашу не возразил. Когда очередь говорить о пьесе дошла до меня, я, отдав должное достоинствам пьесы и указав на ее недостатки, перешел к затронутой автором теме. Я сказал, что если мы, русские, оказываемся неспособными понять еврейскую бытовую пьесу, то отсюда следует, что и вы, еврейские писатели и журналисты, не можете вполне понять и почувствовать наш русский быт. <…> Далее я говорил о том, что такое отношение к быту несовместимо с идеей национальности, что национальность и быт неразрывно связаны друг с другом, что я сожалею только о том, что среди части еврейской интеллигенции за последнее время идея национальности начинает превалировать над другими идеями; говорил, что началось это с отделения от с.-д. партии; что на меня, русского интеллигента, воспитанного на бесплотных идеалах братства и равенства, это произвело когда-то весьма грустное впечатление; что если мне, русскому интеллигенту, торопятся прежде всего и громче всего сказать, что «мы — евреи», то мне позволительно вспомнить, что я — русский...
>
> В этом месте со стороны слушателей-евреев послышался неодобряющий шорох и шепот, который, задев мое национальное самолюбие, заставил меня сказать:

> — Да, русский, не «истинно русский», а просто русский... Впрочем, мне всё равно, как вам будет угодно это признать... И если вы заявляете, что мы, русские, неспособны понимать ваших бытовых пьес, то мне остается пожалеть, что меня критикуют не русские, так как большинство критиков петербургской прессы — евреи...[24]

Обратим внимание в этом высказывании не на его конкретное содержание, а на его мотивировку, в которой Чириков честно сознается: «задев мое национальное самолюбие». Хорошо или плохо то, что это самолюбие «национальное», — тоже можно пока оставить за скобками. Дело в том, что современник этого инцидента Д.А. Левин писал о нем, также указывая на «раздраженное авторское самолюбие»:

> Г. Шолом Аш написал пьесу, которая не понравилась г. Чирикову; г. Чириков написал пьесу, которая не удовлетворила вкусу театральных рецензентов. Г. Шолом Аш, услышав нелестный суд г. Чирикова, в горячности заявил или предъявил отвод: пьеса его еврейская, а г. Чириков русский, и поэтому он не может правильно оценить достоинства пьесы. Эта теория национальной критической подсудности была немедленно усвоена г. Чириковым, который и применил ее к оценке своей «Белой вороны». «Белая ворона» русская пьеса, а некоторые из театральных рецензентов, отозвавшиеся о ней неодобрительно, евреи; следовательно, их отзыв уважения не заслуживает. Может быть — да, а может быть — нет; ведь и неправильная общая теория может случайно оправдаться на одном конкретном факте. Возможно, что пьеса г. Чирикова талантливая, а критики его слепые кроты, возможно это и относительно пьесы г. Шолома Аша и критического отзыва о ней г. Чирикова. Но где ручательство за то, что пьесы этих авторов должны быть непременно перлами создания? А если такого ручательства нет, то ведь возможно, что правда была на стороне критиков, а не авторских самолюбий. Но, наряду с этим, вполне понятно, откуда появился отвод о критической неподсудности. Г. Шолому Ашу гораздо легче доказать, что г. Чириков русский, чем доказать наличность драматического дарования в своей пьесе; г. Чирикову гораздо легче доказать, что некоторые из рецензентов «Белой вороны» евреи, чем то, что их отзывы о «Белой вороне» были

[24] *Чириков Е.* Благодарю, не ожидал!.. // По вехам...: сборник статей об интеллигенции и «национальном лице»: П. Боборыкина, А. Васильева, М. Винавера, В. Голубева, Владимира Ж., И. Жилкина, Е.К., Д. Левина, А. Максимова, П. Милюкова, Н. Минского, М. Могилянского, Ф. Мускатблита, проф. А. Погодина, Алексея Порошина, В. Поссе, Рославлева, М. Славинского, П. Струве и В. Хижнянова / с предисл. Ф. Мускатблита. М.: Заря, 1909. С. 159–161. С. 160–161. Предварительно: Русское слово. 1909. № 50.

несправедливы. Раздраженное авторское самолюбие стремится оттолкнуть от себя то, что раздражает, и, разумеется, самый легкий и общедоступный способ для достижения цели состоит в том, чтобы раздражающий объект или субъект был подвергнут действию тех национальных «отталкиваний и притяжений», о которых заговорил Петр Струве в «Слове», «которые живут и трепещут в душе» (слова Струве), да и сами составляют душу — душу национальности[25].

Авторы «Русского богатства» в «чириковском инциденте» не участвовали, судя по всему, из двух принципиальных соображений. Будучи абсолютно лишены всякого антисемитизма[26], они тем не менее считали самым верным путем дальнейшего развития еврейства путь ассимиляции. Но, помимо этого, они вообще старались избегать всяческих литературных скандалов и выяснения отношений, в которых они справедливо видели признаки массовой культуры, «улицы». Между тем в ежемесячном обзоре общественно-литературной жизни А.В. Пешехонов писал:

Я упомянул о национальной проблеме. Происхождение ее у всех еще на памяти. Дело началось за чаем у артиста г. Ходотова. Сошлись еврейские и русские писатели о пьесах побеседовать.

Сошлися и заспорили,
Заспоривши — повздорили...

А повздоривши, перебранку, начатую в частной квартире, перенесли на страницы газет... За «Чириковский инцидент» ухватились сионисты, — вода ведь была на их мельницу. В самом деле: если уж г. Чириков, прогрессивный писатель, антисемитом себя объявил, то ничего иного евреям не остается, как свое национальное государство устроить. С другой стороны, и «Новое время» обрадовалось: «Прорвалось!» — говорит. Напрасно г. Чириков доказывал, что антисемитом он себя не объявлял, свидетелей приводил, на свои сочинения ссылался. Не слушают, да и всё тут... Но большой шум устроить всё-таки было трудно, — дело ведь шло о факте. «Инцидент» совсем было признан был «исчерпанным», как вдруг г. Струве «национальное лицо» показал, — и это опять-таки внезапно произошло. И «лицо»-то показалось многим совершенно неожиданным[27].

[25] *Левин Д.* Наброски // Речь. 1909. № 69, 25 марта. С. 2.

[26] См., в частности: [2].

[27] *Пешехонов А.* На очередные темы. Времяпровожденье. I. «Образцовая во всех

Как видим, Пешехонов полностью доверяет словам Чирикова; главный противник его в этой статье П.Б. Струве (мы не будем касаться этого вопроса). И в данном случае Чириков как страдательное лицо «уличной» шумихи вызывает у Пешехонова даже сочувствие.

А когда появился сборник «По вехам», в который были включены газетные статьи 1909 г. по национальному вопросу, «Русское богатство» отозвалось о нем так:

> Названная книжка представляете собою не что иное, как перепечатку ряда статей, посвященных петербургскими и московскими газетами спору о «национальном лице», поднятому гг. Струве, В. Голубевым и Владимиром Ж. после разыгравшегося минувшей зимой пресловутого чириковского инцидента. Г. Мускатблит включил в свою книжку статьи только что перечисленных писателей, присоединил сюда же без особого порядка и последовательности ряд статей их газетных оппонентов и таким образом получился «сборник статей об интеллигенции и национальном лице». Некоторые из этих статей и в момент первоначального своего появления в печати не представляли особого интереса, другие, наоборот, в то время имели известный интерес, благодаря ли правильности указанной авторами их общей точки зрения или благодаря остроумию и меткости содержавшихся в них отдельных замечаний, но все они без изъятия являлись во всяком случае лишь спешными газетными откликами на злобу дня. Собранные вместе, эти отклики представляют большое разнообразие мнений, переходящее даже, пожалуй, в крикливую пестроту, но из этих разнообразных мнений ни одно не изложено с надлежащей полнотой, ни одно не развито с достаточной последовательностью и яркостью. Конечно, от беглых и отрывочных газетных статей, предназначенных служить лишь потребности текущего дня, нельзя было бы и требовать чересчур многого в этом смысле, но именно поэтому мысль г. Мускатблита дать читателю сборник таких статей нельзя признать особенно удачной, если только иметь в виду интересы читателя, а не шансы успеха издательской спекуляции[28].

И финансовый инцидент с «Русским богатством», и «чириковский инцидент» по еврейскому вопросу — оба они замешаны на поднятом на дыбы самолюбии Чирикова: игра самолюбия мешала ему занять

отношениях опера». — II. Кое-что о режиссерской части. — III. Когда же кончится представление? // РБ. 1909. № 5. Отд. 2. С. 123.

[28] *Б. п. <Мякотин В.А.>* По вехам: Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». С предисловием Ф. Мускатблита. М., 1909 // РБ. 1909. № 7. Отд. 2. С. 125–126.

уравновешенную позицию. Чириков напрасно поднял брошенную ему Ашем перчатку и стал полемизировать, исходя из «теории национальной критической подсудности», по принципу «сам съешь». Но поскольку Чириков был «самолюбив», это предопределяло всё его поведение. Если в конце 1880-х гг. он с благодарностью воспринимал критические замечания Короленко, то позднее критику в свой адрес он просто не мог переносить. Видимо, это и стало причиной его дальнейшей эволюции:

> Еще одним негативным результатом полемики стало то, что не просто одним русским писателем, обращавшимся к еврейской теме, стало меньше, но именно с этого времени этот писатель полностью сосредоточился на характеристике специфики русского национального самосознания, стал активным защитником русской самобытности, иногда даже не терпящим критики в адрес русских, следствием чего явилась жесткая полемика Чирикова с М. Горьким, вылившаяся в брошюры «Русский народ под судом Максима Горького» (1917) и «Смердяков русской революции» (1921) [6, с. 111].

Можно понять, сколь неприятны были Чирикову обвинения в антисемитизме. Но нельзя не заметить, что эти обвинения тонули среди выступлений в защиту и поддержку Чирикова. Однако из самолюбия Чириков перестал продолжать эту тему и демонстративно ушел в сторону. Едва ли такую позицию для писателя можно признать правильной.

В традиционных политизированных терминах следовало бы говорить о поправении Чирикова. И, наверное, это по-своему справедливо: участие в сборнике «По вехам...» свидетельствовало именно о такой эволюции. Но это поправение сводилось к отказу от узко-радикальной и четко очерченной платформы, от «теоретичности» в пользу пускай и размытой, но «оригинальной» позиции. И тут соотношение с «Русским богатством» становится совершенно иным.

В 1911 г. Чириков принял активное участие в изданиях и акциях массовой культуры, и Пешехонов резко саркастически задел его в статье, посвященной газетной шумихе в связи с юбилеем по поводу отмены крепостного права. Издатель «Синего журнала» М.Г. Корнфельд обратился в ряду общественных, политических деятелей и писателей прислать краткие суждения о крестьянской реформе 1861 г. И вряд ли Корнфельд рассчитывал на воспевание крестьянской реформы. Ф.Д. Батюшков прислал, в частности, небольшую заметку с предложением «составить особый синодик всем нашим

писателям, изобличавшим крепостное право». И в параллель к Батюшкову редакция «Синего журнала» поместила цитату из «Истории моего современника» В.Г. Короленко, о чем Пешехонов писал так:

> А Короленко дал... Впрочем, Короленко ничего не давал, но редакция «Синего журнала» не постеснилась сама взять отрывок из «Воспоминаний современника» (?) и сама же поставить под ним подпись В.Г. Короленко. Как известно, последний никакого восторга по случаю манифеста не помнит, помнит лишь, что было замешательство...

Некоторые из приглашенных всё же откликнулись[29], и Пешехонов писал об этих приглашениях:

> Мне нечего, конечно, говорить, с каким чувством я встретил предложение «Синего журнала» дать для него «легкий очерк» о мужике в виде одной фразы. Можно думать, что то же чувство сказалось и в других писателях, к которым обращалась редакция. Во всяком случае автографов она собрала немного, но кое от кого она их всё-таки получила. В числе давших мы находим таких знаменитых современников, как известный мастер финляндских дел Дейтрих, бывший министр Тимирязев, лидер националистов Балашов, член Думы Гулькин... И тут же рядом помещены автографы писателей: Вас. Немирович-Данченко, Евгения Чирикова, Тэффи, Аркадия Аверченко, Ивана Рукавишникова, И. Ясинского, А. Измайлова...
>
> Конечно, каждый свое написал... По мнению г. Дейтриха, 18 февраля 1762 г., когда была издана грамота о вольности дворян, и 19 февраля 1861 г., когда был подписан манифест об освобождении крестьян, «одинаково памятны русскому народу»: «обоими этими великими актами русские самодержцы даровали своему народу свободу». Г. Балашов находит, однако, что 19 февраля 1861 г. крестьянство было освобождено лишь на половину: «дай Бог, — пишет он, — чтобы указ 9 ноября 1906 г. в скором времени дополнил недостающую часть». А г. Ясинский сомневается, расцветет ли свобода даже после того, как пройдет еще пятьдесят лет... Впрочем, г. Измайлов утверждает, что тогда она расцветет непременно.
>
> Г. Чириков убежден, что от крепостного права ничего не осталось: «было и быльем поросло»... А член Думы г. Дмитриев полагает,

[29] Девятнадцатое февраля. Из альбома автографов «Синего журнала» // Синий журнал. 1911. № 9, 19 февраля. С. 4–5.

что «зло, посеянное им в социальной и экономической жизни нашей родины, приносит свои плоды и по сей день»[30].

Намеренно или непроизвольно, но Пешехонов сократил высказывание Чирикова так, что это сокращение принципиально изменило высказывание. (Впрочем, Пешехонов был хорошим писателем и обычно непроизвольных ошибок не допускал, так что это сокращение было сделано, скорее всего намеренно.) Чириков написал:

> Было и быльем поросло. Будем думать о новом рабстве, в котором мы пребываем, без различия сословия, пола и возраста!..[31]

Если прочитать то, что процитировал Пешехонов, получается, что для Чирикова все социальные недостатки ушли в прошлое, а сейчас всё благополучно. Между тем Чириков призывает говорить не о прошлом пятидесятилетней давности, а о современных проблемах. И в таком случае его выступление, пускай и в «Синем журнале», приобретает совершенно иной смысл.

В той же статье Пешехонов иронически упомянул и речь Чирикова на банкете 19 февраля 1911 г. в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости:

> Были и писатели, из числа тех, конечно, которые имеют пристрастие к улице: Ясинский, например, Куприн, Градовский, Проппер... Г. Чириков даже речь на банкете сказал, но ведь он и для «Синего журнала» автограф дал...[32]

Мы не знаем этой речи Чирикова на банкете, но если учитывать то, что он одновременно опубликовал в «Синем журнале», то вправе рассматривать эту заметку как конспект речи на банкете, и тогда она также приобретает иной смысл.

Если верить письму Чирикова к В.В. Муйжелю от 2 мая 1911 г., то он статью Пешехонова (во всяком случае к этому времени) не читал, однако о выпаде против себя знает. Вместе с тем энергия его выражений свидетельствует скорее всего о том, что и статью эту он прочитал, и затронула она его в немалой степени, но сознаваться в этом он не только близкому другу Муйжелю, но и самому себе не хотел:

---

[30] *Пешехонов А.* На очередные темы. Волна пошлости // РБ. 1911. № 3. Отд. 2. С. 87.

[31] Девятнадцатое февраля. Из альбома автографов «Синего журнала». С. 5.

[32] *Пешехонов А.* На очередные темы. Волна пошлости. С. 87.

> Статьи Пешехонова в «Рус<ском> бог<атстве>» так и не прочитал еще: до того она меня мало затрагивает. Сидят две престарелых девы — Мякотин и Пешехонов — и, скрестив на животике руки, говорят:
>
> — А мы… невинны!.. Целомудренны!..
>
> И во имя своего целомудрия не брезгают поведение других заподозревать. Вопрос об участии в банкете печати я считаю чисто *тактическим* и поэтому открыто заявил о том девственницам в Юрид<ическом> об<щест>ве. На основании тактич<еских> разногласий нечестно бросать грязью. Важно, что человек *сказал на банкете*, а не то, что он участвовал и не участвовал. В уличной демонстрации не все целомудренные слушают речи, читают плакаты и т. д.… Ну, да это плевое дело[33].

Раньше Чириков бросился бы писать опровержения и оправдания. Теперь эти несправедливые обвинения он называет «плевым делом» и отмалчивается. Раньше он сам исходил из теоретичности в ущерб оригинальности. Теперь ситуация вывернулась наизнанку. Теперь Пешехонов исходит из справедливой теоретической посылки о недопустимости сотрудничества в «желтой» прессе, куда он относил и «Синий журнал»:

> «Синий журнал» я взял для примера. Подобных изданий — вообще-то их принято называть «желтыми» — имеется теперь много. В этой части литература представляет совершенно открытый базар, где торгуют всяким товаром, на какой только есть спрос. И не родился еще пророк, который, взяв бич, разогнал бы этих торговцев, делающихся всё более и более назойливыми. В последние же годы от них прямо нет прохода[34].

Но за этой общесправедливой теоретичностью не стояло оригинальности, того индивидуализирующего взгляда, о котором Чирикову в самом начале его творческого пути писал Короленко. И Чириков теперь понимает это: «Важно, что человек *сказал на банкете*, а не то, что он участвовал и не участвовал. В уличной демонстрации не все целомудренные слушают речи, читают плакаты и т. д.» И в таком случае позиция Чирикова выглядит более взвешенной и адекватной, чем позиция Пешехонова. Несомненно, сам факт участия в банкете тоже важен, но о позиции участника следует судить всё же по тому,

[33] РНБ. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 7.

[34] *Пешехонов А.* На очередные темы. Волна пошлости. С. 88.

что он сказал на банкете. Участвуя в общественно-политических акциях 1911 г., Чириков проявил скорее «оригинальность», в то время как оценка этого участия авторами «Русского богатства» страдала «теоретичностью», которую Чириков очень остро критиковал в своих частных письмах. Так что «теоретичность» и «оригинальность» — это не заданные, а переменные свойства литератора.

И Чириков, видимо, напряженно думал об этом. Во всяком случае через много лет в предисловии к роману «Зверь из бездны» он писал:

> Занося в свою художественную летопись правдивую историю о том, как люди жили, ненавидели и любили в наши страшные годы, я не выхожу из рамок свидетеля о настоящем. Всё, что здесь описано, я либо видел, либо сам пережил. Роман мой — сама жизнь. В нем мало выдумки и сочинительства. Жизнь превзошла искусство и оставила далеко позади нашу авторскую изобретательность. Ни придумывать, ни сочинять нам, современным авторам, уже нечего: жизнь сама стала величайшим автором, преступившим все установленные нами законы и формы литературного творчества. Естественно поэтому, что и роман мой носит отпечаток того хаоса обломков, вещественных и невещественных, среди которого мы живем и действуем… [1, с. 8–9]

Отношения Чирикова с «Русским богатством» — важный материал для понимания характера границы между «классическим» искусством и массовой культурой. То, что двадцать-тридцать лет назад казалось категорически недопустимым в искусстве и подлежащим искоренению, оказывается по истечении времени нормальным, нейтральным и «никаким». Тот, кто стремится стать на пути этого процесса, законсервировать прошлое, делает ошибку в большой исторической перспективе. Но тот, кто идет в ногу со временем и не боится новаций, может совершить и (вследствие неизведанности пути) неизбежно совершает массу ошибок, которые сказываются на его репутации среди современников.

Авторы искренне благодарят М.В. Михайлову за консультации по этой теме.

Литература

1. *Бушканец Еф.* В.Г. Короленко в борьбе с реакцией 80-х годов (Из истории сотрудничества Короленко в «Волжском вестнике») // Литературный Татарстан: Альманах Союза советских писателей ТАССР. Казань: Татгосиздат, 1953. Кн. VI. С. 210–237.

2. *Геворкян А.В.*, *Строганов М.В.* Неизвестные тексты В.Г. Короленко 1904 г. о патриотизме и национализме // Шаги / Steps. 2023. № 9 (3). С. 288–308. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-288-308

3. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. 499 с.

4. *Короленко В.Г.* Избранные письма: в 3 т. / под ред. и с примеч. Н.В. Короленко и А.Л. Кривинской. М.: Мир; Гослитиздат, 1936. Т. 3. 423 с.

5. Литературный сборник «Волжского вестника». Казань: [Изд. редакции «Волжского вестника»], 1885. Т. 1, вып. 2: 1884–1885. 256 с.

6. *Михайлова М.В.* Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «Чириковский инцидент» // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 85–119.

7. *Михайлова М.В., Назарова А.В.* От авторов // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 4.

8. *Михайлова М.В., Назарова А.В.* Россия как отчий дом // Михайлова М.В., Назарова А.В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. С. 5–34.

9. Описание писем В.Г. Короленко / сост. В.М. Федорова. М.: ГБЛ, 1961. 659 с.

10. Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: XXI век — Согласие, 2000. Кн. 1. С. 440–448.

11. *Телешов Н.Д.* Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М.: Московский рабочий, 1958. 403 с.

12. Федор Иванович Шаляпин: сборник: в 2 т. Литературное наследство: Страницы из моей жизни; Маска и душа; Статьи / ред.-сост. и автор комм. Е.А. Грошева. М.: Искусство, 1960. Т. 1. 767 с.

13. *Чириков Е.Н.* На путях жизни и творчества. Отрывки из воспоминаний / вступ. ст., публ. и примеч. А.В. Бобыря // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1993. С. 281–416.

14. *Чириков Е.* Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага: Пламя, 1926. Ч. 1. 212 с.

Research Article

On “Theoreticality” and “Originality.” Evgeny Chirikov and the Journal *Russian Wealth*

© 2025. Armen V. Gevorkyan, Mikhail V. Stroganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Literary facts include not only the literary texts of the writer but also his everyday behavior. The relationship between E.N. Chirikov and the journal

Russian Wealth (*Russkoe Bogatstvo*), in which he began his literary career, clearly demonstrates it. During his writing apprenticeship, Chirikov respectfully asked V.G. Korolenko to share his ideas about the relationship between "theoreticality" and "originality" in literary work, and in 1894–1896 he became a regular contributor to the journal. After Chirikov switched to "Marxist" publications, critics of *Russian Wealth* (A.I. Potapov, N.K. Mikhailovsky, A.G. Gornfeld, A.M. Redko, and others) constantly emphasized the "theoretical nature" of his works to the detriment of their "originality." Chirikov's social and everyday behavior was based on vanity, which manifested itself in a conflict with *Russian Wealth* over his debt to the journal and in the "notorious Chirikov incident" regarding the Jewish question: the play of vanity prevented him from taking a balanced position. The desire for self-promotion was characteristic of M. Gorky's entire circle in 1903–1909: the publication of group photographs of the members of the "Sreda" circle and caricatures of them demonstrates it. However, by participating in the socio-political actions of 1911 in connection with the 50th anniversary of the abolition of serfdom (response to the questionnaire in the Blue Journal, no. 9; speech at the banquet on February 19, 1911), Chirikov showed rather "originality," while the assessment of this participation by the authors of *Russian Wealth* (V.A. Myakotin, A.V. Peshekhonov) suffered from "theoreticality," which Chirikov very sharply criticized in his private letters. Thus, "theoreticality" and "originality" are not given, but variable qualities of a writer.

Keywords: E.N. Chirikov, *Russian Wealth*, nationalism, Jewish question.

Information about the authors: Armen V. Gevorkyan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2658-4580

E-mail: armenvar@mail.ru

Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7618-7436

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Gevorkyan, A.V., Stroganov, M.V. "On 'Theoreticality' and 'Originality.' Evgeny Chirikov and the Journal *Russian Wealth*." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 326–357. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357

References

1. Bushkanets, Ef. "V.G. Korolenko v bor'be s reaktsiei 80-kh godov (Iz istorii sotrudnichestva Korolenko v 'Volzhskom vestnike')" ["Korolenko in the Fight Against the Reaction of the 1980s (From the History of Korolenko's Collaboration in the 'Volzhsky Vestnik')"]. *Literaturnyi Tatarstan: Al'manakh Soiuza sovetskikh pisatelei TASSR* [*Literary Tatarstan: Almanac of the Soviet Writers' Union of the TASSR*], vol. 6. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1953, pp. 210–237. (In Russ.)

2. Gevorkian, A.V., and M.V. Stroganov. "Neizvestnye teksty V.G. Korolenko 1904 g. o patriotizme i natsionalizme" ["Unknown Texts by V.G. Korolenko (1904) About Patriotism and Nationalism"]. *Shagi / Steps*, no. 9 (3), 2023, pp. 288–308. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-288-308 (In Russ.)

3. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [*Complete Works. Letters: in 24 vols.*], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1997. 499 p. (In Russ.)

4. Korolenko, V.G. *Izbrannye pis'ma: v 3 t.* [*Selected Letters: in 3 vols.*], vol. 3, ed. and notes by N.V. Korolenko and A.L. Krivinskaia. Moscow, Mir Publ., Goslitizdat Publ., 1936. 423 p. (In Russ.)

5. *Literaturnyi sbornik "Volzhskogo vestnika"* [*Literary Collection of the "Volzhsky Vestnik"*], vol. 1, issue 2: 1884–1885 [1884–1885]. Kazan, [Izdanie redaktsii "Volzhskogo vestnika" Publ.], 1885. 256 p. (In Russ.)

6. Mikhailova, M.V. "Evreiskaia tema v tvorchestve E.N. Chirikova i 'Chirikovskii intsident'." ["The Jewish Theme in E.N. Chirikov's Works and the 'Chirikov Incident'."] Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [*Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov*]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, pp. 85–119. (In Russ.)

7. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. "Ot avtorov" ["From the Authors"]. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [*Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov*]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, p. 4. (In Russ.)

8. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. "Rossiia kak otchii dom" ["Russia as a Father's Home"]. Mikhailova, M.V., and A.V. Nazarova. *Zapechatlennaia Rossiia. Stat'i o tvorchestve Evgeniia Nikolaevicha Chirikova* [*Russia Imprinted. Articles on the Works of E.N. Chirikov*]. Raleigh, North Carolina, USA, Open Science Publ., 2018, pp. 5–34. (In Russ.)

9. *Opisanie pisem V.G. Korolenko* [*Description of V.G. Korolenko's Letters*], comp. V.M. Fedorova. Moscow, Russian State Library Publ., 1961. 659 p. (In Russ.)

10. Vengerov, S.A., editor. *Russkaia literatura XX veka (1890–1910)* [*Russian Literature of the 20th Century (1890–1910)*], book 1. Moscow, XX vek — Soglasie Publ., 2000, pp. 440–448. (In Russ.)

11. Teleshov, N.D. *Zapiski pisatelia. Vospominaniia i rasskazy o proshlom* [*Notes of a Writer. Memories and Stories About the Past*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1958. 403 p. (In Russ.)

12. *Fedor Ivanovich Shaliapin: sbornik: v 2 t. Literaturnoe nasledstvo: Stranitsy iz moei zhizni; Maska i dusha; Stat'i* [*Fyodor Ivanovich Chaliapin: Collection: in 2 vols. Literary Heritage: Pages from My Life; Mask and Soul; Articles*], vol. 1, ed.-comp. and comm. By E.A. Grosheva. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 767 p. (In Russ.)

13. Chirikov, E.N. "Na putiakh zhizni i tvorchestva. Otryvki iz vospominanii" ["On the Paths of Life and Creativity. Excerpts from Memoirs"], introd. article, publ. and notes by A.V. Bobyr'. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 3* [*Faces: Biographical Almanac. 3*]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum-Feniks Publ., 1993, pp. 281–416. (In Russ.)

14. Chirikov, E. *Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let* [*The Beast from the Abyss: Poem of Terrible Years*], vol. 1. Praga, Plamia Publ., 1926. 212 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.01.2025
Одобрена после рецензирования: 24.03.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.01.2025
Approved after reviewing: 23.03.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358-379
https://elibrary.ru/GKIPMB

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Москва против Ленинграда: конкуренция в поле культуры эпохи нэпа (на материале архивных разысканий в фондах Госиздата)

© 2025, Д.С. Московская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Архивные разыскание позволили реконструировать и представить в настоящей статье историю противостояния головного офиса Госиздата в Москве и Ленгиза как его структурного подразделения. Показано, что в этом конфликте, начатом в 1923 г., ярко проявился «географический фактор» характерных для этого времени непростых отношений властного центра страны и периферии — национальных республик и Ленинграда как культурного центра бывшей империи. На примере ряда институций культуры делается вывод, что в период становления советской государственности, в ситуации нэпа строительство властной вертикали требовало увязки централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью отдельных регионов и организаций в целях оптимизации производства. В процессе согласования обнаружилось, что соотношение культурных сил центра и периферии не всегда складывалось в пользу руководящего центра. Архивные документы доказывают, что Ленгиз использовал более эффективную издательскую политику, которая определяла его нежелание выполнять требования головного офиса в Москве и подчиняться его распоряжениям. Установлено, что в стремлении к торговой и финансовой независимости Ленгиз был поддержан Ленинградским облгубисполкомом. Этот конфликт между головным офисом Госиздата в Москве и Ленгизом отразил общее противоречие времени между ценностью культурного капитала и производственными целями государственного строительства, девальвировавшими в тот момент значение культурного наследия.

Ключевые слова: литературные институции, книгоиздание, нэп, Госиздат, Ленгиз, хозрасчет, организационная структура, централизм, автономия, конкуренция.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом рукописей,

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604
E-mail: d.moskovskaya@bk.ru
Для цитирования: *Московская Д.С.* Москва против Ленинграда: конкуренция в поле культуры эпохи нэпа (на материале архивных разысканий в фондах Госиздата) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 358–379. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358-379

Введение

…в Ленинграде одна литература, в Москве другая…
Ю. Тынянов, 1925

Создание Государственного издательства РСФСР пришлось на годы гражданской войны. 21 мая 1919 г. было опубликовано постановление ВЦИК «О Государственном издательстве»[1]. Отныне Госиздат становился единым аппаратом печатного слова Республики. В ГИЗе сливались издательства ЦИКа, Наркомпроса, Московского и Петроградского советов депутатов, а также частно-кооперативные издательства. Издательская деятельность советских учреждений в той части, которая касалась общеполитических и культурных вопросов, подчинялась ГИЗу и находилась под его контролем даже в том случае, если эти учреждения продолжали собственную издательскую деятельность. Единство Госиздата обеспечивала его организационная структура и порядок взаимодействия подразделений друг с другом и Наркоматом просвещения. ГИЗ состоял при Наркомпросе, имея во главе Редакционную коллегию[2], председатель и члены которой назначались Совнаркомом по представлению Наркомпроса и утверждались ВЦИКом, соответственно председатель был подотчетен последним. Центральная редакция являлась организатором всей деятельности ГИЗа и несла за нее ответственность. Для более эффективной работы Центральной редакции было разрешено вырабатывать внутренние инструкции на основе Положения о Госиздате и в его развитие.

В 1921 г. Постановлением ВЦИК ГИЗ был введен в структуру Наркомпроса РСФСР, а председатель редакционной коллегии ГИЗа вошел в состав редколлегии Наркомата просвещения. Эти решения совпали с началом нэпа, объявленного в марте 1921 г. на X съезде

[1] Известия. 1919. 21 мая.

[2] Вслед за изменениями организационной структуры Госиздата в 1920-е гг. центральный управляющий орган именовался по-разному: Центральная редакция, Главная контора, Главное управление, Правление.

РКП(б). Первый период нэпа, когда осуществлялся переход на хозрасчет, проходил в стране в обстановке экономической катастрофы, политического кризиса и при отсутствии внутреннего рынка. Следующий этап был отмечен значительным оживлением торговли, расцветом рынка книжной продукции, который сопровождался вызывавшими тревогу властей политико-идеологическими процессами: «переход к новой экономической политике, наряду с упрочением позиций социализма, вызвал рост новой буржуазии (торговцы, арендаторы, скупщики, предприниматели, кулаки и пр.), которая оказывала ожесточенное сопротивление социалистическому строительству. <…> Эта борьба, указывал В.И. Ленин, будет еще более отчаянной и более жестокой, чем борьба с Колчаком и Деникиным»[3]. Финансово-экономическая конкуренция за рынок сбыта и покупателя сказывалась дублированием книжной продукции и тратой материальных средств — явлениями столь масштабными и в политическом смысле значимыми, что о них в 1923 г. подробно говорилось в постановлении XII съезда РКП(б): «если хозрасчет несомненно оживил наши издательства и дал им возможность работать на прочных и здоровых основаниях, то, с другой стороны, коммерческая независимость внесла разнобой в их работу, в результате чего на рынок выбрасывается подчас ненужная, плохо подготовленная литература, что ведет к засорению книжного рынка и к растрачиванию материальных сил и средств. Считая, что это обстоятельство составляет не малую угрозу всему нашему книжному делу, необходимо наладить известную согласованность в работе наших издательств, не нарушая, однако, их хозяйственной самостоятельности. <...> XII съезд поручает ЦК выработать и провести в жизнь необходимые мероприятия по упорядочению издания классиков марксизма (ускорения выпуска их Госиздатом, запрещения переиздавать без проверки и подписи соответствующих ответственных редакций и пр.)»[4].

Указание резолюции партсъезда, адресованное Госиздату как единому государственному аппарату печатного слова, требовало немедленной реакции и пересмотра порядка работы ГИЗа, хотя было очевидно, что требование упорядочения издательской деятельности, ради которого и создавался ГИЗ, противоречило ситуации нэпа, предполагавшего хозрасчет и свободную конкуренцию на рынке книжной продукции, а с ними право на финансовую и торговую автономию институций культуры. Последние, чтобы развиваться и осва-

[3] Двенадцатый съезд РКП(б) 17–26 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. VII.

[4] Там же. С. 711–712.

ивать новые рынки, нуждались в юридической свободе от властных центров и в финансовой самостоятельности и были готовы к борьбе за них, сказавшейся на разных уровнях и в разных аспектах институциональной деятельности.

Формы конкуренции в поле культуры эпохи нэпа

В первые годы нэпа главной задачей государства было сплочение просоветски настроенных сил для восстановления народного хозяйства и ликвидации безграмотности. В это время объединение деятелей культуры попутнической и сменовеховской ориентации рассматривалось как помощь партии в агитационно-пропагандистской работе среди выжидающих интеллигентов внутри страны и за рубежом. Однако именно это время превратило поле культуры в арену раздора между наследниками культурных традиций прошлого, представителями дореволюционной интеллигенции и получившей право на культуру и творчество трудовой массой. Пролетарские писательские союзы стремились обеспечить себе доминирование на рынке литературного производства, преодолев высокую рыночную стоимость писательского профессионализма попутчиков социальным заказом, идеологической выдержанностью, партийностью мировоззрения, и привлекали к себе внимание Отдела печати ЦК предложением объединить под эгидой Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) рабоче-крестьянские кадры не только Российской Федерации, но и вошедших в состав советского государства национальных республик. Всесоюзное совещание (конференция) ассоциаций пролетарских писателей, состоявшееся в январе 1925 г., собрало в Москве делегатов со всего Союза, впервые после создания СССР представив «все направления, все течения пролетарской литературы и все объединения всех национальностей, населяющих СССР»[5]. Закономерно, что центром объединения должна была стать Москва, где на Тверской 25 обосновались руководящие органы ВАППа. Конференция тогда не завершилась объединением пролетарских сил, т. к. сопротивление делегатов национальных республик стремлению ВАППа сконцентрировать в Москве все властные функции было слишком велико [8], однако потребность в преодолении центробежных тенденций и в управлении культурными процессами из единого столичного центра не ослабела.

[5] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 1.

Попытки создания всесоюзного пролетарского писательского объединения предпринимались параллельно с собиранием общероссийских писательских сил. На 1925–1927 гг. приходится «конструирование» Федерации объединений советских писателей (ФОСП). Инициатива создания ФОСП исходила от ВАППа, поддержанного Отделом печати ЦК. Учреждение ФОСП в ноябре 1927 г. манифестировало наступление желанного для партии нового этапа в советском литературном процессе, когда классовая рознь между интеллигенцией и «пролетарами» будет устранена и создадутся условия для централизованного управления литературным производством через финансовые инструменты и идеологический контроль [7]. Иначе смысл федерирования виделся комфракции ВАППа. В преддверии официального учреждения ФОСП она пыталась навязать Отделу печати собственное видение организационного устройства и политических оснований такого единства. В представленной ВАППом в Отдел печати записке предлагалось передать ВАППу как «по-большевистски настроенной массовой пролетлитературной организации» право проводить в ФОСП «политику руководства и обработки попутчиков»[6]. Таким образом, в целом позитивный для строящего управленческие вертикали молодого государства процесс централизации создавал условия для осуществления не только основной задачи эффективного управления культурой, но и для разрешения острого конфликта эпохи нэпа — прекращения борьбы между попутчиками и пролетарско-крестьянскими творческими кадрами и разрешения ее в пользу пролетарских культурных практик [9].

Незалеченный революцией конфликт между двумя важнейшими социальными слоями, один из которых представлял «производительные силы» страны, другой являлся ее интеллектуальной «надстройкой», разнообразно сказался в организационном строительстве целого ряда институтов культуры 1920-х гг., закономерно включив в себя «географический» фактор отношений властного центра страны и периферии в лице национальных республик и Ленинграда как культурного центра бывшей империи.

Непростые отношения Москвы и Ленинграда проявлялись всякий раз по-разному, но с одинаковым итогом подавления центром попыток самостоятельного осуществления культурной политики в регионе. ВАПП, получивший руководящую роль в Федерации, повел борьбу с Ленинградским отделением ФОСП, отказавшимся осудить действия попутнической группы «Перевал», что привело

[6] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 8.

к инициации ВАППом в конце июля 1929 г. проверки Правлением ФОСП своего Ленинградского отделения. Проверкой было установлено, что в ЛО ФОСП процветает местничество и кастовая замкнутость, групповщина, преодолеть которые может лишь массовый приток пролетарской молодежи, красноармейцев и краснофлотцев, а также укрепление связи с московским центром ФОСП. Кроме того, оказалось, что в ЛО ФОСП нет постоянно действующей комфракции и партийная работа там почти не ведется[7]. Таким образом, партийная вертикаль, строящаяся московской, руководимой ВАППом комфракцией ФОСП, должным образом не работала: Ленинградское отделение функционировало автономно.

Следующий удар московский центр ФОСП метил во Всероссийский союз писателей (ВСП). Его идейным предшественником был созданный в 1918 г. в Петрограде Союз деятелей художественной литературы. Собравший к 1919 г. до 170 членов, среди которых были как молодые писатели, так и профессионалы (с момента возникновения союза и по 5 августа 1918 г. членами Совета числились Н. Гумилев, В. Трахтенберг, Ю. Слезкин, Н. Энгельгардт, Ан. И Ал. Чеботаревские, А. Кайдаров, С. Кондрушкин, М. Горький, Ф. Зелинский и др., председателем Союза был Ф. Сологуб), он претендовал на то, чтобы стать крупнейшим литературным центром страны, и возможности для этого, как отмечают историки этого объединения, существовали [10; 14, с. 454–456]. «Дело Пильняка и Замятина», формально связанное с публикацией за рубежом «Красного дерева» и романа «Мы», позволило комфракции ФОСП расформировать старое руководство ВСП 5 сентября 1929 г., а саму организацию переименовать во Всероссийский союз советских писателей (ВССП). Далее была разгромлена секция переводчиков ЛО ФОСП [6]. Материалы ФОСП в Отделе рукописей ИМЛИ РАН резюмируют результаты инициированной центром проверки Ленинградской секции переводчиков: «Признали секцию переводчиков аполитичной, не подготовила кадров, академична по характеру, может принести только вред. По социальному признаку 16 дворян, пролетарский элемент совершенно отсутствует. Средний возраст 30–40 лет, 4 пенсионера, молодняка всего 5 человек. Не боролась с привилегированным положением тех переводчиков, которые получают книги из заграницы и потому монопольно обеспечены работой»[8]. Решением Правления ФОСП секция переводчиков была распущена и создана комиссия по ее чистке.

[7] ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 67. Л. 2–3.
[8] ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 62. Л. 85.

Тот же характер социально-политического противостояния центра и периферии имело насильственное слияние Московского общества драматургов и композиторов (МОДПиК) и ленинградского Драмсоюза во Всероссийское общество драматургов и композиторов (Всероссскомдрам) [11]. Процесс объединения, начавшийся в разгар нэпа в 1925 г., совершался трудно, хотя потребность в едином обществе ощущали различные зрелищные предприятия, страдавшие от необходимости деловых сношений с двумя параллельно работающими и мешающими друг другу организациями. Однако идея слияния под управлением Москвы не устраивала большинство членов Драмсоюза: они предложили федерирование, предполагавшее хозяйственную автономию объединяющихся сторон. Такая организационная структура была апробирована ФОСП, но разрушена захватившим руководство комфракцией ВАППом. И хотя идея федеративной организации объединенного Общества драматургов и композиторов «встретила сочувствие» партийного состава Драмсоюза и была согласована с Облкомом ВКП (б) Ленинграда, в конце октября 1928 г. совещание партийных фракций обоих Обществ вынесло решение о слиянии на основе «московского» проекта. Академия наук СССР в лице ее непременного секретаря ленинградца С.Ф. Ольденбурга выступила в поддержку сохранения Ленинградского общества, письмо соответствующего содержания от имени Академии наук было отправлено в Москву главе Наркомпроса А.В. Луначарскому. Но несмотря на существенную поддержку авторитетных лиц, проект федерации драмсоюзов Москвы и Ленинграда, подготовленный в преддверии 1929 г., не был реализован, а слияние двух обществ во Всероссскомдрам в 1930 г. превратилось в простое поглощение Драмсоюза МОДПиКом: в Правление Всероссскомдрама вошло два человека от Драмсоюза и одиннадцать от МОДПиКа. Как отмечает Т.М. Горяева, «реорганизация московского и ленинградского обществ драматургов и писателей <…> имела под собой скрытую форму борьбы с независимым и материально автономным Драмсоюзом. На самом деле суть этого объединения заключалась в создании монополии на сбор и распределение авторских гонораров под контролем и руководством соответствующего правительственного органа и НКП союзных республик. В качестве меры по легальному устранению Драмсоюза предлагались дискредитация в целях лишения его общественного авторитета, вскрытие реакционных тенденций и лишения его покровительства органов НКП. При этом рекомендовались методы материального давления, административного наказания и морального воздействия» [2, с. 11]. В 1930 г. борьба двух

конкурирующих обществ закончилась и началась история единого Общества эпохи социалистической реконструкции.

Подобную тяжбу с Москвой в 1923–1925 гг. затеяло и Ленинградское отделение Госиздата. Здесь столь же ясно, как в организационных нестроениях ФОСП, ВАППа, Всеросскомдрама, выразилась новая социально-политическая ситуация, когда строительство государственной вертикали вошло в противотечение с допущенной нэпом хозяйственной самостоятельностью, попутно обнаружив, что соотношение культурных сил центра и периферии не всегда складывалось в пользу руководящего центра. В конфликт оказывались вовлечены местные звенья исполнительной власти — облисполкомы, которым в перерывах между областными съездами советов передавались законодательные полномочия [12]. Противостояние в поле культуры между центром и регионами отражало общее противоречие времени между ценностью культурного капитала и производственными целями государственного строительства, девальвирующими значение культурного наследия.

Дело об обследовании Государственного издательства РСФСР НК РКИ РСФСР в 1924–1925 гг.

В знаменательный для дальнейших судеб ГИЗа 1923 г. сошлись несколько обстоятельств: постановление XII партийного съезда привлекло внимание к издательским делам, а 2 июля 1923 г. Совнарком утвердил новое «Положение о государственном издательстве», опубликованное 13 июля1923 г., согласно которому Редакционная коллегия ГИЗа стала совещательным органом, правление — руководящим, президиум — исполнительным. Общее руководство деятельностью издательства осуществлял Наркомпрос, в идеологическом отношении — Отдел печати ЦК РКП(б). По этому положению упразднялись секторы редакционный, производственный, финансовый, объединялись и укрупнялись отделы редакционного сектора, становившиеся «самостоятельными издательскими единицами». Последние формировались, как и прежде, соответственно выпускаемому типу изданий или виду литературы и получали право: «1) привлекать авторов, переводчиков, составителей, рецензентов; 2) составлять издательские планы и утверждать их в соответствующих организациях» [16, с. 129]. Но уже в 1924 г. такого рода децентрализация привела к организационной неразберихе. В том же году обновленная решением XII партсъезда Рабоче-крестьянская инспекция, отныне ставшая объединенным органом партийного и советского контро-

ля — наркоматом РКИ, оказалась вполне готова к исполнению своих обязанностей по каждой из ветвей власти с целью оперативного выявления недостатков и их искоренения, в данном случае в Наркомпросе и его структурном подразделении Госиздате, обнаружившим к тому моменту организационные нестроения.

История Государственного издательства РСФСР как подведомственного подразделения Наркомпроса сегодня хорошо изучена [3; 13; 14; 15; 16]. Политико-идеологический аспект деятельности Госиздата, получившего после учреждения в нем Политотдела право контролировать «идеологическую чистоту» книжной продукции и в этом качестве ставшего предшественником Главлита[9], главного цензурного органа страны, рассмотрен в исследованиях Т.М. Горяевой [1; 2], М.А. Зеленова [4] и Ш. Фицпатрик [17]. В аспектах организационном и персонифицированном этот орган Наркомпроса описан авторским коллективом монографии «Институты управления культурой», где в виде схем представлена меняющаяся во времени организационная структура этого госучреждения[10]. Основными источниками информации для указанного труда стали фонды ГАРФ: Государственного издательства РСФСР (Госиздат, ГИЗ) Наркомпроса РСФСР (1919–1930) — Ф. Р-395, и Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ) при Наркомпросе РСФСР (1930–1940) — Ф. Р-4851. Однако, как отметили составители, среди изученных материалов в основном отсутствовали необходимые документы, фиксирующие структуру Госиздата и поясняющие ее частые изменения. Тем не менее имеющихся в ГАРФ первоисточников достаточно, чтобы на документальной основе реконструировать ряд значимых сюжетов в той части организационных перестроек ГИЗа, которая была вызвана конфликтом его Главного управления с Ленинградским отделением. В частности, «Дело об обследовании Государственного издательства РСФСР» представляет собой итог завершенного 30 марта 1924 г. обследования Госиздата старшим инспектором Просздравсобеса Рабоче-крестьянской инспекции К. Завьяловой и заключение по вопросу «взаимоотношения с Ленинградским отделением Гиза (Ленгизом)», подготовленное 6 февраля 1925 г.

[9] В целях объединения всех видов цензуры печатных произведений 6 июня 1922 г. учреждается Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит) с заведующим, назначаемым Коллегией НКП РСФСР. Постановление СНК РСФСР от 9 февраля 1923 г. учреждает при Главлите Комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком).

[10] Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 230–292; структура Главлита: С. 103–104, 122–123, 139–140.

Как следует из документов обследования, заведующий ГИЗа О.Ю. Шмидт оставался убежденным сторонником децентрализации как основного метода руководства хозяйственными предприятиями, при этом признавал практическую невозможность Госиздату быть координирующим издательскую деятельность в стране органом. Так, Ленинградское отделения ГИЗа создавало много проблем Правлению, оказавшись в значительной степени экономически самостоятельным и не считавшим себя в какой-либо степени ответственным перед ним, — положение, не устроившее РКИ. Главным обстоятельством, вызвавшим тревогу инспектора Завьяловой, была организационная неразбериха, сказавшаяся в непроясненной и непрестанно меняющейся структуре ГИЗа. К. Завьяловой было установлено:

1. дублирование органов идеологического контроля, когда ведение политической стороной изданий осуществлялось как Главной редакцией, так и Политотделом;

2. децентрализация работы отделов и секторов ГИЗа, действующих как самостоятельные хозяйственные предприятия;

3. разорванность литературной, технической, идеологической и редакционной обработки книги по различным отделам;

4. непрерывные и невозвращаемые субсидии, которыми покрываются убытки отделов или секторов, состоящих на хозрасчете;

5. фактическое отсутствие ответственности Ленгиза перед Главным управлением, вызванное предоставленной Ленгизу автономией, приведшей к нарушению единства ГИЗа как издательского аппарата НКПроса и превращению Ленгиза из Отделения ГИЗа в самостоятельное книгоиздательство;

6. отсутствие у НКПроса общего принципиального подхода к деятельности ГИЗа и контроля за ней.

Следовал вывод: история взаимоотношений Наркомпроса с ГИЗом и Главного управления с Ленгизом доказывает, что ГИЗ не представляет собой планомерно продуманной организации, воплощающей определенные принципы в четкие организационные формы, те, что были заложены Положением 1919 г.[11]

Централизм vs автономия

Обследование отношений Правления с Ленгизом установило момент, когда их рабочие контакты переросли в конфликт. С лета

[11] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. 30 л. Отпечатано для служебного пользования: Выводы и предложения Просздравсобес инспекции НКРКИ РСФСР по обследованию Ленинградского отделения Госиздата. [М., 1926]. 8 с.

1923 г. Правление руководствовалось новым Положением о ГИЗе, утвержденным СНК 21 мая того же года. Согласно этому положению, Главная редакция была аппаратом, ведающим редакционной и идеологической стороной изданий, тогда как за подготовку книг отвечали различные отделы. Организующим центром являлось Управление делами, однако на практике каждый из отделов имел самостоятельное делопроизводство: централизм существовал наряду с нагромождением управленческих аппаратов по отделам и предприятиям. В этих условиях Ленгиз превратился из отделения ГИЗа в самостоятельное книгоиздательство, функционировал без контроля со стороны Правления и органической связи с ним как структурного подразделения, что с неудовольствием констатировал даже последовательный сторонник децентрализации и хозрасчета О.Ю. Шмидт. Вот почему вопрос о реорганизации ГИЗа и разработки положения о Ленгизе в 1923 г. стал чрезвычайно остро.

16 февраля 1924 г. доклад о взаимоотношениях Главного правления с Ленгизом был заслушан в Президиуме Коллегии Наркомата просвещения. Президиум высказался «о желательности представления Ленгизу небольшой автономии, но без нарушения единства ГИЗа как издательского аппарата НКПроса». Эту точку зрения поддержало и Правление ГИЗа, полагавшее, что автономия Ленгиза в редакционной и издательской работе слишком велика. Правление выступало «решительно против выделения Ленгиза в самостоятельное издательство», что и было зафиксировано в протоколе от **18 февраля 1924 г.** Конфликт Правления с ЛО ГИЗа был рассмотрен на заседании комиссии НКПроса **8 марта 1924 г**., последовала выработка проекта Положения о ЛО. Основные его пункты устанавливали, что Ленгиз, являясь отделением ГИЗа, обладает утвержденным НКПросом правом на определенный капитал и самостоятельные финансовые операции, за которые Правление не несет ответственности, равно как и на самостоятельное пополнение редакционного портфеля в пределах утвержденного редколлегией Правления редакционного плана. Существенным моментом проекта было право Ленгиза торговать по всему СССР, ограниченное, однако, тем, что открывать свои отделения и магазины Ленгиз мог только в тех местах, где таковых не было от Правления ГИЗа[12]. **10 марта 1924 г.** на заседании Коллегии НКПроса разработанный комиссией проект был представлен на рассмотрение; согласно проекту, с **1 апреля 1924 г.** торгсектор Правления получал право производить у Ленинградского отделения

[12] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 45.

ежемесячный забор в размере не менее 100 000 рублей нетто товаров по своему выбору. Это решение вызвало жесткий отпор Ленгиза. И уже на экстренном заседании Правления ГИЗа от **3 апреля 1924 г.** права Ленгиза на независимую от Москвы торговлю были в полном объеме восстановлены. Ленгиз получил право вести торговлю по всей территории СССР, «как и торговый аппарат Главного Управления». Таким образом, Ленгиз стал, по сути, из отделения ГИЗа самостоятельным книгоиздательством. Но это решение не прекратило трения Ленгиза и Главного правления.

10 апреля 1924 г. ревизионная комиссия ГИЗа в своем отношении обращала внимание Коллегии НКПроса на то, что поддержанное Правлением решение ведет к созданию «двух фактически самостоятельных книготорговлей». Завершенное к тому моменту, **30 марта 1924 г.,** новое обследование инспекцией Просздравсобес РКИ выявило слабость организации управленческого аппарата ГИЗа по отношению к другим частям, а **27 июня 1924 г.** ревизионная комиссия ГИЗа определила положение Ленгиза как «полную редакционно-издательскую независимость», с которой Наркомпрос не должен был мириться[13]. В ответ **29 сентября 1924 г.** Коллегия НКПроса заявляет о необходимости направления «комиссии для обследования Ленинградского Отделения ГИЗа»[14].

Важно отметить, что в своем стремлении к независимости Ленгиз не был одинок: он опирался на Ленинградский губисполком, отделом которого являлся согласно постановлению ВЦИК от 21 мая 1919 г. **2 июля 1924 г.** Пленум Ленгубисполкома, заслушав доклад председателя ЛО ГИЗа И.И. Ионова, констатировал, что «организационное положение Ленгиза до 1 января 1924 г., предписанное Правлением ГИЗа, приводило к искусственному сжиманию возможностей Ленинградского отделения, самого старого из советских издательств, достаточно зарекомендованного с идеологической и технической сторон. Это организационное положение, построенное по линии жесткого “главкизма”, пресекало возможности пополнения редакционного портфеля, <…> сужало возможность их распространения на торговом рынке <…> благодаря требованию отправки всех книг

[13] О.Ю. Шмидт, считавший, что крупное универсальное издательство слишком неповоротливо, чтобы оперативно удовлетворять потребности страны в разнообразной номенклатуре книжной продукции, в июне 1924 г. разработал свой проект реорганизации издательского дела, по которому предполагалось создание «отдельных издательских единиц: 1) социально-экономическая и политическая литература; 2) учебники и учебные пособия для школ; 3) научное, научно-техническое и научно-популярное издательство; 4) издательство массовой рабоче-крестьянской литературы; 5) издательство литературно-художественное» [16, с. 126].

[14] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 17.

в Москву»[15]. Ленгубисполком постановил тогда считать деловую автономию ЛО первым правильным шагом Правления и Коллегии Наркомпроса на пути укрепления Ленгиза на всесоюзном книжном рынке и сохранить ее. В то же время проект Положения о Ленгизе, рассмотренный 10 марта 1924 г. и признавший право торгсектора Правления производить у Ленинградского отделения ежемесячный забор в размере не менее 100 000 рублей нетто товаров по своему выбору, Ленгубиспокомом не был принят. Выписка из протокола заседания Президиума Ленинградского губисполкома от **2 августа 1924 г.** гласила: «признать проект положения о ЛО Госиздата, представленный и одобренный Наркомпросом 10 марта 1924 г., неприемлемым и поручить тов. Ионову совместно с Орготделом Президиума Губисполкома разработать проект Положения, предоставив его на утверждение Президиума Губисполкома»[16].

Однако это решение Ленгубисполкома вскоре было оспорено Наркомпросом. Как выше отмечалось, постановление Коллегии Наркомпроса от **29 сентября 1924 г.** признало необходимость обследования Ленинградского отделения ГИЗа специально организованной комиссией. Запрошенный тогда по вопросу о трениях с Ленгизом председатель Правления ГИЗа О.Ю. Шмидт указал их основные причины. Первой он назвал неподчинение Ленгиза ни одному из постановлений об организационных взаимоотношениях. Второй явилось то, что «Ленгиз был источником больших хозяйственных потерь для Главного Управления»: Ленгизу безвозмездно отошла типография, арендованная Главным управлением, как и запасы бумаги в ней. Так же безвозмездно к Ленгизу перешли запасы национализированных книг, купленных Правлением ГИЗа у НКПпроса. Весьма часты были случаи присвоения Ленгизом книг, печатавшихся в Ленинградских типографиях по заказам Правления. Комиссия по обследованию Ленгиза пришла к выводу: «Тяжелая картина взаимоотношений с Ленгизом определенно указывает, что децентрализация в ГИЗе часто имела неприятные последствия, ложившиеся всей тяжестью на Главное управление». Следовал вывод: «никакие частичные реформы не оздоровят ГИЗа, если внимание руководящих органов и Правления ГИЗа не будет направлено на радикальное уничтожение вышеуказанных отрицательных явлений и тех условий, которые их порождали»[17]. Выводы комиссии касались первых трех составов Правленя ГИЗа, с 10 сентября 1923 г. по 1 декабря 1924 г. возглав-

[15] ГАРФ. Ф. А-404. Оп. 12. Ед. хр. 1157. Л. 1.
[16] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 48.
[17] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 17–18.

ляемых О.Ю. Шмидтом, когда, как значилось в докладе по итогам проверки, «уродливый централизм существовал наряду с анархией».

С **1 декабря 1924 г.** Правление возглавил ленинградец И.И. Ионов. В протоколе от **18 декабря 1924 г.** Правление постановило автономию редакционных частей сохранить, но координировать их работу в редакционно-плановой комиссии. Было решено слить управленческий аппарат Ленгиза с издательским аппаратом ГИЗа. Произошла и коренная смена состава Правления: Ленгиз фактически превратился в часть единого издательского механизма Наркомпроса. Но в силу неопределенности общего положения вопрос об организационной схеме Ленгиза остался не проясненным и был поставлен вновь лишь в марте 1925 г., когда Ионов вернулся в Ленгиз в качестве его заведующего.

7–10 октября 1925 г. ЛО ГИЗ было вновь обследовано под руководством Управляющего Просздравсобес Инспекцией тов. Кучменко представителями РКИ и Наркомпроса. В состав проверяющей комиссии также вошли представители Ленинградского Губисполкома (Цыперович[18] и Я.М. Малецкий[19]), ГКК (Крицберг[20]), ЛГОНО (З.И. Лилина[21] и К.И. Шмаков[22]), Губпрофсовета и Губпроса (Л.И. Мастыкер[23]), а также самого Ленгиза (Ионов и Белицкий[24]). Ленинградские представители, по-видимому, повлияли на выводы комиссии, в которых поведение Ленгиза оправдывалось существовавшей юридической и организационной непроясненностью его положения в системе Наркомроса, не позволяющей «ясно и точно ответить на вопрос: что такое Ленгиз — вполне самостоятельный орган государственного издательства или ленинградская часть единого Госиздата»[25]. Вывод комиссии гласил: «Ленгиз был, в сущности говоря, всецело предоставлен самому себе». При этом комиссия нашла возможность поддержать деятельность Ленгиза: «Однако неблагоприятное воздействие на организационную работу Госиздата

[18] Григорий Владимирович Циперович (Цыперович) (1871–1932) — в 1921–1929 гг. работал в Петроградском (Ленинградском) совнархозе, член Президиума, в 1925–1929 гг. руководитель Ленинградской областной плановой комиссии.

[19] Яков Маркович Малецкий (1894–1938) — член Ленсовета, председатель Красногвардейского райсовета Ленинграда.

[20] Биографические данные не установлены.

[21] Злата Ионовна Лилина (урожд. Бернштейн, 1882–1929) — вторая жена Г.Е. Зиновьева, сестра Ильи Ионова.

[22] Кирилл Иванович Шмаков (1886–1941?) — в 1917 г. комиссар Петергофского уезда Петроградской губ.

[23] Лев Иоселевич Мастыкер (1890–1942?), биографические данные не установлены.

[24] Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) в 1924 г. работал заместителем заведующего Ленинградским отделением Госиздата РСФСР, возглавлял издательство «Эпоха».

[25] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 2.

и Ленгиза, невыясненности их взаимоотношений, особенно тяжелое для Ленгиза, возмещалось для последнего как бессменностью его главного руководителя <И.И. Ионова>, отличающегося к тому же крупной энергией и чисто библиофильскою преданностью культуре книги, так и устойчивостью состава его ближайших помощников, в массе отличающегося и преданностью, и любовью к издательскому делу вообще и издательству Ленгиз в особенности»[26].

Пожалуй, важнее этих общих выводов было документальное подтверждение того, что работа ЛО ГИЗа была эффективнее и успешнее работы Правления. Было выявлено, что по шести основным группам изданий — учебно-воспитательных, социально-экономических, литературно-художественных, учебно-профессиональных, научных, научно-популярных Ленгиз опережал московский Госиздат в продажах от 4,9 до 16, 6 %. Расходимость изданий Лениздата была равна 83,3 %, что на 10,4 % было выше, чем у Госизадата. «Такой высокий процент расходимости можно было бы объяснить широтою охвата рынка, но подобное объяснение должно быть категорически отвергнуто»[27]. Комиссия указала, что Ленгиз отличает, прежде всего, «доброкачественность ленгизовской продукции в буквальном смысле слова: внутренняя и внешняя доброкачественность»[28], которая и позволила ЛО преодолеть свою вынужденную зависимость в торговых операциях от Госиздата. Отмечалась и коммерческая успешность Ленгиза, использовавшего так называемое «сезонирование» литературы, т. е. распределения процессов обработки и печатания изданий с таким расчетом, чтобы книга выходила в тот момент, когда она может рассчитывать на наибольший спрос. Была замечена также высокая скорость прохождения рукописей в редсекторе, где учет движения рукописи производится по карточной системе и должен быть признан налаженным и дающим полную возможность как контроля за движением рукописей, так и быстрого получения справок. Несмотря на неопределенность взаимоотношений Ленгиза с Госиздатом, оказывающую отрицательное влияние на построение производственных планов Ленгиза в 1924–1925 г., Ленгиз составлял на оба года свои отдельные рабочие планы и стремился к их выполнению. Комиссия заключила: «ленгизовская книга дешевле довоенной и дореволюционной»[29].

[26] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 2.
[27] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 27.
[28] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 28.
[29] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1158. Л. 20.

20 января 1926 г. по результатам октябрьского обследования Просздравсобес инспекцией НКРКИ РСФСР Ленинградского отделения Госиздата Коллегия НКРКИ РСФСР постановила в месячный срок Правлению Госиздата «разработать и представить на заключение НКРКИ РСФСР детальный проект организационного построения Ленинградского отделения, учитывая установленные при обследования пожелания»[30]. Оценив достижения Ленгиза по удешевлению выпускаемой книжной продукции, комиссия отметила основные недостатки работы Ленгиза:

— отсутствие согласования с Правлением и Коллегией Наркомпроса производственных планов;

— при общем высоком проценте (82 %) выполнения плана включение в статистику внеплановых «(“самотечных”) изданий, вызывающих сокращение чисто плановых заданий»;

— отсутствие связи с деревенской кооперацией;

— «недостаточность числа изданий, рассчитанных по изложению на мало подготовленного крестьянского читателя»;

— запоздалый выпуск учебников и «незначительность процента рукописей учебников Ленгиза, прошедших до посылки в ГУС предварительную методическую оценку и рецензирование»;

— «незначительность числа выпускаемых к календарным агиткампаниям брошюр, рассчитанных по цене на читателя-одиночку»;

— «необходимость систематического понижения коэффициента расценки массовой литературы»;

— условность бухгалтерских балансов «вследствие отсутствия в них точной инвентаризации некоторых материальных (товарных) ценностей, неполной выверки расчетов с третьими лицами и условной, вопреки существующим положениям, оценки товаров (книг)»;

— непредоставление в соответствующие инстанции полного финансово-производственного плана. И т. д.

Таким образом, начатое в марте 1924 г. обследование к началу 1926 г. показало, что положение Ленгиза было шатким; как свидетельствовал О. Мандельштам 2 февраля 1926 г.: «Ленгиз — разворошенный муравейник. Тенденция — не то сжать, не то уничтожить. Никто ничего не знает и не понимает»[31].

[30] Выводы и предложения Просздравсобес инспекции НКРКИ РСФСР… С. 1. Далее этот 8-страничный документ цитируется без указания страниц.

[31] *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. / сост. А.Г. Мец. СПб.: Гиперион, 2020. Т. 3: Проза. Письма. С. 339.

Госиздат в эпоху реконструкции

Документированный архивными материалами очерк истории взаимоотношений Ленгиза с Главным управлением Госиздата в годы нэпа отчасти поясняет причины, приведшие в июле 1930 г. к ликвидации Госиздата: он так и не смог стать координирующим издательскую деятельность аппаратом Наркомпроса, стремившимся оптимизировать книжное производство РСФСР[32]. В тяжбе НК РКИ с Ленгизом прослеживался начатый в 1926 г. и возобладавший в эпоху реконструкции курс на бюрократизацию и управление из единого центра культурными и политико-идеологическими процессами страны. Принятый в апреле 1929 г. план первой пятилетки вступил в противоречие с многоукладностью в книгоиздании, которая сохранялась вследствие рыхлости структуры Госиздата и малой авторитетности Правления ГИЗа. Процесс формирования государственной монополии на печатное дело был успешно завершен в июле 1930 г. Это был переломный в истории страны год. Он шел под знаком провозглашенного в апреле 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) реконструктивного периода во всех областях жизни. В политике и культуре, как ее зеркале, достигла кульминации борьба с троцкистским крылом: разгром «воронщины», дискуссия в Комакадемии 1929–1930 гг. о творчестве попутчиков — Леонова, Булгакова, Пильняка, Клычкова, Эренбурга, А. Толстого, Романова, Орешина, Мандельштама, И. Новикова, Сергеева-Ценского[33]. В науке — дело «историков». На лето 1930 г. пришлась новая волна борьбы с кулачеством, а 25 ноября – 7 декабря 1930 г. разворачивается процесс «Промпартии» над спецами дореволюционной закалки как над сознательными вредителями. В Наркомпросе была ликвидирована Главнаука.

Тогда же по постановлению ЦК ВКП (б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела» при Наркомпросе РСФСР был создан ОГИЗ — объединение крупных типизированных издательств РСФСР. Характерные для эпохи нэпа сепаратная борьба и попытки уклонения от директив центра, свободная конкуренция, которая переводила внимание издательств с идеологии на рентабельность, сопровождавшаяся захватом читательского потребительского рынка и торговых площадок, были пресечены. В условиях первой пятилетки ОГИЗ взял на себя координацию всей издательской деятельности в стране, осуществление общего планирования, руко-

[32] Институты управления культурой в период становления. С. 238–240.

[33] См.: Буржуазные тенденции в современной литературе: Доклады в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1930. 136 с.

водство сбытом продукции и подготовкой кадров, финансированием и снабжением. И не только это. Осенью 1930 г. РАПП принимает постановление о призыве ударников производства в литературу и показе героев труда как «генеральной теме пролетарской литературы» и вызывает на заседание своего секретариата вновь назначенного главу ОГИЗа А.Б. Халатова с требованием всемерной поддержки издательских установок РАППа[34]. Эти и другие требования и лозунги самой одиозной писательской группировки того времени ОГИЗ безропотно принимает к реализации.

Литература

1. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с

2. *Горяева Т.М.* Служебная роль советской литературы. Исторический аспект проблемы // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. С. 5–24.

3. *Динерштейн Е.А.* Положившие первый камень. Госиздат и его руководители. М.: Книга, 1972. 173 с.

4. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б): цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Волго-Вятская Академия государственной службы, 2000. 540 с.

5. Издательское дело в первые годы Советской власти (1917–1922). М.: Книга, 1972. 240 с.

6. *Кукушкина Т.А.* К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М.: НЛО, 2014. С. 638–682.

7. *Московская Д.С.* «Без божества, без вдохновенья», или как РАПП нашел себе работу в ФОСП // Slavic Literatures. 2024. Vol. 146–148. С. 81–119. DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.005

8. *Московская Д.С.* От Союза советских республик к Союзу советских писателей: институциональные коллизии производства пролетарской литературы 1920–1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2024. № 6. С. 131–151. DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131

9. *Московская Д.С., Гальцова Е.Д.* В борьбе за пролетарскую литературу: финансовая и политическая составляющие // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5: Эстетика коммунизма: теории и литературные практики. С. 223–276. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-223-276

10. *Муромский В.П.* Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910–1930-х гг.: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 125–196.

[34] ОР ИМЛИ. Ф.40. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 86.

11. *Плотников К.И.* Всероссkомдрам и его предшественники: к истории профессиональных организаций драматургов в России XIX–XX вв. // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН. Вып. 3: Документальная история русской литературы первой половины XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 329–359. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-329-359

12. *Саран А.Ю.* Система исполнительной власти областного звена в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 184–190.

13. *Старостин Ю.Н.* Из истории Госиздата (1917–1922) // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М.: РГГУ, 1992. С. 121–132.

14. *Ширмаков П.П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // Вопросы советской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. Вып. 7. С. 454–475.

15. *Шомракова И.А.* Госиздат и местные отделения // Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда: Рус. демократическая книга. Л.: ЛГИК, 1983. С. 73–89.

16. *Шомракова И.А.* Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела // Книга и культура. М.: Наука, 1979. С. 120–132.

17. *Fitzpatric Sh.* The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky, October 1917–1921. London: Cambridge University Press, 1970. 416 p.

Research Article

Moscow Versus Leningrad: The Rivalry in the Cultural Field of the NEP Era (Based on Archival Research in t he State Publishing House Collections)

© 2025. Daria S. Moskovskaya
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: Archival research enables to reconstruct and present the history of the confrontation between the head office of Gosizdat in Moscow and Lengiz as its structural unit. The article shows that this conflict, which began in 1923, clearly manifested the “geographical factor” of the uneasy relations between the country’s power center and periphery, represented by the national republics, and Leningrad as the cultural center of the former empire. Using the example of several cultural institutions, the article concludes that in the formative period of Soviet statehood and the situation of the New Economic Policy, the construction of a power vertical required linking centralized management with the economic independence of regions and organizations to optimize the production process. Ultimately, the balance of

cultural forces between the center and the periphery did not always work out in favor of the governing center. Archival documents prove that Lengiz conducted a more effective publishing policy, which determined his unwillingness to comply with the requirements of the head office in Moscow and obey its orders. The article establishes that in striving for commercial and financial independence, Lengiz was supported by the Leningrad Regional Executive Committee. The conflict between the head office of Gosizdat in Moscow and Lengiz reflected the general contradiction of the time between the value of cultural capital and the production goals of state construction, which devalued the importance of cultural heritage at that time.

Keywords: literary institutions, book publishing, NEP, State Publishing House (Gosizdat), Leningrad State Publishing House (Lenghiz), self-financing, organizational structure, centralism, autonomy, competition.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

For citation: Moskovskaya, D.S. “Moscow Versus Leningrad: The Rivalry in the Cultural Field of the NEP Era (Based on Archival Research in the State Publishing House Collections).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 358–379. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358–379

References

1. Goriaeva, T.M. *Politicheskaia tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg*. [*Political Censorship in the USSR. 1917–1991*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 407 p. (In Russ.)

2. Goriaeva, T.M. “Sluzhebnaia rol’ sovetskoi literatury. Istoricheskii aspekt problem” [“The Auxiliary Role of Soviet Literature. The Historical Aspect of the Problem”]. *Mezhdu molotom i nakoval’nei. Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR. Dokumenty i kommentarii* [*Between the Hammer and the Anvil. Soviet Writers’ Union of the USSR. Documents and Commentaries*], vol. 1: 1925 – iiun’ 1941 gg. [1925 – June 1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 5–24. (In Russ.)

3. Dinershtein, E.A. *Polozhivshiepervyi kamen’. Gosizdat i ego rukovoditeli* [*Who Laid the First Stone. The Gosizdat and Its Leaders*]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 173 p. (In Russ.)

4. Zelenov, M.V. *Apparat TsK RKP(b)–VKP(b): tsenzura i istoricheskaia nauka v 1920-e gody* [*The Apparatus of the Central Committee of the RCParty(b)–the CPSU(b): Censorship and Historical Science in the 1920s*]. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka Academy of Public Administration Publ., 2000. 540 p. (In Russ.)

5. *Izdatel’skoe delo v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1922)* [*Publishing in the Early Years of Soviet Power (1917–1922)*]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 240 p. (In Russ.)

6. Kukushkina, T.A. “K istorii sektsii leningradskikh perevodchikov (1924–1932)”. [“On the History of the Leningrad Translators’ Section (1924–1932)”]. *Konets institutsii kul’tury dvadtsatykh godov v Leningrade* [*The End of Cultural Institutions of the 1920s in Leningrad*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 638–682. (In Russ.)

7. Moskovskaia, D.S. "'Bez bozhestva, bez vdokhnoven'ia, ili kak RAPP nashel sebe rabotu v FOSP" ["'Without a Deity, Without Inspiration,' or How RAPP Found a Job in FOSP"]. *Slavic Literatures*, vol. 146–148, 2024, pp. 81–119. doi.org/10.1016/j.slalit.2024.05.005 (In Russ.)

8. Moskovskaia, D.S. "Ot Soiuza sovetskikh respublik k Soiuzu sovetskikh pisatelei: institutsional'nye kollizii proizvodstva proletarskoi literatury 1920–1930-kh godov" ["From the Union of Soviet Republics to the Union of Soviet Writers: The Institutional Collisions in the Production of Proletarian Literature in 1920s–1930s"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2024, pp. 131–151. DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131 (In Russ.)

9. Moskovskaia, D.S., and E.D. Gal'tsova. "V bor'be za proletarskuiu literaturu: finansovaia i politicheskaia sostavliaiushchie" ["In the Struggle for Proletarian Literature: Financial and Political Components"]. *Codex manuscriptus* [*Codex Manuscriptus*], issue 5: Estetika kommunizma: teorii i literaturnye praktiki [Aesthetics of Communism: Theories and Literary Practices]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 223–276. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-223-276 (In Russ.)

10. Muromskii, V.P. "Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)" ["Union of Fiction Writers (1918–1919)"]. *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda — Leningrada 1910–1930-kh gg.: Issledovaniia i materialy* [*From the History of Literary Associations of Petrograd-Leningrad in the 1910–1930s: Research and Materials*], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 125–196. (In Russ.)

11. Plotnikov, K.I. "Vserosskomdram i ego predshestvenniki: k istorii professional'nykh organizatsii dramaturgov v Rossii XIX–XX vv." ["The All-Russian Drama Committee and Its Predecessors: Towards the History of Professional Organizations of Playwrights in Russia in the 19th–20th Centuries"]. *Codex manuscriptus* [*Codex Manuscriptus*], issue 3: Dokumental'naia istoriia russkoi literatury pervoi poloviny XX veka [Documentary History of Russian Literature of the First Half of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 329–359. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-329-359 (In Russ.)

12. Saran, A.Iu. "Sistema ispolnitel'noi vlasti oblastnogo zvena v SSSR na rubezhe 1920–1930-kh gg." ["The System of Regional Executive Power in the USSR at the Turn of the 1920s and 1930s"]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 9, 2016, pp. 184–190. (In Russ.)

13. Starostin, Iu. N. "Iz istorii Gosizdata (1917–22)" ["From the History of the Gosizdat (1917–1922)"]. *Administrativno-komandnaia sistema upravleniia. Problemy i fakty* [*Administrative-Command System of Management. Problems and Facts*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1992, pp. 121–132. (In Russ.)

14. Shirmakov, P.P. "K istorii literaturno-khudozhestvennykh ob"edinenii pervykh let sovetskoi vlasti: Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)" ["On the History of Literary and Artistic Associations of the First Years of Soviet Power: The Union of Literary Workers (1918–1919)"]. *Voprosy sovetskoi literatury* [*Questions of Soviet Literature*], issue 7. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 454–475. (In Russ.)

15.Shomrakova, I.A. "Gosizdat i mestnye otdeleniia" ["State Publishing House and Local Offices"]. *Knizhnoe delo Peterburga — Petrograda — Leningrada: Russkaia demokraticheskaia kniga* [*Book Business in Petersburg — Petrograd — Leningrad:*

Russian Democratic Book]. Leningrad, Leningrad State Institute of Culture Publ., 1983, pp. 73–89. (In Russ.)

16. Shomrakova, I.A. “Gosizdat i problemy optimal’noi struktury sovetskogo izdatel’skogo dela” [“State Publishing House and the Problems of the Optimal Structure of the Soviet Publishing Business”]. *Kniga i kul’tura* [*Book and Culture*]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 120–132. (In Russ.)

17. Fitzpatric, Sheila. *The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky, October 1917–1921.* London, Cambridge University Press, 1970. 416 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025
Одобрена после рецензирования: 24.03.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 08.02.2025
Approved after reviewing: 24.03.2025
Date of publication: 25.06.2025

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-380-396
https://elibrary.ru/GLIBXX

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из дополнений к словарю «Русские писатели». Два автора «малой прессы»

© 2025, А. И. Рейтблат
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Скоро ожидается выход заключительного (седьмого) тома биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917», издающегося с 1989 г. Словарь стал важным событием для отечественной гуманитарной науки и культуры. Уникальны как глубина и точность разработки биографий литераторов XIX в., с широким привлечением новых (в том числе архивных) материалов, так и диапазон охвата включенных в словник имен. Словарь представляет более 3 000 русских писателей, критиков, публицистов, многие из которых впервые получили свои научные биографии. При этом еще большее число дореволюционных литераторов остались за рамками словаря. В данной публикации представлены статьи о двух таких писателях — Николае Глушицком и Ростиславе Ступишине. Оба активно печатались во второстепенных массовых периодических изданиях 1860–1870-х годов, но их имена не сохранились в истории «большой» русской литературы. Дополнения к словарю «Русские писатели» помогут расширению ее границ.

Ключевые слова: Словарь «Русские писатели. 1800–1917», история русской литературы, биография, социология культуры, «малая пресса».

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Из дополнений к словарю «Русские писатели». Два автора «малой прессы» // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 380–396. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-380-396

Близок (хотелось бы надеяться) выход заключительного седьмого тома словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 1–6; М., 1989–2019)

[8], задуманного в 1980-х годах в качестве протеста против бюрократического советского литературоведения, для которого была характерна предельно идеологизированная интерпретация литературных произведений. Причем круг этих произведений был очень узок, историки литературы принимали в расчет почти исключительно классиков, строили историю литературы, как об этом еще в 1920-х писал Ю. Тынянов в статье «О литературной эволюции», по «генералам». Выразить иное понимание литературы можно было тогда только в маргинальных сферах: биографических справочниках и библиографических указателях.

Эту задачу решал тогда упомянутый словарь, содержащий в вышедших томах статьи примерно о трех тысячах русских литераторов. В многочисленных откликах на него подчеркивалось важное значение словаря для литературоведческой науки и, шире, для отечественной культуры[1]. Если биографическая и библиографическая информация по писателям, включенным в корпус классиков, имелась в распоряжении исследователей, то по многим авторам второго и третьего ряда, сыгравшим, тем не менее, заметную роль в истории литературы, сведения либо отсутствовали, либо содержались в труднодоступных, а зачастую и устаревших источниках. Появление словаря изменило ситуацию. Справедливо отмечалось, что «это, бесспорно, большое культурное событие» [9, с. 274], «словарь <…> блещет работами, исполненными на уровне отменной филологической культуры, когда научная точность соединяется с литературным блеском»[2]. Одно из многочисленных достоинств этого издания (наряду с опорой на архивы, в том числе провинциальные; участием большого числа высококвалифицированных авторов; обязательным рецензированием статей другими специалистами), возможно, самое важное — резкое расширение охвата литературного поля, как в жанровом отношении (не только прозаики, поэты и драматурги, но и публицисты, авторы церковных проповедей, газетные фельетонисты, лубочные литераторы), так и в «глубину», с освещением биографий литераторов (как делила их редакция) третьего, четвертого и пятого ряда. Чуть

[1] См., например: Русская литература. 1990. № 1. С. 249–255 (П.Е. Бухаркин); Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 292–298 (Б.В. Дубин); Revue des études slaves. Paris, 1990. T. 62, fasc 1/2. P. 525–528 (E. Etkind, J. Bonamour); Волга. 1999. № 9. С. 159–160 (С. Боровиков); Новая русская книга. 2000. № 1. С. 6–10 (Р.Д. Тименчик, М.Н. Золотоносов, А.И. Рейтблат); Новый мир. 1999. № 10. С. 229–230 (П.В. Басинский); Знамя. 2008. № 5. С. 217–220 (В.В. Радзишевский); Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 346–352 (А.М. Турков); Русская литература. 2009. № 1. С. 274–277 (С.А. Фомичев) и др.

[2] *Архипов Ю.* От золотого века к серебряному // Литературная газета. 1993. № 33. 18 авг.

ли не половина лиц, представленных в словаре, впервые получила биографию, то есть письменных отчет об их жизни. Все это создало гораздо более объемный и более сложный образ истории русской литературы по сравнению с академическими историями, не говоря уже о вузовских учебниках. Сосредоточение биографических и библиографических сведений о большом числе писателей, подготовленных на высоком научном уровне и объединенных унифицированными составительскими и редакторскими принципами, — крупное достижение, создающее предпосылки для более верного понимания процессов развития русской литературы.

П.Е. Бухаркин отмечал, что «объем словаря велик не только благодаря распространению, так сказать, по горизонтали, движению во времени. Весьма значителен и его вертикальный срез, показывающий разные уровни культуры конца XVIII — начала XX века. Тут дворяне, купцы, мещане; одни жили в самом начале XIX века, другие умерли уже во второй половине нашего столетия. И всех их включает в себя словарь, сохраняя тем самым память о многих незаметных тружениках пера, донося до нас полноту жизни русской культуры» [1, с. 250]. Осмысляя эту черту словаря в методологическом ключе, Б.В. Дубин резюмировал: «Резко сокращая масштаб литературной карты, создатели Словаря столь же внушительно увеличивают объем литературной памяти. Тем самым представление об окончательном суде “Истории” и однозначном итоге литературного (как и исторического) процесса упраздняется. На место необсуждаемой “Вечности”, негласно отменяющей историческое время — время разнообразия и выбора, — приходит реальная работа истории, сложность, связь, противоборство, конфликт» [4, с. 293].

Однако корпус включенных в словарь писателей далек от полноты. Те, кто попали в него, — только вершина айсберга, думаю, что число разного рода дореволюционных отечественных литераторов составляет более десятка тысяч. Причем представлены в словаре разные литературные слои с разной степенью полноты. Если, скажем, авторы толстых журналов отражены довольно полно, то сотрудники газет — лишь очень выборочно. Например, из авторов низовой петербургской прессы в словаре можно найти статьи о Н.И. Волокитине, Н.А. Добронравове, А.Т. Иванове, А.П. Крутикове, Д.П. Ломачевском, Г.М. Максимове, Ф.Ф. Парвове, А.А. Соколове, Н.И. Чернявском и др., но нет статей о Т. Барановской, А.П. Высоте, В.А. Долинском, А.П. Катенкамп,

М.Н. Колосове, Д.Г. Монтвиде, Н.А. Скроботове, В.И. Топоркове и еще многих, примерно равных по значимости.

Ниже помещены биографии не попавших в словарь «Русские писатели. 1800–1917» двух низовых литераторов, печатавшихся зачастую в одних и тех же изданиях, но существенно разнящихся как по сословному положению и социальному статусу, так и по характеру творчества. Оформление биографий приближено по типу к статьям словаря, но в журнальной публикации тексты даны без сокращений слов и с изменением оформления ссылок и пристатейной литературы.

Николай Иванович Глушицкий

ГЛУШИЦКИЙ Николай Иванович [14(26) ноября 1836[3], Ярославль — 9(21) августа 1882, Петербург[4]; похоронен на Волковском кладбище] — прозаик, журналист. Сын титулярного советника Ивана Александровича Глушицкого (1790– ?), происходившего из духовного сословия, служившего в Ярославской консистории и выслужившего только личное дворянство (поэтому сословное положение сына определялось формулой «из обер-офицерских детей»); мать — Анисья Алексеевна Глушицкая. Младший брат Андрея Ивановича Глушицкого (1821–1875), соученика Н.А. Некрасова по Ярославской гимназии и Петербургскому университету, после окончания университета в 1844 — преподавателя математики и физики в гимназиях ряда губерний, в конце службы директора народных училищ Могилевской губернии (1862–1869).

Окончил Виленскую губернскую гимназию (1849–1854), где за успешную учебу был награжден серебряной медалью. С 1854 учился на математическом факультете Петербургского университета, но в 1856 «за неуспехи» отчислен (в 1860 получил в университете разрешение посещать лекции в качестве вольнослушателя). В 1857 поступил на службу в канцелярию 1-го департамента Сената канцелярским служителем (то есть писцом).

С 1862 находился под секретным полицейским надзором, поскольку ученик Академии художеств Михаил Карамышев, за революционную пропаганду среди солдат приговоренный к ссылке, заявил, что к делу причастен и Глушицкий. Однако Высочайше учрежденная следственная комиссия об ученике Императорской

[3] РГИА. Ф. 1341. Оп. 248. Д. 163.

[4] ИРЛИ. Ф. 155. Протоколы Литературного фонда. 1882. Приложение. Ч. 1. Л. 169.

Академии художеств М. Карамышеве (действовавшая в мае–августе 1862) установила, что Глушицкий и еще несколько человек были оговорены Карамышевым[5].

В июле 1867 ушел со службы, получив по увольнении чин сенатского регистратора[6].

Печататься начал в 1859, поместив рассказ **«Торная дорога»** в журнале «Семейный круг» (1859. Кн. 7). Уже в этой публикации проявились основные черты писательской манеры Глушицкого: повествование от первого лица, описание своего окружения, социальная критика (в данном случае — чиновника, карьериста и взяточника).

В дальнейшем публиковался преимущественно в низовых газетах: с 1865 в «Петербургском листке» (рассказы, а также репортажные заметки, например, о грязи на одной из петербургских улиц (**Утопающие и вязнущие** // Петербургский листок. 1866. № 131) или о воровке (**Ловкая мошенница** // Петербургский листок. 1868. № 134)), с 1868 в «Петербургской газете» (рассказы и репортажи). Гонорары были низкими и нерегулярными, редакторы не всегда платили их или недоплачивали (так, в 1870 Глушицкий судился с издателем «Петербургского листка» И.А. Арсеньевым, который не хотел платить обещанный гонорар, и выиграл дело[7]). К тому же Глушицкий часто болел (чахотка, язва, паралич ноги) и во время болезни не мог писать. Поэтому, уйдя из Сената, он очень нуждался и летом 1867 сделал попытку вновь поступить на службу, подав соответствующее прошение директору народных училищ Могилевской губернии (то есть своему брату). Однако попытка не удалась (возможно, не дало разрешения Министерство народного просвещения). В результате, бедствуя, он часто обращался с просьбами о помощи в Литературный фонд и получал деньги в 1868–1871, 1877 и 1878.

4 ноября 1870, находясь в больнице, Глушицкий писал Н.А. Некрасову: «Крайняя бедность, неимение постоянных занятий, которые мало-мальски могли бы покрывать мои насущные нужды, а главное — почти непрерывная болезнь, заставившая меня всю зиму 1869 и 1870 гг., весну 1870 г. и настоящую осень находиться на пользовании во Временной загородной больнице и лишившая меня всякой возможности трудиться, принуждают меня снова обратиться с покорнейшею просьбою в Общество для пособия нуждающимся

[5] [3, т. 1, ч. 2, с. 84]; Глушицкий Николай Иванович // Википедия (https://ru.wikipedia.org/wiki/).

[6] Благодарю Екатерину Игоревну Вожик за справку по архивным материалам РГИА.

[7] См.: Заседание Санктпетербургского мирового съезда // Голос. 1870. № 68. 9 марта.

литераторам и ученым об оказании мне посильной помощи»[8]. Некрасов, входивший в правление Литературного фонда, посетил его в больнице и выдал 25 рублей. Выйдя из больницы, Глушицкий вновь попросил Литературный фонд помочь ему. В этот раз его посетил М.Е. Салтыков, который в отчете о визите 14 марта 1871 писал: «Посетив г. Глушицкого, я нашел его в самом крайнем положении. Живет на хлебах в бедном семействе, имеющем одну комнату, в которой помещается, кроме детей хозяйских, порядочное количество собак на прокормлении. Г. Глушицкий одет в рубище; за квартиру и за харчи задолжал. Подание ему помощи я считаю необходимостью»[9]. Комитет Литфонда постановил: «Отклонив ходатайство просителя, так как по своим литературным трудам он не имеет права на частую помощь со стороны Общества, выдать ему 25 рублей, собранные по частной подписке между членами Комитета»[10]. Любопытно, что жизнь на этой квартире дала Глушицкому материал очерка **«Среди диких»**, который был опубликован в издаваемых Некрасовым «Отечественных записках» (1871. № 7), возможно, и написан он был по предложению Некрасова или Салтыкова-Щедрина. 8 мая 1872 Глушицкий писал Салтыкову: «Примите на себя труд доложить Литературному фонду о нижеследующем моем положении. В настоящее время, по выходе из больницы, в течение двух недель я не имею приюта: день сижу в разных трущобах, разумеется, голодом, а ночь бесцельно брожу по городу. При этой обстановке я, понятное дело, ничего не могу писать; из-за плохого костюма не пускают меня даже в Публичную библиотеку, где я мог бы настрочить заметку. Ввиду совершенной бесприютности и голода, смею надеяться, что Фонд не откажет мне в посильном пособии. К Вам же обращаюсь с просьбою: не откажите в нескольких копейках на хлеб и приют»[11]. Салтыков переслал письмо в Литературный фонд с некоторой суммой своих денег, надписав на письме: «Примите сие невольное приношение; Глушицкий пришел ко мне в рубашке и подштанниках. Посещать его нет надобности, ибо он квартиры не имеет»[12].

В октябре 1872 за бродяжничество Глушицкий был отправлен по этапу в Ярославль. В очередном прошении в Литературный фонд в 1874 он писал: «По привлечении меня в 1872 г. к делу Н.Г. Черны-

[8] Цит. по: [2, с. 303].

[9] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худож. литература, 1976. Т. 18. Кн. 2. С. 70.

[10] Там же. С. 71.

[11] Там же. С. 106.

[12] Там же. В пособии в 1872 ему отказали (ИРЛИ. Ф. 155. Протоколы Литературного фонда. 1873. Приложение. Л. 130–131).

шевского и М.Л. Михайлова, а также по обвинению меня в мнимом участии в беспорядках студентов С. Петербургского университета я подвергся уголовному преследованию со стороны административной власти и отдан под надзор полиции, который для меня окончился лишь в 1874 г., когда издан был Высочайший манифест по случаю бракосочетания дочери Императора с герцогом Эдинбургским»[13].

С помощью Литературного фонда Глушицкий вернулся в Петербург, где несколько месяцев лежал в больнице. Потом он сдал экзамен при С.-Петербургском университете и получил право на преподавание.

В начале 1875 Глушицкий был задержан полицией из-за отсутствия вида (то есть паспорта) и отправлен в Петербургский комитет для разбора и призрения нищих. В 1875–1876 работал репортером «Петербургской газеты», в 1877–1878 печатал в «Петербургском листке» и «Петербургской газете» заметки о происшествиях и о рассмотрении дел в мировых судах. С февраля по июль 1878 был гувернером и преподавателем географии и языка в ремесленном училище при Комитете для разбора и призрения нищих.

В 1881, вновь обращаясь в Литературный фонд, Глушицкий писал: «…в конце <…> августа болезнь снова свалила меня, и я ныне едва двигаюсь на опухших с раскрывшеюся раною ногах и потому неспособен ни к какой работе, сделавшись бременем и для себя, и для других. Я продал свое последнее платье и вообще продал и заложил все, что только можно продать и заложить, оставшись в таком рубище, в котором непозволительно показаться на улице, не имея, к тому, ни малейших средств на дневное пропитание»[14], однако Комитет Литературного фонда постановил «по недостаточности прав отказать»[15].

Творчество Глушицкого характеризуется публицистичностью. В те годы было популярно обличительство, предполагавшее критику злоупотреблений, устаревших социальных порядков и т. д. Глушицкий испытал сильное его влияние, он называл себя «репортером, посвятившим свое свободное время уженью разной рыбы в обширном море “житейских курьезов”, в большинстве случаев приходится вытаскивать такую отвратительную и зловонную рыбу, что нужно, в то же время, быть очень хорошим поваром, способным приготовлять такой пряный и прилично благоухающий соус, под которым можно было бы хотя наполовину скрыть неприглядность вытащенной

[13] Там же. 1874. Приложение. Л. 64.
[14] Там же. 1881. Приложение. Ч. 2. Л. 178.
[15] Там же. Л. 126 об.

из помянутого моря какой-нибудь зубастой щуки, чтобы публика с омерзением не отвернулась от приготовленного репортером блюда» (**Неудачный дебют** // Северная пчела. 1879. № 147).

Наибольший интерес представляют очерки и рассказы Глушицкого, основанные на наблюдениях «дна» — нищих, чиновников, уволенных со службы, бывших дворовых крестьян, после крестьянской реформы оставшихся без места, женщин, брошенных любовниками, и т. д. (**Пустой случай** // Петербургский листок. 1865. № 163, 164; **Неприглядное житье** (Эпизод из трущобной жизни) // Петербургский листок. 1868. № 151, 152; **Девочка, нуждавшаяся только в копейке** // Петербургский листок. 1881. № 12–14; **Горемычное житье** // Луч. 1881. № 43, 44; **На светлый праздник** // Луч. 1881. № 28, 29). Глушицкий, который сам временами вел нищенский образ жизни, глубоко сострадает им. Описывая их грубость, «сцены буйства, непроходимого пьянства и дикой разнузданности, отталкивающих и оскорбляющих чувство человека», он считает их «все же еще людьми, о которых следует сожалеть и глубоко скорбеть» (Среди диких. С. 191, 192), более того, он приходит к выводу, что «эти грубые, обтрепанные, забубенные люди, на первый взгляд всякого неопытного и не жившего с ними человека, черствые сердцем и алчною душою, были <…>, по большей части, сами того не зная и не подозревая, истинными христианами и добрыми, жалостивыми товарищами в нужде» (**Последнее прости** (очерк из трущобной жизни) // Петербургская газета. 1868. № 123–125, 129). Проводя много времени в больницах, он рисует больничный быт и больничные нравы (**Прибежище в скорбях** // Петербургская газета. 1868. № 163; **На последнем этапе** // Новости. 1873. № 282, 283; **«Человек предполагает»** // Луч. 1882. № 1, 2).

Другая важная струя его творчества, тесно связанная с первой — сатирическое бытописание, характеристика тех, кто доводит людей до нищенства, живет за их счет. Глушицкий едко бичует мошенников, жуликов, обманом выманивающих деньги у простаков (**На ловца и зверь бежит** // Петербургская газета. 1868. № 96, 97, 99; **Первый шаг** (Очерк из жизни темного промышленника) // Сын Отечества. Воскресное приложение. 1870. № 14–16; **Счастливые супруги** // Петербургский листок. 1879. № 154). В рассказе **«Развязный малый»** (Новости. 1875. № 60, 62, 66) он с озлоблением восклицает: «Эти люди живут на чужой счет; это паразиты, которые сосут кровь и деньги из своего доверчивого и простодушного ближнего, который имеет несчастие столкнуться на жизненном пути с этими прощелыгами» (№ 66). Писал он также про молодых аристократов, обирающих

сестер (**В кругу родных** // Петербургская газета. 1870. № 113–126) или обольщающих молодых девушек, стоящих ниже на социальной лестнице, а потом бросающих их ради богатой невесты (**Не рой другому ямы** // Петербургский листок. 1881. № 96–100), про бюрократов в высоких чинах, глухих к нуждам бедняков (**Нужно навести справку** // Петербургский листок. 1878. № 184), про карьеристов, бросающих ради повышения по службе возлюбленную и женящихся на любовнице начальника (**Житейская сделка** // Сияние. 1872. № 34, 35). Обширный цикл сатирических и юмористических очерков **«Житейские сцены»** был помещен в журнале «Луч» (1880. № 19, 20; 1881. № 1–6, 8, 9, 8, 13, 14, 52; 1882. № 34, 38, 40)

Есть у Глушицкого и мелодраматические повести (с автобиографическими мотивами) о расставании молодого человека с возлюбленной, которую выдают замуж за состоятельного, но нелюбимого человека, что приводит в итоге к ее смерти (**Незатейливая сказка** (Из воспоминаний старого холостяка) // Петербургская газета. 1869. № 81–83, 86–90; **На роду не написано** // Новости. 1873. № 261–269). Повесть, опубликованная посмертно (**Болезнь выдала** // Романы оригинальные и переводные. 1885. № 3), строится вокруг уголовного преступления и тоже содержит автобиографические мотивы. Речь в ней идет об отставном титулярном советнике, живущем в одной из северо-западных губерний (по-видимому, подразумевается Вильно), у которого есть незаконнорожденный сын, избравший «кабацко-трактирно-амурное поприще». Сын подстраивает убийство отца и впоследствии, когда спивается, в бреду проговаривается об убийстве и после суда отправляется на каторгу.

Особое место среди публикаций Глушицкого занимает статья о юности и молодости Н.А. Некрасова, написанная на основе воспоминаний старшего брата (**По поводу биографии Н.А. Некрасова, помещенной в «Отечественных записках»** // Петербургский листок. 1878. № 107), содержащая ценную фактическую информацию об этом периоде жизни поэта.

Редактор журнала «Луч» С.С. Окрейц в некрологе писал, что Глушицкий был «талантливый писатель и замечательно честный при своих литературных расчетах человек»[16], а в письме о нем в Литературный фонд характеризовал его повести и рассказы как «обнаруживавшие замечательные дарования и знание действительной жизни, при наблюдательности и легкости слога»[17].

[16] Луч. 1882. № 33. С. 600.

[17] ИРЛИ. Ф. 155. Протоколы Литературного фонда. 1882. Приложение. Ч. 2. Л. 174.

Литература: *Скроботов Н.А.* Петербургский листок за тридцать пять лет. СПб., 1914. С. 18, 41; Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. Т. 1. Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М., 1928. С. 84; *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Некрасова. М.; Л, 1947. Т. 1. С. 157–158; Литературное наследство. М., 1949. Т. 53/54 (по указ.); *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 132; Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома. М.; Л., 1961. Т. 9. С. 75, 117, 136, 173; *Вильчинский В.П.* Из неопубликованных писем к Некрасову // Некрасовский сборник. Л., 1973. Вып. 5. С. 303–304; *Алексеев И.А.* М.Е. Салтыков как деятель Литературного фонда // Русская литература. 1976. № 1. С. 163; *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. литература, 1976. Т. 18, кн. 2. С. 70, 91, 106; *Мельгунов Б.В.* Всему начало здесь. Ярославль, 1997 (по указ.); *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 13, кн. 2. С. 438–439; 2000. Т. 15, кн. 2. С. 10, 161; Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 1821–1877. СПб.: Наука, 2009. Т. 3. С. 207, 209, 220, 225, 236, 317, 318, 631. **Некрологи**: Луч. 1882. № 33. С. 600; Петербургский листок. 1882. № 185. 14 авг. (в рубрике «Скорбный лист»).

Архивы: РГИА. Ф. 1341. Оп. 248. Д. 163 (об определении на службу в Сенат; справка Е.И. Вожик); ОР РНБ. Ф. 118. № 77. Л. 14 (библиографические сведения в записной книжке П.В. Быкова); Ф. 438. № 18. Л. 101 (письмо В.Ф. Коршу с просьбой о пособии от Литературного фонда); ИРЛИ. Ф. 155. Приложения к протоколам Комитета Литературного фонда. 1870. Л. 320 об., 324 об.; 1873 Л. 130–131, 272; 1874. Л. 32, 641, 807; 1875. Л. 320–321; 1878. Л. 721, 729; 1879. Л. 36, 749–750, 1234–1235; 1880.Ч. 1; Л. 283–284; 1881. Ч. 2, Л. 178; 1882. Ч. 2. Л. 169, 174, 219.

Ростислав Дмитриевич Ступишин

СТУПИШИН Ростислав Дмитриевич [11(23).8.1834[18], с. Фадеевка Спасского уезда Казанской губернии — январь 1885, Москва, умер в поезде, следующем из Казани в Москву] — прозаик, драматург. Из столбового дворянского рода, восходящего к концу XV в. Сын помещика Спасского уезда Казанской губернии Дмитрия Николаевича Ступишина (1783 — не ранее 1837), поручика в отставке с 1815, имевшего медаль за взятие Парижа, и его жены Варвары Степановны Ступишиной. В Алатыре, где он жил, Д.Н. Ступишин был уважаем, служил земским исправником, потом уездным судьей, а в 1826–1832 предводителем дворянства Алатырского уезда. У него было немногим более 100 человек крепостных, а семья была немалая — три сына и две дочери. На учебу сыновей в университете денег, видимо, не было, поэтому, окончив в 1852 1-ю Казанскую гимназию, Р.Д. Ступишин служил в удельной конторе г. Алатырь (1853–1854; писец I разряда), затем в Томской и Енисейской казенных палатах, но вскоре, выйдя в отставку в чине коллежского регистратора, перешел на службу в частные учреждения и некоторое время работал на двух железных дорогах.

[18] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7580. Благодарю Л.М. Сеселкину за справку.

Имея невысокий чин, Ступишин получал небольшое жалование. Побудительным мотивом к занятиям литературой стала для него, судя по всему, надежда иметь неплохую прибавку к служебному заработку. По крайней мере в своем романе **«Сила воли»** (Сын Отечества. Воскресное приложение. 1863. № 4, 5; далее — СО) он со знанием дела описывал мелкого чиновника, стремящегося стать литератором, чтобы получать большие деньги.

Однако литературные доходы были невелики, в 1864 Ступишин открыл библиотеку для чтения в Петербурге на Итальянской улице, но и тут успеха не достиг: в 1869 в прошении о пособии он писал в Литературный фонд, что из-за «ничтожного количества подписчиков вынужден был закрыть библиотеку и книги распродать за бесценок»[19]. Получив в этом году пособие, в ноябре 1872 Ступишин вновь обратился в Литературный фонд с просьбой о финансовой помощи. Посетивший его по поручению Литературного фонда Н.А. Некрасов сообщал: «Я два раза не застал Ступишина и послал деньги с конторщиком. Рано утром его застали бодрствующим, но трезвым. Положение его бедственное. С квартиры его с семьею гнали; выданные Обществом 25 р. дали ему возможность найти другую квартиру, куда он и перебрался. Опять у него ничего нет, и он опять уже писал ко мне, прося работы, но таковой я ему доставить не мог. Я думаю, что сей человек пойдет воровать или лишит себя жизни»[20].

В конце 1870-х Ступишин устроился контролером по надзору за табачными фабриками в Киевской губернии (в 1879–1880 он выпускал там свои книги), но из-за плохого состояния здоровья ушел со службы и с августа 1884 жил в Москве.

Ступишин начал печататься в 1863[21], главным образом в воскресном приложении к дешевой газете «Сын Отечества», рассчитанной на малообразованные слои городских низов и провинции, приобщенные, тем не менее, к печатной культуре. В его повестях и рассказах речь шла преимущественно о лицах из помещичьей среды, причем особое внимание он уделял женщинам, описывая их горькие судьбы. Об этом наглядно свидетельствуют названия его повестей и рассказов: **«Белица»** (СО. 1863, № 1–2), **«Катя»** (СО. 1868. № 39), **«Падчерица»** (СО. 1867. № 42), **«Маша»** (СО, 1873, № 1–2). В цен-

[19] ОР РНБ. Ф. 438. № 18. Л. 151.

[20] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 13, кн. 2. С. 288, 628.

[21] В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова (4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960) не учтены следующие псевдонимы Ступишина: Р., Р–в Сту–н.

тре произведения у него часто любовный роман, в котором человек высокого социального положения соблазняет бедную девушку: **«Мечтатели и практики»** (СО. 1868. № 11–15), **«Пылкая любовь»** (СО. 1868. № 34–37), **«Разбитое счастье»** (Северная пчела. 1869. № 1, 2. Подп.: Р.), **«Приказчик»** (СО. 1874. № 35). Все заканчивается, как правило, смертью или сумасшествием героини (редкий случай счастливого конца — повесть «Белица»). Описывается все это в мелодраматическом ключе: сильные страсти, чрезмерные страдания; люди у него в значительной степени зависят не от собственного поведения, а от случая, за которым стоит судьба, рок.

В более крупных произведениях Ступишин пытается описать социальный контекст событий и демонстрирует свои убеждения. Особенно характерен в этом плане роман **«Дети времени»** (Северная пчела. 1869. № 3–8). Отношение Ступишина к реформам и переменам в современной жизни амбивалентно. С одной стороны, например, он сочувствует стремлению женщин к эмансипации (героиня этого романа лечит в деревне крестьян; героиня повести **«Звездочка»** (СО. 1876. № 23–25) уходит от мужа-тирана и открывает пансион для девушек), но, с другой, скептически относится если не к самим реформам, то к тем обещаниям и надеждам, которыми они сопровождались. Персонажи романа — «дети времени», их увлечения не тверды в основаниях, а некоторые ложны, например, идея гражданского брака. В романе «Сила воли» обсуждается проблема супружеского долга и долга по отношению к детям.

В повести **«Куделихин пустырь»** (СО. 1868. № 24) Ступишин, наследуя «Черной женщине» Н.И. Греча, предвосхитил жанр русского уголовного романа, получившего распространение с 1870-х годов[22]. Здесь есть насильник, который попадает в тюрьму, а потом с маниакальной идеей отомстить возвращается в тот же город, гримируется, втирается в доверие и мстит, что приводит к гибели положительных персонажей. В схожем ключе написаны рассказы **«Две жертвы»** (СО. 1875. № 27) и **«Чиновник и его жена»** (Новости. 1873. № 219).

Писал Ступишин и юмористические произведения, например, «комедию в 3-х картинах» **«Брак по расчету»** (Северная пчела. 1870. № 21–23), в которой мошенника обманывает еще больший мошенник, и рассказ **«Наверное, получите место»** (Новости. 1873. № 185) о жуликах, обманывающих помещика, желающего поступить на службу.

[22] Об уголовном романе в русской литературе XIX в. см: [5; 6; 7].

Анонимный автор некролога в «Иллюстрированной всеобщей газете» (1885. № 5) писал, что «произведения Ступишина не делали в литературе особого шума, но читались охотно».

Время от времени Ступишин выступал в роли публициста. Так, в статье **«Ссуды под хлеб»** (Биржевые ведомости. 1864. № 67) он критиковал предложение открыть ссудные кассы под залог хлеба, а во время службы в Киеве посылал корреспонденции в «Московские ведомости» о беспорядках на железных дорогах[23]. В статье **«Важное предостережение в отношении приема в залог билетов С.-Петербургской ссудной кассы»** (Петербургский листок. 1866. № 157) Ступишин писал о мошенниках, использующих ссудную казну, принимающую вещи в залог по завышенной цене. Эта публикация принесла ему неприятности. Он представил билеты ссудной казны на несколько десятков тысяч рублей (по-видимому, он брал эти билеты в залог по пониженной цене), но осуществленная независимыми экспертами проверка не подтвердила обвинения[24]. В результате ссудная казна обратилась к прокурору, обвиняя Ступишина «в оглашении в печати таких обстоятельств, которые могут вредить чести, достоинству и доброму имени» оценщиков казны. Однако в суде Ступишин был оправдан[25].

Чисто коммерческий характер носили книги **«Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык»** (Киев, 1879) и «сказка для детей» в стихах «**Конек-Горбунок. Подражание сказке Ершова»** (Киев, 1880). В сказке в основном сохранен ершовский сюжет, но введен образ сказочника, перекомпонованы отдельные фрагменты и изменены имена. При этом сказка приспособлена к детскому чтению, в частности ослаблен социальный момент. Она, видимо, имела некоторый успех, по крайней мере, была взята за основу очередной переделки (Сказка о Коньке-Горбунке и его господине Иване-Простоте. М., 1889)[26].

Однако у Ступишина были, по-видимому, и литературные амбиции. Он выпустил стихотворные трагедию в 5 действиях «**Марфа**

[23] Об этом говорится в некрологе в «Иллюстрированной всеобщей газете».

[24] См.: *Ступишин Р.* Ответ ссудной казне // Петербургский листок. 1866. № 176. 6 дек.; Копия с протокола С.-Петербургской ссудной кассы, 17 декабря 1868 г., о публичной переоценке 160 закладов по ломбардным билетам, коих нумерация представлена г. Ступишиным в запечатанном его печатью пакете // Приложение к № 188 «Петербургского листка» за 30 декабря 1866 г.

[25] См.: Судебные заседания в С.-Петербургской судебной палате 17 октября // Судебный вестник. 1869. № 227.

[26] Вышедшая у лубочного издателя А.Д. Ступина переделка в дальнейшем переиздавалась еще четыре раза.

Посадница, или Покорение Новгорода» (СПб., 1869)[27] и драму в 6 картинах «**Избрание на царство Михаила Федоровича Романова**» (СПб., 1870). В то время стихотворные пьесы подобного жанра были очень популярны, в частности, А.Н. Островский опубликовал «драматическую хронику» «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1862), а А.К. Толстой — драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного» (1865), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870), а в 1870 вышла пьеса В.П. Аскоченского на ту же тему, что и у Ступишина — «Марфа Посадница, или Падение Новгорода». Однако чисто эпигонские пьесы Ступишина успеха не имели. На сцену они не попали, да и откликов в прессе почти не было. Лишь Д.Д. Минаев в фельетонном обозрении «Сезон: (Из дневника петербуржца)» писал о трагедии «Марфа Посадница»: «Марфа говорит совершенно современным языком и в 1478 году выражается о себе так: "*я дочь свободы!*" — но зато самая трагедия написана такими варварскими стихами, которые могли удивить и в пятнадцатом веке» (Дело. 1869. № 12. Паг. 4. С. 36).

Издания: Марфа Посадница, или Покорение Новгорода // Погодин М.П. Марфа, посадница Новгородская. М.: Наука, 2015. С. 211–216. (Лит. памятники).

Литература: Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1868. Ч. 3. Прил. 2-я паг. С. 29; *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 5. С. 136–137; Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 31 А. С. 855; Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский–Суворина». С. 602; *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 13, кн. 2. С. 288, 628; *Изотова Г.Н.* Русская литературная стихотворная сказка конца XIX — начала XX веков: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Орел, 2006. С. 13, 14, 16; *Корепова К.Е.* Русская лубочная сказка. М., 2012. С. 321–322, 324–325, 331, 455; *Фризман Л.Г.* Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М.П. Марфа, посадница Новгородская. С. 324–325; *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Кто есть кто в русской лексикографии. СПб., 2016. С. 536, 556; *Марянин Н.* Конек Ростислава Ступишина // Симбирск. 2022. № 2. С. 12–15; **Некрологи:** Иллюстрированная всеобщая газета. 1885. № 5 (без подписи); Библиограф. 1886. № 12 (П.В. Быков).

Архивы: РНБ. Ф. 438. № 7. Л. 44, 62; № 18. Л. 151–152, 194; ИРЛИ. Ф. 155. Приложения к протоколам Комитета Литературного фонда. 1873. Л. 206, 225; 1874. Л. 397 об., 402; 1874. Л. 672–673, 831, 855; РГИА. Ф. 343. Оп. 29. Д. 7580. Л. 28 (метрическая запись о рождении Ступишина); Ф. 515. Оп. 73. Д. 470. Л. 114 об.–115 (формулярный список Ступишина 1853 г.). Д. 472. Л. 164–165 (формулярный список Ступишина 1854 г.) [справка по РГИА Л.М. Сеселкиной].

[27] По словам Л.Г. Фризмана, «отдавая должное высоким духовным качествам Марфы и даже восхищаясь ею, драматург признает, что правота на стороне Иоанна и уничтожение им новгородских вольностей отвечало интересам России» (цит. по: *Погодин М.П.* Марфа, посадница Новгородская. М., 2015. С. 325).

Литература

1. *Бухаркин П.Е.* Первый том нового словаря русских писателей // Русская литература. 1990. № 1. С. 249–255.

2. *Вильчинский В.П.* Из неопубликованных писем к Некрасову // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1973. Вып. 5. С. 300–324.

3. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927–1934. Т. 1–5.

4. *Дубин Б.* Литература в зеркале биографического словаря (заметки социолога) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 292–298.

5. *Оверина К.* «Драма на охоте» А.П. Чехова в контексте русского уголовного романа // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2013. Вып. 24. С. 71–79.

6. *Рейтблат А.И.* Детективная литература и русский читатель (вторая половина XIX – начало XX века) // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. С. 294–306, 394–396.

7. *Рейтблат А.И.* Уголовный роман: между преступлением и наказанием // Уголовный роман / сост., вступ. ст. А.И. Рейтблата. М.: ИРДАШ; Х.Г.С., 1992. С. 3–11.

8. Русские писатели. Биографический словарь. 1800–1917. М.: Большая Советская / Российская энциклопедия; ФИАНИТ; Нестор-История, 1989–2019. Т. 1–6.

9. *Фомичев С.А.* Пятый том Словаря русских писателей // Русская литература. 2009. № 1. С. 274–277.

Research Article

From Additions to the Dictionary *Russian Writers.* Two Authors of “Minor Press”

© 2025. Abram I. Reitblat
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: The final (seventh) volume of the biographical dictionary “Russian Writers. 1800–1917”, published since 1989, is expected to be released soon. The dictionary has become an important event for Russian humanities and culture. Both the depth and accuracy of the development of biographies of 19th century writers, with the wide involvement of new (including archival) materials, and the wide coverage of names included in the dictionary are unique. The dictionary contains more than 3,000 Russian writers, critics, and publicists, many scholarly biographies are presented for the first time. At the same time, a greater number of pre-revolutionary writers remained outside the dictionary. This publication presents articles about two such

writers — Nikolai Glushitsky and Rostislav Stupishin. Both were actively published in secondary mass periodicals of the 1860–1870s, but their names have not survived in the history of "great" Russian literature. Supplements to the dictionary "Russian Writers" will help to expand its boundaries.

Keywords: dictionary "Russian Writers. 1800–1917", history of Russian literature, biography, sociology of culture, minor periodical press.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4957-7401

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "From Additions to the Dictionary *Russian Writers*. Two Authors of 'Minor Press'." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 380–396. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-380-396

References

1. Bukharkin, P.E. "Pervyi tom novogo slovarya russkikh pisatelei" ["The First Volume of the New Dictionary of Russian Writers"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1990, pp. 249–255. (In Russ.)

2. Vilchinsky, V.P. "Iz neopublikovannykh pisem k Nekrasovu" ["From Unpublished Letters to Nekrasov"]. *Nekrasovskiy sbornik*, issue 5. Leningrad, Nauka Publ., pp. 300–324. (In Russ.)

3. *Deiateli revoliutsionnogo dvizheniia v Rossii. Bio-bibliograficheskii slovar'. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniia tsarizma* [*Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bio-Bibliographic Dictionary. From the Predecessors of the Decembrists to the Fall of Tsarism*], vol. 1–5. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Exiled Settlers Publ., 1927–1934. (In Russ.)

4. Dubin, B. "Literatura v zerkale biograficheskogo slovarya (zametki sotsiologa)" ["Literature in the Mirror of a Biographical Dictionary (Notes of a Sociologist)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 5, 1993, pp. № 5, pp. 292–298. (In Russ.)

5. Overina, K. "Drama na okhote" A.P. Chekhova v kontekste russkogo ugolovnogo romana ["'Drama on the Hunt' by A.P. Chekhov in the Context of the Russian Criminal Novel"]. *Russkaya filologiya: sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [*Russian Philology: Collection of Scientific Works by Young Philologists*], vol. 24. Tartu, 2013, pp. 71–79. (In Russ.)

6. Reitblat, A.I. "Detektivnaia literatura i russkiy chitatel' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)" ["Detective Literature and the Russian Reader (Second Half of the 19th – Early 20th Century)"]. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugiye raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, NLO Publ., 2009, pp. 294–306, 394–396. (In Russ.)

7. Reitblat, A.I. "Ugolovnyi roman: mezhdu prestupleniyem i nakazaniem" ["Criminal Novel: Between Crime and Punishment"]. *Ugolovnyi roman* [*Criminal Novel*], ed. A.I. Reitblat. Moscow, IRDASH, KH.G.S. Publ., 1992, pp. 3–11. (In Russ.)

8. *Russkie pisateli. Biograficheskii slovar'. 1800–1917* [*Russian Writers. Biographical Dictionary. 1800–1917*], vol. 1–6. Moscow, Bol'shaia Sovetskaia / Rossiiskaia entsiklopediia, FIANIT, Nestor-Istoria Publ., 1989–2019. (In Russ.)

9. Fomichev, S.A. “Piatyi tom Slovaria russkih pisatelei” [“The Fifth Volume of the Dictionary of Russian Writers”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2009, pp. 274–277. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025
Одобрена после рецензирования: 11.05.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 10.03.2025
Approved after reviewing: 11.05.2025
Date of publication: 25.06.2025

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2025 № 2 (36)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А. стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Л.И. Савич
Подписано в печать 01.07.2025
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н